

Народно **аселение**

ISSN 1561-7785

3 . 2025

июль – сентябрь

- ▼ **ДЕМОГРАФИЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**
- ▼ **ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ**
- ▼ **КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**
- ▼ **ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**
- ▼ **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2025. Том 28. № 3 (июль-сентябрь)

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3; EDN: YFYUNT

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32).

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства
«Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАР в «Перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёной степени
кандидата наук, учёной степени доктора наук»
(категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунцова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г. Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

Корректор:

Киндякова Н. С. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2025.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2025.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Заказ № 24186 Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 30.09.2025.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

IPopulation

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2025. Vol. 28. No. 3 (July-September)

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3; EDN: YFYHYT

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V. V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O. A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksambaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand. Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

Proof-reader:

Kindyakova N. S. (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2025.

© ISESP FCTAS RAS, 2025.

Postal address of the Editorial Board:

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24186. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 30.09.2025.

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2025. Том 28. № 3 (июль-сентябрь)

ДЕМОГРАФИЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Максимова И. В., Симагин Ю. А. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МАЛЫХ ГОРОДСКИХ ОКРУГАХ РОССИИ	4
Доброхлеб В. Г. К ОЦЕНКЕ РАЗЛИЧИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РЕГИОНАХ РОССИИ	17
Абрамова О. С. КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ	25
Русанова Н. Е. «СОЛО-МАМА»: СОВРЕМЕННЫЙ ТИП ОДИНОКОГО МАТЕРИНСТВА ИЛИ НОВАЯ ФОРМА СЕМЕЙНО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ?	36
Ростовская Т. К., Натсак О. Д. АЛИМЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НЕПОЛНЫЕ СЕМЬИ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ	48
Красинец Е. С. ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИНАМИКА И ПОСЛЕДСТВИЯ	61
Соколова А. А. РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА ВОЗВРАТНЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ	74

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Чернышева Н. В. МЕРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	86
Репинецкий А. И., Циденков Г. Г. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1921–1923 ГОДОВ.....	100
Молчанов И. Н., Отарова К. В. ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД...	113

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. НАСЕЛЕНИЕ О ВОЗМОЖНОСТЯХ И РИСКАХ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ	125
Токсанбаева М. С., Коленникова О. А., Попова Р. И. ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ	137
Макар С. В., Ярашева А. В. СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ	150
Камнева Е. В., Полевая М. В., Шуракова Н. Н. ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ К ИЗМЕНЕНИЮ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ	163
Ростовцев А. И. ВЛИЯНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	175
Леонидова Г. В., Баймурзина Г. Р., Кабашова Е. В. РЕПЕТИТОРСТВО КАК ВИД НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ	186
Борковская Е. И., Александрова О. А. ПЕРСПЕКТИВЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ В ЭКОНОМИКУ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ..	201

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Коленникова О. А., Токсанбаева М. С. ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА РАБОТЫ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ	212
Александрова О. А., Махрова О. Н. РОЛЬ СТОЛИЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	223
Галкин К. А. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ НЕРАВЕНСТВ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ	235

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСПН ФНИСЦ РАН

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ».....	249
--	-----

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2025. Vol. 28. No. 3. (July-September)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Irina V. Maksimova, Yury A. Simagin DEMOGRAPHIC SITUATION IN SMALL URBAN DISTRICTS OF RUSSIA	4
Valentina G. Dobrokhleb ON THE ISSUE OF ASSESSING THE DIFFERENCES IN THE HUMAN POTENTIAL OF MEN AND WOMEN IN THE REGIONS OF RUSSIA	17
Olga S. Abramova COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF DEMOGRAPHIC SITUATION: MUNICIPAL ASPECT OF SAMARA OBLAST	25
Nina E. Rusanova «SOLO MOTHER»: A MODERN TYPE OF SINGLE MOTHERHOOD OR A NEW FORM OF FAMILY-PARENT RELATIONS?	36
Tamara K. Rostovskaya, Organa D. Natsak ALIMONY RELATIONS AND SINGLE-PARENT FAMILIES IN RUSSIA: INSTITUTIONAL CHANGES....	48
Evgeny S. Krasinets EXTERNAL LABOR MIGRATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: DYNAMICS AND CONSEQUENCES	61
Anastasia A. Sokolova REGIONAL DIFFERENTIATION IN THE SEX AND AGE STRUCTURE OF COMMUTERS AND FIFO WORKERS IN RUSSIA	74

DEMOGRAPHIC HISTORY

Natalia V. Chernysheva MEASURES OF DEMOGRAPHIC POLICY IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945).....	86
Alexander I. Repinetsky, Grigory G. Tsidenkov DEMORGAPHIC SITUATION IN SAMARA PROVINCE DURING THE FAMINE OF 1921–1923	100
Igor N. Molchanov, Karina V. Otarova FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE POST-SOVIET PERIOD.....	113

QUALITY ALD LIVING CONDITIONS OF POPULATION

Irina I. Korchagina, Lidia M. Prokofieva THE POPULATION OPINION ABOUT EMPLOYMENT OPPORTUNITIES AND RISKS	125
Mairash S. Toksanbaeva, Olga A. Kolennikova, Raisa I. Popova LABOR POTENTIAL OF POPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS IN STATIC AND DYNAMIC CONTEXTS	137
Svetlana V. Makar, Aziza V. Yarasheva SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION: TERRITORIAL DIFFERENCES.....	150
Elena V. Kamneva, Marina V. Polevaya, Natalia N. Shurakova YOUNG PEOPLE'S ATTITUDE TO THE ADJUSTMENT IN RETIREMENT AGE IN RUSSIA.....	163
Andrey I. Rostovtsev IMPACT OF THE DIGITALIZATION INDICATORS ON THE QUALITY OF LIFE OF POPULATION: REGIONAL ASPECT	175
Galina V. Leonidova, Guzel R. Baimurzina, Elena V. Kabashova TUTORING AS A TYPE OF INFORMAL EMPLOYMENT ON DIGITAL PLATFORMS.....	186
Ekaterina I. Borkovskaya, Olga A. Aleksandrova PROSPECTS FOR INVOLVING MUSCOVITES IN THE SHARING ECONOMY	201

PROBLEMS OF THE HEALCARE SYSTEM

Olga A. Kolennikova, Mairash S. Toksanbaeva THE IMPORTANCE OF WORK EXPERIENCE FOR THE QUALIFICATION OF MEDICAL SPECIALISTS	212
Olga A. Aleksandrova, Olga N. Makhrova THE ROLE OF THE CAPITAL'S MEDICAL WORKERS IN SHAPING PATIENTS' SELF-PRESERVATION BEHAVIOR	223
Konstatin A. Galkin INDIVIDUAL PERCEPTIONS OF HEALTHCARE INEQUALITIES AMONG OLDER PEOPLE.....	235

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «SOCIAL DYNAMICS OF POPULATION AND HUMAN POTENTIAL»	249
---	-----

ДЕМОГРАФИЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-4-16
EDN: YXSHRN

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МАЛЫХ ГОРОДСКИХ ОКРУГАХ РОССИИ

Максимова И. В.^{1*}, Симагин Ю. А.²

¹Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС
(400066, Россия, Волгоград, ул. Гагарина, 8)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: maksimova-iv@ranepa.ru

Для цитирования:

Максимова И. В., Симагин Ю. А. Демографическая ситуация в малых городских округах России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 4-16. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-4-16; EDN: YXSHRN

Аннотация В статье приводятся результаты исследований по оценке демографической ситуации в малых городских округах России, её особенности в сравнении со среднероссийскими тенденциями, которые связаны в основном с более выраженной миграцией населения. Раскрывается актуальность вопроса, которая, главным образом, обусловлена возможным влиянием оттока населения из малых городских округов на рост асимметрии в социально-экономическом развитии территорий России. В статье приводятся доказательства влияния показателей социально-экономического развития на активность и характер миграционных процессов. На основе группировки малых городских округов авторами выявлены восемь типов демографической ситуации, где наиболее распространённым типом выступает убыль населения на фоне высоких значений миграционного оттока, средних или выше средних значений рождаемости по сравнению со среднероссийскими значениями. Прогноз численности населения в малых городских округах с наибольшим миграционным оттоком продемонстрировал, что в некоторых случаях часть из них уже к 2050 г. может стать «мёртвыми городами». Авторами сделаны основные выводы по результатам проведённого исследования. Так, например, в целях снижения миграционного оттока предложены меры государственного регулирования, включая разработку антикризисных программ и стратегий социально-экономического развития, программ льготного жилищного кредитования и развития здравоохранения.

Ключевые слова: демография, городские округа, малые города, миграция населения, рождаемость населения, смертность населения, государственное регулирование миграции населения.

Постановка проблемы

Малые города занимают основную долю в общей численности городов России. В них проживает около 1/3 населения. Высокая доля малых городов характерна для большинства стран мира, что хорошо описано в фундаментальных исследованиях [1]. В то же время в многочисленных источниках последних лет обращается внимание на демографические проблемы, специфичные для малых городов. Основной проблемой выступает снижение численности населения из-за миграционного оттока и естественной убыли населения [2; 3]. При этом ключевым фактором, как отмечают исследователи [4], выступает выезд молодых людей в детородном возрасте. В литературе встречаются и более оптимистические оценки развития и трансформации миграции в малых городах. Это, например, возвратная миграция молодых россиян в малые города [5] или явление миграции пожилых людей, имеющих значительные финансовые активы, которые они перевозят в места своего нового проживания [6]. Главной причиной переезда, учитывая, что в основном уезжает молодёжь, выступает стремление получить хорошее образование и построить карьеру в перспективных компаниях [7]. В то же время в литературе много исследований, посвящённых анализу миграции в ситуации кризиса экономики и высокой безработицы [8]. Тем более, что часть малых городов России относится к разряду моногородов, то есть имеет на территории только одно или несколько взаимосвязанных предприятий, где работает преобладающая часть жителей.

Зарубежный опыт демонстрирует, что проблемы малых городов могут успешно решаться, включая проблемы развития экономики, инфраструктуры и демографии. Это находит подтверждение, например, в исследованиях адаптации небольших городов бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы [9] или в исследованиях бывших шахтёрских поселков в США [10]. Для России стабилизацию оттока населения из малых городов можно считать од-

ной из первостепенных задач. С одной стороны, высокий рост численности населения в средних и крупных городах, а тем более в мегаполисах, из-за неуправляемой миграции приводит к росту нагрузки на транспортную, коммунальную и социальную инфраструктуру, требует увеличения бюджетных расходов. С другой, отток населения из малых городов провоцирует усиление асимметрии в социально-экономическом развитии страны, так как выступает сдерживающим фактором развития территорий. Цель данного исследования заключалась в оценке демографической ситуации в малых городах России в сравнении с общероссийскими тенденциями, выявлении специфики смертности, рождаемости, миграции и их влияния на изменение численности населения.

Методы исследования

Особенностью современной российской статистики является то, что основное количество данных, в том числе демографических, публикуется не по населённым пунктам (городам, сёлам, посёлкам и так далее), а по муниципальным образованиям верхнего порядка — городским округам, муниципальным округам и муниципальным районам. При этом в городской округ, как правило, входит один город, но иногда и с окружающими его сельскими населёнными пунктами. А в муниципальный округ или муниципальный район могут входить как только сельские населённые пункты, так и городские (город или посёлок городского типа — как правило, только один, являющийся административным центром муниципального образования, но может быть и несколько единиц сразу, и при этом административным центром может быть сельский населённый пункт).

Такая довольно сложная структура муниципального деления (и соответствующая ей система сбора официальной статистической информации по территориям) затрудняет выделение данных о малых городах (с населением до 50 тыс. человек) среди имеющегося массива статистиче-

ских сведений, в том числе в сфере демографии. База данных «Муниципальная Россия», сформированная и постоянно обновляющаяся в ИСЭПН ФНИСЦ РАН на основе данных Росстата¹, позволяет проанализировать демографическую ситуацию в малых городских округах страны (с населением до 50 тыс. жителей). Такие городские округа, как правило, включают в себя один малый город (иногда с окружающими сельскими населёнными пунктами), но также могут быть и посёлком городского типа (ПГТ) — особенно если это закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО), которые, в соответствии со своим статусом, являются городскими округами, так как «входят в подчинение» только органов власти субъектов РФ, а не муниципальных районов или муниципальных округов.

В итоге выборка исследования состояла из 229 малых городов городских округов России, в которых в 2023 г. проживало до 50 тыс. человек (все городские округа страны с такой численностью населения, в состав которых входит около 30% малых городов страны — остальные входят в состав муниципальных районов и округов, поэтому подробные статистические данные по ним не публикуются: обычно — только численность населения на начало года), и по которым имелась необходимая статистическая информация за период с 2010 по 2023 годы. Для анализа демографической ситуации использовались показатели: темп изменения численности населения, смертность на 1 тыс. человек, рождаемость на 1 тыс. человек, миграционный прирост/убыль на 10 тыс. человек. По трём последним показателям рассчитывались средние значения за период с 2010 по 2023 годы. В целях оценки, показатели сопоставлялись с аналогичными по городам-миллионникам и со средними по РФ. Усреднённые показатели, кроме того, оценивались в статике на предмет однородности (вариабельности) с использованием ко-

эффициента вариации. Для анализа характера миграции в малых городских округах России проводилось распределение выбывших по направлениям передвижения в разрезе субъектов РФ по трём направлениям: внутри федерального округа, в другие округа и выезд за границу.

Анализ влияния миграции населения на динамику численности проводился методом группировки. Для этого совокупность из 229 городских округов распределялась на однородные группы по трём критериям: темп изменения численности, рождаемость на 1 тыс. населения, миграционный прирост/убыль на 10 тыс. населения. Для оценки факторов, влияющих на миграционный прирост/убыль населения в малых городских округах, проводился анализ показателей: объём промышленного производства на 1 человека в рублях, объём инвестиций на 1 человека в рублях, количество зарегистрированных предпринимателей на 1 тыс. человек, количество врачей всех специальностей на 1 тыс. человек, количество работников культуры на 1 тыс. человек, количество мест в детских садах на 1 тыс. человек. Оценка показателей осуществлялась в сравнении с аналогичными среднероссийскими показателями за тот же период. С использованием регрессионного моделирования был составлен прогноз численности населения на 2030 и 2050 гг. в городских округах с наибольшим миграционным оттоком населения.

Результаты исследования

Результаты расчёта показателей темпа изменения численности населения в период с 2010 по 2023 гг. и средние значения рождаемости и смертности на 1 тыс. населения, миграционного прироста/убыли населения на 10 тыс. жителей за 2010–2023 гг. представлены на рис. 1. Как следует из данных рисунка, если численность населения в целом по РФ выросла в 1,02 раза, численность населения в городах-миллионниках — в 1,1 раза, то численность населения в малых городских округах за рассматриваемый период уменьшилась

¹ База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В. В., Коленникова О. А., Симагин Ю. А. Номер государственной регистрации: RU2014620760 от 27.05.2014.

(темпер изменения составил 0,86). Показатель смертности на 1 тыс. жителей в малых городских округах России несколько выше, чем в городах-миллионниках и в среднем по РФ. Показатель рождаемости несколько ниже, чем в среднем по РФ, но выше, чем в городах-миллионниках. Обращает на себя внимание более высокие значения отрицательной миграции, что, несомненно, сказывается на снижении численности населения. Расчёт коэффициентов вариации демографических показателей в статистике по данным за 2010 г. продемонстрировал среднее значение вариации по показателю рождаемости на 1 тыс. жителей (около 30%) и высокие значения по показателям смертности на 1 тыс. жителей и миграционного прироста/убыли в расчёте на 10 тыс. жителей (более 1000%). По данным за 2023 г. ситуация несколько иная. Средние значения коэффициента корреляции (около 30%) отмечаются уже у двух показателей: смертности и рождаемости на 1 тыс. жителей. Но коэффициент вариации по показателю миграционного прироста/убыли в 2023 г. остаётся также высоким (более 1000%).

Распределение числа выбывших по направлениям передвижения в % к среднероссийскому уровню представлено на рис. 2. Согласно усреднённым данным за 2010–

2023 гг., основная часть мигрирующего населения (от 40 до 60%) перемещается в пределах федерального округа (ФО). Преимущественный переезд в другие округа отмечается в Приволжском, Южном, Северо-Кавказском и Северо-Западном ФО. За границу уезжает незначительная часть населения. Для более подробного исследования причин снижения численности населения в малых городских округах использовался метод группировки. По показателю темпа изменения численности населения, средним показателям рождаемости и миграционного прироста/убыли населения за период 2010–2023 гг. в сравнении со среднероссийскими значениями округа разделились на 8 групп (табл. 1).

Первая группа — округа с приростом населения, с рождаемостью ниже среднего по РФ и положительными значениями миграции. В эту группу вошли 12 округов, или 5%. Прирост населения здесь, скорее всего, в большей степени связан именно с миграционным приростом. В выборке средний миграционный прирост в рассматриваемый период составляет от 4,6 человек на 10 тыс. населения в Балтийске (Калининградская область) и до 14 человек на 10 тыс. населения — в Краснознаменске (Московская область).

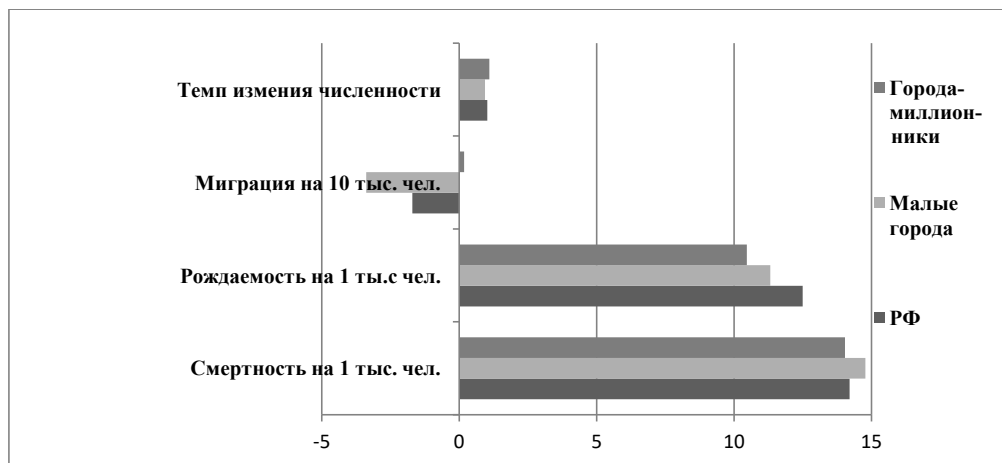

Рис. 1. Усреднённые показатели демографической ситуации в городах России

Fig.1. Average indicators of demographic situation in Russian cities

Источник: муниципальная статистика // Росстат. — URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2025).

Таблица 1

Группировка малых городских округов по динамике численности населения, рождаемости и миграции за 2010–2023 годы

Table 1

Grouping of small towns by population change, fertility and migration rates for 2010–2023

Миграция населения	Численность населения			
	Прирост		Убыль	
	Рождаемость ниже среднего по РФ	Рождаемость на уровне или выше среднего по РФ	Рождаемость ниже среднего по РФ	Рождаемость на уровне или выше среднего по РФ
Прирост	Группа 1: Грайворонский, Балтийский, Светлогорский, Мамоновский, Дивногорск, Краснознаменск, Шаховская, Северо-Курильский, Южно-Курильский, Лермонтов, Певек, Жатай	Группа 2: Белокуриха, Новая Земля, Нарьян-Мар, Кохма, Тулун, Сосновоборск, Власиха, Обь, Малгобек, Анива, Верхнее Дуброво, Арамил, Заречный, Губкинский, Лангепас, Югорск, Ялуторовск, Аргун, Анадырь	Группа 5: Черноголовка, Очер, Партизанск, Октябрьск, Отрадный, Похвистнево, Среднеуральск, Карпинск, Реж, Староуткинск, Славный, Яровое	Группа 6: Бронницы, Саянск, Гусев, Ладушкин, Советск, Талдом, Донецк, Дежарск
Убыль	Группа 3: Карачаевский, Костомукшский	Группа 4: Дагестанские Огни, Кизилюрт, Южно-Сухокумск, Ак-Довурак, Покачи, Радужный, Урай	Группа 7: Петровск Забайкальский, Новооскольский, Алейск, Заринск, Зея, Тында, Новодвинск, Коряжма, Сельцо, Фокино, Вичуга, Кинешма, Березовский, Калтан, Краснодарский, Тайга, Вятские Поляны, Котельнич, Слободской, Буй, Волгореченск, Галич, Мантурово, Боготол, Бородино, Енисейск, Назарово, Шарыпово, Курчатов, Льгов, Волоколамский, Гайский, Бугуруслан, Медногорск, Ливны, Большой Камень, Дальнегорск, Агидель, Вуктыл, Инта, Козьмодемьянск, Абаза, Касимов, Сасово, Скопин, Александровск-Сахалинский, Курильский, Макаров, Смирных, Томаринский, Галич, Углегорский, Артинский, Ачитский, Белоярский, Бисерть, Богданович, Верхнесалдинский, Горноуральский, Ивдель, Малышевский, Нижняя Салда, Пелым, Рефтинский, Североуральск, Тавда, Десногорск, Кирсанов, Котовск, Стрежевой, Заводоуковск, Лабытнанги, Муравленко, Пыть-Ях, Можга, Новоульяновск, Верхнеуфалейский, Усть-Катав, Южноуральск, Алатырь, Шумерля, Переславль-Залесский	Группа 8: Славгород, Райчихинск, Шимановск, Тейково, Зима, Свирск, Черемхово, Мыски, Осинники, Полысаево, Шарья, Щигры, Восход, Зарайск, Лотошино, Молодёжный, Серебряные Пруды, Воротынский, Навашино, Перевоз, Семенов, Сокольский, Кулебаки, Чкаловск, Первомайск, Шахунья, Абдулино, Кувандык, Соль-Илецк, Сорочинск, Ясный, Кашин, Верещагино, Ильинский, Красновишерский, Нытва, Октябрьский, Осинский, Оханский, Суксунский, Чердынский, Кизел, Лесозаводск, Спасск-Дальний, Северобайкальск, Усинск, Сорск, Зверев, Долинск, Корсаков, Невельск, Ноглики, Оха, Поронайск, Холмск, Верх-Нейвинский, Верхотурский, Волчанский, Гаринский, Ирбитское, Каменский, Камышлов, Качканар, Кировград, Красноуральск, Кушвинский, Махнёвское, Невьянский, Нижнетуринский, Новолялинский, Пышминский, Сосьвинский, Сухой Лог, Талицкий, Тугулым, Туринский, Шалинский, Алапаевск, Ирбит, Кедровый, Голышмановский, Карабашский, Кыштымский, Чебаркульский, Канаш, Провиденский, Эвекинот

Источник: муниципальная статистика // Росстат. — URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2025).

Рис. 2. Распределение числа выбывших в % к среднероссийскому уровню (средние значения по данным за 2010–2023 гг.)

Fig. 2. Distribution of the number of departures as a % of the national average (average values based on data for 2010–2023).

Источник: муниципальная статистика // Росстат. — URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2025).

Вторая группа — округа с приростом численности населения, с рождаемостью населения на уровне или выше, чем в среднем по РФ и положительными значениями миграции. Это 8% от всей совокупности. Рост численности, очевидно, связан здесь не только с притоком населения из других территорий, но и более высокой рождаемостью. В 5-ти округах из 19-ти значения рождаемости на 1 тыс. жителей были выше, чем в среднем по РФ (12,5 чел. на 1 тыс. жителей). А в Аргуне (Чеченская Республика) среднее значение общего коэффициента рождаемости в рассматриваемый период достигало 23 человек на 1 тыс. жителей.

Третья группа округов — с приростом численности населения, с рождаемостью ниже, чем в среднем по РФ и отрицательными значениями миграции. Это всего 1% от общей совокупности. Прирост численности, скорее всего, связан в этом случае с естественным приростом из-за более низкой смертности. Так, если в среднем по РФ средняя смертность в период 2010–2023 гг. составляет 14,2 человек на 1 тыс. жителей, то в городском округе Карачаевский (Ка-

рачаево-Черкесская Республика) средняя смертность была всего 9 человек на 1 тыс. жителей, Костомукшский (Республика Карелия) — 8 человек на 1 тыс. жителей.

Четвёртая группа округов — с приростом численности населения, рождаемостью выше, чем в среднем или на уровне по РФ и отрицательным сальдо миграции. В эту группу входят 3% от общей совокупности. Прирост населения даже, несмотря на миграционный отток, здесь, по-видимому, связан с более высокой рождаемостью. Так, например, если в среднем по РФ среднее значение общего коэффициента рождаемости в период с 2010 по 2023 гг. составляла 12,5 человек на 1 тыс. жителей, то в Республике Дагестан в Дагестанских Огнях — 21 человек на 1 тыс. жителей, в Кизилюрте — 17 человек на 1 тыс. жителей и так далее (все города в этой группе отличаются молодой возрастной структурой населения).

Малых городских округов с сокращением численности населения за период 2010–2023 гг. значительно больше — около 83% от всех. Пятая группа — округа с убылью населения и рождаемостью ниже, чем

в среднем по РФ, но с положительными значениями миграции. Доля таких составляет 5% в общей совокупности. Убыль населения объясняется здесь влиянием естественной убыли, которая не может компенсироваться притоком населения из других территорий. Характерным представителем этой группы может выступать Черноголовка (Московская область), где средняя рождаемость в период с 2010 по 2023 гг. составляет всего 7 человек на 1 тыс. жителей, а расположение на периферии столичного региона (на границе с Владимирской областью) не обеспечивает высокого миграционного притока населения.

Шестая группа — округа с убылью населения, рождаемостью на уровне или выше, чем в среднем по РФ, и с положительными значениями миграции. Число составляет 3% от общей совокупности. Убыль населения может быть связана с тем, что миграционный прирост не компенсирует естественную убыль населения, обусловленную более высокой смертностью. Типичным представителем этой группы выступает город Бронницы (Московская область), где среднее значение общего коэффициента рождаемости в период с 2010 по 2023 гг. составило 13 человек на 1 тыс. жителей, то есть выше, чем в среднем по РФ. Но даже более высокие показатели рождаемости и миграционного прироста (2,6 человек на 10 тыс. жителей) на фоне более высокой смертности (16 человек на 1 тыс. жителей против 14 в среднем по РФ) обусловили в рассматриваемый период снижение численности населения на 0,1%.

Седьмая группа округов — с убылью численности населения, рождаемостью ниже, чем в среднем по РФ и с отрицательной миграцией. Совокупность таких городов составляет 36% от общего количества. Это вторая по величине группа. Сокращение численности населения здесь связано с суммированием естественной убыли (из-за низкой рождаемости) с высокими показателями выезда населения за пределы территории. К примеру, в период с 2010 по 2023 гг. в городском округе Углегорский (Сахалинская область) снижение численно-

сти населения составило около 30%. В этом муниципалитете находится село Лесогорское с населением в 2023 г. около 200 человек, которое до 1993 г. являлось городом Лесогорском — первый случай в современной истории России, когда город был преобразован в село из-за сокращения численности населения (в 2004 г. в Сахалинской области были преобразованы в сёла ещё 3 города).

Восьмая группа округов — с убылью численности населения, рождаемостью выше или на уровне средних значений по РФ, с отрицательными значениями миграции. Таких, по полученным данным, оказалось больше всего — 39%. Высокий миграционный отток населения, даже на фоне средней и более высокой рождаемости, приводит к снижению численности населения. Такие городские округа есть даже на периферии Московского столичного региона (Серебряные Пруды, Лотошино, Зарайск), но основная часть из них расположена в регионах Приволжского и Уральского ФО — Свердловской, Тюменской, Нижегородской и Оренбургской областях, Пермском крае.

В целом группировка городских округов по критериям изменения численности, рождаемости и миграционного сальдо населения показывает, что для малых городских округов России более характерна ситуация сокращения численности населения в основном за счёт миграционного оттока. Показатели возможных факторов, влияющих на активность миграционных процессов, представлены на рис. 3 и 4. Согласно полученным данным, в группе из 10 малых городских округов с наибольшим миграционным оттоком населения все показатели достаточно однородные и, как правило, не превышают среднероссийские значения. Экономические показатели, характеризующие промышленное производство, инвестиции и развитие предпринимательства, как правило, ниже, чем среднероссийские значения. Хотя в рассматриваемой выборке присутствуют города с хорошо развитым промышленным производством.

В группе малых городских округов с 10 наиболее высокими показателями миграционного прироста по сравнению со сред-

нероссийскими значениями, за некоторым исключением, также более низкие объёмы промышленного производства на душу населения. В то же время больше городов, где объёмы инвестиций выше или приближаются к среднероссийским значениям. Это может говорить о больших перспективах для роста и развития городов. Здесь, как

правило, хорошо развито предпринимательство (на уровне и выше среднероссийских значений). Однако, как и в предыдущей выборке, ниже, чем в среднем по РФ соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума, ниже объёмы жилищного строительства и хуже обеспеченность врачами.

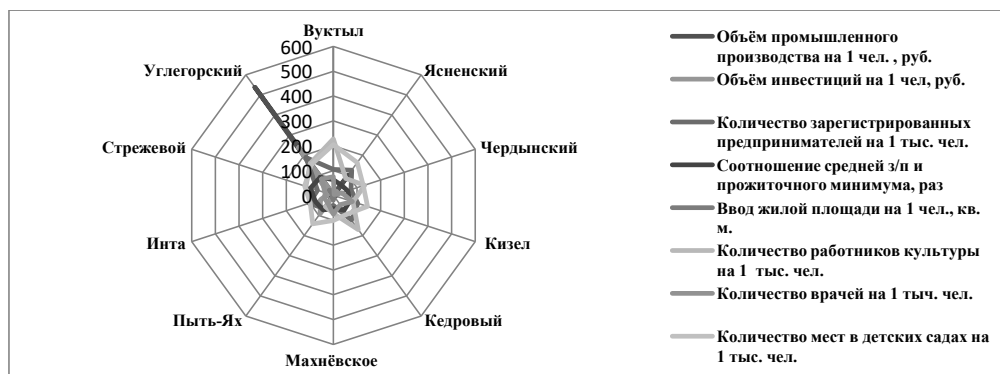

Рис. 3. Факторы влияния на миграционные процессы в малых городских округах России с наибольшей убылью населения (средние значения в % к среднероссийскому уровню за 2010–2023 гг.)

Fig. 3. Factors influencing migration processes in small Russian cities with the highest population loss (average values as % of the national average for 2010–2023).

Источник: муниципальная статистика // Росстат. — URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2025).

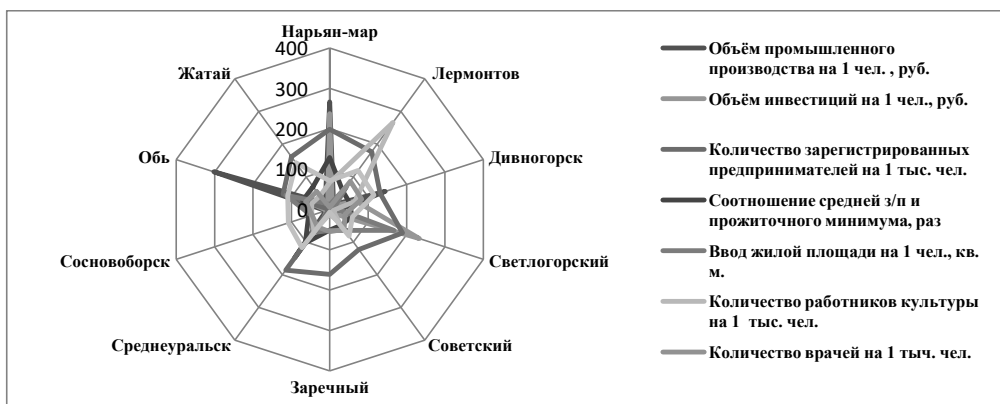

Рис. 4. Факторы влияния на миграционные процессы в малых городских округах России с наибольшим приростом населения (средние значения в % к среднероссийскому уровню за 2010–2023 гг.)

Fig. 4. Factors influencing migration processes in small Russian cities with the highest population growth (average values as % of the national average for 2010–2023).

Источник: муниципальная статистика // Росстат. — URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2025).

Таблица 2

Прогноз численности с учётом закономерностей убыли в малых городских округах с наибольшими показателями миграционного оттока населения

Table 2

Population forecast taking into account the patterns of attrition in the cities with the highest population outflow rates

Городской округ	Уравнение регрессии (X – фактор времени)	Коэффициент аппроксимации	Население в 2023 г., человек	Прогноз численности населения, человек	
				2030 г.	2050 г.
Гусь-Хрустальный	$y = -921,8x + 65512$	0,99	52374	46154 (–11%)	27718 (–47%)
Ясенский	$y = -355,61x + 22463$	0,93	17764	14995 (–15%)	4327 (–75%)
Чердынский	$y = -355,61x + 22463$	0,93	18435	14995 (–18%)	7883 (–57%)
Кизел	$y = -667,37x + 25911$	0,98	17374	11896 (–31%)	0 (–100%)
Гаринский	$y = -107,58x + 5030$	0,97	3652	2771 (–24%)	3032 (–83%)
Махнёвское	$y = -155,39x + 7137,6$	0,99	5186	4030 (–22%)	922 (–82%)
Пыть-Ях	$y = -178,72x + 41801$	0,91	39406	38048 (–3%)	34473 (–12%)
Усолье-Сибирское	$y = -807,14x + 82920$	0,99	72931	67584 (–7%)	51441 (–29%)
Стрежевой	$y = -298,4x + 42858$	0,71	38084	37188 (–2%)	31220 (–18%)
Углегорский	$y = -518,61x + 22785$	0,96	16079	11894 (–26%)	1455 (–90%)

Источник: муниципальная статистика // Росстат. — URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2025).

Прогноз численности населения на 2030 и 2050 гг. в городах с наибольшими значениями оттока населения с применением регрессионного моделирования представлен в табл. 2. Из данных таблицы следует, что снижение численности в городах с наибольшим миграционным оттоком населения может составить к 2030 г. от 2 до 31%, а к 2050 г. в некоторых городах население может полностью отсутствовать.

Выводы

Демографическая ситуация в малых городских России отличается от среднероссийских тенденций. Так, по совокупности малых городских округов в рассматриваемый период наблюдается убыль населения. Хотя в этот же период в целом по РФ и в городах-миллионниках — незначительный рост. Средние значения рождаемости в малых городских округах немного выше, чем в среднем по РФ и в городах-миллионниках. Показатели средней смертности в малых городских округах несколько выше средних значений по РФ и городам-миллионникам. Основной спецификой демографической

ситуации в малых городских округах выступает высокий уровень миграции (отмечается почти везде) и достаточно высокий по среднероссийским меркам уровень рождаемости (отмечается в 49% исследованных округов). Эти два фактора играют основную роль в изменении численности населения. Можно утверждать, что в малых городских округах России достаточно однородная ситуация со смертностью и рождаемостью. А ситуация с миграцией, наоборот, отличается крайней неоднородностью. Высокие значения коэффициента вариации по миграционному приросту/убыли в 2010 и 2023 гг. говорят, скорее всего, о разной степени выраженности факторов, обуславливающих необходимость переезда на другие территории. Частично это утверждение иллюстрируется распределением числа выбывших по направлениям передвижения. Согласно данным, в пределах ФО мигрирует от 30 до 60% населения, пожавших изменить место жительства. Особенно это выражено в регионах Уральского и Дальневосточного ФО. В регионах Северо-Западного, Южного, Северокавказского и Приволжского ФО мигрирующее население в боль-

шей степени выезжает в другие ФО. Выезд за пределы РФ незначителен и во всех ФО он составляет 4–9% от общего количества мигрантов. Дифференциация малых городских округов по средним показателям миграции и рождаемости позволяет заключить, что для большей их совокупности (более 70%) миграция населения выступает серьезной демографической проблемой. У половины из этого количества округов высокие показатели миграционного оттока частично компенсируются более высоким по сравнению со среднероссийскими значениями показателями рождаемости. Однако у второй половины, где показатели рождаемости ниже среднероссийских, отток населения выступает главной причиной снижения численности населения.

Исследования возможного влияния факторов на миграционные процессы позволяют заключить, что малые городские округа с наибольшим оттоком и притоком населения отличаются друг от друга в основном по экономическим показателям. В округах с наибольшим оттоком населения, за некоторым исключением, значительно ниже, чем в среднем по РФ показатели объёма инвестиций и развития предпринимательства. И, наоборот, в округах с наиболее высокими показателями миграционного прироста характерны более высокие показатели объёма инвестиций и уровня развития предпринимательства по сравнению со среднероссийскими значениями, что, вероятно, способствует здесь более высокому качеству жизни населения.

Прогноз численности в округах с наибольшим оттоком населения продемонстрировал, что уже к 2030 г в некоторых округах может наблюдаться убыль до 30% от численности населения 2023 г., а к 2050 г.

в отдельных округах населения может не остаться (Кизел в Пермском крае, Инта в Республике Коми и некоторые другие).

Около трети малых городских округов можно назвать проблемными с точки зрения высокого оттока населения, очевидно, связанного с более низким уровнем социально-экономического развития. Это вызывает необходимость применения адекватных мер государственного регулирования, как на муниципальном, так и на региональном и федеральном уровнях управления. Среди инструментов и методов государственного регулирования уместно выделить: разработку антикризисных программ и стратегий социально-экономического развития на уровне муниципалитетов, разработку программ льготной жилищной ипотеки и программ развития здравоохранения в малых городских округах на региональном и федеральном уровнях управления.

Особенности сбора современной российской статистики не позволяют провести исследование демографической ситуации во всех малых городах России на базе публикуемых источников информации. Тем не менее, полученные результаты говорят о том, что ситуация в малых городских округах страны соответствует теоретическим представлениям о развитии малых городов в целом. Таким образом, выводы исследования могут быть распространены на всю совокупность малых городских населённых пунктов России, в том числе расположенных не только в городских округах, но также в муниципальных округах и муниципальных районах страны, то есть на территориях, где проживает примерно треть населения России.

Литература и Интернет-источники

1. **Груза, И.** Теория города / И. Груза. — Москва : Стройиздат, 1972. — 248 с.
2. **Симагин Ю. А.** Демографические проблемы малых городов России / Ю. А. Симагин // Россия. Тенденции и перспективы развития / Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием (Москва, 18–19 декабря 2019 г.). Вып. 15. Ч. 1. / отв. ред. В. И. Герасимов. — Москва : ИНИОН РАН, 2020. С. 764–768. EDN: HLLQRL

3. Малые города России в социальном пространстве России: монография / отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. М. К. Горшков. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. — 545 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019; EDN: YCUHFD
4. **Роговая, А. В.** Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодёжи из малых городов / А. В. Роговая, Н. В. Левченко // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2020. — № 4(55). — С. 23–33. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/23-33; EDN AECCFC
5. **Логинова, Л. В.** Потенциал возвратной миграции молодых россиян в малые города / Л. В. Логинова // Научные исследования: проблемы и перспективы развития: Сборник статей по материалам Всероссийской национальной научно-практической конференции (Саратов, 23 ноября 2023 г.). — Саратов : Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, 2024. — С. 119–122. EDN: HUQCYN
6. **Fagan, M.** Migrating Retirees: A Source for Economic Development / M. Fagan, Ch. F. Longino // Economic Development Quarterly. — 1993. — Vol. 7. — No. 1. — P. 98–106. DOI: 10.1177/089124249300700109; EDN: JLWMMX
7. **Salvati, L.** Urban growth, population, and recession: Unveiling multiple spatial patterns of demographic indicators in a Mediterranean City / L. Salvati, M. Carlucci // Population, Space and Place. — 2017. — Vol. 23. — No. 8. — P. e2079. DOI: 10.1002/psp.2079; EDN: YFGNIB
8. **Ochoa-Moreno, W. S.** Analysis of push and pull factors in net migration in Latin American countries & the Caribbean / W. S. Ochoa-Moreno, B. Quito, M. De. La. C. Del Río-Rama, V. Torres-Díaz // Quality and Quantity. — 2024. DOI: 10.1007/s11135-024-02002-9; EDN: CRUTQM
9. **Cole, D.** Are small towns doomed to decline? The case of a post-socialist CEE country / D. Cole, M. M. Svidroňová // Post-Communist Economies. — 2021. — Vol. 33. — No. 8. — P. 1012–1034. — DOI 10.1080/14631377.2021.1886786. EDN: QMQLKV
10. **Tomaney, J.** «Left behind places» and social infrastructure / J. Tomaney // Regional Studies Policy Impact Books. — 2023. — Vol. 5. — No. 2. — P. 19–35. DOI: 10.1080/2578711x.2023.2254997; EDN: OAVJZX

Сведения об авторах:

Максимова Ирина Васильевна, д.э.н., доцент, Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия.

Контактная информация: e-mail: maksimova-iv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-9028-2942; РИНЦ SPIN-код: 2274–8721.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ SPIN-код: 5881–6084.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-4-16

DEMOGRAPHIC SITUATION IN SMALL URBAN DISTRICTS OF RUSSIA

Irina V. Maksimova^{1*}, Yury A. Simagin²

¹*Volgograd Institute of Management — branch of RANEPA
(8 Gagarin str., Volgograd, Russia, 400066)*

²*ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

*E-mail: maksimova-iv@ranepa.ru

For citation:

Maksimova I. V., Simagin Yu. A. Demographic situation in small urban districts of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 4-16. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-4-16 (in Russ.)

Abstract. *The article presents the results of research to assess the demographic situation in small towns in Russia in comparison with the average Russian trends. The first part of the article reveals the relevance of the issue, which is mainly due to the possible impact of population outflow from small towns on the growth of asymmetry in the socio-economic development of Russian territories. The second part outlines the main results of the study and presents their detailed analysis. The authors, in particular, present the results of research confirming the presence of peculiarities in the demography of small towns in comparison with the general Russian trends. These features are mainly associated with a more pronounced migration of the population. The article provides evidence of the impact of socio-economic development indicators on the activity and nature of migration processes. Based on the grouping of small towns, the authors identified eight types of demographic situation, where the most common type is population decline against the background of high values of migration outflow, average or above average values of fertility compared to the national average. The forecast of the population in small towns with the largest migration outflow showed that in some cases, some small towns may receive the status of a «dead town» by 2050. In the third part of the article the authors made the main conclusions on the results of the study. For example, in order to reduce the migration outflow, the authors propose measures of state regulation, including development of anti-crisis programs and strategies of socio-economic development, programs of preferential housing loans and health care development.*

Keywords: *demography, urban districts, small towns, population migration, population fertility, population mortality, state regulation of population migration.*

References and Internet sources

1. Gruza I. *Teoriya goroda [Theory of City]*. Moscow. Stroyizdat [Stroyizdat Publ]. 1972. 248 p. (in Russ.)
2. Simagin Yu. A. *Demograficheskiye problemy malykh gorodov Rossii [Demographic problems of small towns in Russia]*. Rossiya. Tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia. Trends and Development Prospects]. Proceedings of the XIX national scientific conference with international participation (Moscow, December 18–19, 2019). Issue 15. Part 1. Ed. V. I. Gerasimov. Moscow. INION RAS, 2020. P. 764–768. (in Russ.)
3. *Malye goroda Rossii v sotsial'nom prostranstve Rossii [Small towns of Russia in the social space of Russia]*. Eds. V. V. Markin, M. F. Chernysh; preface by M. K. Gorshkov. Moscow. FNISTS RAN [FCTAS RAS]. 2019. 545 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019 (in Russ.)
4. Rogovaya A. V., Levchenko N. V. *Obrazovaniye, zanyatost' i dosug kak faktory migratsii molodozhi iz malykh gorodov [Education, employment and leisure as factors of youth migration from small towns]*. Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya. [Oikumena. Regional Researches]. 2020. No. 4(55). P. 23–33. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/23-33 (in Russ.)
5. Loginova L. V. *Potentsial vozvratnoy migratsii molodykh rossiyan v malye goroda [The potential of return migration of young Russians to small towns]*. Nauchnyye issledovaniya: problemy i perspektivy razvitiya [Scientific Research: Problems and Prospects of Development]. Proceedings of the All-Russian national scientific and practical conference. Saratov, November 23, 2023. Saratov. 2024. P. 119–122. (in Russ.)
6. Fagan M. Migrating retirees: A source for economic development. *Economic Development Quarterly*. 1993. Vol. 7. No. 1. P. 98–106. DOI: 10.1177/089124249300700109
7. Salvati L., Carlucci M. Urban growth, population, and recession: Unveiling multiple spatial patterns of demographic indicators in a Mediterranean City. *Population, Space and Place*. 2017. Vol. 23. No. 8. P. e2079. DOI: 10.1002/psp.2079

8. Ochoa-Moreno W. S., Quito B., La M. De., et al. Analysis of push and pull factors in net migration in Latin American countries & the Caribbean. *Quality and Quantity*. 2024. DOI: 10.1007/s11135-024-02002-9
9. Cole D., Svidroňová M. Are small towns doomed to decline? The case of a post-socialist CEE country. *Post-Communist Economies*. 2021. Vol. 33. No. 8. P. 1012–1034. DOI: 10.1080/14631377.2021.1886786
10. Tomaney J. «Left behind places» and social infrastructure. *Regional Studies Policy Impact Books*. 2023. Vol. 5. No. 2. P. 19–35. DOI: 10.1080/2578711x.2023.2254997

Information about the authors:

Maksimova Irina Vasilievna, Doctor of Economics, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Volgograd, Russia.

Contact information: e-mail: maksimova-iv@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0001-9028-2942; Elibrary SPIN-code: 2274-8721.

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary SPIN-code: 5881-6084.

Статья поступила в редакцию 25.02.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-17-24
EDN: XUULQP

К ОЦЕНКЕ РАЗЛИЧИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РЕГИОНАХ РОССИИ

Доброхлеб В. Г.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

ИДИ ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

E-mail: vdobrokhled@mail.ru

Для цитирования:

Доброхлеб В. Г. К оценке различий человеческого потенциала мужчин и женщин в регионах России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 17-24. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-17-24; EDN: XUULQP

Аннотация. Цель данной работы — это показать состояние человеческого потенциала населения РФ в гендерном аспекте на примере разных регионов страны. Объект исследования — население регионов РФ. Предмет — человеческий потенциал мужчин и женщин России. Методология исследования потенциала мужчин и женщин регионов РФ позволяет выявить особенности человеческого потенциала в гендерном аспекте. Гипотеза состоит в том, что анализ социально-экономического положения населения в регионах России не может быть полным без учёта гендерного подхода. Предложен авторский индекс для анализа различий человеческого потенциала мужчин и женщин в регионах страны, включающий показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении, долю имеющих высшее образование и долю состоящих в зарегистрированном браке. Проведённый анализ позволил выявить максимальные и минимальные показатели по рассматриваемым трём составляющим. Так по ожидаемой продолжительности жизни для обоих полов максимум составил 83 года, минимум — 60 лет; доли состоящих в зарегистрированном браке — 59% и 32%; доли имеющих законченное высшее образование — 32% и 12%, соответственно. Выделены региональные кластеры по такому показателю как соотношение человеческого потенциала мужских и женских когорт населения в регионах РФ по авторскому индексу с позиции их баланса. Данный анализ чётко выявляет значение этнонационального фактора, который требует пристального внимания с учётом его важности для такой многонациональной страны, как Россия.

Ключевые слова: человеческий потенциал, пол, гендерные аспекты человеческого потенциала, регионы, этнонациональный фактор.

Постановка проблемы

Как для теории, так и для социальной практики все более востребованным становится ресурсный подход для анализа гендерных отношений, позволяющих соблюдать балансировку интересов и потребностей женщин и мужчин. Цель данной работы показать состояние человеческого потенциала населения РФ в гендерном аспекте на примере регионов страны. Объект исследования — население регионов РФ. Предмет — человеческий потенциал мужчин и женщин России. Это расширяет возможности для «регулирования гендерных отношений, вовлечения новых составляющих и порождения новых структур и состояний здорового и прогрессивного общества» [1, с. 28]. Представители ряда федеральных органов власти заявляют о решении в нашей стране «женского вопроса», и одновременно с этим практикующие психологи, медики, демографы выражают тревогу о «мужском вопросе» в России, политологи находят противоречия в гендерном представительстве в высших органах власти при женском электоральном большинстве, культурологи и антропологи обращают внимание на силу традиций, культурный код.

Исследователи отмечают, что «пол был и продолжает оставаться социально-стратифицирующим признаком, а гендер релевантен политическому анализу» [1, с. 9]. Социальным вызовом для российского общества является то, что имеющиеся для развития ресурсы сформировались в рамках советской гендерной модели, которую просто «подгоняют» под консервативную, либерально-консервативную, зачастую неопатриархатную гендерную модель, не отвечающую на проблемы формирующегося нового технологического уклада с его запросом на креативность. Юридически задекларированное равенство прав полов в сравнении с полученными на практике результатами вызывают многочисленные вопросы: почему формально имеющиеся равные права мужчин и женщин зачастую не наблюдаются в социальной реальности? Формируется сегрегация по признаку пола,

которая своевременно не регулируется, в результате наблюдается противоречие потребностей и интересов, зачастую ведущее к контрпродуктивным результатам.

Обзор научной литературы

Одним из основополагающим исследованием положения женщин в России, в определенной мере, началом гендерного анализа социальной ситуации в нашей стране считается опубликованная более трех десятилетий назад (1989 г.) в журнале «Коммунист» статья трех авторов «Как мы решаем женский вопрос» [2]. В тексте представлены четыре теоретических подхода, которые использовались тогда и актуальны сегодня. Среди них выделены патриархатное, экономическое, демографическое направления. В связи с теоретическими представлениями их приверженцы предлагали свои подходы для решения социальных проблем в данном направлении. Авторы статьи относили себя к четвертому направлению, которое назвали «эгалитарным», т.е. связанным с равенством полов. Было показано, что «нравственные, экономические, демографические явления предстают грани положения женщины в обществе, ее социального статуса» [2]. При этом эгалитарный подход основан на равноправных, взаимодополняющих отношениях как в общественной, так и в приватной сферах, что позволяет иметь пространство «свободного выбора» для развития как мужчин, так и женщин. Тогда же был поставлен вопрос о необходимости разработки целостной концепции в направлении гендерного равенства. По мнению Н.М.Римашевской, реальное достижение равноправия полов, возможно при изменении патриархатных стереотипов не только в законодательной сфере, но и в социальных институтах [3].

Среди исследований последних лет по проблемам положения полов, для которого характерна многоаспектность подхода к анализу гендерных проблем в России, обращает внимание монография «Гендерная панорама современной России» [4]. Авторы показали, что ухудшение положения России в мировых рейтингах гендерного ра-

венства есть следствие медленного продвижения через законодательные органы или отсутствия ряда важных законов необходимых для обеспечения равноправия женщин и мужчин в России.

В изучении возможностей общества к позитивной социальной трансформации особое место принадлежит работам по исследованию человеческого потенциала, которые прибрели значимость в конце XX столетия, когда на международном уровне получила признание методология сравнительных оценок индекса индекс человеческого развития (ИЧР), комплексный показатель, оценивающий наряду с произведённой стоимостью ещё и здоровье, образование населения. В дальнейшем исследователями ООН были предложены инструменты, измеряющие человеческий потенциал стран мира в гендерном аспекте¹. Как отмечал Р. С. Гринберг: «Конечно, это ещё не счастье, но шаг в правильном направлении» [5].

Россия находится в группе 69 стран с высоким уровнем ИЧР: на 56 месте с индексом 0,839. При этом отстаёт от мирового лидера (Швейцарии — 0,967) на 0,128 пункта (табл. 1). Россия относится в группе стран с высоким уровнем гендерного равенства, показатели человеческого развития женщин в нашей стране в целом выше данного показателя мужчин (ИЧР женщин — 0,829, мужчин — 0,812). Предложенные и приме-

няемые ООН подходы измерения человеческого потенциала подвергаются критике, в том числе за включение в их расчёты экономического фактора. В исследованиях ИСЭПН ФНИСЦ РАН, связанных с анализом человеческого потенциала, даётся новое определение этого показателя [6], что позволяет отдельно измерять потенциал населения и качество его жизни в их взаимосвязях. В ряде публикаций, в том числе в статье «Типология регионов России по показателям человеческого потенциала» [7], представлена методология анализа человеческого потенциала в регионах страны, выделяется девять региональных кластеров, что позволяет выявить в каждой из групп существенные проблемы их развития.

Методология и методы исследования, источники информации

Анализ социально-экономического положения РФ не может быть полным без учёта гендерного подхода. Ряд авторов считают, что это обусловлено тем, что женщины как «демографическое большинство являются основной движущей силой социальных изменений и политических процессов²» [1, с. 56]. В этих условиях актуальной является разработка различных инструментов для адекватной оценки гендерных ресурсов России.

Таблица 1

Сравнение некоторых показателей ИЧР Швейцарии и России

Table 1

Comparison of HDI indicators in Switzerland and Russia

Государство	ОПЖ при рождении (лет)	ВВП на душу населения (долларов США)
Швейцария	84,3	69433
Российская Федерация	70,1	26992
Разрыв показателей Швейцарии и РФ	14,2	42441

Источник: Отчёт о развитии человеческого потенциала в 2023–2024 годах. — URL: https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24?_gl=1*7xeuov*_ga*mtqxmzcyntm1nc4xnza4nta4mzyw*_ga_3w7lpk0wp1*mtcxdmknxntkxmc41ljeumtcmxmdkxnjc0ni42mc4wlja. (дата обращения: 16.04.2025).

¹ Отчёт о развитии человеческого потенциала в 2023–2024 годах. — URL: https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24?_gl=1*7xeuov*_ga*mtqxmzcyntm1nc4xnza4nta4mzyw*_ga_3w7lpk0wp1*mtcxdmknxntkxmc41ljeumtcmxmdkxnjc0ni42mc4wlja. (дата обращения: 16.04.2025).

² Повышенное внимание уделяется увеличению участия женщин в экономике на многочисленных международных форумах, включая форум We-Fi, повестку международных организаций: АТЭС, БРИКС, ШОС, Диалоговое партнёрство «Россия — АСЕАН», Программы развития ООН (ПРООН).

Цель данной работы — показать состояние человеческого потенциала населения РФ в гендерном аспекте на примере её регионов. Объектом исследования являются мужские и женские когорты населения регионов РФ старше 16 лет. Предмет — человеческий потенциал (ЧП) мужчин и женщин. Информационной базой стала российская и международная статистика (Росстат, ООН). Теоретические подходы опираются на методологию современной российской социо-демографической научной школы, созданной Н.М.Римашевской; гендерный подход к исследованиям положения мужчин и женщин основан на материалах отечественных и зарубежных исследователей по данной тематике. Научная новизна состоит в разработке авторской методологии исследования потенциала мужчин и женщин регионов РФ, что позволяет выявить особенности ЧП в гендерном аспекте.

Нами совместно с Е.В.Рюминой и А.А.Федотовым предложен авторский индекс для анализа различий человеческого потенциала мужчин и женщин в регионах страны, включающий показатели ОПЖ, долю имеющих высшее образование, и долю состоящих в зарегистрированном браке. Из трех составляющих авторского индекса один можно отнести к традиционному показателю измерения человеческого потенциала — ОПЖ. Для расчётов применялись данные региональной статистики за 2021 г., что обусловлено тремя факторами. Во-первых, спадом пандемии COVID-19, во-вторых, преддверием начала специальной военной операции, в-третьих — завершением последней Всероссийской переписи населения.

Два других показателя, использованных авторами, ранее для анализа ЧП не применялись. Данные этих показателей для расчётов взяты из материалов Всероссийской переписи населения 2020 г., так как по регионам в полной мере они представлены лишь в этих материалах. В отличие от ИЧР, широко применяемого ООН, образование в наших расчётах представлено долей, имеющих законченное высшее образование среди мужчин и женщин в российских

регионах. Европейские исследователи все профессии на рынке труда делят на три категории: «творческие работники, работники, решающие ограниченные проблемы и «тейлоризированные» сотрудники». Они полагают, что переход к широкому использованию ИИ и роботизации приведёт к сокращениям на рынке труда, которые в основном затронут «тейлоризированных» сотрудников. В этих условиях большая угроза потери работы коснётся имеющих низкий уровень образования и квалификации [8, с. 224].

Показатели брачности ранее не использовались в анализе человеческого потенциала населения. По нашему убеждению, он характеризует человеческий потенциал с двух позиций. С одной стороны, это показатель социальной сплочённости и солидарности, который формируется начиная с первичной ячейки общества (семьи), а, с другой, это фактор рождаемости, так как именно в зарегистрированных браках рождаемость выше.

Результаты

Проведённый анализ позволил выявить максимальные и минимальные показатели по трём составляющим. Так по ОПЖ для обоих полов максимум составил 83 года, минимум — 60 лет; максимальная доля состоящих в зарегистрированном браке 59 процентов, а минимальная — 32; максимум по доле имеющих законченное высшее образование — 32, минимум — 12.

В разрезе пола лучшие показатели по ОПЖ и доле, имеющих законченное высшее образование, выявлены у женщин. Так, самые высокие по стране показатели по продолжительности жизни достигнуты в Республике Ингушетия: ОПЖ женщин при рождении составил 83,29 года, ОПЖ мужчин составил в этом регионе — 77,26. По доле, имеющих законченное высшее образование среди женщин лидирует (31,7%) Магаданская область. Наиболее образованное мужское население проживает в Санкт-Петербурге — 25,1%. Из приведённых данных видно, что по доле, имеющих закон-

ченное высшее образование в «лучших регионах» доля женских когорт выше.

Вместе с тем, показатели доли, состоящих в зарегистрированном браке выше среди мужских когорт. Наилучший показатель в Республике Дагестан — 59,9%. Для женщин самый высокий показатель, состоящих в зарегистрированном браке наблюдался в этом же регионе — 56,3%. В значительной мере это объясняется демографической гендерной асимметрией. Этот дисбаланс начинает формироваться в группах населения 35 лет и старше и достигает максимальных значений в старших возрастных группах [9].

Анализ авторского индекса человеческого потенциала по полу в регионах нашей страны показывает, что лучшие регионы среди женских когорт населения — Кабардино-Балкарская Республика с коэффициентом 0,65, Республика Калмыкия (0,67) и Карачаево-Черкесская Республика (0,69). По мужским когортам наиболее высокие рейтинги у республик Дагестан (0,58), Карачаево-Черкесской (0,61) и Кабардино-Балкарской (0,62).

Для нашего анализа существенным является выделение кластеров по такому показателю, как сравнение показателей ЧП мужских и женских когорт населения в регионах РФ по авторскому индексу с позиции их баланса. С учётом этого подхода выделено три группы регионов: 1) регионы, в которых потенциал мужчин выше потенциала женщин. Такой регион один — это Чеченская Республика, где потенциал мужчин составляет — 0,53, а потенциал женщин — 0,51; 2) регионы, где эти показатели равны — только в Республике Дагестан наблюдаются равные показатели ЧП по авторскому индексу для мужчин и женщин, которые составляют 0,58; 3) в остальных 83 российских регионах коэффициент человеческого потенциала, рассчитанный по авторскому индексу, выше у женщин.

Полученные результаты показывают, что меры по повышению уровня ЧП мужчин и женщин с учётом данного индекса должны быть различными с учётом сложившейся структуры человеческого потенциа-

ла в регионах страны в гендерном разрезе. Данный анализ чётко выявляет этнонациональный фактор, который требует пристального внимания с учётом его значимости для многонациональной России. [10, с. 364–366].

Выводы

Россия принимает участие в реализации, принятых в 2015 г. ООН целей устойчивого развития для достижения «лучшего и более устойчивого будущего для всех»³. Среди семнадцати целей пятая цель устойчивого развития ООН связана с «обеспечением гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек». В научных дискуссиях обсуждается проблема равенства мужчин и женщин, которое формируется для всех участников социума независимо от их материального положения, возраста, образования и иных показателей социального статуса. При этом гендерный ресурс рассматривается как фактор динамики общественного порядка с учётом изменения государственной политики. Эффективное использование гендерных ресурсов возможно при осуществлении гендерной стратегии, которая ведёт к минимизации противоречий между полами. Это позволяет перейти от понятия гендера как системы властных отношений к «концепции раскрытия потенциалов, диалектике взаимных интересов» [1, с. 35]. «Гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению» [11].

³ 17 целей для преобразования нашего мира // ООН. — URL. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/?ysclid=marx6s7wk1764501815> (дата обращения: 10.04.2025).

Литература и Интернет-источники

1. **Гендерные** ресурсы социальных изменений / отв. ред. М.Ю. Милованова, М.Б. Буланова, И.О. Шевченко — Москва : РГГУ, 2024. — 490 с.
2. **Посадская, А.И.** Как мы решаем женский вопрос / А.И. Посадская, Н.М. Римашевская, Н.К. Захарова // Коммунист. — 1989. — № 4. — С. 56–65.
3. **Римашевская, Н.М.** Гендерные асимметрии в современной России / Н.М. Римашевская // Народонаселение. — 2010. — № 3(49). — С. 4–18. EDN: OCSUFF
4. Гендерная панорама современной России / отв. ред. В.Г. Доброхлеб, З.А. Хоткина, М.В. Беликова ; ФНИСЦ РАН. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 236 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-389-8.2022; EDN: WSSDUW
5. **Гринберг, Р.С.** Актуальные проблемы социотехнологического и экономического развития современной России / Р.С. Гринберг // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова; ред. и сост. Г.Р. Исакова. — Москва : Изд-во МНЭПУ, 2019. — 190 с.
6. **Локосов, В.В.** Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В.В. Локосов // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1; EDN: FFZUND
7. **Рюмина, Е.В.** Типология регионов России по показателям человеческого потенциала / Е.В. Рюмина, А.А. Федотов // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 114–126. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-114-126; EDN: AIIALI
8. **Лейн, Д.** Глобальный неолиберальный капитализм и альтернативы: от социальной демократии к другим формам государственного капитализма / Д. Лейн. — Москва : Центркаталог, 2025. — 354 с.
9. **Доброхлеб, В.Г.** Ожидаемая продолжительность жизни в современной России как составляющая качественного потенциала населения / В.Г. Доброхлеб // Социальное пространство. — 2022. — Т. — 8. — № 3. — С. 1–14. DOI: 10.15838/sa.2022.3.35.1; EDN: RJODDH
10. **Доброхлеб, В.Г.** Гендерный аспект человеческого потенциала современной России / В.Г. Доброхлеб // Социальная динамика населения и человеческий потенциал: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 20–21 июня 2024 г.) / ред. В.В. Локосов. — Москва : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. — С. 364–366. EDN: VWGCLN
11. **Силласте, Г.Г.** Социальные трансформации и формирование нового гендерного порядка / Г.Г. Силласте // Женщина в российском обществе. — 2019. — № 2. — С. 3–16. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1; EDN: QLAZIW

Сведения об авторе:

Доброхлеб Валентина Григорьевна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4864-8231; РИНЦ SPIN-код: 6419-6611.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-17-24

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE DIFFERENCES IN THE HUMAN POTENTIAL OF MEN AND WOMEN IN THE REGIONS OF RUSSIA

Valentina G. Dobrokhleb

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

IDI FCTAS RAS

(6, kor. 1 Fotieva str., Moscow, Russia, 1119333)

E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

For citation:

Dobrokhleb V. G. On the issue of assessing the differences in the human potential of men and women in the regions of Russia. *Narodonaselenie. [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 17-24. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-17-24 (in Russ.)

Abstract. *Both for theory and for social practice, a resource-based approach to the analysis of gender relations is becoming increasingly important, allowing for balancing of the interests and needs of women and men. The purpose of this work is to examine the state of human potential in the Russian Federation from a gender perspective, using the example of the country's regions. The object of the study is population of the Russian Federation's regions. The subject is human potential (HP) of men and women in Russia. The author's hypothesis is that analysis of the socio-economic situation in the Russian Federation cannot be complete without taking into account a gender-based approach. The author's methodology for studying the potential of men and women in the regions of the Russian Federation allows us to identify the specific features of human potential in a gender-based analysis. The author proposes an index for analyzing the differences in human potential between men and women in the regions of the country, which includes such indicators as life expectancy, the proportion of individuals with higher education, and the proportion of individuals who are married. The conducted analysis revealed the maximum and minimum values for three components. Thus, the maximum life expectancy for both sexes was 83 years, while the minimum was 60 years; the maximum percentage of married individuals was 59%, while the minimum was 32%; and the maximum percentage of individuals with a completed higher education was 31.7%, while the minimum was 12.4%. The analysis also identified regional clusters based on the ratio of male and female cohorts in the Russian Federation, taking into account their balance. This analysis clearly shows the significance the ethno-national factor, which requires close attention, given its importance for such a multi-ethnic country as Russia.*

Keywords: *human potential, gender, gender aspects of human potential, regions, ethno-national factor.*

References and Internet sources

1. Gendernye resursy sotsialnykh izmenenij [Gender Resources of Social Changes]. Eds. M. Yu. Milovanova, M. B. Bulanova, I. O. Shevchenko. Moscow. RGGU [Russian State University for the Humanities]. 2024. 490 p. (in Russ.)
2. Posadskaya A. I., Rimashevskaya N. M., Zakharova N. K. Kak my reshajem zhenskij vopros [How we tackle the women's issue]. *Kommunist [Communist]*. 1989. No. 4. P. 56–65. (in Russ.)
3. Rimashevskaya N. M. Gendernye asimmetrii v sovremennoj Rossii [Gender asymmetry in modern Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2010. Vol. 49. No. 3. P. 4–18. (in Russ.)
4. Gendernaya panorama sovremennoj Rossii [Gender Panorama of Modern Russia]. Eds. V. G. Dobrokhleb, Z. A. Khotkina, M. V. Belikova. Moscow. FNIS RAN [FCTAS RAS]. 2022. 236 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-389-8.2022 (in Russ.)
5. Grinberg R. S. Aktual'nye problemy sotsiotekhnologicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya sovremennoj Rossii [Actual problems of socio-technological and economic development of modern Russia]. *Rossiya v 21 veke: global'nye vyzovy, riski i resheniya. Analiz. Ekspertiza. Rekomendacii [Russia in the 21st Century: Global Challenges, Risks and Solutions. Analysis. Expertise. Recommendations]*. Eds. M. Ch. Zalikhanov, S. A. Stepanov. Moscow. 2019. 190 p. (in Russ.)
6. Lokosov V. V. Chelovecheskij potentsial: kontseptual'nyje podkhody i metodiki izmereniya [Human potential: conceptual approaches and measurement methods]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1 (in Russ.)
7. Ryumina E. V., Fedotov A. A. Tipologiya regionov Rossii po pokazatelyam chelovecheskogo potentsiala [Typology of Russian regions according to human potential indicators]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 114–126. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-114-126 (in Russ.)

8. Lane D. Global'nyj neoliberal'nyj kapitalizm i al'ternativy: ot sotsial'noj demokratii k drugim formam gosudarstvennogo kapitalizma [*Global Neoliberal Capitalism and the Alternatives: From Social Democracy to Other Forms of State Capitalism*]. Transl. from English. Ed. S. V. Bodrunov. Moscow. 2025. 354 p. (in Russ.)
9. Dobrokhleb V. G. Ozhidajemaya prodolzhitel'nost' zhizni v sovremennoj Rossii kak sostavlyayushchaya kachestvennogo potentsiala naseleniya [Life expectancy in modern Russia as a component of the qualitative potential of the population]. *Sotsial'noje prostranstvo* [*Social Area*]. 2022. Vol. 8. No. 3. P. 1–14. DOI: 10.15838/sa.2022.3.35.1 (in Russ.)
10. Dobrokhleb V. G. Gendernyj aspekt chelovecheskogo potentsiala sovremennoj Rossii [Gender aspect of the human potential of modern Russia]. *Sotsial'naya dinamika naseleniya i chelovecheskij potentsial: Materialy 6 Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 20–21 iyunya 2024 g.)* [*Social Dynamics of Population and Human Capital. Proceedings of VI international scientific and practical conference (Moscow, 20–21 June 2024)*]. Ed. V. V. Lokosov. Moscow. ISEPN FNISC RAN [ISESP FCTAS RAS]. 2024. P. 364–366. DOI: 10/19181/monogr.978-5-89697-435-2/2024 (in Russ.)
11. Sillaste G. G. Sotsial'nyje tranzitsii i formirovaniye novogo gendernogo poryadka [Social transitions and the formation of a new gender order]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [*Woman in Russian Society*]. 2019. No. 2. P. 3–16. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1 (in Russ.)

Information about the author:

Dobrokhleb Valentina Grigorievna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, ISESP FCTAS RAS, IDR FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4864-8231; Elibrary SPIN-code: 6419–6611.

Статья поступила в редакцию 18.05.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-25-35
EDN: XPHDCI

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Абрамова О. С.

Самарский государственный экономический университет
(443090, Россия, Самара, ул. Советской Армии, 141)

E-mail: olga-shirokaneva@yandex.ru

Для цитирования:

Абрамова О. С. Комплексная оценка развития демографической ситуации: муниципальный аспект на примере Самарской области // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 3. – С. 25-35. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-25-35; EDN: XPHDCI

Аннотация. В статье предложен интегральный показатель оценки развития демографической ситуации на муниципальном уровне, который включает в себя исходные индикаторы, отражающие депопуляцию населения, демографическое старение, уровень демографической нагрузки на занятое в экономике население, миграционный прирост. При этом определяется позитивное или негативное влияние каждого исходного индикатора на комплексный показатель. Данная методология апробирована на муниципальных образованиях Самарской области с построением рейтинга и типологии муниципалитетов, предполагающей выделение 5 групп (муниципальные образования с демографической ситуацией: позитивной, относительно стабильной, неблагоприятной, критической и со сверхкритической). Лидером рейтинга с позитивной демографической ситуацией является Волжский муниципальный район, в котором наблюдается естественный и миграционный прирост населения, низкий уровень его старения и небольшая демографическая нагрузка. Рассмотрен опыт реализации комплексной демографической политики в вышеуказанном муниципалитете, который предполагает выполнение 40 проектов в рамках стратегического направления «Сбережение народа и накопление человеческого капитала» стратегии социально-экономического развития района. Данный опыт может оказаться полезным для органов власти муниципальных образований и других регионов России. Предложенный интегральный показатель оценки развития демографической ситуации, составление рейтинга и типологии муниципальных образований на его основе может быть востребован органами муниципальной и региональной власти для проведения динамического и сравнительного анализа демографических тенденций.

Ключевые слова: демографическая ситуация, комплексный показатель, рейтинг, типология, демографическая политика.

Введение

Негативные демографические явления присущи России, как в рамках страны, так и на региональном и муниципальном уровнях. В частности, это депопуляция населения, проблема его старения, значительная демографическая нагрузка на занятые в экономике население. Исследованиями демографических проблем на региональном и муниципальном уровне занимаются учёные ИСЭПН ФНИСЦ РАН, например, Л.Л. Рыбаковский, О.Л. Рыбаковский, Ю.А. Симагин, В.В. Пащиорковский, Д.Д. Муртузалиева и другие [1; 2]. Измеряют и анализируют демографические процессы на региональном уровне многие отечественные исследователи, такие как Н.В. Зубаревич, А.Я. Бурдяк, Р.Р. Хасанова, Н.В. Мкртчян, Н.В. Бессмертный, В.В. Латун, Ю.Ю. Меринова, А.Д. Хованский, Е.Л. Мотрич, О.Н. Калачикова, А.Н. Лысенко, Т.Э. Сергутина и другие [3–7].

Ряд учёных комплексно анализируют демографическую ситуацию на базе использования интегральных оценок. Например, М.А. Ласточкина предлагает индекс демографического благополучия и индекс потенциала детского поколения и апробирует их на данных федеральных округов РФ [8]. А.М. Танков и Ю.А. Кузнецова разрабатывают интегральный индекс демографического развития и проводят анализ его значений на регионах Сибирского федерального округа [9]. В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина и А.В. Смирнов проводят ранжирование регионов Севера по уровню устойчивого развития в рамках демографических коэффициентов [10]. Исследователи Е.Г. Коваленко, О.Ю. Якимова, Б.Г. Зиганшин и Ш.М. Газетдинов предлагают интегральный демографический показатель, который апробируют на регионах Приволжского федерального округа, и механизмы преодоления демографических проблем в рамках муниципалитетов [11]. А.В. Короленко проводит демографическое районирование субъектов РФ на базе предложенного интегрального индекса [12]; М.В. Леденёва — рейтинговый анализ демографической ситуации на региональном уровне [13].

В рамках исследования демографических проблем на уровне муниципальных образований следует выделить работу А.Э. Крупко, посвящённую исследованиям тенденций воспроизводства населения по муниципальным образованиям Воронежской области [14]. Т.Д. Дегтярёва группирует муниципальные районы Оренбургской области по основным демографическим показателям [15]. А.С. Щукина предложила интегральную оценку демографической ситуации на муниципальном уровне Тверской области и типологию сельских районов по глубине депрессивности [16]. Дифференциация демографического потенциала внутри региона и построение демографической типологии муниципалитетов Республики Татарстан рассмотрена в работе Н.М. Биктимирова, Р.М. Гайфутдиновой, А.А. Ибрагимовой и Ч.И. Ильдархановой [17].

Автором была предпринята попытка построить интегральный показатель на базе основных демографических индикаторов, рассчитанных по официальным статистическим данным, в целях получения комплексной оценки в разрезе муниципальных образований Самарской области.

Методология исследования

Самарской области, как и большинству субъектов РФ, свойственен ряд демографических проблем: 1) депопуляция населения; 2) демографическое старение; 3) высокий уровень нагрузки на трудоспособное население лицами старше и младше трудоспособного возраста; 4) низкий уровень миграционного прироста (в 2022 г. — даже миграционный отток). В работе предлагается интегральный показатель оценки развития демографической ситуации, который был рассчитан в контексте муниципальных образований. Для построения комплексного индекса использованы статистические показатели Самарстата, а также показатели, рассчитанные на их основе¹. Исходные показатели представлены в табл. 1. Опре-

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики. — URL : <https://63.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 08.09.2024).

делено направление влияния показателей на демографическую ситуацию, и в це-

лом на социально-экономическое развитие территории.

Таблица 1

Показатели интегрального показателя оценки развития демографической ситуации

Table 1

Indicators included in the integral indicator of assessing the development of demographic situation

Показатель	Методология расчёта	Значение	Влияние на социально-экономическое развитие
Уровень старения населения, в %	Отношение доли населения в возрасте 60 лет и старше к общей численности населения	Отражает проблему демографического старения населения	Негативное
Коэффициент долголетия, в %	Отношение численности населения старше 80 лет к численности населения 60 лет и старше	Характеризует оценку уровня жизни населения старших возрастов (качество медицинского обслуживания, социальной поддержки и т.д.)	Позитивное
Коэффициент общей нагрузки, промилле	Соотношение численности населения младше и старше трудоспособного возраста к численности трудоспособного населения	Показывает демографическую нагрузку на общество	Негативное
Естественный прирост (убыль) на 1000 человек населения	Разница между родившимися и умершими, рассчитанная на 1000 человек населения	Отражает масштабы роста (сокращения) численности населения	Позитивное
Миграционный прирост (убыль) на 10000 человек населения	Разница между числом прибывших на определённую территорию и выбывших за её пределы	Характеризует миграции, которые могут ускорить или замедлить процесс сокращения численности населения	Позитивное

Источник: составлено автором.

Расчёт интегрального показателя осуществляется по аналогии методики расчёта индексов, разработанных ООН, таких как индекс человеческого развития, многомерный индекс бедности и подобные [18, с. 17]. В данном случае расчёт частных индексов по исходным коэффициентам, отражающим позитивное влияние на итоговый показатель, производится по формуле 1:

$$I_{xm} = \frac{X_m - X_{min}}{X_{max} - X_{min}}, \quad (1)$$

где I_{xm} — величина частного индекса исходного показателя, X — исходный показатель, M — условный номер муниципального образования, X_m — величина исходного показателя в муниципальном образовании m , X_{min} — минимальная величина среди значений исходного показателя, X_{max} — максимальная величина

на среди значений исходного показателя. При расчёте частных индексов по исходным коэффициентам, отражающим негативное влияние на итоговый показатель, используется формула 2:

$$I_{xm} = \frac{X_{max} - X_m}{X_{max} - X_{min}}, \quad (2)$$

Интеграция частных индексов в интегральный показатель оценки развития демографической ситуации осуществляется путём расчёта средней арифметической по формуле 3:

$$I_{ORDS} = \frac{\sum I_{xm}}{\sum m}, \quad (3)$$

где I_{ords} — интегральный показатель оценки развития демографической ситуации.

Рейтинг и типология муниципальных образований Самарской области по интегральному показателю оценки развития демографической ситуации

Рейтинг муниципальных образований исследуемого региона по интегральному показателю представлен в табл. 2. Состав-

лена типология 37 муниципальных районов Самарской области по интегральному показателю оценки развития демографической ситуации. Выделены 5 групп муниципалитетов с различной демографической ситуацией: 1) позитивной; 2) относительно стабильной; 3) неблагоприятной; 4) критической; 5) сверхкритической.

Таблица 2

Рейтинг муниципальных образований Самарской области по интегральному показателю оценки развития демографической ситуации за 2023 год

Table 2

Rating of municipalities of Samara oblast by the integral indicator of assessing the development of demographic situation for 2023

Муниципальное образование	Значение интегрального показателя	Место в рейтинге
м.р. Волжский	0,736	1
г.о. Кинель	0,604	2
м.р. Ставропольский	0,527	3
м.р. Камышлинский	0,426	4
г.о. Тольятти	0,423	5
г.о. Самара	0,420	6
г.о. Отрадный	0,409	7
м.р. Сергиевский	0,383	8
м.р. Нефтегорский	0,381	9
м.р. Клявлинский	0,370	10
г.о. Новокуйбышевск	0,369	11
г.о. Похвистнево	0,364	12
м.р. Хворостянский	0,363	13
г.о. Сызрань	0,362	14
м.р. Иса克林ский	0,358	15
м.р. Большеглушицкий	0,345	16
м.р. Красноярский	0,338	17
г.о. Чапаевск	0,319	18
м.р. Борский	0,312	19
м.р. Кошкинский	0,304	20
м.р. Большечерниговский	0,303	21
м.р. Приволжский	0,298	22
м.р. Кинель-Черкасский	0,288	23
м.р. Кинельский	0,287	24

м.р. Похвистневский	0,281	25
м.р. Пестравский	0,250	26
м.р. Красноармейский	0,240	27
м.р. Челно-Вершинский	0,238	28
м.р. Алексеевский	0,238	29
м.р. Безенчукский	0,235	30
м.р. Елховский	0,235	31
г.о. Октябрьск	0,214	32
г.о. Жигулёвск	0,203	33
м.р. Шенталинский	0,198	34
м.р. Богатовский	0,179	35
м.р. Шигонский	0,160	36
м.р. Сызранский	0,091	37

Источник: расчёты автора по данным Самарстата. — URL : <https://63.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 25.10.2024).

Аутсайдерами рейтинга, попавшими в группу со сверхкритической демографической ситуацией, являются 2 городских округа (Октябрьск, Жигулёвск) и 4 муниципальных района (Шенталинский, Богатовский, Шигонский, Сызранский). Данным муниципалитетам характерен высокий уровень старения населения при одновременно низких значениях показателей долголетия, что говорит о недостаточной эффективности мер государственной поддержки старшего поколения и низком уровне его жизни на данных территориях. Кроме того, муниципальным образованиям группы со сверхкритической демографической ситуацией свойственны большие показатели демографической нагрузки на занятое население, высокая депопуляция населения и низкие (некоторым муниципалитетам группы отрицательные) показатели миграционного прироста.

В самую многочисленную группу муниципалитетов с критической демографической ситуацией вошли 15 муниципальных районов и 1 г.о. Чапаевск. 12 муниципальных образований попали в группу с неблагоприятной демографической ситуацией (в том числе г.о. Самара, г.о. Тольятти). Дан-

ным муниципальным образованиям характерны более низкие значения показателей нагрузки на занятых в экономике, уровня старения, естественной убыли, нежели муниципалитетам предыдущих групп. Г.о. Кинель и м.р. Ставропольский вошли в группу с относительно стабильной демографической ситуацией.

Лидером рейтинга выступает м.р. Волжский. В данном муниципальном районе, единственном по Самарской области, наблюдается прирост населения: за последние пять лет (2020–2024) численность населения в нём выросла со 117 тыс. до 133 тыс. человек. В Волжском районе самый низкий по области уровень демографической старости, самая небольшая нагрузка на трудоспособное население, высокие показатели миграционного прироста. Возрастная структура населения Волжского района, по расчетам автора, отличается высокой долей населения в трудоспособном возрасте (62%) и самой низкой долей населения старше трудоспособного возраста (19%) среди всех муниципальных образований региона. В этом районе показатели рождаемости превышают показатели смертности населения, наблюдается миграционный

прирост (239 человек на 10000 человек населения). В него переезжает все больше людей как из других регионов страны, так и из-за рубежа. Этому способствует и активное жилищное строительство (например, микрорайоны Южный город и Кошелев-Парк).

Таким образом, в рейтинге и типологии муниципальных образований Самарской области по интегральному показателю оценки развития демографической ситуации явным лидером выступает Волжский муниципальный район. В этой связи интересен опыт реализации демографической политики в данном муниципалитете.

Опыт реализации демографической политики в Волжском муниципальном районе

Главной целью в стратегии социально-экономического развития Волжского муниципального района Самарской области

до 2030 года обозначено формирование высокого уровня качества жизни населения на базе развития конкурентоспособной экономики². Одним из пяти стратегических направлений основной цели является сбережение народа и накопление человеческого капитала, предполагающего формирование благоприятных условий для жизни в районе, воспитания и реализации творческого потенциала детей и молодежи, развитие системы здравоохранения, физической культуры и спорта, доступности сферы культуры и досуга.

В рамках вышеуказанного стратегического направления на территории Волжского района происходит реализация 40 проек-

² Об утверждении «Стратегии социально-экономического развития муниципального района Волжский Самарской области на период до 2030 года». Решение Собрания Представителей Волжского района Самарской области от 27 сентября 2018 г. № 235/49. — URL : <https://v-adm63.ru/index.php/rajon/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 15.11.2024).

Примеры проектов, реализуемых на территории Волжского муниципального района в рамках направления «Сбережение народа и накопление человеческого капитала»

Таблица 3

Table 3

Examples of the projects implemented in Volzhsky municipal district within the framework of the direction «Saving the people and accumulating human capital»

Наименование	Цель проекта	Описание	Сроки
Создание института семьи	Сохранение семейных ценностей	Формирование школ ответственного родительства при родильных домах	2019–2024 годы
Спортивные объекты в шаговой доступности	Организация условий для занятий физкультурой и спортом	Строительство универсальных спортивных площадок, физкультурно-оздоровительных комплексов, бассейнов, крытого катка с искусственным льдом и прочих объектов в различных поселениях района	До 2030 года
Развитие инфраструктуры дошкольного образования	Снижение дефицита мест в детских садах	Строительство детских садов в микрорайонах «Южный город» и «Кошелев-Парк»	До 2030 года
Молодой семье — доступное жилье	Улучшение жилищных условий молодых семей	Эффективное использование средств бюджетов всех уровней для оказания поддержки в области решения жилищных проблем молодым семьям района, рост доступности жилья	2023–2030 годы
Формирование музейно-туристского кластера	Развитие внутреннего и въездного туризма	Организация в поселениях района музеев разнообразной тематики, представляющие собой места притяжения потоков туристов, составляющих музейно-туристский кластер	2020–2025 годы
Профилактика здоровья — путь к долголетию	Уменьшение заболеваемости среди населения	Раннее выявление заболеваний на базе оказания выездной лечебно-профилактической помощи и диагностики, внедрение в организациях здоровьесберегающих технологий труда, пропаганда по здоровьесбережению	2019–2024 годы

Источник: составлено автором по данным администрации муниципального района Волжский. — URL : <https://v-adm63.ru/index.php/rajon/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya>; URL: <https://v-adm63.ru/index.php/natsionalnye-proekty/informatsiya-o-realizatsii-natsionalnykh-proektov> (дата обращения: 25.11.2024).

тов, финансирование которых осуществляется за счёт федерального, регионального и местного бюджетов³ (в табл. 3 — примеры таких проектов).

В Волжском районе в 2023 г. были достигнуты все целевые показатели национального проекта «Демография» (доступность дошкольного образования, удельный вес граждан, занимающихся физической культурой и спортом). План перевыполнен по таким целевым показателям как, численность граждан старших возрастов, вовлечённых в добровольческую деятельность (на 18%), число состоявшихся мероприятий, которые были направлены на формирование активного долголетия (на 54%), количество материалов, отражающих информацию о мерах поддержки по стимулированию рождаемости (на 20%), число состоявшихся мероприятий по стимулированию рождаемости и пропаганде семейных ценностей (на 20%).

На демографическую ситуацию Волжского муниципального района Самарской области помимо мер демографической политики значительное влияние оказывают мероприятия, направленные на опере-

жающее экономическое развитие района. Так, на территории муниципального района функционирует индустриальный парк «Преображенка» в целях привлечения инвестиций на территорию региона; действуют ряд крупных промышленных предприятий, таких как ООО «Самарский Стройфарфор», ООО «Кухмастер», ООО «Пегас-Агро» и другие. Волжский район входит в состав Самарско-Тольяттинской агломерации. Данные факторы способствуют миграционной привлекательности этого района, что благоприятно сказывается в целом на демографическом развитии муниципалитета.

В муниципальном районе Волжский Самарской области реализуется всесторонняя эффективная социально-экономическая и демографическая политика, что подтверждается расчётами интегрального показателя оценки развития демографической ситуации на муниципальном уровне. Опыт реализации демографической политики Волжского района может быть полезен муниципальным образованиям Самарской области и других регионов РФ и внедрён в практику исполнения полномочий муниципальных органов власти.

³ Администрация муниципального района Волжский. — URL : <https://v-adm63.ru/index.php/rajon/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya>; URL: <https://v-adm63.ru/index.php/natsionalnye-proekty/informatsiya-o-realizatsii-natsionalnykh-proektov> (дата обращения: 25.11.2024).

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, Л. Л.** Депопуляция в России: итоги за 1992–2022 гг., компоненты, компенсация миграцией на региональном уровне / Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский // Социально-трудовые исследования. — 2023. — № 2(51). — С. 16–26. DOI: 10.34022 / 2658-3712-2023-51-2-16-26; EDN: GZOCNT
2. **Симагин, Ю. А.** Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России / Ю. А. Симагин, В. В. Пациорковский, Д. Д. Муртузалиева // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 36–49. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2018-21-4-04; EDN: YVSBV
3. **Зубаревич, Н. В.** Социальное развитие и демография регионов России: осенние тренды 2018 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) / Н. В. Зубаревич, [и др.] // Экономическое развитие России. — 2019. — Т. 26. — № 2. — С. 76–90. EDN: YUMIKT
4. **Бессмертный, И. В.** Демографический потенциал и пространственное развитие Ростовской области / И. В. Бессмертный, [и др.] // Успехи современного естествознания. — 2021. — № 3. — С. 26–34. DOI: 10.17513 / use.37590; EDN: CSFAMM
5. **Мотрич, Е. Л.** Современные демографические процессы на Дальнем Востоке России / Е. Л. Мотрич // Власть и управление на Востоке России. — 2022. — № 4(101). — С. 59–68. DOI: 10.22394 / 1818-4049-2022-101-4-59-68; EDN: XMBYLS

6. **Колесов, А. А.** Демографическое старение: предпосылки и прогноз / А. А. Колесов, О. Н. Калачикова // Вопросы территориального развития. — 2023. — Т. 11. — № 1. — Порядковый номер 2. DOI: 10.15838 / tdi.2023.1.63.2; EDN: YOHBNB
7. **Лысенко, А. Н.** Роль демографической составляющей в обеспечении экономической безопасности региона / А. Н. Лысенко, Т. Э. Сергутина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2022. — № 2. — С. 257–269. DOI: 10.15593 / 2224-9354 / 2022.2.17; EDN: LHEBIF
8. **Ласточкина, М. А.** Измерение демографического благополучия регионов / М. А. Ласточкина // Регион: Экономика и Социология. — 2018. — № 2(98). — С. 133–148. DOI: 10.15372 / REG20180206; EDN: XQHJKN
9. **Танков, А. М.** Характеристики демографического пространства Сибирского федерального округа / А. М. Танков, Ю. А. Кузнецова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2023. — № 2(52). — С. 74–80. DOI: 10.18324 / 2224-1833-2023-2-74-80; EDN: RPKSI
10. **Фаузер, В. В.** Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, А. В. Смирнов // Экономика региона. — 2018. — Т. 14. — № 4. — С. 1370–1382. DOI: 10.17059 / 2018-4-24; EDN: YRQADR
11. **Коваленко, Е. Г.** Механизмы решения демографических проблем устойчивого развития сельских территорий / Е. Г. Коваленко, [и др.] // Вестник Казанского государственного аграрного университета. — 2023. — Т. 18. — № 2(70). — С. 168–177. DOI: 10.12737 / 2073-0462-2023-168-177; EDN: EXSCLL
12. **Короленко, А. В.** Методика построения интегральных индексов как инструмент демографического районирования регионов России / А. В. Короленко // Вопросы территориального развития. — 2017. — № 4(39). — С. 7. EDN: ZHAQWJ
13. **Леденёва, М. В.** Состояние демографической ситуации в регионах России: рейтинговый анализ / М. В. Леденёва // Парадигмы управления, экономики и права. — 2023. — № 2(8). — С. 44–53. EDN: PTCPLL
14. **Крупко, А. Э.** Динамические и территориальные аспекты воспроизводства сельского населения Воронежской области / А. Э. Крупко // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2023. — Т. 9. — № 3. — С. 177–189. EDN: REIPKU
15. **Дегтярёва, Т. Д.** Особенности демографической ситуации в муниципальных районах региона / Т. Д. Дегтярёва // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. — 2014. — № 5(49). — С. 228–231. EDN: TBRRAF
16. **Шукина, А. С.** Географический анализ современных демографических процессов / А. С. Шукина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. — 2015. — № 2. — С. 44–56. EDN: VIYVRD
17. **Биктимиров, Н. М.** Внутрирегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан / Н. М. Биктимиров, [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12. — № 3. — С. 189–202. DOI: 10.15838 / esc.2019.3.63.12; EDN: LSMXBA
18. **Чугреев, А. С.** Особенности развития человеческого капитала на мезоуровне / А. С. Чугреев // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — Т. 9. — № 6–1. — С. 15–29. EDN: TMRNKY

Сведения об авторе:

Абрамова Ольга Сергеевна, к.э.н., доцент, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия.

Контактная информация: e-mail: olga-shirokaneva@yandex.ru; ORCID: 0009-0002-3312-3042; РИНЦ SPIN-код: 9360-7037.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-25-35

COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF DEMOGRAPHIC SITUATION: MUNICIPAL ASPECT OF SAMARA OBLAST

Olga S. Abramova*Samara State University of Economics
(141 Sovetskoi Armii str., Samara, Russia, 443090)**E-mail: olga-shirokaneva@yandex.ru***For citation:**

Abramova O. S. Comprehensive assessment of the development of demographic situation: municipal aspect of Samara oblast. *Narodonaselenie* [*Population*]. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 25-35. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-25-35 (in Russ.)

Abstract. *The article proposes an integral indicator of assessing the development of demographic situation at the municipal level, which includes initial indicators reflecting such demographic problems as depopulation, demographic aging, significant level of demographic burden on the population employed in the economy, and low migration growth. In this case, positive or negative impact of each initial indicator on the complex indicator is identified. This methodology has been tested on the municipalities of Samara oblast with construction of rating and typology of the municipalities by 5 groups (municipalities with a positive demographic situation, with a relatively stable demographic situation, with an unfavorable demographic situation, with a critical demographic situation and with a supercritical demographic situation). The leader of the rating with a positive demographic situation is Volzhsky municipal district, which has a natural and migration population growth, a low level of population aging and a small demographic burden. The experience of implementing a comprehensive demographic policy in the above-mentioned municipality is considered, which involves implementation of 40 projects within the framework of the strategic direction «Saving the people and accumulating human capital» of the strategy for the socio-economic development of the municipal district. It is noted that this experience could be useful for the authorities of municipalities of Samara oblast and other regions of Russia and be implemented in their practical activities. The proposed integral indicator of assessing the development of demographic situation, compilation of rating and typology of municipalities based on it, may be used by municipal and regional authorities to conduct a dynamic and comparative analysis of demographic trends.*

Keywords: *demographic situation, complex indicator, rating, typology, demographic policy.*

References and Internet sources

1. Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. Depopulyatsiya v Rossii: itogi za 1992–2022 gg., komponenty, kompensatsiya migratsiej na regional'nom urovne [Depopulation in Russia: results for 1992–2022, components and compensation by migration at the regional level]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya* [*Social and Labor Research*]. 2023. No. 2(51). P. 16–26. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26 (in Russ.)
2. Simagin Yu. A., Patsiorkovsky V. V., Murtuzalieva D. D. Differentsiatsiya yestestvennogo prirosta naseleniya v munitsipal'nykh obrazovaniyakh Rossii [Differentiation of natural population growth in Russian municipalities]. *Narodonaselenie* [*Population*]. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 36–49. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-04 (in Russ.)
3. Zubarevich N. V., Burdyak A. Ya., Khasanova R. R., Mkrtchyan N. V. Sotsial'noje razvitije i demografiya regionov Rossii: osennije trendy 2018 g. [Russian regions' social development i demography regionov Rossii: osennije trendy 2018 g.].

- and demography: autumn trends of 2018]. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii [Russian Economic Development]*. 2019. Vol. 26. No. 2. P. 76–90. (in Russ.)
4. Bessmertny I. V., Latun V. V., Merinova Yu. Yu., Khovansky A. D. Demograficheskij potentsial i prostranstvennoye razvitiye Rostovskoy oblasti [Demographic potential and spatial development of the Rostov region]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya [Advances in Current Natural Sciences]*. 2021. No. 3. P. 26–34. DOI: 10.17513/use.37590 (in Russ.)
 5. Motrich E. L. Sovremennyye demograficheskije protsessy na Dal'nem Vostoke Rossii [Modern demographic processes in the Russian Far East]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*. 2022. No. 4(101). P. 59–68. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68 (in Russ.)
 6. Kolesov A. A., Kalachikova O. N. Demograficheskoye starenije: predposylki i prognoz [Demographic aging: prerequisites and forecast]. *Voprosy territorialnogo razvitiya [Territorial Development Issues]*. 2023. Vol. 11. No. 1. Article No. 2. DOI: 10.15838/tdi.2023.1.63.2 (in Russ.)
 7. Lysenko A. N., Sergutina T. E. Rol' demograficheskoy sostavlyayushej v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti regiona [Role of demographic component in economic security of the region]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskije nauki [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]*. 2022. No. 2. P. 257–269. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.17 (in Russ.)
 8. Lastochkina M. A. Izmerenije demograficheskogo blagopoluchiya regionov [Measuring demographic well-being of regions]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*. 2018. No. 2(98). P. 133–148. DOI: 10.15372/REG20180206 (in Russ.)
 9. Tankov A. M., Kuznetsova Yu. A. Kharakteristiki demograficheskogo prostranstva Sibirskogo federal'nogo okruga [Characteristics of the demographic space of the Siberian Federal District]. *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri [Issues of Social-Economic Development of Siberia]*. 2023. No. 2(52). P. 74–80. DOI: 10.18324/2224-1833-2023-2-74-80 (in Russ.)
 10. Fauzer V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V. Ustojchivoje razvitiye severnykh regionov: demograficheskoye izmerenije [Sustainable development of the Northern regions: population dimension]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. 2018. Vol. 14. No. 4. P. 1370–1382. DOI: 10.17059/2018-4-24 (in Russ.)
 11. Kovalenko E. G., Yakimova O. Yu., Ziganshin B. G., Gazetdinov Sh. M. Mekhanizmy resheniya demograficheskikh problem ustojchivogo razvitiya sel'skikh territorij [Mechanisms for solving demographic problems of sustainable development of rural territories]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Vestnik of Kazan State Agrarian University]*. 2023. Vol. 18. No. 2(70). P. 168–177. DOI: 10.12737/2073-0462-2023-168-177 (in Russ.)
 12. Korolenko A. V. Metodika postroyeniya integralnykh indeksov kak instrument demograficheskogo rajonirovaniya regionov Rossii [Technique of constructing integrated indices as a tool of demographic zoning of Russian regions]. *Voprosy territorialnogo razvitiya [Territorial Development Issues]*. 2017. No. 4(39). P. 7. (in Russ.)
 13. Ledeneva M. V. Sostoyaniye demograficheskoy situatsii v regionakh Rossii: rejtingovyy analiz [The state of the demographic situation in the regions of Russia: rating analysis]. *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava [Paradigms of Management, Economics and Law]*. 2023. No. 2(8). P. 44–53. (in Russ.)
 14. Krupko A. E. Dinamicheskije i territorialnyje aspekty vosproizvodstva sel'skogo naseleniya Voronezhskoy oblasti [Dynamic and territorial aspects of reproduction of the rural population of the Voronezh region]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov [Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions]*. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 177–189. (in Russ.)
 15. Degtyaryova T. D. Osobennosti demograficheskoy situatsii v munitsipalnykh rajonakh regiona [Peculiarities of demographic situation in the municipal districts of the region]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Izvestia Orenburg State Agrarian University]*. 2014. No. 5(49). P. 228–231. (in Russ.)
 16. Shchukina A. S. Geograficheskij analiz sovremennykh demograficheskikh processov [Geographical analysis of modern demographic processes]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya i geokologiya [Herald of Tver State University. Series: Geography and Geoecology]*. 2015. No. 2. P. 44–56. (in Russ.)

17. Biktimirov N. M., Gaifutdinova R. M., Ibragimova A. A., Ildarkhanova Ch. I. Vnutriregional'naya differentsiatsiya demograficheskogo potentsiala Respubliki Tatarstan [Intraregional differentiation of demographic potential in the Republic of Tatarstan]. *Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 189–202. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.12 (in Russ.)
18. Chugreev A. S. Osobennosti razvitiya chelovecheskogo kapitala na mezourovne [The features of human capital development at the mesolevel]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow]. 2019. Vol. 9. No. 6–1. P. 15–29. (in Russ.)

Information about the author:

Abramova Olga Sergeevna, Candidate of Economics, Associate Professor, Samara State University of Economics, Samara, Russia.

Contact information: e-mail: olga-shirokaneva@yandex.ru; ORCID: 0009-0002-3312-3042; Elibrary SPIN-code: 9360–7037.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-36-47
EDN: WXXMNG

«СОЛО-МАМА»: СОВРЕМЕННЫЙ ТИП ОДИНОКОГО МАТЕРИНСТВА ИЛИ НОВАЯ ФОРМА СЕМЕЙНО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ?

Русанова Н. Е.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: ner238@rambler.ru

Для цитирования:

Русанова Н.Е. «Соло-мама»: современный тип одинокого материнства или новая форма семейно-родительских отношений? // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 3. – С. 36-47. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-36-47; EDN: WXXMNG

Аннотация. В статье рассматриваются социально-демографические проблемы, с которыми сталкиваются женщины, добровольно отказывающиеся от супружества в пользу самостоятельного материнства. С помощью анализа исторической, статистической и публицистической информации показаны процессы формирования и развития явления «одинокого материнства по собственному выбору», принципиально отличающегося от «вынужденного» одинокого материнства. Среди добровольных «соло-мам» выделены «социальные», дети которых имеют реального отца, и «биологические», материнство которых возможно только с помощью репродуктивного донорства. По данным интернет-сайтов обобщена самооценка обеих категорий «соло-мам», позволяющая выявить их основные характеристики, причины и перспективы. Растущее число женщин, сознательно делающих выбор в пользу рождения либо воспитания ребенка вне официального или неофициального брака, их самоорганизация и качественная дифференциация внутри группы позволяет предположить, что этот вариант семьи отражает текущие и перспективные социально-экономические изменения, происходящие в постиндустриальном обществе, и свидетельствует о дальнейшем разделении супружеской и родительской функций семьи. Общественная допустимость таких семейных отношений детерминруется низкой рождаемостью, при которой факт рождения ребёнка более важен, чем его статус в родительской семье, а выбор в пользу добровольного материнского монородительства обуславливается возможностями современной профессиональной женской занятости и сложившейся системой государственной социальной защиты. Сохраняющаяся готовность «соло-мам» к новым семейным отношениям, стремление создать для своих детей круг родственных контактов, равный супружеской семье, свидетельствует как о доминанте традиционного матримониального выбора, так и о допустимости добровольного материнского монородительства как одной из форм современной семьи.

Ключевые слова: внебрачные рождения, монородительство, одинокое материнство, репродуктивное донорство, семейно-брачный статус.

Введение

Одной из характеристик современного общества является рост числа одиноких людей, масштабы которого говорят об «эпидемии одиночества» как общенациональной проблеме¹. «Эпидемия» затронула и семейно-родительские отношения, с 1984 г. в некоторых странах в знак уважения тем, кто воспитывает своих детей без партнёра, даже отмечается Национальный день родителей-одиночек². Тенденция к увеличению количества семей с единственным родителем в XXI в. усиливается, хотя в разных странах по-разному: в России их больше трети в 2021 г. [1], в некоторых испаноязычных странах — почти половина³, в Израиле — 11% (самый низкий показатель среди стран ОЭСР)⁴. При этом практическая значимость проблемы превышает масштабы её теоретических разработок, во многом из-за отсутствия общепринятых дефиниций и методологии учёта даже на уровне одной страны — например, в российском законодательстве понятие «единственный родитель» не определено, поэтому применяется в самом общем смысле, подразумевая, часто исходя из судебной практики, отсутствие у ребёнка второго родителя по причине смерти, признания безвестно отсутствующим либо умершим. В Трудовом Кодексе РФ предусматривается, что «к одиноким матерям по смыслу данной нормы может быть отнесена женщина, являющаяся единственным лицом, фактически осуществляющим родительские обязанности по воспитанию и развитию своих детей (родных или усыновлённых) в соответствии с семейным и иным законодательством, то есть воспитывающая их без отца,

в частности, в случаях, когда отец ребёнка умер, лишён родительских прав, ограничен в родительских правах, признан безвестно отсутствующим, недееспособным (ограниченно дееспособным), по состоянию здоровья не может лично воспитывать и содержать ребёнка, отбывает наказание в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, уклоняется от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в иных ситуациях»⁵. В Налоговом Кодексе РФ термин «единственный родитель» применяется к матерям, рожающим ребёнка вне брака или к овдовевшим женщинам, а также к единственному приёмному родителю, усыновителю, опекуну или попечителю и используется для расчёта стандартных налоговых вычетов по НДФЛ⁶. В научных исследованиях преобладает понятие «монородительская семья», в узком смысле подразумевающее «домохозяйство, включающее только одного взрослого, на иждивении которого вместе с ним проживают дети», а в более широком — «домохозяйство с одиноким родителем, где проживают дети до 18 лет с одним родителем (не обязательно биологическим) и, возможно, с кем-либо ещё» [2]. Расширяющиеся масштабы монородительства вызвали исследования, в том числе условий жизни монородительских семей, которые традиционно называли «неполными». Однако по мере роста числа таких семей появился подход к ним как к специфическому явлению, причём в рамках разных дисциплин: социологических, психологических, демографических, медицинских и проч. Несмотря на отраслевые различия, общим для всех подходов является трактовка одиноко-

¹ ВЦИОМ представляет результаты мониторингового опроса об одиночестве. — URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo> (дата обращения: 15.05.2025).

² National Single Parent Day. — URL : <https://www.holidayscalendar.com/event/national-single-parents-day/> (дата обращения: 13.05.2025).

³ Siudem A., Siudem I. Profil psychologiczny osób samotnie wychowujących dzieci. — Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2008.

⁴ The Center for Political Economics. Single families in Israel. — URL : <http://www.macro.org.il/images/upload/items/33231091121240.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних». — URL : <https://www.consultant.ru/law/podborki/edinstvennyj-roditel/> (дата обращения: 13.05.2025).

⁶ Статья 218. Стандартные налоговые вычеты // Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025). — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/c100f38376d82fcc23ff72192989c382d6e3a646/?ysclid=manton85g1402818813 (дата обращения: 13.05.2025).

го родительства как вынужденного семейного состояния, преимущественно женского, априори связанного со специфическими проблемами. Однако развитие рынка труда, систем социальной защиты, здравоохранения, образования способствуют появлению новых процессов, которые меняют сложившиеся характеристики народонаселения. Разнообразие исследовательских подходов даёт возможность изучения новых аспектов и тенденций, в частности, семей типа «со-ло-мама», где женщина добровольно становится единственным родителем. Цель работы — рассмотрение феномена добровольного одинокого материнства в России, выявление предпосылок его возникновения и направления развития по данным официальной статистики, вторичной социологической информации, научной и публицистической литературы. Методология исследования основана на возможностях получения информации и источников данных, содержит элементы системного и сравнительного подхода, структурного и статистического анализа.

Одинокое материнство как демографическая и социальная проблема

Женское и материнское одиночество всегда привлекало внимание исследователей, но рассматривалось, в основном, в правовых и морально-этических аспектах исторического развития, поскольку ассоциировалось с внебрачной рождаемостью. Выжить без мужчины в обществе, где женщина не могла обеспечить даже себя, с ребёнком было почти невозможно, поэтому она ограничивалась в правах и становилась «приложением» к мужу или к своей родительской семье, где также главенствовал мужчина. Если женщина беременела без мужа, то обычно старалась прервать беременность либо отдавала ребёнка в приют/на усыновление, но если оставляла себе, то вызывала критику общества.

Законы лишали прав внебрачных детей, которые рождённые в браке получали автоматически. В России до 1902 г. внебрач-

ные дети не имели права ни на наследство, ни на имя отца, в метрических книгах их регистрировали без отчества и фамилии, затем новый закон разрешил указывать отчество по имени отца и материнскую фамилию, если женщина и её отец были согласны — это обязывало биологического отца ребёнка финансово поддерживать его до совершеннолетия, когда у матери не хватало средств. Внебрачными считались младенцы, рождённые женщинами незамужними, разведёнными и вдовыми, если с момента смерти мужа прошло более 306 дней, а также замужними, живущими отдельно от мужей, в том числе и жёнами военных, если факт встречи с супругом за девять месяцев до рождения ребёнка не подтверждался [3, с. 274]. Законодательство учитывало разнообразие брачно-семейных отношений по конфессиям, поэтому регулирование касалось, в основном, православных. Среди мусульман более ранний женский возраст вступления в брак и культурные практики с возможностью развода и высокой вероятностью повторных браков для вдов и разведённых, практически исключали вероятность появления внебрачных детей. Уже в конце XIX в. публикации по статистике отмечали региональные особенности внебрачной рождаемости⁷: в 1886–1896 гг. лидерами были Санкт-Петербургская (16%) и Московская (13%) губернии, а в Пермской губернии внебрачных детей рождалось 4% [4]. Это примерно соответствовало Австрии (15%), Норвегии и Италии (7%)⁸.

Повышение численности и доли внебрачных детей связывалось как с отклады-

⁷ Жбанков Д. Н. Влияние отхожих заработков на движение населения. — СПб.: Тип. Я.Трей, 1895; Радецкий И. М. Брошенные дети (Материалы к вопросу о подкидышах). — СПб.: М. М. Ле Дерле и К^о, 1894; Селюгин С. А. Внебрачная рождаемость и смертность внебрачных детей в Санкт-Петербурге: дис. ... д-ра медицины // Сер. докт. дис., допущенных к защите в Императорской Военно-медицинской академии в 1906–1907 учебном году. СПб., 1906; Закон о внебрачных детях 3 июня 1902 г. (Юридическая беседа) // Вестник права. Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. — 1902. XXXII. — № 6. — С. 126–146.

⁸ Papież J. Alternatywne formy życia małżeńskorodzinnego — wybrane konteksty. Od małżeństwa do rodziny — perspektywy przejścia i zmiany // Rodzina. Przeobrażenia, problemy, pomoc. — Elbląg : Wydawnictwo PWSZ w Elblągu, 2013.

ванием брака и снижением социальной защищённости замужних женщин в периоды социально-экономических кризисов и политических конфликтов, так и с ростом индустриальных городов, привлекающих женскую рабочую силу из сельской местности. Это делало внебрачную рождаемость всё более заметным элементом демографического развития России, и в общественной практике и юридической литературе термин «незаконнорожденный» постепенно заменялся более корректным «внебрачный», а стигматизация одиноких матерей становилась менее выраженной. Эволюция форм брачно-семейных отношений способствовала появлению понятия «монородительность» («монородительство»), которое сегодня означает фактическую семью с одним родителем, матерью или отцом, и, как минимум, одним ребёнком. Сюда включаются и официально неоформленные сожительства [5], однако большинство монородителей — женщины, хотя число отцов-одиночек увеличивается: в 1970-х гг. отец-одиночка в одной из каждых десяти монородительских семей, а в 2000 г. — в одной из каждых шести [6, с. 53]. В начале XXI в. «материнскими» были 93% монородительских семей в Северной Ирландии, 90% — в Великобритании, Италии, Германии, и Польше, 84,5% — во Франции [7]. В Израиле 87% семей, состоящих из единственного родителя — женщины, каждая пятая из которых никогда не была замужем, хотя изначально собиралась вступить в брак и иметь детей в супружестве⁹. В США около 40% детей рождаются у незамужних матерей, причём 2/3 из них — моложе 30 лет, 73% монородительских семей с детьми до 18 лет — материнские, из них в 52,1% женщин никогда не состояли в браке, 43,5% были разведены официально или фактически. Общей экономической характеристикой материнских монородительских семей разных стран является низкий душевой доход¹⁰.

⁹ The Center for Political Economics. (2017). Single families in Israel. — URL : <http://www.macro.org.il/images/upload/items/33231091121240.pdf> (in Hebrew) (дата обращения: 13.05.2025).

¹⁰ Статистика по матерям-одиночкам. — URL : <https://singlemotherguide.com/single-mother-statistics#poverty>

При этом матери-одиночки считают, что они отличаются от других матерей, кроме прочего, излишней самостоятельностью — это трактуется обществом как самонадеянность, неспособность к компромиссу в семейных отношениях и даже нежеланием обеспечить своих детей семьёй, поскольку их материнство вызвано незапланированной беременностью или неудачным личным выбором [8].

Процесс хозяйственной и социально-психологической индивидуализации формирует альтернативные формы семейной жизни, позволяя женщине сделать личный выбор в пользу одинокого материнства; это относится, в первую очередь, к финансово обеспеченным женщинам, находящимся «на вершине» профессиональной карьеры, достигших всего, кроме материнства. По некоторым исследованиям, при возникновении необходимости компромиссов с партнёром, женщины выбирают одинокое материнство, поскольку мотивация стать родителем существует почти у всех, независимо от того, хочет человек состоять в браке или нет; женщины назвали желание стать матерями своим высшим призванием, чётко разделяя брак и материнство [6]. Среди других мотивов, побуждающих женщин к одинокому родительству, может быть желание изменить жизненную ситуацию к лучшему, для чего требуется расставание или полный разрыв супружеских отношений вплоть до юридического расторжения брака [9]. Исторически социальные нормы некоторых обществ допускали одинокое материнство только как вынужденное и временное состояние, которое следует как можно быстрее заменить на официальное супружество, что обуславливало государственную семейную политику поддержки брака. Но сегодня появляются «соло-мамы» (single mother by choice — «одинокая мама по собственному выбору») — женщины, сознательно решившие воспитывать ребёнка в одиночку. Это отличает их от «вынужденных» матерей-одиночек, рожающих детей, не вступая в брак, в результате необдуман-

со ссылкой на Бюро переписи населения США (дата обращения: 13.05.2025).

ного решения, отсутствия чувства ответственности и неподготовленности к сексуальной жизни, что чаще всего происходит с несовершеннолетними матерями [7, с. 101–119; 9, с. 100–102].

«Соло-мама» ≠ мать-одиночка

Сегодня в России «если родители не состоят в браке между собой, запись о матери ребёнка производится по заявлению матери, а запись об отце ребёнка — по совместному заявлению отца и матери ребёнка, или по заявлению отца ребёнка, или отец записывается согласно решению суда», «в случае рождения ребёнка у матери, не состоящей в браке, при отсутствии совместного заявления родителей или при отсутствии решения суда об установлении отцовства фамилия отца ребёнка в книге записей рождений записывается по фамилии матери, имя и отчество отца ребёнка — по её указанию»¹¹. Такой подход позволяет разделить внебрачную рождаемость на рождаемость в незарегистрированном браке, при которой регистрация ребёнка происходит по совместному заявлению отца и матери, не являющимися официальными супругами, и рождаемость одиноких женщин, когда ребёнок регистрируется по заявлению только матери. По данным Всероссийских переписей населения, в 1990–2020 гг., на фоне общего снижения рождаемости её основные тренды формируются брачной рождаемостью (рис. 1А), а внебрачная рождаемость гораздо стабильнее и не так ярко отражает общие колебания. В 2020 г. общее число родившихся живыми составило 72,2% от числа родившихся в 1990 г. (1436514 и 1988858 человек, соответственно) из них число родившихся живыми вне зарегистрированного брака выросло до 107,08% (с 290601 до 311174 человек), но число родившихся живыми и зарегистрированных по заявлению только матери сократилось до 89,43% (со 166357 до 148770 человек — рис. 1Б). Это может быть связано с различием фак-

торов, влияющих на число рождений в браке и вне его: если в официальной семье рождаемость зависит от доходов и жилищных условий, уровня образования родителей, их занятости и проч., то внебрачные рождения более индивидуализированы и субъективны. Очевидно, что на число внебрачных рождений влияет общественное восприятие официально неоформленных союзов, социальная допустимость которых обуславливает формирование количественных тенденций внебрачной рождаемости именно числом рождений, зарегистрированных по совместному заявлению отца и матери, не являющимися официальными супругами. В 1990 г. доля рождений, зарегистрированных по заявлению только матери, среди всех рождений, составляла 8,36%, в 2020 г. она выросла до 10,36%, но среди всех внебрачных рождений сократилась с 57,25% до 47,81%, соответственно.

Существуют также региональные различия: например, в Калужской области в 2024 г. из 8058 записей актов о рождении, около 10% содержали только сведения о матери¹², что примерно соответствует среднему по России (10,86%); в одном из городов Пермского края (численность населения около 75 тыс. человек) в 2023 г. текущая статистика ЗАГС зафиксировала 8,57% рождений, оформленных по заявлению только матери (13,65% — по совместному заявлению матери и отца)¹³, а в одном из городов АО Ханты-Мансийского — Югра (около 40 тыс. жителей) — 6,71% и 21,14% соответственно¹⁴.

Различаются и повозрастные характеристики: за 1989(1990)–2022 г. пик общей рождаемости сдвигается в сторону более старших возрастов, а максимум внебрачной рождаемости сохраняется в возрастной группе 20–24 лет (рис. 2). Однако различия ме-

¹¹ Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) от 29.12.1995 № 223-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс (в ред. Федерального закона от 30.12.2015 № 457-ФЗ). Ст. 51.

¹² Калужские губернские ведомости. — URL : <https://kgvinfo.ru/novosti/obshchestvo/v-2024-godu-organy-zags-kaluzhskoy-oblasti-perevypolnili-tselevye-pokazateli/?ysclid=mau8taedjhs464681> 26.02.2025 (дата обращения: 16.05.2025).

¹³ Рассчитано по: статистика ЗАГС за 9 месяцев 2023 года // Сетевое издание «Огни Камы». — URL : <https://ognikami.ru/?p=20374> (дата обращения 16.05.2025).

¹⁴ Рассчитано по: статистика ЗАГС за 2023 год. — URL : <https://uray.ru/> (дата обращения: 16.05.2025).

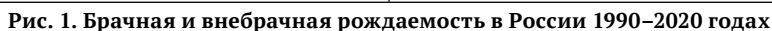
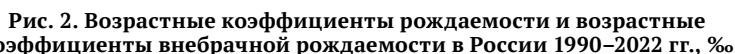

Fig. 1. Births in registered and not registered marriage in Russia 1990–2020

Источник: Родившиеся живыми по брачному состоянию матери (человек) // Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. — Москва : Росстат, 2023. — С. 63, 67.

Specific birth rates and age-specific birth rates of unmarried women in Russia 1990–2022, ‰

Источник: Возрастные коэффициенты рождаемости; Число родившихся вне брака по возрасту матери, Распределение численности населения по полу и возрасту // Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. — Москва : Росстат, 2023. — С. 20, 21, 64, 68.

жду максимальными показателями за эти годы сократились более, чем вдвое: с 9,42 до 3,89 раз, в других группах возрастов они также сближались, но в самой старшей группе 45–49 лет показатель вырос в шесть раз. Хотя количественный вклад внебрачных рождений самых старших возрастов невелик и даже в 2022 г. составил 1108 человек, его динамика может косвенно отражать как изменение индивидуальных репродуктивных норм, так и актуализацию проблемы одиночества в обществе, которое расширяет масштабы, охватывает новые группы населения, модифицирует организационные и социальные формы.

Общероссийские опросы отмечают, что абсолютное большинство россиян «с пониманием» воспринимают незамужних матерей: в 2014 г. 72% опрошенных ВЦИОМ объясняли это тем, что «в жизни может произойти всякое», а 15% одобряли таких женщин¹⁵. В опросе ВЦИОМ 2025 г. 40% россиян ответили, что число одиноких людей растёт, причём независимо от региона и типа населённого пункта¹⁶. Запрос на индивидуалистическую семью, где каждый имеет право поступать так, как хочет, даже в противовес интересам других, вырос с 15% в 2016 г. до 22% в 2024 году¹⁷. Такая общественная благосклонность и возможности высокотехнологической репродуктивной медицины способствовали разделению «одиноких матерей по собственному выбору» на группы, условно называемые «социальными» соло-мамами, у которых есть официальный муж или фактический отец ребёнка, но они воспитывают ребёнка без его помощи, и «биологическими» соло-мамами, у которых нет официального мужа или фактического отца ребёнка, но материнство возможно

в результате донорского оплодотворения. Эти группы различаются по социально-демографическим характеристикам и числу рождённых детей, поскольку испытывают неодинаковое влияние основных факторов рождаемости.

Для «социальных» соло-мам важное значение имеет общая диверсификация семейно-брачных отношений, распространение гендерного равенства в профессиональной сфере, позволяющие выбирать время рождения и число детей независимо от ситуации на брачном рынке, а также конфессиональные традиции [10; 11], и в последние годы — возможности репродуктивной медицины, предлагающей криоконсервацию здоровых женских половых клеток с возможностью использования для зачатия в будущем [12]¹⁸.

«Биологические» соло-мамы сильнее зависят от институционального регулирования, поскольку в некоторых странах доступность репродуктивного донорства законодательно детерминирована брачным состоянием женщины: в 2022 г. в Камеруне и Исландии одиноким женщинам запрещалось донорство эмбрионов, в Колумбии — донорство яйцеклеток, в Индии и Норвегии — донорство эмбрионов и яйцеклеток¹⁹. Таким образом ограничивается число потенциальных соло-мам, из которых исключаются женщины, неспособные забеременеть с собственными яйцеклетками, однако запреты обычно не касаются медицинской помощи во время беременности, родов и послеродового периода, поэтому будущие матери могут выезжать за рубеж в рамках «медицинского туризма».

¹⁵ ВЦИОМ представляет данные опроса о том, как россияне относятся к гражданскому браку, матерям-одиночкам и изменам. 10.02.2015. — URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-deti-supruzheskie-izmeny-sejchas-i-25-let-nazad> (дата обращения 15.05.2025).

¹⁶ ВЦИОМ представляет результаты мониторингового опроса об одиночестве. 06.03.2025. — URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo> (дата обращения 15.05.2025).

¹⁷ Семья и дети в России. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. Статистический сборник Росстата / Общественная Плата РФ; Росстат. — Москва : ОП РФ, 2024. — С. 15–16.

¹⁸ Невинная И. В 2024 году резко вырос спрос на заморозку яйцеклеток. Как это объясняют женщины и врачи. URL: <https://rg.ru/2025/02/28/otlozhit-v-dolgij-iaschchik.html?ysclid=ma60imhb2b418261645>; Баклаева А. «Теперь у меня есть запас яйцеклеток на будущее»: казашка поделилась опытом криоконсервации. — URL : https://rus.baq.kz/teper-u-menya-est-zapas-yaytseketok-na-budushee-kazhastanka-podelilas-opytom-kriokonservatsii_300006882/ (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁹ IFFS 2022 International Federation of Fertility Societies' Surveillance (IFFS) 2022: Global Trends in Reproductive Policy and Practice, 9th Edition. URL: <https://www.iffsreproduction.org/wp-content/uploads/2022/10/IFFS-Surveillance-2022-Published.pdf> (дата обращения: 18.05.2025).

В каждой стране существуют ограничения на число рождений от одного донора, однако их трудно контролировать, поэтому соло-мамы объединяются в группы, позволяющие помочь построить гармоничные родственные отношения внутри своей семьи и найти детям сводных братьев и сестёр. «Биологическое», то есть донорское соло-материнство привлекает всё больше внимания, становясь темой популярных женских журналов и блогов: «Ещё когда им было по два года, я объяснила, что не все дети растут с папами, и я так сильно хотела стать мамой, что сходила в клинику к доктору, который «подсадил» мне «зёрнышки младенцев» (мама донорских детей 6 и 9 лет из Швеции)²⁰. На тематических интернет-сайтах и в блогосфере обсуждаются проблемы практического поиска и выбора донора, которые для других категорий женщин неактуальны: «Мне 40, а начала я свой путь 5 лет назад. Я просто представила, что могу вообще не стать мамой и всё, все вопросы отпали. У меня в клинике анкеты были с детскими фотографиями. Я сначала выбрала деток, которые мне приглянулись, потом уже начала смотреть все данные. И постепенно анкеты сокращались»; «Я выбирала по росту и группе крови. Ещё смотрела на образование и сферу деятельности. У нас в клинике выбор был всего из 4 доноров. Что касается морального аспекта, меня немного корёжило, что неизвестный мне мужчина... Но ребёнок важнее, он будет просто мой и ничей больше»; «Очно мне дали больше информации. По некоторым донорам можно посмотреть даже взрослые фото, а также расскажут о результативности доноров. Поэтому рекомендую очную консультацию, а не выбор онлайн»; «Резус нужно брать положительный. Вы же не хотите дочку наградить отрицательным резусом и редкой 4-й группой?»²¹.

²⁰ Кольчик С. Родить для себя: что нужно знать о донорстве спермы (и с какими рисками вы можете столкнуться). — URL : <https://www.marieclaire.ru/psychology/rodit-dlya-sebya-cto-nuzhno-znat-o-donorstve-spermy-i-s-kakimi-riskami-vy-mozhete-stolknutsya/?ysclid=ma61gslxfj260328792> (дата обращения: 18.05.2025).

²¹ БэбиБлог — беременность, календарь беременности, дневники. Форум «Выбор ДС для одинокой мамы» (июнь 2023 г.). — URL : <https://www.babyblog.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).

Репрезентативных статистических данных о соло-мамах сегодня нет, однако в каждой стране есть группы, которые объединяют таких женщин, поэтому размещённая на сайтах публичная информация позволяет получить общие характеристики. Например, рассказы «социальных соло-мам» о себе на одном из открытых российских сайтов показывают предпосылки появления таких семей, их проблемы, перспективы. Общим и самым важным для них является личное решение о рождении и/или воспитании ребёнка без отца, принятое самостоятельно, без принуждения, хотя и под влиянием внешних либо внутренних обстоятельств: «Я не планировала растить дочку одна. Но так все равно лучше, чем было в опасности, которая исходила от тогда ещё мужа, который ушёл в выпивку с головой»; «Решение родить ребёнка я принимала одна, именно как мать-одиночка. Мне было уже 35 лет, и я понимала, что стандартный вариант создания семьи у меня уже не случился»; «Не могу сказать, что я прямо запланировала «родить для себя». Но когда я узнала о беременности, а потом обсудила её с отцом ребёнка, я поняла, что предпочту официально остаться матерью-одиночкой»; «Соло-мамой я стала, родив второго ребёнка (первому на тот момент было два года). Но морально ощутила я себя ею, ещё будучи в браке»; «Я вышла замуж за абьюзера. Когда дочке было четыре, он стал периодически пропадать. С тех пор я соло-родитель» (орфография сохранена)²². Соло-мамы не считают свой семейный статус вынужденным и временным, готовы жить в супружеской семье, но только если условия для них самих и для детей будут лучше: «Я — мама одиночка с 4-го месяца беременности, вот уже 6 лет и не чувствую себя жертвой. Плюсы своего материнства в одиночку я вижу, когда смотрю вокруг себя. Идеально, когда есть муж, который тебя поддерживает и является ребёнку прекрасным отцом. Жить в своё удовольствие это, наверное, главный плюс»; «А что меня радует, так это то, что дети не видят пример плохой семьи»; «Соло-роди-

²² Что значит соло-мама. — URL : <https://inforing73.ru/cto-znachit-solo-mama/> (дата обращения: 18.05.2025).

телем я была до двух лет своего ребёнка и совершенно прекрасно чувствовала себя в этом положении»; «Я – мать-одиночка и этим горжусь. Стаж моего одиночного материнства уже 9 лет + 9 месяцев беременность, которую я тоже проживала в одиночестве. Несмотря на то, что отец у ребёнка есть, и он помогает, я все равно считаю, что я одна ращу ребёнка». Общими являются и проблемы, как правило, связанные с финансами, свободным временем и общественным отношением: «Очень трудно без вторых взрослых рук в доме. Никто не может подстраховать меня или дать мне возможность передохнуть, когда дочка болеет. Никто не придёт мне помочь, когда болею я сама. Работаю без выходных»; «Отец ребёнка исправно даёт на дочь деньги, но все остальные заботы лежат на мне. Упрощает ситуацию тот факт, что особой помощи и в браке нашем я не видела»; «Термин «мать-одиночка» для меня имеет чисто бюрократический характер, и я с удовольствием употребляю его, когда делаю налоговую декларацию, к примеру. Но, думаю, это в большой мере зависит от того, что живу в очень большом городе, где мой статус уже как бы норма. Где-то в деревне возможно было бы иначе»; ««Соло-мама», мне кажется, звучит гораздо лучше, чем «одинокая мама» или «мать-одиночка» (не важно, официальный ли это статус или папа формально есть). Но со стереотипами сталкиваюсь очень часто». Важным для практической жизни опытом соло-материнства многие женщины называют укрепление веры в себя, повышение организованности и способности к реализации профессиональной карьеры: «Будучи от природы не очень организованным человеком, искренне полюбила режим — он настоящее спасение»; «Каждая мать-одиночка поневоле становится прекрасным организатором. Что очень ценится работодателями»; «Выход на работу стал глотком свежего воздуха»; «Я стала изначально ставить себе цель — высокооплачиваемая работа».

Как видно из рассказов сегодняшних российских соло-мам, большинство их социально-демографических характеристик аналогичны тем, которые были выявлены

в зарубежных исследованиях начала 2000-х гг.: сознательное решение родить/воспитывать ребёнка вне фактического супружества, возраст активной репродуктивности, стабильная работа, необходимость поддерживать высокий уровень ответственности и самостоятельности²³. Семья, состоящая из матери и ребёнка/детей, отличается от общепринятой супружеской семьи, но женщинам важно показать, что эта семья — один из вариантов современной семьи, в которой есть настоящая мать, способная заботиться о своих детях, как и в супружеской семье. Особую важность соло-мамы придают интересам детей и их межродственным связям, для чего они готовы находить контакты с отцами и другими родственниками детей, а при их отсутствии — расширять круг близких за счёт подруг и «групп поддержки».

Исследование количественных и качественных характеристик одинокого материнства по локальным, региональным и общенациональным данным о внебрачной рождаемости в России и за рубежом (1990–2024 гг.), отраслевой медицинской и научно-публицистической информации, тематических блогов и обсуждений на интернет-сайтах показали основные тенденции развития соло-материнства как новой формы современной семьи. Самооценка женщин, считающих себя соло-мамами, растущее их число, самоорганизация и качественная дифференциация внутри группы позволяет предположить, что этот вариант семьи отражает текущие и перспективные социально-экономические изменения, происходящие в постиндустриальном обществе, и свидетельствует о дальнейшем разделении её супружеской и родительской функций. Общественная допустимость такой семьи детерминирована низкой рождаемостью, при которой факт рождения ребёнка более важен, чем его статус в родительской семье, а выбор в пользу добро-

²³ Morrisette M. Choosing single motherhood: The thinking woman's guide. — Minneapolis, MN: Be-Mondo Publishing, 2008.

вольного материнского монородительства и сложившейся системой государственной обуславливается возможностями современной профессиональной женской занятости социальной защиты.

Литература и Интернет-источники

1. **Селиванова, О. В.** Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики / О. В. Селиванова, Н. Ю. Коробкова // Социально-трудовые исследования. — 2024. — № 1(54). — С. 147–156. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156; EDN: PWGIDK
2. **Ярская-Смирнова, Е. Р.** Социальная защищённость городской монородительской семьи / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов // Мир России. — 2004. — Т. 13. — № 2. — С. 66–95. EDN: EPNGZM
3. **Голикова, С. В.** Факторы увеличения числа незаконнорожденных детей на Урале XIX — начала XX вв. / С. В. Голикова // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием (Екатеринбург, 4–15 июня 2015 г.). Т. 1. / ред. А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. — Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2015. — С. 43–50. EDN: UMDIZV
4. **Главацкая, Е. М.** Внебрачная рождаемость на Урале в конце XIX — начале XX в. / Е. М. Главацкая, Е. А. Заболотных // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 24. — № 4. — С. 89–109. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.4.066; EDN: LMLFMB
5. **Goldscheider, F.** Single Parenthood and the Double Standard / F. Goldscheider, G. Kaufman. // Fathering. — 2006. — Vol. 4. — No. 2. — P. 191–208.
6. **Przybysz-Zaremba, M.** Konstruowanie codzienności życia samotnych matek — na podstawie wywiadów przeprowadzonych z kobietami «uwikłanymi» w rolę. Dylematy życia rodzinnego. Diagnoza i wsparcie. — Lublin : KUL. — 2015. — P. 53–69.
7. **Maier, C. A.** Positive attributes of never-married single mothers and fathers: Why gender matters and applications for family therapists. / C. A. Maier, C. R. McGeorge // Journal of Feminist Family Therapy. — 2014. — Vol. 26. — No. 3. — P. 163–190. DOI: 10.1080/08952833.2014.944060
8. **Lampic, C.** Fertility awareness, intentions concerning childbearing, and attitudes towards parenthood among female and male academics. / C. Lampic, A. S. Svanberg, P. Karlström, T. Tydén. // Human Reproduction. — 2006. — Vol. 21. — No. 2. — P. 558–564. DOI: 10.1093/humrep/dei367
9. **Kislev, E.** Happy singlehood: The rising acceptance and celebration of solo living / E. Kislev. — Berkeley, CA, 2019. — 280 p. DOI: 10.2307/j.ctvd1c7r2
10. **Захаров, С.** Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? / С. Захаров, Е. Чурилова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2022. — Т. 40. — № 4. — С. 77–104. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104; EDN: XVYPHB
11. **Калачикова, О.** Религиозная детерминанта репродуктивных намерений россиян / О. Калачикова, О. Козлова, В. Архангельский // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2022. — Т. 40. — № 4. — С. 105–138. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-105-138; EDN: KBEZCZ
12. **Katsani, D.** Social Egg Freezing — A Trend or Modern Reality? / D. Katsani, N. Paraschou, E. Panagouli [et al.] // Journal of clinical medicine. — 2024. — Vol. 13. — No. 2. — P. 390. DOI: 10.3390/jcm13020390

Сведения об авторе:

Русанова Нина Евгеньевна, д.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: ner238@rambler.ru; РИНЦ SPIN-код: 3843–1573.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-36-47

«SOLO MOTHER»: A MODERN TYPE OF SINGLE MOTHERHOOD OR A NEW FORM OF FAMILY-PARENT RELATIONS?

Nina E. Rusanova

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

E-mail: ner238@rambler.ru

For citation:

Rusanova N.E. «Solo mother»: a modern type of single motherhood or a new form of family-parent relations? *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 36-47. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-36-47 (in Russ.)

Abstract. *The article considers the socio-demographic problems faced by women who voluntarily give up marriage in favor of independent motherhood. Analysis of the historical, statistical and publicistic information shows the processes of formation and development of the phenomenon of «single motherhood by choice», which is fundamentally different from «forced» single motherhood. Among the voluntary «solo mothers», there are «social» ones, whose children have a real father, and «biological» ones, whose motherhood is possible only with the help of reproductive donation. According to public Russian and foreign Internet sites, the self-assessment of both categories of solo mothers is summarized, which makes it possible to identify their main characteristics, causes and prospects. The growing number of women who consciously make a choice in favor of having or raising a child outside official or unofficial marriage, their self-organization and qualitative differentiation within the group suggest that this family option reflects current and future socio-economic changes taking place in post-industrial society, and indicates a further separation of marital and parental functions of the family. The social permissibility of such family relationships is determined by low birth rate, when the fact of the birth of a child is more important than its status in the parental family, and the choice in favor of voluntary maternal monoparenty is determined by the possibilities of modern professional female employment and the established system of state social protection. The continued willingness of solo mothers to form new family relationships and the desire to create a circle of kinship contacts for their children, similar or equal to marital family, testifies both to the dominance of traditional matrimonial choice and to the permissibility of voluntary maternal monoparenty as one of the forms of modern family.*

Keywords: *births in not registered marriage, mono-parenthood, single motherhood, reproductive donation, marital status*

References and Internet sources

1. Selivanova O. V., Korobkova N. Yu. Nepochnye sem'i v regionakh Rossii: masshtaby i sotsial'no-ekonomicheskije kharakteristiki [Single-parent families in Russian regions: scale and socio-economic characteristics]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya [Social and Labor Research]*. 2024. № 54(1). P. 147–156. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156 (in Russ.)
2. Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V. Sotsial'naya zashchishchennost' gorodskoj monoroditel'skoj sem'i [Social protection of urban single parent family]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 66–95. (in Russ.)
3. Golikova S. V. Faktory uvelicheniya chisla nezakonnorozhdennykh detej na Urale 19 nachala 20 vv. [Factors of increase in the number of illegitimate children in the Urals in the 19th–early 20th century]. *Demograficheskie protsessy na postsovet'skom prostranstve: sb. materialov 6 Ural'skogo*

- demograficheskogo foruma, [Demographic Processes in the Post-Soviet Space. Proceedings of the VI Ural demographic forum with international participation]. Ekaterinburg, June 4–5, 2015. Eds. A. I. Tatarkin, A. I. Kuzmin. Ekaterinburg. Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics of the Ural Branch RAS]. 2015. P. 43–50. (in Russ.)
4. Glavatskaya E. M., Zabolotnykh E. A. Vnebrachnaya rozhdaemost' na Urale v kontse 19 — nachale 20 v. [Illegitimate fertility in the Urals during the late 19th and early 20th centuries]. Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2022. Vol. 24. No. 4. P. 89–109. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.4.066 (in Russ.)
 5. Goldscheider F., Kaufman G. Single parenthood and the double standard. *Fathering*. 2006. Vol. 4. No. 2. P. 191–208.
 6. Przybysz-Zaremba M. Konstruowanie codzienności życia samotnych matek — na podstawie wywiadów przeprowadzonych z kobietami «uwikłanymi» w rolę. *Dylematy życia rodzinnego. Diagnoza i wsparcie*. Lublin. KUL. 2015. S. 53–69 (in Polish)
 7. Maier C. A., McGeorge C. R. Positive attributes of never-married single mothers and fathers: Why gender matters and applications for family therapists. *Journal of Feminist Family Therapy*. 2014. Vol. 26. No. 3. P. 163–190. DOI: 10.1080/08952833.2014.944060
 8. Lampic C., Svanberg A. S., Karlström P., Tydén T. Fertility awareness, intentions concerning childbearing, and attitudes towards parenthood among female and male academics. *Human Reproduction*. 2006. Vol. 21. No. 2. P. 558–564. DOI: 10.1093/humrep/dei367
 9. Kislev E. *Happy Singlehood: The Rising Acceptance and Celebration of Solo Living*. Berkeley, CA. University of California press. 2019. 280 p. DOI: 10.2307/j.ctvd1c7r2
 10. Zakharov S., Churilova E. Veroispovedanie, religioznost' i rozhdaemost' v Rossii. Est' li vzaimosvyaz'? [Fertility in Russia: Does religion and religiousness matter?] *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. 2022. Vol. 40. No. 4. P. 77–104. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104 (in Russ.)
 11. Kalachikova O., Kozlova O., Arkhangelskiy V. Religioznaya determinanta reproductivnykh namerenij rossiyan [Religious determinant of reproductive intentions of Russians]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. 2022. Vol. 40. No. 4. P. 105–138. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-105-138 (in Russ.)
 12. Katsani D., Paraschou N., Panagouli E., et al. Social egg freezing — A trend or modern reality? *Journal of Clinical Medicine*. 2024. Jan. 10. No. 13(2). P. 390. DOI: 10.3390/jcm13020390

Information about the author:

Nina Evgenievna Rusanova, Doctor of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: ner238@rambler.ru; Elibrary SPIN-code: 3843–1573.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-48-60
EDN: XBQZVU

АЛИМЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НЕПОЛНЫЕ СЕМЬИ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Ростовская Т. К.^{1*}, Натсак О. Д.²

¹ИДИ ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корпус 1)

²Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве республики Тыва
(667000, Россия, Кызыл, ул. Кочетова, 4)

*E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Натсак О. Д. Алиментные отношения и неполные семьи в России: институциональные изменения // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 48-60. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-48-60; EDN: XBQZVU

Аннотация Цель исследования заключалась в анализе материального положения неполных семей, роли алиментов в структуре их доходов, изменения институциональных подходов к вопросам в сфере алиментных отношений. В качестве информационных материалов авторы опирались на статистические данные, аналитические материалы федеральных ведомств, государственные доклады о положении детей и семей с детьми, нормативные правовые акты и тексты законопроектов. Авторы использовали также данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) 2004–2022 годов. Несмотря на повышение эффективности взыскания задолженности по алиментам, ситуация кардинально не улучшается, о чем свидетельствуют данные о количестве исполнительных производств о взыскании алиментов, не оконченных на конец отчётного периода. В большинстве субъектов РФ региональные пособия на детей, родители которых уклоняются от алиментов, малоэффективны в силу их незначительных размеров, не сопоставимых с размером установленных прожиточных минимумов. В последние годы был внесён ряд изменений в семейное законодательство и закон об исполнительном производстве в частях, имеющих отношение к алиментам. Наблюдается активная законодательная работа разных субъектов — депутатского корпуса, политических партий, федеральных органов исполнительной власти, региональных legislatures, общественности. В инициативах последних лет выделяются два подхода — усиление принуждения, ужесточение мер и расширение финансового участия государства в поддержке семей, не получающих назначенные алименты. Обновление алиментной политики государства в части гармонизации отношений в этой сфере должно стать частью современной семейно-демографической политики в России.

Ключевые слова неполные семьи, доходы семей, бедность неполных семей, алименты, задолженность по алиментам, законодательство по алиментам, практика зарубежных стран.

Постановка проблемы

Невыполнение алиментных обязательств родителями или выполнение их не в полной мере, на нерегулярной основе остаются одними из серьёзных проблем современных семей в России. Для нерезидентных отцов, которые после развода не проживают с детьми, основной отцовской функцией остаётся содержание детей — добровольная или принудительная уплата алиментов, дополнительная материальная поддержка детей до достижения ими совершеннолетия. Отцовские практики после развода, а также установления отцовства на внебрачного ребёнка на основе совместного заявления родителей или по решению суда индивидуальны и вариативны. Вне зависимости от участия и неучастия отцов в воспитании детей трансферты в виде алиментов являются важным источником доходов матери, воспитывающей детей, поскольку развод помимо психоэмоционального стресса имеет долгосрочные последствия экономического характера.

По данным Верховного суда РФ (ВС) о взыскании алиментов на детей, процент удовлетворения требований о взыскании алиментов остаётся стабильным, и составляет 99% от числа этих дел¹. Это свидетельствует о том, что государственная семейная политика и законы России в приоритетном порядке ориентированы на защиту прав детей. Ведомственная аналитика Федеральной службы судебных приставов РФ (ФССП) свидетельствует о росте суммы взысканных алиментных платежей с 47,6 млрд рублей в 2022 г. до 66,5 млрд рублей в 2023 году². За последние годы существенно обновилось законодательство в этой области. Несмотря на новые виды социальной поддержки семей с детьми, в том числе неполных семей, вопросы взыскания алиментов в пользу де-

тей сохраняют свою актуальность в повестке современной России.

Методология и методы исследования, источники информации

Для сравнительного анализа материального положения полных и неполных семей были использованы данные лонгитюдного обследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE)³. Совмещение опроса на уровне индивидов и домохозяйств в ходе сбора данных РМЭЗ позволяет получить сведения, релевантные сравнительным исследованиям полных и неполных семей в разных аспектах. В статье использованы данные с 2004 г., когда впервые в опросный лист был введён вопрос о наличии детей до 18 лет, и до 2022 года. Данные о количестве индивидов, имеющих детей до 18 лет, были сопоставлены с данными домохозяйств. Из индивидуального массива были отобраны женщины, имеющие детей до 18 лет, и исходя из наличия брачного партнера, они были разделены на 2 группы: из полных семей, к которым были отнесены те, кто состоит в браке зарегистрированной и незарегистрированной формы; из неполных семей, в число которых были включены респонденты, которые никогда не состояли в браке, разведённые, вдовы. Таким образом в данных РМЭЗ объектом анализа были выделены женщины, имеющие детей до 18 лет и разные брачные статусы, предметом — размер и структура доходов, показывающая значение алиментов в совокупных доходах семьи. За рассматриваемые годы женщины, возглавляющие неполные семьи, в среднем составили 20,5% всех семей.

В анализе материального положения неполных семей были также использованы данные из Комплексного обследования условий жизни населения 2022 г. (КОУЖ-2022)⁴, Выборочного наблюдения

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утверждённый Президиумом Верховного суда Российской Федерации. — URL : <https://www.vsr.ru/documents/all/15146/> (дата обращения: 22.09.2024).

² Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2023 году. — URL : https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyi-doklad-o-rezultatah-deyatelnost (дата обращения: 22.08.2024).

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). — URL : <https://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 05.03.2025).

⁴ Итоги комплексного обследования условий жизни населения в 2022 году. — URL : https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 05.03.2025); Итоги Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах в 2024 году. — URL : https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 05.03.2025).

доходов населения и участия в социальных программах в 2024 г. (ВНДН-2024)⁵, социально-экономические индикаторы бедности в 2017–2023 годах⁶. Были исследованы значения отдельных статистических показателей, как «доля детей в возрасте 16 лет, в отношении которых имеется задолженность по выплате алиментов, назначенных по решению суда, в общем числе детей, которым назначены алименты»⁷; «количество исполнительных производств о взыскании алиментов, не оконченных на конец отчётного периода, не больше значения исполнительных производств на начало отчётного периода»⁸. Информационной основой для исследования подходов государства к алиментным отношениям стали нормативные правовые акты РФ, законопроекты, аналитические материалы ВС⁹, ФССП¹⁰, Минтруда России¹¹. В статье использованы социологические методы анализа данных, общенаучные методы сравнительного анализа, контент-анализа официальных документов.

⁵ Итоги Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах в 2024 году. — URL : https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 05.03.2025).

⁶ Социально-экономические индикаторы бедности в 2017–2023 годах. — URL : <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 01.03.2025).

⁷ Доля детей в возрасте 16 лет, в отношении которых имеется задолженность по выплате алиментов, назначенных по решению суда, в общем числе детей, которым назначены алименты. — URL : <https://fedstat.ru/indicators/search?searchText=алименты#> (дата обращения: 01.12.2024).

⁸ Количество исполнительных производств о взыскании алиментов, не оконченных на конец отчетного периода, не больше значения исполнительных производств на начало отчетного периода. — URL : <https://fedstat.ru/indicator/60959> (дата обращения: 01.03.2025).

⁹ Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утвержденный Президиумом Верховного суда Российской Федерации. — URL : <https://www.vsrfr.ru/documents/all/15146/> (дата обращения: 22.09.2024).

¹⁰ Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2023 году. — URL : https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyy-doklad-o-rezultatah-deyatelnost (дата обращения: 22.08.2024).

¹¹ Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2023 год. — URL : <https://mintrud.gov.ru/docs/2670> (дата обращения: 01.03.2025).

Вопросы алиментных отношений в современных исследованиях

В российской и зарубежной научной литературе широко представлены исследования, обосновывающие дефицит бюджетов и высокую степень подверженности неполных семей материальным лишениям и бедности [1; 3; 4]. Несмотря на позитивные тенденции снижения численности детей, в отношении которых имеется задолженность по алиментам, а также рост взысканных сумм, ситуация в этой сфере остаётся сложной. Учёные, занимающиеся вопросами семьи, указывают на необходимость решения вопросов невыплаты алиментов [4, с. 100; 5, с. 119; 6, с. 36]. Запрос на усиление участия государства в регулировании алиментных выплат фиксируется и среди матерей, воспитывающих детей после развода. По итогам социологического исследования, Т. К. Ростовская, О. А. Хасбулатова, И. Н. Смирнова сообщают, что каждая третья молодая мать указала на отсутствие помощи со стороны отца ребёнка, и большинство женщин (78%) полагает, что государство должно взять под контроль вопросы выплат алиментов [6, с. 38].

С управленческой и институциональной точки зрения основными нарративами являются следующие: 1) пересмотр функциональных сфер органов власти, реализующих свои полномочия в области взыскания алиментов [7, с. 55–56]; 2) упрощение процедур и законодательное расширение механизмов установления алиментных выплат и регулирования споров [8, с. 89]; 3) внедрение механизма обязательного составления проекта соглашения об уплате алиментов, которые будут утверждаться судом при расторжении брака [9, с. 167]; 4) государственное участие в финансовом обеспечении алиментов через создание отдельного алиментного фонда [3, с. 24; 10, с. 100; 11, с. 27; 7, с. 55–56]; 5) повышение возраста получателей алиментов в связи с получением профессионального образования [8, с. 84; 12, с. 337–338]; 6) усиление мер ответственности за неуплату алиментов [9, с. 167]; 7) законодательное установление минимально-

го размера алиментов и введение выплаты алиментного пособия [7, с. 55–56]; 8) поощрение участия отцов в жизни детей после развода, юридическое закрепление практики совместной опеки [13, с. 8]. Кроме того, авторы отмечают важную проблему — ограниченную ресурсную базу мужчин, переживших развод [14, с. 59]. Таким образом, в современных исследованиях актуализируется необходимость обновления институциональных, правовых механизмов регулирования данных вопросов, совершенствования управленческих подходов.

Материальное положение неполных семей и роль алиментов в структуре их доходов

Алиментные обязательства в отношении несовершеннолетних детей по большей части возникают после распада брака. С учётом динамики уровня разводимости брачных пар за последние годы можно утверждать, что вопросы, связанные с алиментами, будут сохранять свою актуальность. Всероссийские переписи населения 2002, 2010 и 2020 г. показывают рост доли неполных семей в России [15, с. 4]. В 2020 г. было зарегистрировано 564033 разводов, в 2024 г. — 644464¹². Итоги КОУЖ-2022 г. показывают, что 58,4% неполных семей не имели возмож-

ности справиться с неожиданными тратами, связанными со срочным ремонтом жилья, заменой предметов длительного пользования, срочными медицинскими услугами¹³. Более половины неполных семей также не имели возможности заменить пришедшие в негодность предметы мебели, проводить каждый год одну неделю отпуска вне дома, а 9,3% не могли оплачивать жизненно необходимые лекарства. Материалы РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2022 гг. показывают динамику роста доходов семей с детьми, при этом их уровень имеет значимую дифференциацию, определяемую структурой семьи. Уровень доходов неполной семьи ниже, чем полной семьи (рис. 1). По данным РМЭЗ, доля домохозяйств, в структуре доходов которых присутствовали алименты, в 2004–2022 гг. находилась в пределах 20–24% от опрошенных (рис. 2). Средний размер алиментов, получаемых семьями с детьми, имел тенденцию к росту, но за все годы не превышал 12 тыс. рублей (рис. 3). Средний размер алиментов показывает заметное отставание от величины прожиточного минимума на детей в целом по России (рис. 4).

Доля неимущих домохозяйств среди всех домохозяйств, имеющих в своём составе неполные семьи, в 2022 г. равнялась 13,9%, в общей численности неимущих домохозяйств — 16,7%. Дети, проживаю-

¹² Число зарегистрированных разводов. — URL : <https://www.fedstat.ru/indicator/33554> (дата обращения: 01.03.2025).

¹³ Итоги комплексного обследования условий жизни населения в 2022 году. — URL : https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 05.03.2025).

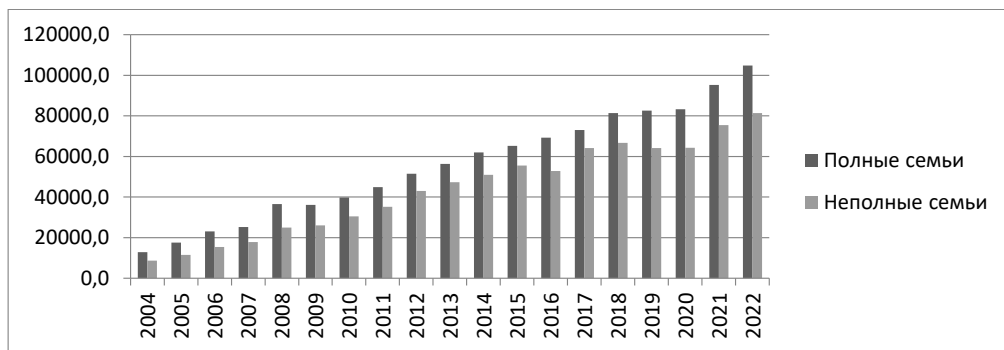

Рис. 1. Доходы полных и неполных семей в 2004–2022 гг., в рублях
Fig.1. Incomes of two-parent and single-parent families in 2004–2022, in rubles

Источник: рассчитано на основе данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), 2004–2022 годы.

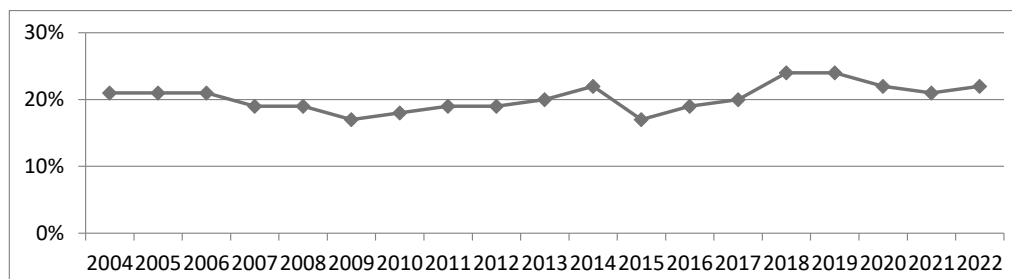

Рис. 2. Динамика доли семей, получавших алименты на детей в 2004–2022 гг., в %
 Fig. 2. Dynamics of the share of single-parent families receiving alimony payments in 2004–2022, in percent

Источник: рассчитано на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) 2004–2022 годы.

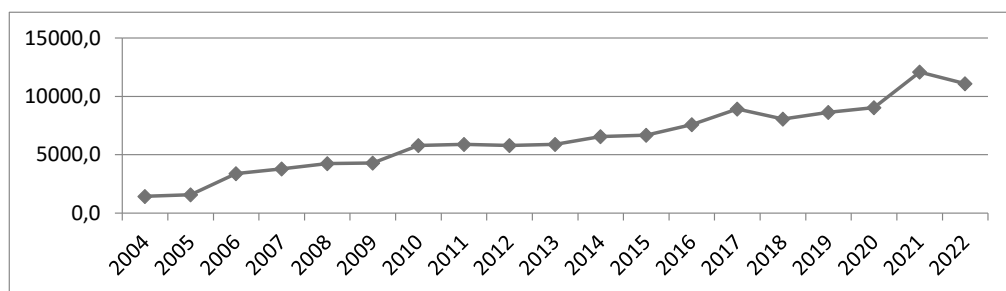

Рис. 3. Средний размер алиментов, получаемых семьями, в 2004–2022 гг., в рублях
 Fig. 3. Average amount of alimony received by families in 2004–2022, in rubles

Источник: рассчитано на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) 2004–2022 годы.

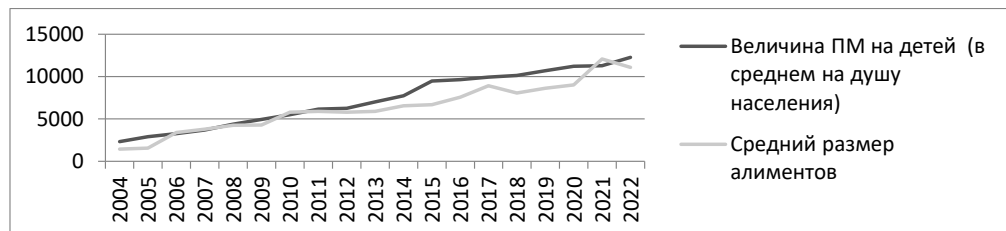

Рис. 4. Средний размер алиментов и величина прожиточного минимума на детей в целом по России (в среднем на душу населения) в 2004–2022 гг., в рублях
 Fig. 4. Average amount of alimony and subsistence minimum for children in Russia as a whole (on average per capita) in 2004–2022, in rubles

Источник: рассчитано на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) 2004–2022 гг.; данных Росстата.

щие в неполных семьях, составляли 20,8% всех детей в неимущих домохозяйствах¹⁴. В структуре совокупных доходов домаш-

них хозяйств, имеющих в своём составе неполные семьи, алименты в 2023 г. составляли 6,17% (5750,4 рубля) всех доходов (общий средний денежный доход 93232,8 рубля), социальные выплаты и льготы в денежной и натуральной форме — 23,2%

¹⁴ Социально-экономические индикаторы бедности в 2017–2023 годах. — URL : <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 01.03.2025).

(21632 рубля), трудовые доходы — 66,75% (62234,9 рубля)¹⁵. Таким образом, значение алиментов существенно ниже по сравнению с уровнем государственных социальных трансфертов, а также трудовых доходов родителей, воспитывающих детей в условиях неполной семьи. Доля детей до 16 лет, в отношении которых имелаась задолженность по выплате алиментов, в общем числе детей, которым назначены алименты, в 2023 г. составила 9,8%¹⁶. Количество исполнительных производств о взыскании алиментов, не оконченных на конец отчётного периода, за последние пять лет снижалось, но остаётся существенным — в 2020 г. было 791,7 тыс., в 2024 г. — 723,1 тысяч¹⁷. Ежегодно сотни тысяч административных дел возбуждается в отношении должников по алиментам. Так, в 2023 г. на должников было заведено 107,8 тыс. административных и 53,1 тыс. уголовных дел¹⁸. В 2023 г. в бюджетах 75 субъектов РФ были предусмотрены средства на выплату ежемесячного пособия на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов. В 62 регионах размеры этих пособий в месяц не достигали и в 13 регионах превышали 1000 рублей¹⁹. Минимальные размеры пособия наблюдались в Республике Алтай (135 рублей), Республике Ингушетия (150 рублей), Ки-

ровской области (150 рублей), максимальные — в Москве (7576 рублей) и Севастополе (3797 рублей).

Таким образом, между полными и неполными семьями наблюдается неравенство в условиях жизни, и ограниченность ресурсов, затруднения в достижении общепринятых стандартов жизни в большей степени свойственны для неполных семей. В этой связи проблемы неисполнения алиментных обязательств нерезидентными родителями имеют важное значение для благополучия семей, переживших развод, и неполных семей в целом. Но значение алиментов в структуре доходов семей значительно ниже, чем значение государственной социальной помощи. Средний размер алиментов ниже установленного размера прожиточного минимума на детей.

Институциональные подходы к алиментным отношениям в России

В России отсутствует гарантированный алиментный фонд в отличие от стран, которые внедрили авансовые системы оказания государственной помощи тем, кто должен получать алименты. Но в последние годы произошли серьёзные изменения в российском законодательстве в части алиментных отношений. В 2023 г. были внесены изменения в статьи 89 и 90 Семейного кодекса РФ (СК), установившие право требовать алименты в судебном порядке от бывших супругов со стороны: другого супруга, осуществляющего уход за общим ребёнком в течение 3-х лет со дня его рождения; нуждающегося супруга, ухаживающего за общим ребёнком-инвалидом до 18 лет, ребёнком-инвалидом I группы; женщины, ожидающей общего ребёнка²⁰. Произошло ужесточение правил для тех, кто не выполняет алиментные обязательства. Принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 29.05. 2024 г. № 114-ФЗ, вступивший

¹⁵ Итоги Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах в 2024 году. — URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁶ Доля детей в возрасте 16 лет, в отношении которых имеется задолженность по выплате алиментов, назначенных по решению суда, в общем числе детей, которым назначены алименты. — URL : <https://fedstat.ru/indicators/search?searchText=алименты#> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁷ Количество исполнительных производств о взыскании алиментов, не оконченных на конец отчётного периода, не больше значения исполнительных производств на начало отчётного периода. — URL : <https://fedstat.ru/indicator/60959> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁸ Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2023 г. — URL : <https://mintrud.gov.ru/docs/2670> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁹ Размер ежемесячного пособия на ребёнка в зависимости от категорий семей получателей по субъектам РФ (по данным Минтруда России, с 2022 г. без учёта статистической информации по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям), на конец года. — URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 03.03.2025).

²⁰ Федеральный закон № 403-ФЗ от 31 июля 2023 г. «О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307310017?ysclid=m845i35i8x633197954&index=1> (дата обращения: 01.03.2025).

в силу в мае 2025 года²¹. Изменения связаны с реестром должников по алиментам, которые привлекались к административной и уголовной ответственности за неуплату средств на содержание несовершеннолетних и совершеннолетних нетрудоспособных детей. Расширены полномочия ФССП по сбору информации о трудоустройстве должников, данная служба будет иметь возможность в автоматическом режиме запрашивать сведения у разных поставщиков сведений — государственных органов, фондов, организаций — через СМЭВ²².

В 2024 г. были внесены изменения в статью 129 Гражданского процессуального кодекса РФ, согласно которым, в случае отмены судебного приказа и удовлетворения требований взыскателя в порядке искового производства требования удовлетворяются за период, в течение которого алименты подлежали взысканию в соответствии с судебным приказом²³. Более того, за период, предшествующий подаче заявления о вынесении судебного приказа, алименты могут быть присуждены в соответствии с пунктом 2 статьи 107 СК. Этот год был важнейшим с точки зрения укрепления механизмов взыскания алиментов не только в рамках национального государства, но и союзного государства с Республикой Беларусь. Так, был ратифицирован Протокол о внесении изменений в Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных постановлений по делам о взыскании алиментов²⁴.

²¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 29.05.2024 г. № 114-ФЗ». — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477328/ (дата обращения: 01.03.2025).

²² Система межведомственного электронного взаимодействия. См. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 29.05.2024 № 114-ФЗ. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477328/ (дата обращения: 01.03.2025).

²³ Федеральный закон «О внесении изменения в статью 129 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 26.10.2024 № 356. — URL : <http://publication.pravo.gov.ru/document/00012024102600017ysclid=m7wxl7m387201169226&index=1> (дата обращения: 01.02.2025).

²⁴ Федеральный закон от 08.08.2024 № 230-ФЗ

Наблюдается активное проникновение ряда идей о государственном регулировании алиментных отношений из экспертной, научной среды в законодательную повестку. Анализ законопроектной работы Государственной Думы Федерального Собрания РФ (далее — ГД ФС) в 2023–2024 гг. показал, что депутатами обсуждался ряд законопроектов, связанных с алиментами: 1) об установлении минимального размера алиментов, выплачиваемых на несовершеннолетних детей (отклонён 25.01.2024 г.)²⁵; 2) о мерах государственной поддержки детей, оставшихся без содержания родителей (плательщиков алиментов), призванных на военную службу по мобилизации в Вооружённые силы РФ, принимающих участие в специальной военной операции (отклонён 31.05.2023 г.)²⁶; 3) о возложении на органы опеки и попечительства обязанности по выплате алиментов в случае, если должник более полугода не исполняет требования по алиментным обязательствам (отклонён 02.10.2024 г.)²⁷.

В 2024 г. Минюстом России был разработан законопроект, предусматривающий закрепление обязанностей родителей по содержанию совершеннолетних детей в связи

«О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных постановлений по делам о взыскании алиментов от 3 марта 2015 г.». — URL : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080027> (дата обращения: 05.03.2025).

²⁵ Законопроект № 322358-8 «О внесении изменений в ст. 81 Семейного кодекса Российской Федерации (в части установления минимального размера алиментов, выплачиваемых на несовершеннолетних детей)». — URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/322358-8?ysclid=m85gwudltc840573789> (дата обращения: 05.03.2025).

²⁶ Законопроект № 218287-8 «О мерах государственной поддержки детей, оставшихся без содержания родителей (плательщиков алиментов), призванных на военную службу по мобилизации в Вооружённые Силы Российской Федерации, принимающих участие в специальной военной операции». — URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/218287-8?ysclid=m85gja13o194660660> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁷ Законопроект № 630282-8 «О внесении изменения в Семейный кодекс Российской Федерации (в части возложения на органы опеки и попечительства обязанности по выплате алиментов в случае, если должник более полугода не исполняет требования по алиментным обязательствам)». — URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/630282-8?ysclid=m85h5aa8ik44597269> (дата обращения: 05.03.2025).

с обучением. Предлагается продлить срок обязанности по уплате алиментов детям, достигшим совершеннолетия и окончившим школу, на период до 1 сентября года, в котором завершено указанное обучение, но не более чем до достижения ими 19 лет; продлить сроки выплаты алиментов совершеннолетним, которые обучаются по очной форме обучения, до окончания обучения, но не более чем до достижения 23-х лет²⁸.

Идея создания государственного алиментного фонда также входила в повестку обсуждений на уровне Правительства РФ. В 2023 г. депутатом ГД ФС РФ Н. Останиной был направлен законопроект (не был поддержан²⁹) о создании алиментного фонда, который функционировал бы при Правительстве РФ, а выплаты были бы не ниже прожиточного минимума. В 2024 г. партией «Новые люди» был разработан проект о создании фонда по алиментам³⁰. Исходя из законодательных новелл и отклонённых законопроектов в этой сфере за последние годы, можно сделать следующие выводы: 1) расширены права истребования алиментов со стороны одного из бывших супругов, осуществляющего уход за общим ребёнком, и пересмотрен период, в течение которого алименты подлежали к уплате; 2) ужесточены меры в отношении должников по алиментам; 3) расширены полномочия ФССП в сборе сведений о занятости должников.

Идеи о продлении периода выплаты алиментов до 23 лет для получения детьми (получающими образование), имеющими право на получение алиментов, нашли воплощение в законопроекте, находящемся на согласовании в Правительстве РФ. Этот проект, если будет принят, может способствовать смягчению негативных социаль-

но-экономических последствий социализации детей в условиях неполной семьи, сокращению неравенства в жизненных шансах детей из семей разных структурных типов. Следует отметить, что в отдельных странах есть противоположный подход, направленный на формирование финансовой самостоятельности детей. В Китае, например, выплата алиментов может быть прекращена после 16 лет, если несовершеннолетний устроится на работу или поступит на военную службу³¹.

Идея о минимальном размере алиментов, которая обосновывалась российскими исследователями, также нашла отражение в законопроекте, который не был поддержан. Установление минимального размера алиментов подразумевает пороговое значение, ниже которого не может быть размер алиментов. Как показывают американские исследователи, введение минимальной ежемесячной суммы алиментов на ребёнка и государственной гарантии, которая позволяла бы устранять разрыв, когда минимальная сумма алиментов на детей превышает разумную сумму, которую может заплатить родитель, не являющийся опекуном, делает более сбалансированными интересы детей и родителей, которые обязаны платить алименты [16, с. 100].

К подходу, подразумевающему увеличение финансовой роли государства в выплате алиментов, близка идея создания гарантированного алиментного фонда. Соответствующий законопроект в России пока не получил поддержки. Концепция о государственных гарантиях алиментных выплат привлекательна для многих стран. В Чехии законодательное предложение о внедрении авансовой системы выплаты алиментов вносилось в парламент несколько раз³². В Финляндии 80% одиноких матерей получает алименты от отцов или из гарантированных выплат государства. В Испа-

²⁸ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве». – URL : <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=151912> (дата обращения: 01.03.2025).

²⁹ Орлов П. Правительство не поддержало идею создания алиментного фонда. – URL : <https://rg.ru/2023/09/14/otca-ne-zameniat.html?ysclid=m7x1ean7fk570789860> (дата обращения: 04.03.2025).

³⁰ «Новые люди» отправили в правительство проект о создании фонда по алиментам. – URL: <https://ria.ru/20240227/alimenty-1929692267.html?ysclid=m7x1ke9f5q145778992> (дата обращения: 01.03.2025).

³¹ Alimony in China. – URL: <https://lawyerschina.net/alimony-in-china/> (дата обращения: 03.03.2025).

³² Single Mothers Facing Poverty. Czech Republic Peer Review on Single Mothers facing Poverty. Ministry of Labour and Social Affairs of the Czech Republic (MOLSA). – URL : <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=18790&langId=en> (дата обращения: 01.03.2025).

нии в 2007 г. был создан гарантийный алиментный фонд для обеспечения минимальной суммы алиментов на ребёнка в случае невыполнения родителем-нерезидентом своих обязательств [17, с. 16]. Отцы, имеющие алиментные обязательства, должны возмещать расходы государства, связанные с выплатами из алиментного фонда. Такой подход используется и в США, где законодательство требует от участников программы временной помощи нуждающимся семьям (TANF) уступки прав на алименты государству, и штат может удерживать денежные средства от отца за оказанную денежную помощь матери и ребёнку [18, с. 30]. Это механизмы, при использовании которых можно столкнуться с проблемой отсутствия денег у отцов-должников.

Попытка расширения участия государства в компенсации выпадающих доходов неполных семей, не получающих алименты, была предпринята в проекте российских законодателей о возложении на органы опеки и попечительства обязанности по выплате алиментов в случае неисполнения должником более полугода требования по алиментам, который был отклонён. Законопроекты, которые не были поддержаны, требуют значительных финансовых средств. Перспективными с точки зрения совершенствования семейного законодательства в России представляются идеи о совместной опеке над детьми обоих родителей, переживших развод. Соответствующая общественная инициатива была размещена в 2023 г. на платформе «Российская общественная инициатива»³³. Предлагаемые изменения касались порядка осуществления опеки над детьми, актуализации перечня оснований для лишения родительских прав, принципа равных обязанностей по содержанию детей. В частности, проект предполагал введение обязанности обоих родителей в случае развода вносить обязательные платежи на специальный счёт, к которому у детей будет ограничен доступ до 18 лет. Инициатива была направлена на внесение измене-

ний не только в СК, но и Уголовный кодекс в части декриминализации преступлений, связанных с неуплатой средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей. Голосование по ней завершилось в июне 2024 г. — инициатива не получила необходимых 100 тыс. голосов, чтобы она была рассмотрена органами власти (5620 голосов «за», 210 голосов «против»), и была закрыта. Таким образом, в настоящее время наблюдается активная законотворческая работа в сфере алиментов, помимо органов власти, политических партий, с законодательными инициативами выступает также российская общественность.

Заключение

Представленные статистические и другие данные показывают неравенство в доходах семей с разной структурой, отставание среднего размера алиментов от прожиточного минимума, низкий потенциал алиментов в снижении бедности семей с детьми по причине их невысокого уровня. С учётом веса социальных пособий в структуре доходов неполных семей можно утверждать, что именно они играют определяющую роль в преодолении бедности семей с детьми. В настоящее время ряд подходов к проблеме алиментных отношений, которые предлагались учёными, начали реализовывать в российском правовом поле. В идеях и инициативах последних лет преобладают два подхода — усиление принуждения, ужесточение мер и расширение финансового участия государства в поддержке семей, которые не получают назначенные на детей алименты. Обновление алиментной политики государства в части гармонизации отношений в этой сфере должно стать частью современной семейно-демографической политики в России.

Представляется целесообразным в программах «Поддержка семьи», «Охрана материнства и детства» национального проекта «Семья» предусмотреть комплекс мероприятий, направленных на укрепление семьи, на гармонизацию отношений в постразводной семье, реабилитацию и ресо-

³³ Инициатива № 77Ф104340 «Закрепление паритетного (совместного) воспитания детей в Семейном кодексе Российской Федерации». — URL : <https://www.roi.ru/104340/> (дата обращения: 05.03.2025).

циализацию отцов-должников по алиментам, поскольку частая причина неуплаты алиментов — бедность нерезидентных отцов и отсутствие ресурсов, низкие доходы, незанятость, социальные девиации. Повторные браки разведённых отцов требуют новых расходных обязательств. При недостаточных ресурсах на алименты и на содержание последующей семьи мужчины-должники становятся объектом, в отношении которого применяются административные и уголовные меры, что ещё более уменьшает его шансы быть вовлечённым от-

цом детей в разных браках. В этом случае нужен поиск новых решений и механизмов.

Считаем, что из рассмотренных в статье инициатив наиболее рациональными являются идеи о введении минимального размера алиментов и правовых механизмов, позволяющих разведённым родителям вести совместную опеку над общими детьми. В России государственный алиментный фонд целесообразно создать в рамках Социального фонда России, который имеет всю необходимую базу данных.

Литература и Интернет-источники

1. **Maldonado, L. C.** Dual-Earner Family Policies at Work for Single-Parent Families / L. C. Maldonado, R. Nieuwenhuis // *The Palgrave Handbook of Family Policy* / R. Nieuwenhuis and W. Van Lancker (eds.). — 2000. — P. 303–330. DOI: 10.1007 / 978-3-030-54618-2_13
2. **Lersch, Ph. M.** Wealth of Children from Single-Parent Families: Low Levels and High Inequality in Germany / Ph. M. Lersch, et al. // *Journal of European Social Policy*. — 2021. — Vol. 31. — Iss. 5. — P. 565–579. DOI: 10.1177 / 09589287211040412
3. **Ржаницына, Л. С.** Улучшение положения детей в разведённых семьях — путь к снижению бедности в России / Л. С. Ржаницына, С. И. Рыбальченко // *Народонаселение*. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 24–32. DOI: 10.19181 / population.2021.24.1.3; EDN: NBNLUG
4. **Шевченко, И. О.** Эволюция научных исследований отцовства / И. О. Шевченко // *Вестник Института социологии*. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 175–196. EDN: YEPMWN
5. **Гурко, Т. А.** Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения / Т. А. Гурко // *Социологические исследования*. — 2008. — № 9(293). — С. 110–120. EDN: JSKHLJ
6. **Ростовская, Т. К.** Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету / Т. К. Ростовская, О. А. Хасбулатова, И. Н. Смирнова // *Женщина в российском обществе*. — 2023. — № 1. — С. 32–42. DOI: 10.21064 / WinRS.2023.1.3; EDN: SLNCBE
7. **Тарандо, Е. Е.** Проблема неуплаты алиментов родителями в России: состояние и перспективы решения / Е. Е. Тарандо // *Теория и практика общественного развития*. — 2023. — № 11. — С. 52–62. DOI: 10.24158 / tipor.2023.11.5; EDN: HGEVNE
8. **Markovsky, A. V.** Legislative Gaps in the Field of Collection of Alimony for Minor Children / A. V. Markovsky // *International Journal of Law in Changing World*. — 2024. — Vol. 3. — No. 1. P. 81–93. DOI: 10.54934 / ijlcw.v3i1.83
9. **Мамедова, М. К.** Правовые проблемы уплаты и взыскания алиментов в судебном порядке / М. К. Мамедова, Е. Г. Францева // *Закон и право*. — 2024. — № 11. — 164–168. DOI: 10.24412 / 2073-3313-2024-11-164-168; EDN: GOKJII
10. **Голосова, Н. С.** Развитие научных представлений о социальной защите детей отдельных категорий в исследованиях по трудовому праву и праву социального обеспечения / Н. С. Голосова // *Российское право: образование, практика, наука*. — 2023. — № 3. — С. 97–110. DOI: 10.34076 / 2410_2709_2023_3_97; EDN: OWPUYR
11. **Карпикова, И. С.** Тенденции развития социальной защиты в разрезе отдельных категорий населения / И. С. Карпикова, Ю. Ю. Шурыгина // *Теория и практика общественного развития*. — 2024. — № 6. — С. 23–31. DOI: 10.24158 / tipor.2024.6.2; EDN: MXNCON
12. **Нуриева, Е. В.** Регулирование алиментных обязательств в Российской Федерации и иных правовых системах иностранных государств / Е. В. Нуриева // *Вестник науки*. — 2024. — Т. 3. — № 1(70). — С. 336–340. EDN: OJOKWE

13. **Гурко, Т. А.** Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей / Т. А. Гурко // Женщины в российском обществе. — 2022. — № 4. — С. 3–14. DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.1; EDN: HСХВЕН
14. **Малинина, Т. Б.** Отцовство как вид трудовой деятельности: взгляд с точки зрения социологии труда / Т. Б. Малинина, Е. Е. Тарандо, Л. Н. Липатова, Ж. К. Симтиков // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 12. — С. 54–61. EDN: VWANLB
15. **Ростовская, Т. К.** Неполная семья в контексте современных демографических концепций / Т. К. Ростовская, О. Д. Натсак // Социальное пространство. — 2024. — Т. 10. — № 2. — С. 1–11. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.10; EDN: UYFSNI
16. **Cancian, M.** Reforming Policy for Single-Parent Families to Reduce Child Poverty / M. Cancian, D. R. Meyer // The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. — Vol. 4. — No. 2. — P. 91–112. DOI: 10.7758/RSF.2018.4.2.05
17. **Cordero-Coma, J.** Child Support after Marital and Cohabitation Dissolution in Spain / J. Cordero-Coma, M. Seiz, T. Martín-García, T. Castro-Martín // Revista Española de Investigaciones Sociológicas. — 2023. — No. 182 — P. 3–22. DOI: 10.5477/cis/reis.182.3
18. **Братарчук, Т. В.** Анализ формирования и реализации социальных программ в зарубежных странах (на примере социальных программ по защите женщин с детьми) / Т. В. Братарчук, Ю. В. Рагулина // Вестник государственного университета просвещения. Серия: Экономика. — 2023. — № 3. — С. 24–32. DOI: 10.18384/2310-6646-2023-3-24-3221; EDN: RMRDNK

Сведения об авторах:

Ростовская Тамара Керимовна, д.соц.н., зам. директора по научной работе, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tamara.rostovskaya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1629-7780; РИНЦ SPIN-код: 1129–8400.

Натсак Органа Доржуевна, к.филос.н., учёный секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия.

Контактная информация: e-mail: nod695596@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1833-4810; РИНЦ SPIN-код: 1143–7043.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-48-60

ALIMONY RELATIONS AND SINGLE-PARENT FAMILIES IN RUSSIA: INSTITUTIONAL CHANGES

Tamara K. Rostovskaya^{1*}, Organa D. Natsak²

¹IDR FCTAS RAS

(6, building 1 Fotieva str., Moscow, Russia, 119333)

²Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research

under the Government of the Republic of Tuva

(4 Kochetova str., Kyzyl, Russia, 667000)

*E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

For citation:

Rostovskaya T. K., Natsak O. D. Alimony relations and single-parent families in Russia: institutional changes. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 48–60. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-48-60 (in Russ.)

Abstract. *The subject of the article is alimony relations and institutional changes in the sphere of their regulation. The purpose of the article is to analyze the financial situation of single-parent families, the role of alimony in their income structure, and changes in institutional approaches to issues in*

the field of alimony relations. As information sources of the article, the authors used statistical data, analytical materials from federal agencies, state reports on the situation of children and families with children, regulatory legal acts and texts of draft laws. The authors also used data from the HSE Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health (RMEH HSE) 2004–2022. Despite the increase in the efficiency of alimony debt collection, the situation has not improved significantly, as evidenced by data on the number of enforcement proceedings for recovery of alimony that were not completed at the end of the reporting period. In most regions of the Russian Federation, regional allowances for children whose parents evade alimony are ineffective due to their small size, which is not comparable to the size of the established subsistence minimum. In recent years, a number of changes have been made to family legislation and the law on enforcement proceedings in the parts related to alimony. There is an active legislative work of various subjects — the deputy corps, political parties, federal executive authorities, regional legislatures, and the public. The initiatives of the recent years are characterized by two approaches — increased coercion, tougher measures, and increased financial involvement of the state in supporting families who do not receive alimony. The initiative on the part of the public is aimed at certain liberalization. Updating the state's alimony policy in terms of harmonizing relations in this area should become a part of modern family and demographic policy in Russia.

Keywords: single-parent families, family income, poverty of single-parent families, alimony, alimony arrears, alimony legislation, practice of foreign countries.

References and Internet sources

1. Maldonado L. C., Nieuwenhuis R. Dual-earner family policies at work for single-parent families. *The Palgrave Handbook of Family Policy*. Eds. R. Nieuwenhuis, W. Van Lancker. 2020. P. 303–330. DOI: 10.1007/978-3-030-54618-2_13
2. Lersch Ph. M., et al. Wealth of children from single-parent families: low levels and high inequality in Germany. *Journal of European Social Policy*. 2021. Vol. 31. No. 5. P. 565–579. DOI: 10.1177/09589287211040412
3. Rzhanitsyna L. S., Rybalchenko S. I. Uluchsheniye polozheniya detej v razvedennykh sem'jakh — put' k snizheniju bednosti v Rossii [Improving the situation of children in divorced families — the way to reduce poverty in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 24–32. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.3 (in Russ.)
4. Shevchenko I. O. Evoljutsija nauchnykh issledovanij otsovsstva [Evolution of scientific research on fatherhood]. *Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2023. Vol. 13. No. 3. P. 175–196. (in Russ.)
5. Gurko T. A. Alimenty: faktor kachestvennogo i kolichestvennogo vosproizvodstva naselenija [Alimony: a factor of qualitative and quantitative reproduction of the population]. *Sotsiologicheskie issledovanija [Sociological Studies]*. 2008. No. 9.(293). P. 110–120. (in Russ.)
6. Rostovskaya T. K., Khasbulatova O. A., Smirnova I. N. Odinkije materi v rossijskom obshchestve: shtrihi k sotsial'nomu portretu [Single mothers in Russian society: Strokes to a social portrait]. *Zhenschchina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian Society]*. 2023. No. 1. P. 32–42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.1.3 (in Russ.)
7. Tarando E. E. Problema neuplaty alimentov roditeljami v Rossii: sostojanice i perspektivy reshenija [The problem of parental non-payment of alimony in Russia: status and prospects of the solution]. *Teorija i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]*. 2023. No. 11. P. 52–62. DOI: 10.24158/tipor.2023.11 (in Russ.)
8. Markovsky A. V. Legislative gaps in the collection of alimony for minor children. *International Journal of Law in Changing World*. 2024. Vol. 3. No. 1. P. 81–93. DOI: 10.54934/ijlcw.v3i1.83
9. Mamedova M. K., Frantseva E. G. Pravovyje problemy uplaty i vyzskanija alimentov v sudebnom porjadke [Legal issues of payment and collection of alimony in court]. *Zakon i pravo [Law and Legislation]*. 2024. No. 11. P. 164–168. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-11-164-168 (in Russ.)

10. Golosova N. S Razvitije nauchnykh predstavlenij o sotsial'noj zashchite detej otdel'nykh kategorij v issledovaniyakh po trudovomu pravu i pravu sotsial'nogo obespechenija [Development of scientific ideas about the social protection of certain categories of children in research on labor law and social security law]. *Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka [Russian Law: Education, Practice, Researches]*. 2023. No. 3. 97–110. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_97 (in Russ.)
11. Karpikova I. S., Shurygina Yu. Yu. Tendentsii razvitija sotsial'noj zashchity v razreze otdel'nykh kategorij naselenija [Development trends of social protection in the context of certain categories of the population]. *Teorija i praktika obshchestvennogo razvitija [Theory and Practice of Social Development]*. 2024. No. 6. P. 23–31. DOI: 10.24158/tipor.2024.6.2 (in Russ.)
12. Nuriyeva E. V. Regulirovaniye alimentnykh obyazatel'stv v Rossijskoj Federatsii i inykh pravoporjadkakh inostrannykh gosudarstv [Regulation of alimony obligations in Russia and other legal systems of foreign states]. *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*. 2024. Vol. 3. No. 1(70). P. 336–340. (in Russ.)
13. Gurko T. A. Razvitije instituta roditel'stva: analiz empiricheskikh pokazatelej [Development of the parenthood institution: analysis of empirical indicators]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian Society]*. 2022. No. 4. P. 3–14. DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.1 (in Russ.)
14. Malinina T. B., Tarando E. E., Lipatova L. N., Simtikov Zh. K. Ottsovstvo kak vid trudovoj dejatel'nosti: vzglyad s tochki zrenija sotsiologii truda [Fatherhood as a type of labor activity: view from the perspective of sociology of labor]. *Teorija i praktika obshchestvennogo razvitija [Theory and Practice of Social Development]*. 2023. No. 12. P. 54–61. (in Russ.)
15. Rostovskaya T. K., Natsak O. D. Nepolnaja sem'ja v kontekste sovremennykh demograficheskikh kontseptsij [Single-parent family in the context of modern demographic concepts]. *Sotsial'noje prostranstvo [Social Area]*. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 1–11. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.10 (in Russ.)
16. Cancian M., Meyer D. R. Reforming policy for single-parent families to reduce child poverty. *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. 2018. Vol. 4. No. 2. P. 91–112. DOI: 10.7758/RSF.2018.4.2.05
17. Cordero-Coma J., Seiz M., Martín-García T., Castro-Martín T. Child support after marital and cohabitation dissolution in Spain. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*. 2023. Vol. 182. P. 3–22. DOI: 10.5477/cis/reis.182.3
18. Bratarchuk T. V., Ragulina Yu. V. Analiz formirovaniya i realizatsii sotsial'nykh programm v zarubezhnykh stranakh (na primere sotsial'nykh programm po zashchite zhenshchin s det'mi) [Analysis of the formation and implementation of social programs in foreign countries (on the example of social programs for the protection of women with children). *Vestnik gosudarstvennogo universiteta prosveshchenija. Seriya: Ekonomika [Bulletin of the State University of Education. Series: Economics]*. 2023. No. 3. P. 24–32. DOI: 10.18384/2310-6646-2023-3-24-3221 (in Russ.)

Information about the authors:

Rostovskaya Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Deputy Director, IDR FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: tamara.rostovskaya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1629-7780; Elibrary SPIN code: 1129–8400.

Natsak Organa Dorzhuyevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia.
Contact information: email: nod695596@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1833-4810; Elibrary SPIN code: 1143–7043.

Статья поступила в редакцию 21.06.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-61-73
EDN: XISKJD

ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИНАМИКА И ПОСЛЕДСТВИЯ

Красинец Е. С.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: e_krasinets@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 25–28–00302. — URL : <https://rscf.ru/project/25–28–00302/>.

Для цитирования:

Красинец Е. С. Внешняя трудовая миграция в современном российском обществе: динамика и последствия // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 61–73. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-61-73; EDN: XISKJD

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальных вопросов международной трудовой миграции на современном этапе развития российской экономики, акцент делается на рассмотрении взаимосвязей рынка труда, дефицита кадров и миграционных процессов. В работе охарактеризованы новые реалии присутствия иностранных работников на национальном рынке труда в увязке с анализом происходящих изменений в объемах предложения рабочей силы и потребностей отраслей экономики в рабочей силе. На основе данных международной и российской статистики, а также проведенных социологических исследований рассмотрены тенденции и особенности международной трудовой миграции, которые в минувшие годы значительно изменили рынок иностранного труда России. Выявлено, что в последнее время наметился тренд ускоренного роста визовой трудовой миграции при стабилизации объемов привлечения и использования безвизовых трудовых мигрантов. Определены противоречивые последствия расширения использования иностранного труда в социально-экономическом развитии страны. Показано, что в современных условиях трудовая миграция является важным фактором, обеспечивающим заполнение ниш на рынке труда и компенсирующим нехватку рабочей силы, однако при этом вклад трудящихся-мигрантов в технологическое развитие и долгосрочный экономический рост остается ограниченным. Особое внимание уделено проблемам регулирования трудовой миграции. Сделан вывод, что российское миграционное законодательство по привлечению низкоквалифицированных работников, квалифицированных и высококвалифицированных специалистов требует корректировки. Необходимо устранение недостатков в правовом регулировании вхождения иностранных граждан на региональные рынки труда и переход к новой модели управления трансграничной трудовой мобильностью, обеспечивающей оптимизацию структуры и селекцию миграционных потоков из-за рубежа. Основные положения исследования могут быть использованы в практической работе по совершенствованию механизмов регулирования привлечения и использования иностранной рабочей силы и в разработке мер государственной иммиграционной политики.

Ключевые слова: рынок труда, кадровый дефицит, внешняя трудовая миграция, трудящиеся-мигранты, миграционная политика.

Введение

Длительной и устойчивой тенденцией в сфере трансграничных людских передвижений является ускоренный рост численности международных мигрантов. По данным Международной организации по миграции, только в период 2000–2024 гг. под воздействием политических, демографических, экономических и социальных трансформаций общее количество международных мигрантов увеличилось на планете с 150 млн человек до 281 млн человек, или в 1,9 раза¹.

Определяющее значение в мировых миграционных потоках имеет международная трудовая миграция. В странах-реципиентах трудовая миграция способствует заполнению вакансий в секторах экономики и на рынках труда, где наблюдается нехватка рабочей силы. В государствах-экспортёрах рабочей силы трудовая миграция предоставляет людям шансы улучшить свои условия жизни, отправляя деньги семьям на родину и внося вклад в развитие экономики своих стран.

В условиях неравенства между странами по уровню развития трансграничная трудовая миграция характеризуется нарастающим трендом. По оценкам Международной организации труда (МОТ), в 2022 г. общее количество трудовых мигрантов на мировом рынке иностранной рабочей силы составляло 167,7 млн человек, или 4,7% мировых ресурсов труда, в том числе 102,7 млн мужчин (61,3%) и 64,9 млн женщин (38,7%)².

Глобальные процессы международной трудовой миграции не смогли обойти стороной и Российскую Федерацию. В настоящее время Россия с её высокой миграционной привлекательностью — крупный импортёр иностранной рабочей силы. Потоки внешней трудовой миграции характеризуются в стране не только возрастающей масштабностью, но и небывалой

сложностью и противоречивостью. С одной стороны, значительный рост трудовых мигрантов восполняет недостающие человеческие ресурсы для развития российской экономики, а с другой, обуславливает возрастание рисков и угроз снижения качества трудового потенциала. Трудящиеся-мигранты в контексте их воздействия на рынок труда, занятость местных работников и экономический рост являются объектами пристального внимания со стороны органов государственного управления, бизнес-структур, политиков, научного сообщества и СМИ. В последние годы дискуссии относительно возможностей и пределов использования иностранных работников в развитии экономики России приобрели особую остроту.

В статье ставится задача дать ответы на ряд вопросов, касающихся противоречий в развитии внешней трудовой миграции, её характеристик, экономических и социально-политических последствий. Прежде всего, каковы объёмы, тенденции и особенности международной трудовой миграции на современном этапе развития России в условиях демографического спада, растущего спроса рынка труда на рабочую силу и возрастающего дефицита кадров? Каково влияние рабочей силы из-за рубежа на национальный рынок труда и социально-экономическое развитие российского общества? Как могут и должны совершенствоваться механизмы привлечения и использования иностранных трудовых мигрантов в контексте разработки и реализации мер, обеспечивающих в перспективе устойчивое экономическое и социальное развитие РФ?

В работе использованы данные Росстата, ведомственной информации МВД и Минтруда России, Международной организации труда, законодательные акты в области регулирования миграции, результаты проведённых социологических исследований, научные публикации российских учёных, а также материалы периодической печати и официальных сайтов по исследуемой тематике.

¹ Доклад о миграции в мире 2024. — Женева : Международная организация по миграции (МОМ). — С. 8.

² ILO Global Estimates on International Migrant Workers. International migrants in the labour force. Fourth edition. — Geneva : International Labour Office, 2024. — P. XVI.

Особенности функционирования российского рынка труда

При рассмотрении тенденций в сфере трудовой иммиграции существенное значение имеет постулат о том, что масштабы и структура вхождения иностранных работников на рынок труда в значительной степени обуславливаются изменениями в экономическом развитии и государственной миграционной политики. Важнейшим фактором, детерминирующим динамику трудовой иммиграции, является функционирование рынка труда. В последние два десятилетия в условиях ухудшающейся демографической ситуации динамика численности населения в трудоспособном возрасте в РФ характеризовалась снижающимся трендом. Начиная с 2012 г., количество трудоспособных россиян убывало темпом до 1 млн человек в год. В России, по оценкам А. В. Топилина и О. Д. Воробьёвой, «за 2016–2019 гг. произошло сокращение численности населения трудоспособного возраста с 84199 тыс. до 80720,4 тыс. (на 3478,6 тыс., или на 4,1%)» [1, с. 857]. В целом за период 2001–2024 гг. данная категория населения сократилась в стране с 88,0 млн человек до 84,7 млн, то есть на 3,3 млн человек, или на 3,75%³. Численность трудоспособного населения уменьшилась бы ещё больше, если бы не началась пенсионная реформа, которая поэтапно увеличивает возраст выхода на пенсию.

В результате демографических перемен объёмы предложения рабочей силы уменьшились. На рынок труда стало вступать малочисленное молодое поколение. Важнейшим изменением в динамике предложения труда стало сжатие рабочей силы в наиболее продуктивных возрастах. В результате только за последние пять лет (2019–2023 гг.) численность экономически активного населения в возрастных группах 20–24 года уменьшилась на 10,8%, 25–29 лет — на 26,7%, 30–34 года — на 6,1%⁴. Преодоле-

ние тенденции сокращения предложения труда в среднесрочной и долгосрочной перспективе маловероятно. По среднему варианту прогноза Росстата (с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.), в период 2026–2045 гг. численность населения в трудоспособном возрасте сократится более чем на 5 млн человек или на 5,9%, при низком варианте прогноза — на 8 млн человек (на 9,3%)⁵.

Одновременно с демографическим спадом и сокращением предложения трудовых ресурсов в экономике стала набирать силу тенденция роста потребности в рабочей силе. В последние годы потребность в труде заметно возросла по многим направлениям развития российской экономики, прежде всего в строительстве, промышленности, сельском хозяйстве и в сфере услуг. На середину 2024 г. в российской экономике, по данным Росстата, зарегистрированный спрос на рабочую силу составил около 2 млн человек⁶. За 2021–2023 гг. потребность в кадрах, только заявленная в органах государственной службы занятости, в сравнении с допандемийным периодом (2017–2019 гг.) увеличилась на 17,2%. В то же время безработица на российском рынке труда демонстрировала устойчивый тренд к снижению. К концу 2024 г. её уровень опустился до беспрецедентно низкого значения — 2,3%. В результате безработица перестала быть резервом, возмещающим недостаток рабочей силы.

Понижающаяся динамика предложения труда, снижение безработицы, людские потери в ходе СВО, частичная мобилизация и релокации трудоспособного населения из России, с одной стороны, и увеличение спроса на рабочую силу, с другой, способствовали росту напряжения на рынке труда и усилению кадрового дефицита, сложившегося, как замечается российскими исследователями, «в различных количествен-

³ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года по среднему варианту прогноза / Статистический бюллетень. — Москва, 2023 (размещено 29.12.2023) — URL : <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>.

³ Российский статистический ежегодник. 2024: Статистический сборник / Росстат. — Москва, 2024. — С. 88.

⁴ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024. Статистический сборник / Росстат. — Москва, 2024. — С. 18.

⁶ Социально-экономическое положение России. Январь 2025 года. / Росстат. — URL : <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 15.04.2025).

ных значениях, отдельных профессиональных нишах и территориях» [2, с. 179]. Приведённые специалистами Института экономики РАН расчёты показывают, что на российском рынке труда в результате количественных и структурных диспропорций между спросом на труд и его предложением «нехватка работников в 2023 г., ориентировочно, составила 4,8 млн человек» [3, с. 22].

Дефицит кадров стал устойчивым явлением и постоянной характеристикой функционирования и развития российского рынка труда. Неудовлетворённый спрос на рабочую силу и кадровый голод с особой остротой стали ощущаться в ведущих секторах экономики — в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте и в сфере услуг. В экономике сложилась ситуация, когда при наличии хорошо образованной рабочей силы стало не хватать квалифицированных и опытных работников, прежде всего специалистов рабочих специальностей, высококвалифицированных кадров, умеющих работать на новейшем оборудовании, современных станках и овладевать передовыми технологиями. В условиях длительного превышения количества вакансий над числом безработных и постепенного исчерпания свободных ресурсов труда проблема кадрового дефицита является одним из главных вызовов для устойчивого развития экономики России. По мнению многих российских учёных, дефицит кадров на российском рынке труда — долгосрочное явление. В частности, по оценкам одного из ведущих российских экономистов Р.И. Капелюшникова, «в ближайшие десятилетия нехватка рабочей силы, скорее всего, преодолена не будет» [4, с. 258].

Тенденции развития внешней трудовой миграции в Россию

Возможности сокращения кадрового дефицита связаны с использованием как внутренних резервов, так и внешних источников рабочей силы. В России среди внешних способов решения данной проблемы важным направлением является привлечение иностранных трудовых мигрантов. Согласно

данным официальной статистики, в 2022 г. в структуре баланса трудовых ресурсов страны среднегодовая численность трудящихся-мигрантов составляла 3,5 млн человек (3,8%)⁷. По имеющимся оценкам, с учетом незаконной составляющей доля иностранных работников в общей численности занятых находится на уровне 10–12% [5, с. 511].

Статистика свидетельствует, что на протяжении всего постсоветского периода в России наблюдалась тенденция роста трудовой миграции из-за рубежа. В начальный период перехода к рыночной экономике потоки трудовых мигрантов в РФ отличались крайне малыми масштабами. «В начале 1990-х гг. в России было занято около 100 тыс. трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья» [6, с. 105]. В первой половине 2000-х гг. количество зарубежных работников на российском рынке труда составляло уже около 1,0 млн человек. По данным Росстата, в течение 2010–2022 гг. численность внешних трудовых мигрантов увеличилась в стране на 1,5 млн человек, или в 1,8 раза.

Большое влияние на тенденции развития трудовой иммиграции оказали не только социально-экономические изменения, происходящие в России и мире, но и пандемия COVID-19. До пандемии на территорию РФ для работы ежегодно въезжало свыше 5 млн иностранных граждан, из них более 90% — из стран СНГ. В период пандемии под воздействием закрытия границ произошло существенное сокращение масштабов использования иностранного труда. В 2020 г. численность трудовых мигрантов сократилась почти вчетверо⁸. В третьем десятилетии XXI в. с выходом из кризиса, связанного с пандемией, динамика трудовой миграции стала быстро восстанавливаться. По данным Пограничной службы ФСБ РФ, в 2023 г. в сравнении с 2020 г. въезд в Россию иностранных граждан с целью «работа» увеличился с 1,1 до 4,5 млн человек или в 4 раза, превысив уровень допандемийного 2019 г. на 10% (рис. 1).

⁷ Труд и занятость в России. 2023: Статистический сборник / Росстат — Москва, 2023. — С. 80.

⁸ Иностранная рабочая сила в России, 2022–2023 годы // Демоскоп Weekly. — URL : <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01005/index.php> (дата обращения: 05.04.2025).

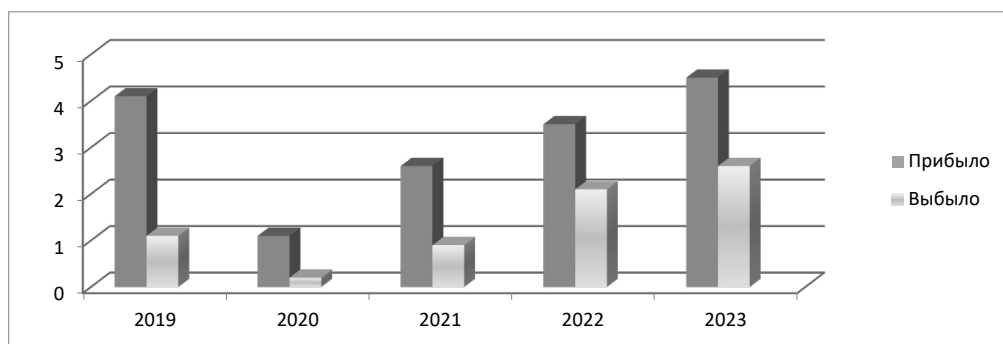

Рис. 1. Динамика прибытий/выбытий иностранных граждан, въехавших в Россию с целью «работа», млн человек

Fig 1. Dynamics of arrivals/departures of foreign citizens who entered Russia for the purpose of «work», million people

Источник: Статистический бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году». — Москва, 2024 и предыдущие годы выпуска. Росстат. — URL : <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 07.04.2025).

За последние несколько лет под воздействием геополитических изменений, ослабления курса рубля, принятия новых законодательных норм по ужесточению миграционной политики объёмы документированной трудовой иммиграции в РФ стабилизировались. На основании данных официальной статистики в период 2022–2024 гг. для безвизовых трудовых мигрантов ежегодно оформлялось около 2,1 млн патентов⁹.

Вместе с тем, высокий внутренний спрос на рабочую силу создал возможности для роста в России визового сектора трудовой иммиграции. В настоящее время динамика визовой компоненты привлечения и использования иностранной рабочей силы заметно превышает динамику безвизовой трудовой иммиграции. По данным МВД РФ, в 2023 г. в сравнении с 2022 г. рост числа визовых иностранных работников составил 23,6%, а безвизовых мигрантов, представляющих основной сегмент иммиграции на российский рынок труда, — 3,6%¹⁰. Одновременно с ростом

визовой трудовой иммиграции увеличилась и потребность в иностранных работниках из визовых стран. В 2025 г. в сравнении с 2024 г. квота на привлечение в РФ трудовых мигрантов, прибывающих по визам, возросла в 1,5 раза¹¹.

В последние годы под воздействием изменений в экономике, перемен в геополитической обстановке и миграционной политики активизировалась возвратная трудовая миграция. В значительной мере уход мигрантов с рынка труда был связан с ужесточением миграционной политики и вводимыми административными ограничениями на привлечение и использование иностранной рабочей силы. При этом, как отмечают исследователи, «количество ограничений и запретов на привлечение иностранной рабочей силы в РФ, вводимых на региональном уровне в 2024 г., выросло многократно по сравнению с предыдущими годами» [7, с. 108]. В результате в минувшие годы общее положительное сальдо въезда-выезда потоков трудовых мигрантов увеличивалось меньшим темпом, чем

⁹ Численность иностранной рабочей силы (патенты) // ЕМИСС. — URL: <https://fedstat.ru/indikator/58169> (дата обращения: 10.05.2025).

¹⁰ Министерство внутренних дел Российской Федерации - <https://мвд.рф>. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года. — URL : <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/> (дата обращения: 12.05.2025).

¹¹ Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2024 г. № 1707 «Об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2025 год». — URL : <https://rg.ru/documents/2024/12/09/o-privlechenii-inostrannyh-rabotnikov-dok.html> (дата обращения: 15.05.2025).

нарастание вхождения иностранных работников на российский рынок труда.

Большая часть иностранной рабочей силы подстроилась к новым условиям развития экономики и демонстрирует свою готовность остаться в стране в течение долгого времени. В результате адаптации к внутренним и внешним вызовам трудовые мигранты всё более ориентируются на долгосрочное пребывание в стране. По данным проведенных нами социологических исследований иностранных работников¹², в 2022 г. по сравнению с годом ранее с 23% до 29% возросла доля тех мигрантов, кто планирует жить и работать в России длительное время (более года) и только потом вернуться домой. В 2022 г. относительно 2020 г. доля тех, кто намерен остаться в стране навсегда, увеличилась с 37% до 44%.

Социально-экономические последствия использования иностранного труда

Внешняя трудовая миграция в Россию представляет собой сложный и многоаспектный процесс, который имеет как положительные, так и отрицательные последствия, требующие взвешенного подхода к регулированию вхождения иностранных работников на национальный рынок труда. В период возрастающего дефицита трудовых ресурсов приток мигрантов способствует развитию российской экономики. Основной положительный эффект притока иностранных трудовых мигрантов связан с восполнением естественных потерь трудовых ресурсов и наращиванием ресурсного потенциала экономического роста. В «Концепции государственной миграционной политики России до 2025 года» утверждается, что «привлечение иностранных работников в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для её дальнейшего поступательного развития»¹³.

¹² Опрос трудовых мигрантов проводился в период 2020–2022 гг. на территории Калининградской области (N=900).

¹³ Указ Президента РФ «О Концепции миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.» от 31 ок-

С привлечением иностранных работников реализуются многие важные инвестиционные проекты. Рабочая сила из-за рубежа используется как для решения экономических задач, так и в сфере социальных услуг для населения. Трудящиеся-мигранты вовлечены в строительство и сезонные работы, заняты в сельском хозяйстве, трудятся в сфере торговли, общественного питания, на транспорте, в ЖКХ и гостиничном бизнесе, оказывают различные услуги домохозяйствам, осуществляют уход на дому за детьми, больными и престарелыми. Компенсируя недостаток ресурсов труда, трудовые мигранты помогают заполнять нехватку рабочей силы в различных секторах экономики, где наблюдается недостаток местной рабочей силы, и особенно в тех отраслях, где местные жители не хотят или не могут работать.

В условиях рыночной экономики трудящиеся-мигранты позволяют российским компаниям, малым и средним предприятиям сохранять конкурентоспособность. Финансовые поступления от мигрантов, особенно связанные с получением патентов, помогают в регионах РФ поддерживать бюджетные расходы на различные социальные программы и инфраструктурные проекты. Проведенные исследования показали, что «трудовая миграция оказывает положительное влияние на человеческий капитал и улучшает состояние экономики в условиях кризиса» [8, с. 174]. В ближайшей и более отдалённой перспективе экономика России «обречена на привлечение иностранной рабочей силы» [9, с. 96], а «замена гастарбайтеров россиянами маловероятна» [10, с. 66].

Однако, с другой стороны, нельзя не видеть ряд острых проблем в экономическом и социально-политическом развитии России, связанных с масштабным использованием иностранных трудовых мигрантов. Основной отрицательный эффект связан с наполнением российского рынка труда низкоквалифицированной рабочей силой. В то же время, по мнению учёных Института экономики РАН, привлечение и исполь-

тября 2018 года. — URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/598986>.

зование малоквалифицированной рабочей силы ведет «не к преодолению, а к дальнейшему углублению структурных диспропорций на рынке труда, которые в перспективе будет ещё сложнее восполнить, опираясь на внешние источники рабочей силы» [11, с. 77]. Использование работодателями дешёвой иностранной рабочей силы низкой квалификации ставит преграды для роста производительности труда, повышения эффективности занятости и роста оплаты труда российских граждан. Сложившаяся структура занятости иностранной рабочей силы сдерживает внедрение новой техники и передовых технологий. Масштабное привлечение и использование дешёвого неквалифицированного труда мигрантов является главным препятствием для инновационного развития российской экономики.

Негативные аспекты привлечения большого контингента иностранных трудовых мигрантов определяются ещё и тем, что при обеспечении кадровой составляющей российского рынка труда мигрантская занятость в значительной мере встраивается в неформальные и теневые сектора экономики. Труд незаконных мигрантов прочно срastaется с теневой экономикой, дешёвая рабочая сила активно используется недобросовестными предпринимателями, теневым и криминальным бизнесом. Незаконная занятость трудовых мигрантов способствует усилению напряжённости на «формальном» рынке труда, распространению нелегитимных видов занятости, снижению налоговых поступлений.

Всё чаще в фокусе общественного обсуждения оказываются проблемы возрастания угроз социокультурной безопасности и роста уровня конфликтогенности. В социальной сфере, как отмечает в своей работе И. П. Цапенко, «особую остроту социальным проблемам придаёт инокультурный характер современной иммиграции» [12, с. 908]. Концентрация большого количества трудовых мигрантов на отдельных территориях приводит к нарушению этнокультурного баланса, меняет этнический облик местного населения, в полиэтнических территориях и крупных городских агломерациях уве-

личивает конфликтный потенциал трудовой иммиграции. Важными остаются проблемы, связанные с социально-культурной адаптацией и интеграцией трудовых мигрантов, а также с решением вопросов, с которыми сталкиваются дети мигрантов при обучении в российских школах в связи с их недостаточным знанием русского языка. В точках миграционного притяжения растёт этническая преступность, некоторые сферы рынка труда испытывают серьёзное давление со стороны мигрантов. В связи с масштабным притоком иностранной рабочей силы усиливаются социальные и культурные различия между местными жителями и мигрантскими сообществами, формируются закрытые этнические общины и анклавы. Массовый приток в Россию несущих другую культуру и не желающих адаптироваться мигрантов — серьёзный вызов национальной безопасности страны.

Обновление механизмов регулирования внешней трудовой миграции

Использование в России потенциала трудовой иммиграции в значительной мере связано с проведением государственной миграционной политики. Цели, направления и механизмы реализации миграционной политики в сфере регулирования трудовой иммиграции определены в «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» и действующим законодательством о пребывании и осуществлении трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ. С начала 2024 г. в РФ были усовершенствованы инструменты правового регулирования в миграционной сфере, направленные на усиление иммиграционного контроля, что позволило создать более эффективную систему противодействия незаконной трудовой миграции и занятости иностранных граждан.

Накопившиеся к настоящему времени проблемы в сфере трудовой иммиграции требуют дальнейшего сокращения сегмента нерегистрируемой занятости мигрантов и корректировки механизмов регулирова-

ния притока иностранных работников в соответствии с потребностями развития национальной экономики и интересами российского общества. В практике управления миграционными процессами федеральными и региональными органами исполнительной власти высокую важность должны занять мероприятия по упорядочению трудовой иммиграции и преодолению её стихийного развития.

Повышение эффективности управления потоками трудящихся-мигрантов требует внесения дальнейших изменений в миграционное законодательство. Регулирование привлечения иностранной рабочей силы должно осуществляться на основе принципа приоритетного использования национальных кадров. Необходимо разработать такие организационно-правовые механизмы, которые на практике обеспечивали бы занятие свободных рабочих мест иностранными работниками только в случае отсутствия спроса на них со стороны российских граждан.

Исходя из реальной ситуации на российском рынке труда и тенденций её развития важной задачей является разработка и введение в действие комплекса мер по переходу к новой модели управления трудовой иммиграцией. Регулирования трудовой иммиграции должны обеспечить, с одной стороны, отбор востребованных категорий работников, а с другой — ограничение притока неквалифицированной рабочей силы и отсев избыточных групп трудовых мигрантов.

Приоритетными задачами регулирования численности иностранных работников являются повышение качества трудовой иммиграции, упрощение процедур привлечения квалифицированных трудящихся-мигрантов, введение виз для высококвалифицированных иностранных специалистов, а также установление балльной системы оценок отбора трудовых мигрантов для получения ими вида на жительство. Наличие высококвалифицированных специалистов из-за рубежа может послужить двигателем инноваций и технического прогресса в различных отраслях российской экономики.

Как отмечается в исследованиях российских ученых, в практике регулирования трудовой иммиграции следует создавать условия для привлечения таких категорий иностранных работников, использование которых не будет «превращаться в источник социально-политической напряжённости, диаспоральной разобщённости и открытой сегрегации со всеми её прелестями» [13, с. 140]. Регулирующие воздействия в иммиграционной политике должны быть более эффективно использованы для «ограничения рискоёмких контингентов иностранных граждан» [14, с. 10] и с учетом «стратегических интересов коренных народов России» [15, с. 52].

Для принятия обоснованных управленческих решений по вопросам регулирования трудовой иммиграции одним из ключевых вопросов является создание надёжной информационной базы данных о трудящихся-мигрантах. В статистической практике необходимо создать систему показателей состояния и развития международной трудовой миграции в целом по стране и её регионам, сформировать более точную статистику о динамике и направлениях трансграничных передвижений трудовых мигрантов, расширить диапазон данных об их демографических, социально-экономических, профессионально-квалификационных характеристиках. В сфере статистического наблюдения за миграционными процессами следует перейти от данных административного учёта выданных в России патентов на работу к подробной социально-демографической статистике иностранных работников. К числу важных задач регулирования привлечения и использования иностранной рабочей силы относится развитие системы мониторинга ситуации на рынке иностранного труда, проведение анализа и прогнозирования потоков трудовой иммиграции.

Заключение

Результаты исследования демонстрируют, что трудящиеся-мигранты представляют собой важный ресурс формирова-

ния и использования трудового потенциала страны. В последние годы сохранялась зависимость отечественного рынка труда от внешних трудовых мигрантов. Рост российской экономики сопровождался расширением объемов трудовой иммиграции, в то же время темпы её увеличения замедлились. В преодолении усугубляющегося в настоящее время дефицита кадров наблюдается стабилизация сегмента зарегистрированной безвизовой трудовой миграции и рост привлечения визовой иностранной рабочей силы.

Современное экономическое развитие России характеризуется не только увеличением присутствия иностранных трудовых мигрантов на национальном рынке труда, но и противоречивыми последствиями трудовой иммиграции. С одной стороны, трудовая иммиграция является важным фактором обеспечения сбалансированности рынка труда. Рост численности трудовых мигрантов восполняет недостающие человеческие ресурсы и положительным образом сказывается на развитии российской экономики. С другой, масштабное привлечение и использование низкоквалифицированной рабочей силы снижает качество трудовых ресурсов. Как следствие стихийных потоков трудовой иммиграции развитие получают теневые сферы занятости и незаконное использование иностранных работников.

Извлечение большей пользы от трудовой иммиграции и уменьшение связанных с ней издержек и негативных последствий требует перехода к проведению селективной иммиграционной политики, означаю-

щей дифференциацию подходов и, соответственно, правовых механизмов регулирования вхождения мигрантов из-за рубежа на российский рынок труда. Для решения тактических и стратегических задач повышения эффективности управления внешней трудовой миграцией инструменты регулирования привлечения и использования рабочей силы из-за рубежа должны обеспечить, с одной стороны, приток востребованных категорий иностранных работников, а с другой — отсев избыточных групп трудовых мигрантов. Дифференцированный подход к привлечению и использованию внешних трудовых мигрантов будет содействовать преодолению трудностей в оптимизации потоков трудовой иммиграции с целью динамичного развития российской экономики.

Особое внимание в практике регулирования использования иностранной рабочей силы в отечественной экономике следует уделить улучшению информационного обеспечения политики в области трудовой иммиграции и созданию информационной платформы данных о трудящихся-мигрантах. Одновременно — повысить надёжность и достоверность статистической информации по вопросам вхождения иностранных работников на российский рынок труда. Для принятия более обоснованных управленческих решений в сфере регулирования рынка иностранного труда целесообразно расширить диапазон статистических демографических и социально-экономических параметров, характеризующих въезд, пребывание и занятость трудовых мигрантов.

Литература и Интернет-источники

1. **Топилин, А. В.** Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов в России / А. В. Топилин, О. Д. Воробьёва // Вестник Российской академии наук. — 2021. — Т. 91. — № 9. — С. 856–864. DOI: 10.31857 / S0869587321090097; EDN: JXOCNN
2. **Колесникова, О. А.** Кадровый дефицит на современном рынке труда России: проявления, причины, тренды, меры преодоления / О. А. Колесникова, Е. В. Маслова, И. В. Окоелых // Социально-трудовые исследования. — 2023. — № 53(4). — С. 179–189. DOI: 10.34022 / 2658-3712-2023-53-4-179-189; EDN: DLOSFN
3. **Ахапкин, Н. Ю.** Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения / Н. Ю. Ахапкин // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2023. — № 6. — С. 7–25. DOI: 10.52180 / 2073-6487_2023_6_7_25; EDN: CONFFG

4. **Капелюшников, Р. И.** Кривая Бевериджа: что она говорит о ситуации на российском рынке труда? / Р. И. Капелюшников // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2024. — № 4(65). — С. 246–258. DOI: 10.31737 / 22212264_2024_4_246-258; EDN: GTYWHS
5. **Гребенюк, А. А.** Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий / А. А. Гребенюк // Экономика региона. — 2020. — Т. 16. — Вып. 2. — С. 507–521. DOI: 10.17059 / 2020-2-13; EDN: BIAOBU
6. **Красинец, Е. С.** Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 104–115. DOI: 10.19181 / population.2022.25.2.9; EDN: GOFHPM
7. **Смидович, Г. С.** Ограничения и запреты на привлечение иностранной рабочей силы в РФ в общественном дискурсе и практиках органов государственной власти / Г. С. Смидович // Межэтнические отношения, идентификационные и интеграционные процессы в период социальных трансформаций. Информационно-аналитический бюллетень ФНИСЦ РАН. — 2024. — № 1. — С. 95–108. DOI: 10.19181 / INAB.2024.1.9; EDN: RQAZIA
8. **Тухтарова, Е. Х.** Влияние трудовой миграции на человеческий капитал и ВРП регионов России / Е. Х. Тухтарова // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 4. — С. 163–177. DOI: 10.19181 / population.2022.25.4.14; EDN: BDGTBB
9. **Ионцев, В. А.** Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России / В. А. Ионцев // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2023. — № 2. — С. 90–96. DOI: 10.24412 / 1994-3776-2023-2-90-96; EDN: AXNOWY
10. **Седлов, А. П.** Рынок труда иностранной рабочей силы в России: влияние пандемии / А. П. Седлов, Е. С. Кубишин, И. В. Соболева // Россия и мир в XXI веке. — 2021. — № 3(112). — С. 59–72. DOI: 10.31249 / rsm / 2021.03.04; EDN: PXOTEG
11. **Бараненкова, Т. А.** Структурные дефициты российского рынка труда и риски миграции / Т. А. Бараненкова, И. В. Соболева // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2018. — № 5. — С. 66–78. DOI: 10.24411 / 2073-6487-2018-00005; EDN: YLZLAL
12. **Цапенко, И. П.** Социальные эффекты иммиграции / И. П. Цапенко // Вестник Российской академии наук. — 2015. — Т. 85. — № 10. — С. 906–915. DOI: 10.7868 / S0869587315100205; EDN: UIMLHV
13. **Комаровский, В. В.** Концепция миграционной политики и трудовая миграция: что можно или нужно сделать? / В. В. Комаровский // Общественные науки и современность. — 2019. — № 5. — С. 132–141. DOI: 10.31857 / S086904990006570-9; EDN: FLNMPF
14. **Волох, В. А.** Риск-ориентированный подход в государственном управлении внешней миграцией / В. А. Волох, Т. Н. Дмитриева // Управление. — 2024. — Т. 12. — № 1. — С. 5–15. DOI: 10.26425 / 2309-3633-2024-12-1-5-15; EDN: DJTOOP
15. **Локосов, В. В.** Внешняя миграция в России и её предельно критические ограничения / В. В. Локосов // Федерализм. — 2016. — № 2(82). — С. 43–52. EDN: WDIQGT

Сведение об авторе:

Красинец Евгений Семенович, к.э.н., зав. лабораторией, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: e_krasinets@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8608-7116; РИНЦ SPIN код: 5633–4510.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-61-73

EXTERNAL LABOR MIGRATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: DYNAMICS AND CONSEQUENCES

Evgeny S. Krasinets

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)

E-mail: e_krasinets@mail.ru

Funding:

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00302. – URL : <https://rscf.ru/project/25-28-00302/>.

For citation:

Krasinets E.S. External labor migration in modern Russian society: dynamics and consequences. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 61-73. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-61-73 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to study of the topical issues of international labor migration at the current stage of development of the Russian economy with a special focus on examining the relationship between the labor market, labor shortages and migration processes. The paper characterizes the new realities of the presence of foreign workers in the national labor market in conjunction with an analysis of the ongoing changes in the volume of labor supply and the labor needs of economic sectors. Based on official international and Russian statistics and conducted sociological research, the current trends, long-term tendencies and features of labor immigration, which in recent years have significantly changed the foreign labor market in Russia, are examined. The contradictory consequences of the increased use of foreign labor on the country's socio-economic development are discussed. It is shown that in modern conditions labor immigration is an important factor in filling niches in the labor market and compensating for labor shortages, but the contribution of migrant workers to technological development and long-term economic growth remains limited. Particular attention is paid to the problems of regulating labor immigration. It is concluded that Russian migration legislation on attracting low-skilled workers, qualified and highly qualified specialists requires adjustment and modernization. It is necessary to eliminate shortcomings in the legal regulation of the entry of foreign citizens into regional labor markets and to move to a new model of managing cross-border labor mobility that ensures optimization of the structure and selection of migration flows from abroad. The main provisions of the study can be used in practical work to improve the mechanisms for regulating the attraction and use of foreign labor and in the development of state immigration policy measures.*

Keywords: labor market, personnel shortage, external labor migration, migrant workers, migration policy.

References and Internet sources

1. Topilin A. V., Vorob'eva O. D. Demograficheskaya situatsiya i osobennosti formirovaniya trudovykh resursov v Rossii [Demographic situation and peculiarities of the formation of labor resources in Russia]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2021. Vol. 91. No. 9. P. 856–864. DOI: 10.31857/S0869587321090097 (in Russ.)
2. Kolesnikova O. A., Maslova E. V., Okolelykh I. V. Kadrovyy defitsit na sovremennom rynke truda Rossii: proyavleniya, prichiny, trendy, mery preodoleniya [Personnel shortage in the current Russian labor market: manifestations, causes, trends, measures to overcome it]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya [Social and Labor Research]*. 2023. No. 53(4). P. 179–189. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189 (in Russ.)

3. Akhapkin N. Yu. Rossijskaya ekonomika v usloviyakh sanktsionnykh ogranichenij: dinamika i strukturnye izmeneniya [Russian economy under sanctions: dynamics and structural changes]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2023. No. 6. P. 7–25. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25 (in Russ.)
4. Kapelyushnikov R. I. Krivaya Beveridzha: chto ona govorit o situatsii na rossijskom rynke truda? [The Beveridge Curve: What does it tell us about the stance of the Russian labor market?]. Zhurnal Novej ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]. 2024. No. 4(65). P. 246–258. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_246-258 (in Russ.)
5. Grebenyuk A. A. Potrebnost' rossijskoj ekonomiki v inostrannykh trudovykh resursakh v usloviyakh vnedreniya novykh tekhnologij [Demand of the Russian economy for foreign labor in the context of new technologies implementation]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2020. Vol. 16. Iss. 2. P. 507–521. DOI: 10.17059/2020-2-13 (in Russ.)
6. Krasinets E. S. Mezhdunarodnaya trudovaya migratsiya v razvitii sovremennoj Rossii [International labor migration in the development of modern Russia]. Narodonaselenie [Population]. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 104–115. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.9 (in Russ.)
7. Smidovich G. S. Ogranicheniya i zaprety na privlechenije inostrannoj rabochej sily v RF v obshchestvennom diskurse i praktikakh organov gosudarstvennoj vlasti [Restrictions and prohibitions on the recruitment of foreign labor force in the Russian Federation in public discourse and practices of government bodies]. Mezhetnicheskiye otnosheniya, identifikatsionnyje i integratsionnyje processy v period sotsial'nykh transformatsij [Interethnic Relations, Identification and Integration Processes in the Period of Social Transformations]. Informatsionno-analiticheskij byulleten' FNIS RAN [Information and analytical bulletin' of the FCTAS RAS]. 2024. No. 1. P. 95–108. DOI: 10.19181/INAB.2024.1.9 (in Russ.)
8. Tukhtarova E. Kh. Vliyanije trudovoj migratsii na chelovecheskij kapital i VRP regionov Rossii [Impact of labor migration on human capital and GRP of Russian regions]. Narodonaselenie [Population]. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 163–177. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.14 (in Russ.)
9. Iontsev V. A. Mezhdunarodnaya trudovaya migratsiya v usloviyakh «komfortnogo» rynka truda v Rossii [International labor migration in a «comfortable» labor market in Russia]. Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. 2023. No. 2. P. 90–96. DOI: 10.24412/1994-3776-2023-2-90-96 (in Russ.)
10. Sedlov A. P., Kubishin E. S., Soboleva I. V. Rynok truda inostrannoj rabochej sily v Rossii: vliyanije pandemii [Migrant labor market in Russia: influence of the pandemic]. Rossiya i mir v 21 veke [Russia and the World in the 21st Century]. 2021. No. 3(112). P. 59–72. DOI: 10.31249/rsm/2021.03.04 (in Russ.)
11. Baranenkova T. A., Soboleva I. V. Strukturnyje defitsity rossijskogo rynka truda i riski migratsii [Structural deficiencies of the Russian labor market and migration risks]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2018. No. 5. P. 66–78. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00005 (in Russ.)
12. Tsapenko I. P. Sotsial'nyje efekty immigratsii [Social effects of immigration]. Vestnik Rossijskoj akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2015. Vol. 85. No. 10. P. 906–915. DOI: 10.7868/S0869587315100205 (in Russ.)
13. Komarovskiy V. V. Kontseptsiya migratsionnoj politiki i trudovaya migratsiya: chto mozžno ili nuzhno sdelat'? [The concept of migration policy and labor migration: what can or should be done?]. Obshchestvennyje nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]. 2019. No. 5. P. 132–141. DOI: 10.31857/S086904990006570-9 (in Russ.)
14. Volokh V. A., Dmitrieva T. N. Risk-orientirovannyj podhod v gosudarstvennom upravlenii vneshnej migratsii [Risk-based approach in external migration public management]. Upravlenije [Management]. 2024. Vol. 12. No. 1. P. 5–15. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-1-5-15 (in Russ.)
15. Lokosov V. V. Vneshnyaya migratsiya v Rossii i yeyo predel'no kriticheskije ogranicheniya [External migration in Russia and its extremely critical limitations]. Federalizm [Federalism]. 2016. No. 2(82). P. 43–52. (in Russ.)

Information about the author:

Krasinets Evgeny Semyonovich, Candidate of Economics, Head of Laboratory, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: E-mail: e_krasinets@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8608-7116; Elibrary SPIN-code: 5633–4510.

Статья поступила в редакцию 28.05.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-74-85
EDN: OQXYTU

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА ВОЗВРАТНЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Соколова А. А.

Вологодский научный центр РАН
(160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56А)

E-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 23-28-01395. — URL : <https://rscf.ru/project/23-28-01395/>.

Для цитирования:

Соколова А. А. Региональная дифференциация половозрастного состава возвратных трудовых мигрантов в России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 74-85. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-74-85; EDN: OQXYTU

Аннотация В статье рассматриваются половозрастные характеристики возвратных трудовых мигрантов в России на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 года. Анализ показал, что мужчины составляют 61,7% от общей численности возвратных трудовых мигрантов, при этом наиболее высокая доля мужского участия отмечается в регионах с развитой добывающей и обрабатывающей промышленностью. Различия в распределении удельного веса мужчин и женщин по возрастным группам относительно невелики и для обоих полов характерно участие в возвратной трудовой миграции преимущественно в трудоспособных молодых возрастах (от 30 до 39 лет), что свидетельствует о том, что данный вид миграции привлекает работников, у которых уже получено профессиональное образование и есть необходимый трудовой опыт. Молодые работники чаще согласны преодолевать большие расстояния ради карьерного роста, что характерно для начальных этапов их профессиональной деятельности. С увеличением возраста, вступлением в брак и расширением семьи наблюдается тенденция к сокращению дистанций поездок: пожилые работники предпочитают перемещения на более короткие расстояния, однако, расстояния поездок могут кратковременно увеличиваться перед выходом на пенсию. Материалы исследования представляются полезными в части понимания динамики пространственных перемещений рабочей силы в условиях демографических и экономических изменений в России. Полученные данные выступают в качестве важного этапа систематизации эмпирических данных в отношении возвратной трудовой миграции и в формировании аналитической базы для дальнейших исследований.

Ключевые слова возвратная трудовая миграция, вахта, половозрастные характеристики возвратных трудовых мигрантов, региональная дифференциация.

Изменения численности и структуры трудоспособного населения отчасти формируют кадровый дефицит в ряде регионов страны, побуждая работодателей расширять географию поиска сотрудников. На фоне старения населения наблюдается снижение притока молодёжи на рынок труда, что вынуждает работодателей нанимать работников из старших возрастных групп. Одновременно трансформируются объёмы и структура иностранной трудовой миграции, которая претерпевает изменения под влиянием внешних и внутренних факторов (санкционное давление, депортации¹, ужесточение миграционного законодательства² и др.). В этой ситуации возвратная трудовая миграция³ становится важным механизмом перераспределения трудовых ресурсов между территориями, способствуя поддержанию занятости и сглаживанию региональных диспропорций на локальных рынках труда.

Одним из преимуществ возвратной трудовой миграции является устойчивость ее трендов на протяжении длительного времени, как в части ее видов [1], так и в целом. Вместе с тем оценка масштабов данного явления на общестрановом уровне затруднена, что во многом обуславливается спецификой источников, используемых для анализа. Основными источниками, позволяющими оценить масштабы явления, являются Выборочное обследование рабочей силы (далее — ОРС, позволяет проследить динамику с 2013 г.) и Всероссийская перепись населения 2020 г. (далее — ВПН-2020, срез данных по состоянию на 2021 г.). Важно отметить, что ОРС фиксирует лишь межре-

гиональные перемещения, что существенно занижает масштабы возвратной трудовой миграции: на долю возвратной трудовой миграции приходится от 3,3% занятого населения в 2013 г. до 3,7% в 2023 г., где при этом преобладают вахтовые формы занятости. ВПН-2020, позволяет более полно учесть масштабы явления за счет включения помимо межрегиональных еще и внутрирегиональные перемещения. Так, по итогам переписи, в 2021 г. доля возвратных трудовых мигрантов составила 10,4% от общей численности занятого населения России, из которых 77,4% пришлось на маятниковых трудовых мигрантов. Сопоставление этих источников указывает не только на методологических различиях в подходах к измерению, но и подчеркивают необходимость создания более точного систематического учёта всех форм возвратной трудовой миграции на национальном уровне. [3].

При этом исследование возвратной трудовой миграции на уровне страны не раскрывает всей полноты территориальных различий, поскольку ситуация в регионах в отношении динамики и масштабов данного явления остается неоднородной. Так, в отдельных регионах (например, Московской области и Москве) более детальные исследования на основе данных операторов сотовой связи показали, что объём маятниковой миграции между агломерационным центром и областью сократился в 2010–2024 гг. на 0,3 млн человек. Одной из возможных причин сокращения является рост популярности удалённой работы, особенно после пандемии COVID-19, которая радикально изменила характер организации труда. Помимо этого, сокращение трудовой миграции из-за рубежа также могло оказать влияние на данные изменения⁴.

Спрос на вахтовую организацию труда растёт с каждым годом — за период с 2023 по 2024 гг. он увеличился на 64%⁵. При этом на некоторых специализированных плат-

¹ Число депортированных из РФ мигрантов выросло на 50%, до 93 тыс. человек // Интерфакс. — URL : <https://www.interfax.ru/russia/979681> (дата обращения: 25.10.2024).

² В Думу внесли пять законопроектов о миграции. Планируется повысить штраф за фиктивную регистрацию до Р60 млн, а также ужесточить приём экзаменов // РБК. — URL : <https://www.rbc.ru/politics/02/10/2024/66fbe0c29a79475eb6ea2935> (дата обращения: 25.10.2024).

³ Под возвратной трудовой миграцией в работе понимается возвратное, цикличное неоднократное перемещение на территорию другого населенного пункта с целью выполнения трудовых функций с пересечением границ населенного пункта проживания без смены постоянного места жительства с различной периодичностью [2]

⁴ Маятник миграции сократил ход // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6890908> (дата обращения: 24.10.2024).

⁵ В России спрос на вахтовиков за год вырос на 64% // ТАСС. — URL : <https://tass.ru/ekonomika/21775041> (дата обращения: 02.07.2025).

формах вахтовые вакансии составляют до 7% от общего количества вакансий, что свидетельствует о высокой востребованности данной формы занятости⁶. Строительная отрасль занимает лидирующие позиции: наиболее востребованными являются такие профессии, как каменщики, кровельщики и другие. Представленные профессии требуют высокой физической выносливости и специализированных навыков, что делает их преимущественно мужскими. В последние годы растёт спрос на вахтовых работников и в других сферах: складская логистика торговых сетей, гостиничный и туристический бизнес, швейная промышленность, предоставление услуг по уходу за детьми, больными, инвалидами, престарелыми. Данные области, напротив, традиционно привлекают больше женщин, что может в будущем привести к изменению соотношения участия мужчин и женщин в вахте. Помимо этого, вахтовый метод работы, который ранее преимущественно был характерен для удалённых северных регионов (таких как Крайний Север и Сибирь), в последние годы расширяет свою географию. Наблюдается рост числа вакансий для соискателей из Центральной России, Подмосковья и южных регионов страны⁷. Несмотря на растущую востребованность вахтовой работы, данный тип занятости зачастую связан с длительным пребыванием вдали от дома, часто в регионах с суровым климатом и ограниченной инфраструктурой, что может представлять серьёзный барьер для многих работников.

Другой вид возвратной трудовой миграции, такой как маятниковая трудовая миграция, также предполагает занятость вне места своего проживания, но без длительных и дальних поездок, характерных для вахтовой занятости. Маятниковая трудовая миграция позволяет сохранить социальные и семейные связи, избегая длительных

периодов разлуки с близкими. Кроме того, привычная обстановка дома оказывает позитивное влияние на психологическое состояние человека, что особенно важно для поддержания стабильного уровня производительности труда [4]. Однако маятниковая трудовая миграция также сопряжена с определёнными трудностями: значительные временные и финансовые затраты на частые поездки между домом и работой снижают её привлекательность.

Таким образом, в условиях происходящих процессов демографического старения, сокращения численности населения и выраженной территориальной неоднородности социально-экономического развития регионов, изучение половозрастных характеристик возвратных трудовых мигрантов приобретает особую значимость. В целом возвратная трудовая миграция рассматривается учёными редко, поскольку она остаётся «в тени» остальных видов миграции, несмотря на её значительный масштаб и устойчивый характер. В большинстве случаев анализ возвратной трудовой миграции ограничивается точечными исследованиями, проводимыми на уровне отдельных регионов и основанными на разнородных методологических подходах, что затрудняет сопоставление полученных данных и формирование целостного представления о структуре и особенностях данного явления. В этом контексте представленное исследование позволяет, с опорой на данные переписи населения, рассмотреть половозрастную структуру возвратной трудовой миграции сразу по всем субъектам РФ, что делает полученные результаты уникальными по охвату и аналитическому потенциалу. Распределение по полу и возрасту позволяет определить целевую аудиторию для последующего формирования управленческих мер в сфере труда, занятости и регионального развития.

Материалы и методы

В качестве информационной базы исследования были использованы данные Всероссийской переписи населения 2020 г., ос-

⁶ Огромные доходы или новое рабство? Вся правда о работе вахтой в России — сколько платят и почему не хватает людей // Курган Онлайн. — URL : <https://45.ru/text/job/2024/05/03/73531694/> (дата обращения: 24.10.2024).

⁷ Вахтовая работа в России: проблемы и тренды рынка труда // Трудовая оборона. — URL : <https://oborona.media/rynok-vahtovih-vakansii/> (дата обращения: 24.10.2024).

новой этап сбора информации которой пришёлся на 2021 г. (ВПН-2020). Оценить масштабы возвратных трудовых мигрантов позволили таблицы с данными по занятому населению частных домохозяйств, работающих за пределами своего населенного пункта, по территории работы и периодичности выезда на работу по субъектам РФ. Сведения о половозрастных характеристиках возвратных трудовых мигрантов не представлены в открытом доступе, поэтому они были получены путем составления запроса в Федеральную службу государственной статистики. Информационная база исследования имеет ряд ограничений. Так, во-первых, временной охват ограничен данными лишь за 2021 г., во-вторых, в предоставленных по запросу материалах информация о занятом населении, работающем вне места постоянного жительства, представлена без возможности дифференциации по видам возвратной трудовой миграции⁸.

Группировка регионов РФ происходила по удельному весу мужчин в структуре возвратных трудовых мигрантов. Они формировались на основе среднего арифметического и среднеквадратического отклонения (\pm стандартного отклонения), что позволило выделить 3 группы: регионы с равным соотношением удельного веса мужчин и женщин (от 50 до 55,1% мужчин в структуре возвратных трудовых мигрантов), субъекты с умеренным преобладанием мужчин (от 55,2 до 69,4%) и с высокой долей мужчин в структуре возвратных трудовых мигрантов (от 69,5% и выше).

Для оценки степени различий в значениях доли возвратных трудовых мигрантов по возрастным группам между регионами РФ был рассчитан коэффициент вариации для каждой возрастной группы. Этот показатель позволил определить степень изменчивости значений доли возвратных трудовых мигрантов по возрастным группам относительно среднероссийского значения.

⁸ В данных ВПН-2020 в структуру занятого населения частных домохозяйств, работающих не по месту постоянного места жительства, включаются также же и индивиды, которые работают дистанционно, что также влияет на результаты исследования. Однако, общая доля подобных работников в структуре названного населения составляет 2,7% от всех возвратных трудовых мигрантов

Значения коэффициента до 33% были интерпретированы как низкая изменчивость, что свидетельствовало об относительно однородных показателях между регионами для соответствующей возрастной группы⁹. Применение данных материалов и методов, позволило выявить ключевые особенности половозрастной структуры возвратных трудовых мигрантов в России и их территориальные различия.

Половозрастные характеристики возвратных трудовых мигрантов: обзор исследований

Международные исследования подчёркивают, что пол и возраст оказывают значительное влияние на процесс участия в маятниковой трудовой миграции и вахте. В частности, выбор продолжительности и расстояния поездок на работу варьируется в зависимости от жизненного цикла индивида (вступление в брак, рождение детей или приближение к пенсионному возрасту) [5]. Женщины в среднем совершают более короткие поездки на работу, чем мужчины, и они (особенно те, у кого есть дети) имеют более сложные маршруты, которые связаны с необходимостью учитывать семейные обязанности. Эти особенности обуславливают их участие в менее отдалённых перемещениях по сравнению с мужчинами [6]. Наличие расширенного домохозяйства с пожилыми членами семьи может способствовать женской занятости, увеличивая их возможности для участия в маятниковой трудовой миграции. Мужчины, напротив, чаще участвуют в длительных и удалённых миграциях [7], что связано с традиционными гендерными ролями и спецификой некоторых отраслей, например, добывающей промышленности или строительства.

Возраст также играет важную роль: молодые работники в возрасте до 35 лет склон-

⁹ При значении коэффициента вариации меньше 33% исследуемая совокупность считается однородной, устойчивой, регулярной по данному признаку. Если вариация превышает 33%, то совокупность считается неоднородной, неустойчивой, в ней протекают какие-то процессы, присутствуют тенденции. Кириллов А. В. Статистика: учебник для студентов вузов. – Самара : Изд-во Самарского государственного аэрокосмического университета, 2014. – 384 с.

ны преодолевать большие расстояния ради карьерного роста [7] (особенно на ранних этапах своей профессиональной деятельности), в то время как пожилые работники постепенно сокращают дистанции поездок, переходя на более гибкие формы занятости [8]. Возвратные трудовые мигранты в среднем возрасте (пик приходится на 35 лет) совершают самые длинные поездки, после чего дистанция начинает сокращаться [5]. Исследования показывают, что максимальная длина поездок на работу наблюдается у лиц около 40 лет, но по мере приближения к пенсионному возрасту работники стремятся сократить время и дистанции поездок, что связано с изменениями жизненного цикла. Пожилые работники могут увеличить расстояния поездок незадолго до выхода на пенсию, что часто связано с необходимостью накопления средств перед окончанием трудовой деятельности [9]. Возрастные особенности проявляются и в вопросе выбора транспорта: пожилые люди предпочитают личные автомобили из-за удобства и комфорта, несмотря на усилия по поощрению общественного транспорта со стороны муниципальных властей [10].

Изучение половозрастных характеристик возвратных трудовых мигрантов в России осложнено отсутствием систематически публикуемой открытой статистики по данной теме. Основным источником изучения половозрастного состава маятниковых и вахтовых трудовых мигрантов является ОРС[11] (табл. 2.73 «Распределение занятого населения в возрасте 15 лет и старше, работающего на территории другого субъекта Российской Федерации, по периодичности возвращения домой»), но, повторимся, оно располагает данными только о межрегиональных перемещениях и, в целом по России, без регионального деления. Также исследовать характеристики пола и возраста помогают социологические опросы, которые дополнительно могут затрагивать и другие аспекты, касающиеся возвратных трудовых мигрантов. Результаты социологических опросов нередко изображают маятникового и вахтового трудового мигранта как мужчину среднего возраста, преимуще-

ственно из сельской местности, состоящего в браке и имеющего детей [12; 13]. Однако, данное описание не универсально и существует региональная дифференциация в данном вопросе. Так, например, в ряде регионов маятниковая трудовая миграция в несколько большей степени представлена женским населением [14; 15], а в Свердловской, Тюменской и Курганской областях — мужчинами в возрасте до 30 лет [16].

Половозрастные характеристики возвратных трудовых мигрантов в России: результаты исследования

Согласно данным ВПН-2020, мужчины составляют 61,7% всех возвратных трудовых мигрантов, что свидетельствует о большей представленности мужского населения в рассматриваемой категории. При этом величина гендерного разрыва варьируется в зависимости от региона (рис. 1). Наибольшая доля мужского населения в структуре возвратной трудовой миграции отмечается в регионах с преобладающими добывающими отраслями (ЯНАО, ХМАО, Магаданская область), обрабатывающим производством (Тюменская область без автономных округов, Мурманская область, Красноярский край) и рыболовством (Камчатский край). В перечисленных отраслях формируются многочисленные вахтовые вакансии, традиционно занимаемые мужчинами. Помимо этого, в данных регионах наблюдается низкая плотность населения в сочетании с протяженной территорией и суровыми климатическими условиями. В таких условиях работа требует физической выносливости и длительного отсутствия дома. Это существенно ограничивает возможности женщин участвовать в вахтовой и маятниковой трудовой миграции в данных регионах, особенно учитывая совмещение ими профессиональных и домашних обязанностей.

Более равномерное распределение полов отмечается в южных и центральных частях России (например, Орловская, Брянская, Ивановская области, Чувашская Республика) и в отдельных областях Восточной Си-

бири (республики Алтай и Тыва). Указанные регионы отличаются более плотной системой расселения и развитой транспортной инфраструктурой, что значительно упрощает доступ к рынкам труда соседних территорий. Такая инфраструктурная доступ-

ность способствует развитию кратковременной маятниковой трудовой миграции, в которой женское население имеет больше возможностей для участия, благодаря более гибким условиям трудоустройства в ближайших регионах.

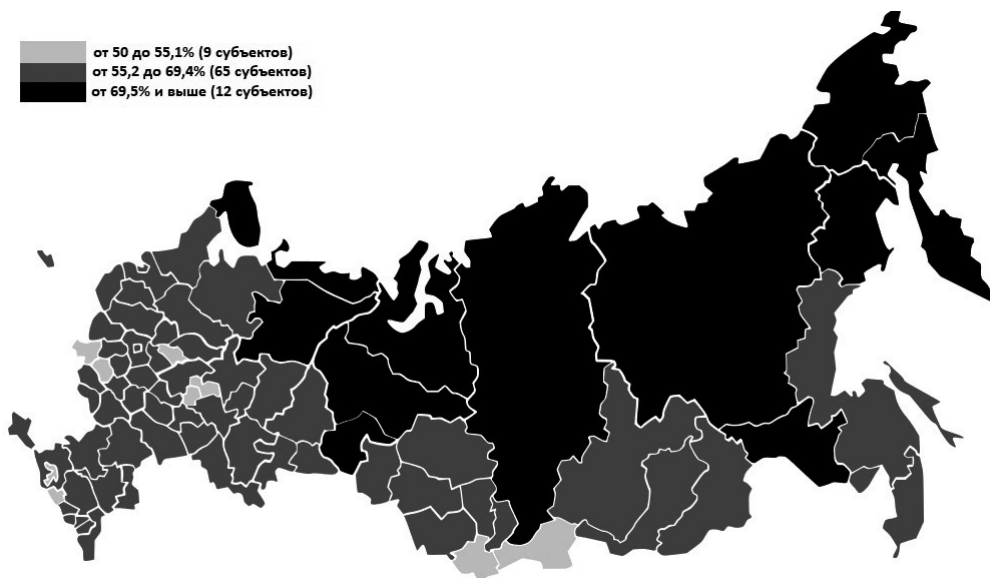

Рис. 1. Доля участия мужского населения в возвратной трудовой миграции, %, 2021 год

Fig.1. The share of male population participation in commuting and FIFO, %, 2021

Источник: данные ВПН-2020 из официального запроса.

Анализ структуры возрастных групп вахтовых и маятниковых трудовых мигрантов выявляет ряд закономерностей, характеризующих особенности участия населения в возвратной трудовой миграции (рис. 2). Меньшая доля возвратных трудовых мигрантов наблюдается среди возрастной группы 15–19 лет, поскольку в этом возрасте большинство индивидов вовлечено в получение среднего или высшего образования, и участникам может быть сложно сочетать учёбу с работой. К тому же указанные лица только начинают карьеру и часто не имеют необходимого опыта, квалификации и материальной базы для работы вахтой или для регулярных маятниковых трудовых перемещений. Доля возвратных трудовых мигрантов постепенно увеличивается с возрастом, пока

не достигает наибольших показателей в возрастных группах 30–34 года (15,8%) и 35–39 лет (16,1%). Это свидетельствует о том, что вахтовая и маятниковая трудовая миграция привлекают людей на пике их профессиональной активности, когда накоплены необходимые навыки и опыт. Начиная с возрастной группы 40–44 года (13,8%) удельный вес возвратных трудовых мигрантов начинает сокращение значений, достигая сильного снижения в возрастных группах 60–64 (3,4%), 65–69 (1,0%) и 70 лет и более (0,3%). Это указывает на возрастные ограничения для работы в таких формах занятости (особенно в сферах, требующих физического труда) и может быть связано с более ранним выходом на пенсию в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях.

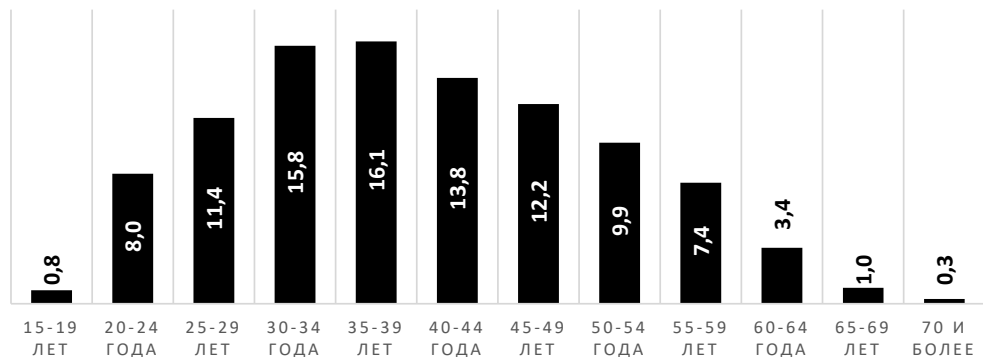

Рис. 2. Распределение возвратных трудовых мигрантов по возрастным группам, % от их числа, 2021 год

Fig. 2. Distribution of commuters and FIFO workers by age, % of commuters and FIFO-workers in the territory of work, 2021

Источник: данные ВПН-2020 из официального запроса.

В возрастной группе 15–19 лет наблюдается наиболее равномерное распределение значений доли мужчин и женщин (50,1% мужчин против 49,9% в структуре возвратных трудовых мигрантов) (рис. 3). Схожее распределение прослеживается и в самой старшей возрастной группе 70 лет и более:

52,0% мужчин против 48,0% женщин. Максимальный гендерный разрыв зафиксирован в 55–59 лет (64,7% мужчин против 35,3% женщин) и 60–64 года (66,0% мужчин против 34,0% женщин), а также в возрастной группе 30–34 года (64,4% мужчин против 35,6% женщин).

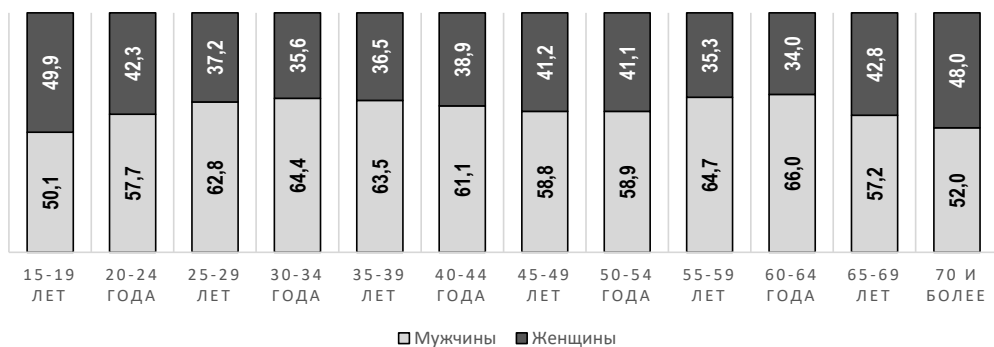

Рис. 3. Распределение возвратных трудовых мигрантов по полу и возрасту, % от количества возвратных трудовых мигрантов, 2021 год

Fig. 3. Distribution of commuters and FIFO workers by age and sex, % of commuters and FIFO-workers in the territory of work, 2021

Источник: данные ВПН-2020 из официального запроса.

Оба пола имеют максимальные значения в молодом трудоспособном возрасте, а минимальные значения удельного веса приходятся на самые молодые и старшие возраста (рис. 4). Так, среди мужчин наиболь-

шая доля возвратных трудовых мигрантов приходится на возрастную категорию 30–34 года и 35–39 лет (по 16,5% от численности возвратных трудовых мигрантов), за которой следует возрастная группа 40–44 года

(13,7%). Распределение удельного веса женщин по возрастным группам более равномерно по сравнению с распределением значений удельного веса мужчин. Наиболее высокие показатели также приходятся на возрастные группы 30–34 года (14,7% женщин в структуре возвратных трудовых мигрантов) и 35–39 лет (15,3%), с дальнейшим снижением доли по мере увеличения возраста.

Коэффициент вариации показал, что для всех субъектов РФ характерна низкая изменчивость доли возвратных трудовых мигрантов во всех возрастных категориях, что указывает на его относительно равномер-

ное распределение по регионам (табл. 1). Коэффициент вариации для обеих полов имеет наименьшие значения в возрастных группах 30–39 лет и 40–49 лет, что указывает на относительно стабильную численность данной категории возвратных трудовых мигрантов как на уровне всей страны, так и отдельных регионов. В противоположность этому, значительные различия в доле возвратных трудовых мигрантов наблюдаются в возрастной категории 70 лет и старше, что свидетельствует о неоднородности в численности изучаемой группы населения в региональном разрезе.

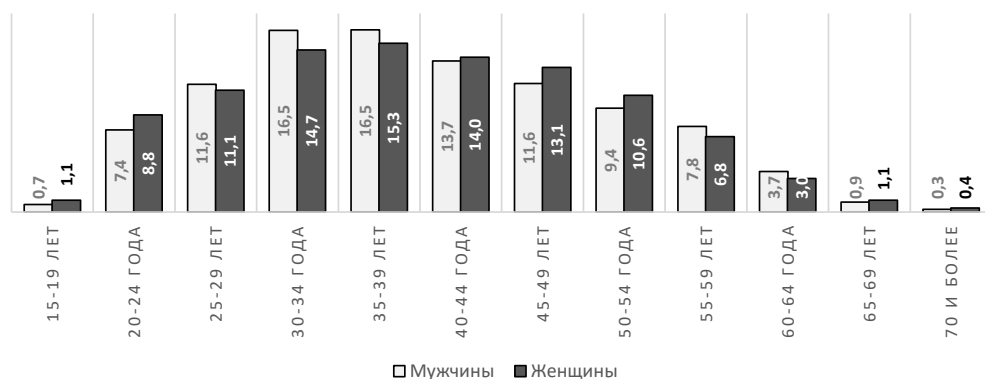

Рис. 4. Распределение возвратных трудовых мигрантов по полу и возрасту, % от количества возвратных трудовых мигрантов мужчин и женщин соответственно, 2021 год

Fig. 4. Distribution of commuters and FIFO-workers by age and sex, % of commuters and FIFO-workers, 2021

Источник: данные ВПН-2020 из официального запроса.

Значения коэффициента вариации (CV) по возрастным группам для регионов РФ, %, 2021

Таблица 1

Table 1

Variation coefficient (CV) values by age groups for regions of the Russian Federation, %, 2021

Группа	15–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70 и более
Мужчины и женщины	27,5	14,5	5,5	7,9	12,6	20,6	44,3
Мужчины	28,6	14,1	5,6	9,4	13,1	21,9	46,1
Женщины	26,7	16,5	6,8	7,2	14,1	26,5	52,1

Источник: рассчитано автором по данным ВПН-2020.

Заключение

Анализ показал, что мужчины составляют 61,7% от общего числа возвратных трудовых мигрантов. Наибольшее их преобла-

дание наблюдается в регионах с развитой добывающей и обрабатывающей промышленностью, где сосредоточена вахтовая занятость. В то же время, в ряде регионов с развитой инфраструктурой и относитель-

но компактной территорией наблюдается более равномерное распределение соотношения удельного веса мужчин и женщин. Как показывают тенденции последнего времени в отношении вахтовой занятости, растущий спрос на работников в сферах, традиционно ассоциируемых с женским трудом, может изменить гендерную пропорцию, стимулируя более активное участие женщин. Наибольший удельный вес возвратных трудовых мигрантов наблюдается в возрастных группах 30–39 лет, что характерно для обоих полов. Анализ распределения возвратных трудовых мигрантов по возрастным группам показывает низкую изменчивость удельного веса возвратных трудовых мигрантов по всем регионам. Однако удельный вес возвратных трудовых мигрантов в возрастной группе 70 лет и старше продемонстрировал значительную региональную вариативность, что говорит о значительном разбросе значений доли возвратных трудовых мигрантов пожилого возраста в субъектах РФ.

В отечественных исследованиях изучение половозрастных характеристик по всем регионам РФ ограничено, что не позволяет исследовать характеристики возвратных трудовых мигрантов комплексно. Международные исследования рассматривают взаимосвязь между половозрастными особенностями маятниковых трудовых мигрантов и вахтовиков и такими параметрами, как время, затрачиваемое на дорогу до работы, расстояние, а также влияние жизненных циклов на выбор конкретного вида трудовой миграции. Изучение влияния семейного статуса, жизненного цикла, а также изменений в экономической и социальной политике на выбор формы возвратной трудовой миграции являются перспективным направлением, поскольку в дальнейшем это позволит более точно адаптировать меры регулирования к потребностям различных групп населения, обеспечивая как экономическую эффективность, так и социальную устойчивость.

Помимо этого, полученное распределение возвратных трудовых мигрантов по полу и возрасту может рассматриваться

и как индикатор состояния региональных рынков труда. Дисбалансы между мужским и женским участием в возвратной трудовой миграции, а также концентрация определённых возрастных групп, отражают структурные дефициты занятости, отраслевую специфику спроса на рабочую силу, а также особенности инфраструктурной доступности рабочих мест. В этом контексте демографический профиль возвратной трудовой миграции представляет собой важный маркер, отражающий территориальные дисбалансы трудовых ресурсов.

Выполненное исследование восполняет пробел в понимании демографической структуры возвратной трудовой миграции в региональном разрезе и может служить основой для повышения адресности и создания эффективной региональной политики в области труда и занятости. Тем не менее, для разработки комплексных мер регулирования одного лишь анализа половозрастной структуры недостаточно и для дальнейшего формирования управленческих решений, необходима интеграция статистических данных по различным видам возвратной трудовой миграции с возможностью их детализации на уровне субъектов РФ. В этом контексте особую актуальность приобретает повышение открытости данных, в том числе на базе аналитики цифровых платформ и агрегаторов вакансий (таких как, например, HeadHunter и др.).

В рамках продолжения исследования возвратной трудовой миграции важным направлением видятся вопросы регулирования данного явления. Будучи устойчивым явлением, присутствующим на локальных рынках труда, она порождает как позитивные, так и негативные эффекты для регионов исхода и работы. В этой связи значимым становится не только описание масштабов и структуры возвратной трудовой миграции, но и создание основы для дальнейшей выработки решений, позволяющих усиливать положительное влияние возвратной трудовой миграции при одновременном смягчении ее негативных последствий, как для самих регионов, так и для работодателей и работников.

Литература и Интернет-источники

1. **Shitova, Yu. Y.** The impact of long-distance travel to work on the health of commuting labour migrants: a literature review / Yu. Y. Shitova // *Population and Economics*. — 2024. — Vol. 8. — No. 1. — P. 37–51. DOI: 10.3897 / popecon.8.e109997; EDN: ADAXBU
2. **Соколова, А. А.** К вопросу оценки привлекательности территорий для постоянной и временной трудовой миграции / А. А. Соколова // *Вопросы территориального развития*. — 2023. — Т. 11. — № 2. — DOI: 10.15838/tdi.2023.2.64.6; EDN: AGUSVX.
3. **Соколова, А. А.** Возвратная трудовая миграция: масштабы, последствия, подходы к регулированию: автореферат диссертации к.э.н. (специальность 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика»). — Москва : ИЭ РАН, 2025. — 32 с.
4. **Bubonya, M.** Mental health and productivity at work: Does what you do matter? / M. Bubonya, D. A. Cobb-Clark, M. Wooden // *Labour Economics*. — 2017. — Vol. 46. — P. 150–165. DOI: 10.1016 / j. labeco.2017.05.001
5. **Fischer, P. A.** Settled People Don't Move: On Life Course and (Im-) Mobility in Sweden / P. A. Fischer, G. Malmberg // *International journal of population geography*. — 2001. — Vol. 7. — Iss. 5. — P. 357–371. DOI: 10.1002 / ijpg.230
6. **Kimbrough, G.** What Drives Gender Differences in Commuting? Evidence from the American Time Use Survey / G. Kimbrough. — *Job Market Papers*, 2016. — 32 p.
7. **Giménez-Nadal, J. I.** Trends in Commuting Time of European Workers: A Cross-Country Analysis / J. I. Giménez-Nadal, J. A. Molina, J. Velilla // *Transport Policy*. — 2022. — Vol. 116. — P. 327–342. DOI: 10.1016 / j.tranpol.2021.12.016
8. **Newbold, K. B.** Age and domestic migration effects on workers' commuting distance / K. B. Newbold // *Transportation*. — 2024. — Vol. 51. — P. 673–688. DOI: 10.1007 / s11116-022-10341-5
9. **Axisa, J. J.** Migration, urban growth and commuting distance in Toronto's commuter shed / J. J. Axisa, K. B. Newbold, D. M. Scott // *Area*. — 2012. — Vol. 44. — No. 3. — P. 344–355. DOI: 10.1111 / j.1475-4762.2012.01097.x
10. **Wong, Y. C.** The commuting patterns of older adults / Y. C. Wong, Y. E. Tan, G. Cheong // *ROSA Research Brief Series*. — 2022. — P. 1–18.
11. **Ахметова (Хилажева), Г. Ф.** Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы / Г. Ф. Ахметова (Хилажева) // *ДЕМИС. Демографические исследования*. — 2022. — Т. 2. — № 2. — С. 76–89. DOI: 10.19181 / demis.2022.2.2.6; EDN: FQLCMS
12. **Туракаев, М. С.** Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана / М. С. Туракаев, Г. Р. Баймурзина // *Проблемы развития территории*. — 2022. — Т. 26. — № 6. — С. 115–133. DOI: 10.15838 / ptd.2022.6.122.7; EDN: OMTNEQ
13. **Короленко, А. В.** Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России / А. В. Короленко, О. Н. Калачикова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 206–225. DOI: 10.15838 / esc.2024.3.93.12; EDN: EIRVLU
14. **Антонова, А. В.** Образ жизни участников маятниковой миграции в Московской агломерации / А. В. Антонова // *Миграция и социально-экономическое развитие*. — 2018. — Т. 3. — , № 3. — С. 113–118. DOI: 10.18334 / migration.3.3.41042; EDN: BOJNAC
15. **Шевченко, И. А.** Изучение демографических аспектов маятниковой миграции населения Нижегородской области / И. А. Шевченко, Ю. В. Давыдова, О. В. Замашкина [и др.] // *Успехи современного естествознания*. — 2020. — № 1. — С. 70–75. DOI: 10.17513 / use.37323; EDN: WUPGFC
16. **Соколова, А. А.** Социально-демографический портрет маятникового трудового мигранта / А. А. Соколова // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. — 2023. — № 64. — С. 61–82. DOI: 10.17223 / 19988648 / 64 / 5; EDN: JWNZVH

Сведения об авторе:

Соколова Анастасия Алексеевна, к.э.н., научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5434-8094; РИНЦ SPIN-код: 5845–3310.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-74-85

REGIONAL DIFFERENTIATION IN THE SEX AND AGE STRUCTURE OF COMMUTERS AND FIFO WORKERS IN RUSSIA

Anastasia A. Sokolova

Vologda Research Center RAS
(56A Gorkogo str., Vologda, Russia, 160014)

E-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

Funding:

The study was supported by grant from the Russian Science Foundation (project No. 23–28–01395). URL: <https://rscf.ru/project/23–28–01395/>.

For citation:

Sokolova A. A. Regional differentiation in the sex and age structure of commuters and FIFO workers in Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 74–85. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-74-85 (in Russ.)

Abstract. The article examines the age and sex characteristics of commuters and FIFO (fly-in, fly-out) workers in Russia based on data from the All-Russian Population Census of 2020. The results show that men are more involved in commuting and FIFO, accounting for 61.7% of all commuters and FIFO-workers. The highest proportion of male is registered in regions with developed extractive and manufacturing industries. Differences in the distribution of male and female migrants by age groups are relatively small, with both sexes primarily participating in commuting and FIFO in the working-age groups from 30 to 39 years. This indicates that both commuting and FIFO attract workers who have already received professional education and possess the necessary work experience. Analysis of international studies shows that younger workers are more willing to travel significant distances for career opportunities, which is most typical for the early stages of their professional development. As age increases, along with marriage and family expansion, there is a tendency to shorten travel distances; older workers prefer to move shorter distances, although trip distances may temporarily increase just before retirement. The research results can be useful for understanding the dynamics of spatial movements of the labor force in the context of demographic and economic changes in Russia, and also allow us to identify areas for further analysis and formation of a differentiated regional policy in the field of labor and employment. The data obtained serve as an important stage in the systematization of empirical data on return labor migration and analytical base for further studies

Keywords: return labor migration, shift work, age and sex structure of commuters and FIFO workers, regional differentiation.

References and Internet sources

1. Shitova Yu. Y. The impact of long-distance travel to work on the health of commuting labour migrants: a literature review. *Population and Economics*. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 37–51. DOI: 10.3897/popecon.8.e109997
2. Sokolova A. A. K voprosu otsenki privilekatel'nosti territoriy dlya postoyannoy i vremennoy trudovoy migratsii [Assessment of the attractiveness of territories for permanent and temporary labor migration]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya [Territorial Development Issues]*. 2023. Vol. 11. No. 2. DOI: 10.15838/tdi.2023.2.64.6 (in Russ.)
3. Sokolova A. A. Vozvratnaya trudovaya migratsiya: masshtaby, posledstviya, podkhody k regulirovaniyu [Return Labor Migration: Scales, Consequences, Approaches to Regulation]. Abstract of Doctoral diss. Moscow. IE RAN [IE RAS]. 2025. 32 p. (in Russ.)

4. Bubonya M., Cobb-Clark D. A., Wooden M. Mental health and productivity at work: Does what you do matter? *Labour Economics*. 2017. Vol. 46. P. 150–165. DOI: 10.1016/j.labeco.2017.05.001.
5. Fischer P. A., Malmberg G. Settled people don't move: On life course and (im-) mobility in Sweden. *International Journal of Population Geography*. 2001. Vol. 7. Iss. 5. P. 357–371. DOI: 10.1002/ijpg.230
6. Kimbrough G. *What Drives Gender Differences in Commuting? Evidence from the American Time Use Survey*. Job Market Papers. 2016. 32 p.
7. Giménez-Nadal J. I., Molina J. A., Velilla J. Trends in commuting time of European workers: A cross-country analysis. *Transport Policy*. 2022. Vol. 116. P. 327–342. DOI: 10.1016/j.tranpol.2021.12.016
8. Newbold K. B. Age and domestic migration effects on workers' commuting distance. *Transportation*. 2024. Vol. 51. P. 673–688. DOI: 10.1007/s11116-022-10341-5
9. Axisa J. J., Newbold K. B., Scott D. M. Migration, urban growth and commuting distance in Toronto's commuter shed. *Area*. 2012. Vol. 44. No. 3. P. 344–355. DOI: 10.1111/j.1475-4762.2012.01097.x.
10. Wong Y. C., Tan Y. E., Cheong G. The commuting patterns of older adults. *ROSA Research Brief Series*. 2022. P. 1–18.
11. Akhmetova (Khilazheva) G. F. Sub'yekty RF v mezhregional'noy trudovoy migratsii: uroven' uchastiya, prichiny i faktory [Russian Regions in interregional labor migration: level of participation, causes and factors]. DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]. 2022. Vol. 2. No. 2. P. 76–89. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.6 (in Russ.)
12. Turakaev M. S., Baimurzina G. R. Rabota vakhtovym metodom glazami vremennykh trudovykh migrantov iz Bashkortostana [A fly-in fly-out work through the eyes of temporary labor migrants from Bashkortostan]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]*. 2022. Vol. 26. No. 6. P. 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7 (in Russ.)
13. Korolenko A. V., Kalachikova O. N. Sovremennaya territorial'naya i sotsial'no-demograficheskaya spetsifika vakhtovoy trudovoy migratsii v Rossii [Modern territorial and socio-demographic specifics of long-distance commuting in Russia]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 206–225. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.12 (in Russ.)
14. Antonova A. V. Obraz zhizni uchastnikov mayatnikovoy migratsii v Moskovskoy aglomeratsii [The commuters' way of life in the Moscow agglomeration]. *Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye [Migration and Social Development]*. 2018. Vol. 3. No. 3. P. 113–118. DOI: 10.18334/migration.3.3.41042 (in Russ.)
15. Shevchenko I. A., Davydova Yu. V., Zamashkina O. V., et al. Izucheniye demograficheskikh aspektov mayatnikovoy migratsii naseleniya Nizhegorodskoy oblasti [The study of demographic aspects of circular migration of the population of Nizhny Novgorod region]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya [Advances in Current Natural Sciences]*. 2020. No. 1. P. 70–75. DOI 10.17513/use.37323 (in Russ.)
16. Sokolova A. A. Sotsial'no-demograficheskiy portret mayatnikovogo trudovogo migranta [Socio-demographic characteristics of commuters]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal of Economics]*. 2023. No. 64. P. 61–82. DOI: 10.17223/19988648/64/5 (in Russ.)

Information about the author:

Sokolova Anastasia Alekseevna, Candidate of Economics, Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5434-8094; Elibrary SPIN-code: 5845–3310.

Статья поступила в редакцию 04.12.2024, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-86-99
EDN: PZKMZI

МЕРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Чернышева Н. В.

ИДИ ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

E-mail: natiche84@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 25-28-00645. — URL : <https://rscf.ru/project/25-28-00645/>.

Для цитирования:

Чернышева Н. В. Меры демографической политики СССР в годы Великой Отечественной войны // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 86-99. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-86-99; EDN: PZKMZI

Аннотация. В статье анализируются меры демографической политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны (ВОВ). Указывается на наличие негативных тенденций в демографическом поведении населения, проявившихся в 1939–1940 гг., анализируются их причины. Рассмотрены меры демографической политики, которые носили противоречивый характер (запрет аборт, расширение сети медицинских учреждений, совершенствование системы оказания медицинской и социальной помощи (выплата пособий), направленные на расширение сети детских дошкольных учреждений и др.). Определены основные тенденции воспроизводства населения СССР и РСФСР в 1941–1945 гг. (значительное снижение показателей рождаемости (общего коэффициента, суммарного коэффициента)), изменение параметров смертности, особенно детской и младенческой, снижение числа заключаемых браков). С учётом указанных тенденций, выделены два этапа реализации мер демографической политики в период ВОВ: 1941 — лето 1944 г. и лето 1944–1945 гг., отличающиеся задачами, субъектами помощи и непосредственно мерами. На первом этапе решения были направлены на снижение негативных последствий войны, их воздействия на здоровье, репродуктивные функции, а также социальные и правовые институты. На втором — разрабатывается и внедряется комплекс мер материального и нематериального характера, направленный на жизнеобеспечение женщин и детей, поддержку семьи в целом. Рассмотрены основные проблемы и возможности реализации указанных мер. Реализация мер демографической политики основывалась на двух главных принципах: сочетания государственных, общественных и частных форм помощи; тесного переплетения демографической и социальной политики.

Ключевые слова: демографическая политика, социальная политика, население СССР, Великая Отечественная война, демографические показатели.

Введение

В 1941–1945 гг. в СССР произошли существенные изменения демографического развития. Данные изменения являлись результатом советской модернизации, тяжёлых испытаний военного времени, а также вмешательства государства в процессы воспроизводства и миграции населения. Огромные людские потери, половозрастной дисбаланс, сверхсмертность населения, падение рождаемости делали демографическую проблему одной из самых острых и нуждающихся в незамедлительной поддержке со стороны государства. Она определялась не только стремлением стабилизировать стремительно ухудшающуюся ситуацию, но и необходимостью выработать меры демографической политики, направленные на её улучшение. Следует отметить, что в 1940-е гг. термин «демографическая политика» не применялся. Он разрабатывался в СССР в ходе научных дискуссий в 1960–1970-е гг. [1, с. 72–74]. В 1920–1930-е гг. в СССР шаги государства в отношении поддержки населения были преимущественно связаны с мерами помощи материнству и детству и тесно переплетались с социальной политикой. Цель статьи — охарактеризовать меры демографической политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны (ВОВ).

Выделим два этапа развития исследований, посвящённых заявленной проблематике: середина 1980-х — 1990-е годы и с начала 2000-х годов до современности. На первом этапе исследователи осуществляли разработку трёх важнейших проблем: изучение материалов переписей 1937 и 1939 годов и оценка их достоверности (Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская и другие) [2–3]; проблемы демографических потерь (Л. Е. Поляков, Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова) [4–5]; влияние войны на воспроизводство населения (Г. И. Литвинова, О. Д. Захарова, В. В. Алексеев, В. А. Исупов, А. Блюм, С. Захаров и другие) [6–9]. Исследователями был выявлен, обработан и проанализирован статистический материал, впервые опубликованный, позволивший

определить демографические тенденции в СССР 1930–1940-х гг., ввести в научный диалог новые исследовательские проблемы. На втором этапе тематика значительно расширяется и углубляется по своим задачам. Продолжается разработка вопросов проведения переписей населения СССР; дискуссионной остается тема потерь и демографических последствий войны, миграции населения, теоретико-методологические разработки демографического, эпидемиологического и урбанизационного переходов в России. На данном этапе исследованных были опубликованы работы, посвящённые численности и составу населения, воспроизводству населения СССР и РСФСР (В. А. Исупов, Ю. А. Поляков, О. М. Вербицкая, А. Блюм, Л. Л. Рыбаковский, Н. А. Аралов, Д. Хоффманн, В. Б. Жиромская, Г. Е. Корнилов, С. В. Захаров) [10–21]. Появляются исследования, в которых затрагиваются отдельные аспекты реализации демографической политики СССР в годы войны (В. Ф. Телишев, В. Т. Сакаев, М. Н. Гритчина, А. И. Галляев, Н. В. Чернышева, Р. Н. Сулейманова и другие) [22–25].

В статье использовались статистические материалы (данные Всесоюзной переписи населения 1939 г., материалы текущего учёта, ведомственная статистика); делопроизводственные документы; газетные публикации. Теория модернизации позволяет определить изменения в демографическом поведении в изучаемый период. Однако, нельзя не учитывать последствия воздействия на демографическое поведение реализуемых на практике следующих представлений советского руководства о демографическом развитии в стране социализма: население — объект планирования; для социализма характерен прирост населения, при этом смертность снижается; миграция — плановое явление. В работе использовались общенаучные методы, исторические методы (историко-динамический для установления причин и факторов, способствовавших изменению демографической ситуации; историко-генетический — для определения тенденций воспроизводства; историко-сравнительный — сопоставле-

ния сведений и тенденций на уровне СССР, РСФСР; историко-типологический — выявления схожих черт и различий в предвоенный и военный периоды; историко-системный — рассмотрения демографической политики сквозь призму системы мер); а также статистические методы (расчёты демографических показателей).

Основные тенденции воспроизводства населения СССР в 1941–1945 годы

Несмотря на увеличение численности населения СССР в 1920–1930-е гг. за счёт естественного прироста и территориальных изменений, на демографическую ситуацию оказывали влияние демографический переход, а также внутри- и внешнеполитические события. В демографической истории советского периода демографы выделяют три кризисных периода, во время которых наблюдалось резкое снижение общего числа рождений в стране: 1915–1922 гг., 1930–1936 и 1941–1948 годы. Малое число относительно благополучных лет между ними, высокая частота кризисов в первой половине XX в., привела к эффекту наложения демографических волн [9, с. 5].

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. численность населения СССР составляла 167,7 млн чел. (скорректированные сведения) [5, с. 33]. По оценкам исследователей, с января 1939 г. по июнь 1941 г. население СССР увеличилось примерно на 29–30 млн человек или примерно на 15%, в первую очередь за счёт присоединения территорий [11, с. 13]. В 1936 г. в СССР приняли постановление, содержащее ряд решений, определивших меры демографической политики страны и действовавших в течение длительного периода¹. Принятие постановления совпало с компенсаторным периодом роста рождаемости.

¹ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. № 65 / 1134. — URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#NIRcaS0Dij5PgGf> (дата обращения: 23.08.2022).

Самым дискуссионным из них является решение о запрете абортов, снятое только в 1955 году. На время данное решение позволило остановить снижение рождаемости. В 1936–1937 гг. коэффициент суммарной рождаемости (СКР) в СССР повысился на 15%, а число рождений увеличилось почти на 1 млн человек [10, с. 106]. Однако, начиная с 1938 г. в стране рождаемость вновь снижается, и данная тенденция будет сохраняться вплоть до начала ВОВ. Демографы оценивают эффект Постановления 1936 г. в качестве локального, не имевшего долгосрочного характера. СКР выразился в не более чем 0,4 ребёнка на одну женщину, что эквивалентно 353 тыс. рождений из 4,4 млн родившихся в 1937 г., более высокие, но близкие оценки у Б.Ц. Урланди — 400–500 тыс. рождений [21, с. 15]. При этом необходимо иметь в виду, что вводимый комплекс мер социальной и демографической поддержки, предусматривал значительные изменения в ближайшей перспективе. За несколько лет реализации были достигнуты значительные результаты [24, с. 165], однако часть значимых вопросов осталась нерешённой (низкая обеспеченность местами в детских учреждениях, нехватка медицинского персонала, ряд проблем касался системы родовспоможения). В июле 1936 г. были внесены изменения в «Кодекс законов о браке, семье и опеке», усложнившие процедуру развода. В условиях сохранения незарегистрированного в органах ЗАГС (фактического) брака принятые изменения не могли в полной мере способствовать стабилизации брачно-семейных отношений. Однако к концу 1930-х гг. число зарегистрированных разводов всё же снизилось [17, с. 207]. Сохранение семьи определялась как форма ответственности гражданина перед обществом и государством [18, с. 203].

С началом ВОВ демографическая ситуация резко ухудшилась. Используем представленные В. А. Исуповым на основе справочника В. С. Гельфанда данные о процессах воспроизводства населения СССР в 1941–1945 гг. (в границах 1946–1991 гг., с учётом боевых потерь, гибели военноплен-

ных, смертности спецконтингента, потерь населения на оккупированной территории) (рис. 1) [10, с. 196]. Безусловно данные сведения нуждаются в дальнейшем уточне-

нии. Отметим также, что наиболее точными являются сведения по РСФСР, основанные на данных текущего учёта и полученные расчётным путём [16; 19].

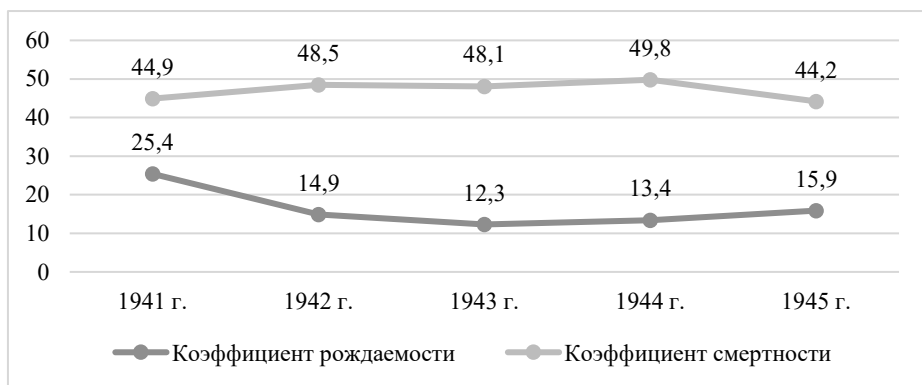

Рис. 1. Динамика рождаемости и смертности в СССР в 1941–1945 годы, %

Fig. 1. Dynamics of birth and death rates in the USSR in 1941–1945, %

Источник: Составлено по: Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 196.

Общий коэффициент рождаемости в СССР к 1942 г. значительно снизился и сохранил данную тенденцию в 1943 году. Начиная с 1944 г. происходит постепенное увеличение уровня рождаемости. В СССР СКР снизился с 3,9 в 1941 г. до 1,9 в 1945 г., то есть в 2,1 раза, а если сравнивать с 1939 г., то в 2,6 раза (1939 г. — 4,9). В Великобритании за аналогичный период СКР увеличился с 1,7 до 2,0 (в 1939 г. — 1,8), в США также возрос с 2,2 до 2,4 (в 1939 г. — 2,1)². Негативные тенденции проявляют себя в росте уровня смертности и, на протяжении 1942–1944 гг. данный показатель был на уровне 48–49%. В 1945 г. он стал незначительно ниже показателя 1941 года. Начавшаяся война способствовала кратковременному увеличению числа заключаемых браков, что было вызвано желанием граждан официально оформить брачные отношения перед уходом мужчин на фронт [24, с. 153]³.

С июня по октябрь 1941 г. число зарегистрированных браков существенно сократилось. На фоне нарастания диспропорции в соотношении полов в последующие годы войны продолжилось снижение числа заключаемых браков.

По данным Списков избирателей на выборах Верховного Совета СССР 10 февраля 1946 г. в СССР в возрасте от 18 лет и старше насчитывалось 34,1% мужчин и 65,9% женщин. В РСФСР диспропорция полов была ещё существеннее: 32,4% мужчин и 67,6% женщин. Самый значительный дисбаланс был в возрасте от 20 до 27 лет. Молодых мужчин насчитывалось всего 23–26% [20, с. 44]. Если в 1941 г. коэффициент брачности по СССР составлял 6,0‰, то в 1942–1943 гг. — 3,0‰. В городской местности СССР браков стало заключаться больше, чем в сельской. Это было связано с более острой диспропорцией полов в сельской местности, наличием брони для рабочих и служащих предприятий и учреждений, кото-

² Великая Отечественная война. Юбилейный стат. сб. / ред. А. Е. Суринов и другие — Москва, 2015. — С. 40.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплат пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное

время» от 26 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1941, 2 июля. — С. 1.

рые главным образом располагались в городских поселениях. Изменился возрастной состав брачующихся. В 1942–1944 гг. доля заключаемых браков с мужчинами 40–50 лет значительно превышала показатели до начала войны. Сокращается количество женщин, вступающих в брак в возрасте до 24 лет. В 1941–1945 гг. количество разводов в СССР значительно сократилось (1940 г. — 205 тыс., 1943 г. — 83 тыс., сведения без оккупированных территорий), с их преобладанием среди горожан⁴.

Война вынудила супругов отложить запланированное рождение детей. Не вдаваясь в подробности и вопросы рассмотрения методики определения дефицита рождений, отметим, что дефицит рождений только в РСФСР, по расчётам О. М. Вербицкой, составил 6 млн человек [12, с. 120–122]; Л. Л. Рыбаковский называл цифру 7,0 млн нерождённых детей [15, с. 118]; по оценке В. А. Исупова — около 7,5–8,0 млн детей [16, с. 17]. Тенденция к сокращению рождаемо-

сти наметилась весной 1942 г., когда на свет стали появляться младенцы, зачатые уже после начала ВОВ. Пик падения уровня рождаемости РСФСР (в 3–4 раза) приходится на 1943 г., когда на 1000 человек в РСФСР родилось 10 детей [16, с. 6].

Количественные параметры смертности населения прошли два этапа: июнь 1941 г. — осень 1942 г. — уровень смертности значительно увеличился; осень 1942 г. — весна 1945 г. — снижение показателей смертности. В первое полугодие ВОВ смертность в тыловых районах СССР значительно увеличилась. По данным В. А. Исупова в 1942 г. общий коэффициент смертности в СССР по отношению к 1940 г. вырос на 44%, в том числе в городской местности — на 74%, сельской — на 22% [10, с. 142–143]. В основе увеличения общей смертности лежал резкий рост младенческой смертности, пик которой пришёлся на 1942 г.: в этот год в тыловых районах РСФСР уровень младенческой смертности составил 312,3‰, то есть до года не дожил практически каждый третий новорожденный [11, с. 88]. Проблема заключалась не только в сверхсмертности младенцев от инфекции, но и в ослабленности новорождённых детей (рис. 2).

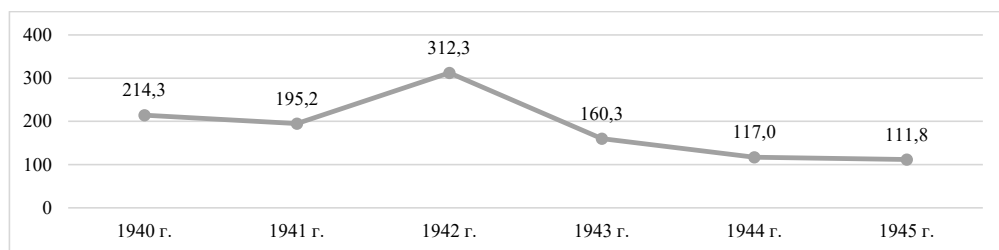

Рис. 2. Показатели младенческой смертности в РСФСР накануне и в годы ВОВ, ‰

Fig. 2. Infant mortality rates in the RSFSR on the eve of and during the Great Patriotic War, ‰

Источник: оставлено по: Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — С. 144, 158.

Переломным моментом в динамике смертности стал конец 1942 — начало 1943 годов. Значительное сокращение уровня смертности в тяжелейший для страны период в первую очередь связано со снижением уровня младенческой смертно-

сти. Данному обстоятельству способствовало широкое внедрение в практику лечения противомикробных препаратов, улучшение медицинского обслуживания населения, повышение эффективности работы органов медико-санитарного контроля

[11, с. 100]. В некоторой степени данное обстоятельство связано с мобилизацией жизненных сил, адаптацией к тяготам военного времени. За период 1943–1945 гг. коэффициент смертности тылового населения РСФСР понизился на 14,5% и в 1945 г. составил 14,1‰ [10, с. 158]. Уровень младенческой смертности снизился в 2 раза по сравнению с предвоенным периодом и в 3 раза по сравнению с 1942 г. (рис. 2). Естественная убыль населения сохранялась (–410,4 тыс. и –357,1 тыс. человек соответственно). Однако в ряде регионов РСФСР в 1945 г. зафиксирован естественный прирост (области Московская и Горьковская, АССР Мордовская и Чувашская).

Меры демографической политики и возможности для их реализации

В период Великой Отечественной войны условно можно говорить о двух этапах реализации мер демографической политики государства: 1) 1941 – лето 1944 гг. и 2) лето 1944 г. – 1945 год.

На первом этапе решения были направлены на снижение негативных последствий войны, их воздействия на здоровье, репродуктивные функции, а также социальные и правовые институты. Данные меры были тесно связаны с мерами, направленными на социальное обеспечение и оказание социальной помощи нуждающемуся населению. В ноябре 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР», устанавливающий обложение налогом граждан репродуктивного возраста, не имеющих детей, и граждан, имеющих одного или двух детей. Осенью 1941 г. введена карточная система снабжения. Различия норм продовольственного снабжения населения по группам определялись в зависимости от характера выполняемой работы, возраста и других факторов (от 400 гр. до 1200 гр. хлеба в день) [26, с. 99]. В июле 1942 г. была увеличена ежемесячная норма снабжения беременных женщин, начиная с шестого месяца, а также в течение двух месяцев после родов. В городах выда-

вались молочные продукты и молоко на детей в возрасте до 5 лет, а для ослабленных детей (3–13 лет) открывали столовые усиленного и диетического питания. Открывались столовые для детей-фронтовиков, изыскивались дополнительные источники питания детских учреждений (подсобные хозяйства, отделы рабочего снабжения) [24, с. 178]. Часть мер оказывалась семьям военнослужащих: помощь денежная, вещевая, хозяйственная, с трудоустройством⁵. Семьи военнослужащих, освобождались от выплаты ряда налогов. 16 августа 1941 г. было принято решение о лишении пособий тех семей, чьи родственники-солдаты сдались в плен⁶.

Следствием войны становится массовое сиротство. В рамках общественной помощи детям-сиротам создавались колхозные детские дома. В 1942 г. был возрожден институт опеки и патроната и определены его правовые основы⁷. Указом Президиума Верховного Совета СССР усыновители стали обладать полным объемом прав и обязанностей родителей. По данным Наркомата здравоохранения РСФСР за 1944 г. на патронат было передано 7255 детей, усыновлено – 840 детей⁸. Осенью 1942 г. была восстановлена участковая система обслуживания детей в городских консультациях и детских поликлиниках с полным медицинским обслуживанием на дому и обеспечением новорожденных патронажем. Однако в условиях нехватки гражданских врачей и медицинского персонала, удаленности населенных пунктов, на практике обеспечить должным медицинским обслуживанием детей не представлялось возможным.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплат пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. 2 июля. С. 1; Постановление СНК СССР от 18 июля 1940 г. «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям» // Красная звезда. – 1940, 18 июля. – С. 1.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р. 413. Оп. 1. Д. 1. – Л. 1–2.

⁷ Постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» от 23 января 1942 г. № 75. – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43609#UITGGUty51xhoa22> (дата обращения: 13.07.2022).

⁸ ГАРФ. Ф. А. 482. Оп. 47. Д. 3128. Л. 5–50б.

На втором этапе решающую роль в снижении негативных последствий воспроизводства населения сыграло введение в лечебный процесс противомикробных препаратов, массовая вакцинация и ужесточение санитарного контроля. Здравоохранению в условиях военного времени пришлось одновременно решать две важнейших задачи: вести борьбу за гигиену и санитарию и использовать научные открытия в медицине [13, с. 104]. Однако, кроме мер медицинского характера были разработаны меры демографической политики, которые должны были носить долгосрочный характер⁹. Комплекс мер включал пять блоков.

1. Изменения в законах о браке и семье. Устанавливалось, что только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов, за исключением Указа от 10 ноября 1944 г.¹⁰ Для лиц, не состоявших в зарегистрированном браке, утрачивались многие права. В паспорте вводилась особая графа «семейное положение» [22, с. 171], вводилась публичная процедура развода. Возбуждение судебного производства о расторжении брака было возможно только при соблюдении определенных правил, которые усложняли процесс разрыва семейных отношений. Бывшим супругам выписывалось свидетельство, а в паспортах делалась отметка. Кроме того, за развод взи-

малась по определению суда высокая плата в размере от 500 до 2000 рублей.

2. Меры государственной помощи многодетным и одиноким матерям. Государственные пособия многодетным матерям (имеющим мужа или вдовам) назначались и выплачивались, начиная с рождения третьего ребенка и за каждого последующего (учитывались дети, погибшие или безвести пропавшие на фронте). Матери, имевшие ко дню издания Указа от 8 июля 1944 г. семь и более детей, сохраняли право на получение пособия по многодетности, действовавшего еще до начала войны. При рождении после издания Указа от 8 июля 1944 г. каждого следующего ребенка пособие выплачивалось в порядке и размерах им установленных. На момент принятия Указа от 8 июля 1944 г. максимальный размер пособия на одного ребенка был равен минимальной месячной заработной плате рабочего и служащего [6, с. 182]. Одиноким матерям на содержание и воспитание детей, родившихся после выхода данного Указа, до достижения ими 12 лет выплачивалось пособие. Одиноким матерям, имеющим трёх и более детей, государственное пособие выплачивалось одновременно как многодетным и одиноким. Право на пособие сохранялось за женщиной даже в случае её вступления в законный брак. В 1945–1958 гг. в СССР родилось 10,6 млн детей, в акте о рождении которых отсутствовала запись об отце [14, с. 59], из них 7,9 млн — в первое послевоенное десятилетие. Необычная для СССР лояльность к незамужним матерям-одиночкам — это свидетельство стимулирования внебрачных рождений.

3. Увеличение льгот для беременных женщин, матерей и меры, направленные на расширение сети учреждений охраны материнства и детства. Увеличивался размер единовременного пособия на новорожденного ребенка с 45 руб. до 120 руб. Устанавливалось, что данное пособие имело целевое назначение: продажа матери комплекта белья для новорожденного. Часть мер были направлены на решение одной из ключевых проблем — невынашивания плода и рождения ослабленных младенцев, их дальнейшего выхаживания. Для этого увеличили

⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почётного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» от 8 июля 1944 г. // Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. — Москва, 1946. — 115 с.; Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» от 14 марта 1945 г. — URL : <https://base.garant.ru/70818516/> (дата обращения: 13.07.2022); Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных женщин и женщин, имеющих детей дошкольного возраста» от 18 января 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р. 7523. Оп. 67. Д. 8. Л. 2.

¹⁰ Указ «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов» от 10 ноября 1944 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967 гг.: в 2-х томах. Т. 2 / сост. Ф.И.Калинычев, М.И.Юмашев, А.В.Калитевская. — Москва, 1968. С. 417.

родовые отпуска (с 63 до 77 календарных дней) с выдачей пособий в ранее установленных размерах. Начиная с четырех месяцев беременности, запрещалось привлекать женщин к сверхурочным работам, а в период кормления к ночным сменам. Увеличивались вдвое нормы дополнительного продовольственного пайка беременным женщинам, начиная с шестого месяца беременности, и кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления. Руководителей предприятий и учреждений обязали оказывать помощь беременным женщинам и кормящим матерям путем дополнительной выдачи им продуктов из подсобных хозяйств. Кроме того, вводилась 50% льгота на оплату детских садов и яслей для многодетных семей. Указ от 8 июля 1944 г. также предусматривал разработку и утверждение плана СНК СССР по расширению сети учреждений для матери и ребенка, производства детской одежды, обуви, предметов детского обихода для данных учреждений и населения, а также увеличению количества пошивочных мастерских детской одежды и сети магазинов матери и ребенка.

4. Учреждение медали «Медаль материнства», ордена «Материнская слава» и установление почетного звания «Мать-героиня». Почетное звание «Мать-героиня» и грамота Президиума Верховного Совета СССР присваивались женщине, родившей и воспитавшей 10 детей; медаль «Медаль Материнства» присваивалась за рождение и воспитание 5–6 детей I и II степени, орден «Материнская слава» присваивалась за рождение и воспитание 7–9 детей (I, II и III степени)¹¹.

5. Указом от 8 июля 1944 г. были внесены изменения в налоговое законодательство, касаемые размеров взимаемого налога и лиц, освобожденных от его уплаты¹². На-

лог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан позволил увеличить доходную базу бюджета за годы ВОВ на 8,1 млрд рублей, из которых 5,7 млрд рублей было выплачено в качестве государственного пособия многодетным и одиноким матерям [23, с. 65]. Среди населения была проведена массово-разъяснительная работа. В газетах вышел ряд статей информативного характера, а также содержащий отклик граждан на Указ от 8 июля 1944 г. («Советское государство окружает наших детей и женщин-матерей величайшей заботой», «Советские люди горячо приветствуют заботу государства о детях и матерях» и др.)¹³. Публиковалась информация о вручении орденов и медалей многодетным матерям, списки награжденных женщин-матерей. Однако на местах зачастую ограничивались формальным проведением собраний, в том числе общегородских, и читкой Указа.

Не всегда издание Указа от 8 июля 1944 г. воспринималось населением однозначно. Впрочем, еще в процессе обсуждения проекта Указа специалисты Наркомата здравоохранения СССР прогнозировали рост числа аборт. Беременные женщины боялись новых ограничений, действующего запрета на аборты и так далее. Так, в Чувашской АССР в первые месяцы после издания Указа от 8 июля 1944 г. зафиксировано увеличение случаев самопроизвольных абортов. В частности, в городе Чебоксары таких случаев было зафиксировано 57, в Советском

материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» от 8 июля 1944 г. // Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. — Москва, 1946. — 115 с.; Указ Президиума Верховного Совета СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных детей» от 21 ноября 1941 г. с последующими изменениями и включение группы малосемейных граждан // Свод законов СССР: в 11-ти томах. Т. 5 / сост. В. Ф. Яковлев, Н. Ф. Рубцов и др. — Москва, 1989. — С. 469–470.

¹³ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении многодетным матерям почетного звания «Мать-героиня» // Известия. 1944, 11 июля. — С. 1; Ольховская Б. Советское государство окружает наших детей и женщин-матерей величайшей заботой // Известия. — 1944, 28 октября. — С. 2; Сталинская забота советского государства о матерях и детях // Правда. 1944, 12 июля. — С. 1; Советские люди горячо приветствуют заботу государства о детях и матерях // Правда. 1944, 13 июля. — С. 2.

районе — 5¹⁴. Анализ документов позволяет утверждать, что с реализацией данного Указа вплоть до весны-лета 1945 г. существовали трудности разного по своему происхождению характера: организационные, финансовые и пр. Например, к ноябрю 1944 г. в некоторых районах Мордовской АССР заявления о назначении пособий от многодетных матерей не рассматривались, не были созданы отделы государственного обеспечения многодетных и одиноких матерей¹⁵.

Первые решения о награждении матерей почетным званием, орденами и медалями были приняты осенью 1944 г. Решением Президиума Верховного Совета СССР от 27 октября 1944 г. 14 многодетных матерей были награждены почетным званием «Мать-героиня». Среди них — А. С. Алексихина (Московская область), В. Г. Асадулина (Башкирская АССР), М. Е. Смагина (г. Москва), Е. П. Солдатова (Горьковская область)¹⁶. Трудности были с реализацией и остальных мер. Изученные документы позволяют утверждать, что на местах реализовать решения о быстром открытии новых социальных и медицинских учреждений для матерей и детей было крайне сложно. Работа не была систематизирована. Выполнялись лишь отдельные решения.

В городе Чкалов первые 200 детских комплектов были выданы в октябре 1944 года. Из 930 состоящих на учете по беременности женщин, 560 стали получать дополнительное питание¹⁷. Имелись случаи выдачи помощи не по назначению. В магазинах матери и ребенка положенных по нормам продуктов не хватало и их заменяли другими, либо не выдавали совсем¹⁸. Часть помещений учреждений здравоохранения по-прежнему были заняты не по назна-

чению. К началу 1945 г. в городах РСФСР ясельная сеть была увеличена до 333440 мест, план выполнен на 93,3%, в сельской местности — 162360 мест, план выполнен на 65,0%¹⁹. Сложности с наращиванием коечного фонда в сельской местности преимущественно были связаны с отсутствием необходимых помещений, особенно на бывших оккупированных территориях.

16 февраля 1945 г. вышел Приказ Наркомата торговли СССР № с3 / 57 «О производстве товаров детского ассортимента». Был разработан перечень детских товаров. В городах открывались мастерские. На практике расширение производства детской обуви, одежды, инвентаря и предметов детского обихода осуществлялось медленно. При родильных домах и детских консультациях открывали социально-правовые кабинеты. В регионах РСФСР работа в данном направлении велась с разной степенью активности. В Горьковской области был открыт 41 кабинет, в Молотовской области — 10 кабинетов, в Новосибирской — 8, в Красноярском крае — 19, в Приморском крае — 1. На производствах постепенно открывались санитарные комнаты для матерей, а также кабинеты личной гигиены. К началу 1945 г. по данным 10 областей РСФСР удалось организовать 63 новых молочных кухни. Однако, этого явно было недостаточно, так как к концу года планировалось их количество увеличить по РСФСР на 900.

18 января 1945 г. принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных женщин и женщин, имеющих детей дошкольного возраста»²⁰. От дальнейшего наказания освобождались осужденные беременные женщины; женщины, имевшие при себе детей дошкольного возраста; а также осужденные женщины, имевшие в семье детей дошкольного возраста, при условии отбытия половины срока наказания. Указ от 18 января 1945 г. не распространялся на осужденных женщин по статьям за уча-

¹⁴ Государственный архив современной истории Чувашской республики. Ф. П. 1. Оп. 23. Д. 1184. Л. 45–46 об.

¹⁵ Шмакалин П. Заботиться о многодетных и одиноких матерях // Красная Мордовия. 1944. 3 ноября. С. 2.

¹⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении многодетным матерям почетного звания «Мать-героиня» // Известия. 1944. 28 октября. С. 1.

¹⁷ ГАРФ. Ф. А. 482. Оп. 47. Д. 2127. Л. 1.

¹⁸ ГАРФ. Ф. А. 482. Оп. 47. Д. 3360. Л. 10, 11 об.; ГАРФ. Ф. А. 482. Оп. 47. Д. 3361. Л. 3.

¹⁹ ГАРФ. Ф. А. 482. Оп. 47. Д. 2055. Л. 1.

²⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных женщин и женщин, имеющих детей дошкольного возраста» от 18 января 1945 года // ГАРФ. Ф. Р. 7523. Оп. 67. Д. 8. Л. 2.

ствие в контрреволюционной деятельности, бандитизм, убийства и рецидивисток. Пункт 3 Указа от 18 января 1945 г. устанавливал, что в случае совершения данными лицами новых преступлений они «подлежат наиболее суровой мере наказания, предусмотренной законом»²¹. 14 марта 1945 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке», где было расширено право детей на получение пенсии и пособий²².

Выводы

Таким образом, в СССР накануне ВОВ стали проявляться негативные демографические тенденции, являющиеся результатом воздействия внешне- и внутривнутриполитических процессов, а также демографического перехода, которому способствовали урбанизация, изменения образа жизни советского гражданина. Стремясь снизить воздействие данных процессов и явлений, государство разрабатывает и внедряет ряд мер демографической политики, неодно-

значно воспринятых в советском обществе: введение запрета на аборт с одновременным наращиванием социальной инфраструктуры, расширение материальной поддержки материнства и детства.

В период ВОВ условно можно говорить о двух этапах реализации мер демографической политики государства: 1941 — лето 1944 гг. и лето 1944–1945 гг. На первом этапе происходит отказ от реализации некоторых решений 1936 г., принимаются отдельные меры, носившие преимущественно срочный характер. Появляются категории населения, особо нуждающиеся в защите. Помощь населению оказывало не только государство, но и общественные организации и частные лица. На втором этапе утверждаются меры демографической политики, заложившие основы поддержки материнства и детства в 1944–1945 гг. и в послевоенные годы. Государство становится основным субъектом помощи. Комплекс мер материального и нематериального характера был направлен на жизнеобеспечение женщин и детей, поддержку семьи в целом. Реализация Указа от 8 июля 1944 г. в условиях военного времени осуществлялась трудно. К моменту завершения ВОВ удалось создать механизм назначения выплат, присуждения званий и наград, несколько улучшить систему медицинского обслуживания беременных женщин, рожениц и детей, в некоторых случаях расширить сеть или открыть новые учреждения здравоохранения и социального обеспечения.

²¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных женщин и женщин, имеющих детей дошкольного возраста» от 18 января 1945 года // ГАРФ. Ф. Р. 7523. Оп. 67. Д. 8. Л. 2.

²² Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» от 14 марта 1945 года. — URL : <https://base.garant.ru/70818516/> (дата обращения: 13.07.2022).

Литература и Интернет-источники

1. **Елизаров, В. В.** Теория и практика демографической политики в СССР / В. В. Елизаров // Статистика и экономика. — 2017. — Т. 14. — № 5. — С. 71–84. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-5-71-84; EDN: ZSJNSB
2. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. СССР / отв. ред. Ю. А. Поляков. — Москва : Наука, 1992. — 256 с.
3. **Жиромская, В. Б.** Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года / В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, Ю. А. Поляков; отв. ред. В. П. Дмитренко. — Москва : Наука, 1996. — 152 с.
4. **Поляков, Л. Е.** Цена войны. Демографический аспект / Л. Е. Поляков. — Москва : Финансы и статистика, 1985. — 136 с.

5. **Андреев, Е. М.** Население Советского Союза. 1922–1991 гг. / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. — Москва : Наука, 1993. — 139 с.
6. **Литвинова, Г. И.** Право и демографические процессы в СССР / Г. И. Литвинова. — Москва : Наука, 1981. — 200 с.
7. **Захарова, О. Д.** Эволюция рождаемости в России в XX веке / О. Д. Захарова. — Москва : ИСПИ РАН, 1993. — 130 с.
8. **Алексеев, В. В.** Население Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. В. Алексеев, В. А. Исупов. — Новосибирск : Наука, 1986. — 232 с.
9. **Блюм, А.** Демографическая история СССР и России в зеркале поколений / А. Блюм, С. Захаров // Мир России. — 1997. — № 4. — С. 3–11.
10. **Исупов, В. А.** Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки / В. А. Исупов. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — 242 с.
11. **Население России в XX веке: в 3-х томах. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки** / отв. ред. Ю. А. Поляков. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 463 с.
12. **Вербицкая, О. М.** Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития / О. М. Вербицкая. — Москва : Ин-т российской истории РАН, 2002. — 318 с.
13. **Блюм, А.** Родиться, жить и умереть в СССР / А. Блюм. — Москва : Новое изд-во, 2005. — 172 с.
14. **Араловец, Н. А.** Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы / Н. А. Араловец // Российская история. 2010. — № 4. — С. 55–63. EDN: MSNRXB
15. **Рыбаковский, Л. Л.** Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-Информ, 2010. — 140 с. EDN: QPPADP
16. **Исупов, В. А.** Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. / В. А. Исупов // Российская история. — 2015. — № 1. — С. 3–18. EDN: TMIOID
17. **Араловец, Н. А.** Брачно-семейные отношения городских жителей РСФСР накануне Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Н. А. Араловец // Реалии и иллюзии советского общества накануне Великой Отечественной войны. — Брянск : Историческое сознание, 2018. — С. 201–210. EDN: UVSJOM
18. **Хоффманн, Д.** Возращивание масс: модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / Д. Хоффманн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 422 с.
19. **Жиромская, В. Б.** Население России в 1939–1945 гг. / В. Б. Жиромская, В. А. Исупов, Г. Е. Корнилов // Российская история. — 2019. — № 3. — С. 3–17. DOI: 10.31857 / S086956870005112-4; EDN: CYSBPX
20. **Исупов, В. А.** Гендерный дисбаланс сельского населения России (РСФСР) в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) / В. А. Исупов // Демографическое обозрение. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 32–49.
21. **Захаров, С. В.** История рождаемости в России: от поколения к поколению / С. В. Захаров // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10. — № 1. — С. 4–43. DOI: 10.17323 / demreview. v10i1.172594www; EDN: STMVEB
22. **Телишев, В. Ф.** Государственная политика в области брачно-семейных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны / В. Ф. Телишев, В. Т. Сакаев // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2008. — Т. 150. — № 1. — С. 169–176. EDN: JRGWEB
23. **Гритчина, М. Н.** Регулирование налоговой системы государства в период Великой Отечественной войны / М. Н. Гритчина, А. И. Галиев // Наука и общество. — 2015. — № 3. — С. 63–65. EDN: UMHIED
24. **Чернышева, Н. В.** Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук по специальности 5.6.1. / Н. В. Чернышева. — Санкт-Петербург, 2022. — 516 с.
25. **Сулейманова, Р. Н.** «Многодетным матерям — должное внимание». Как в Башкирии выпол-

нялся Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. / Р. Н. Сулейманова // Женщина в российском обществе. — 2024. — № 1. — С. 93–102. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.6; EDN: OXBADW

26. Любимов, А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны / А. В. Любимов. — Москва : Экономика, 1968. — 231 с.

Сведения об авторе:

Чернышева Наталья Викторовна, д.ист.н., главный научный сотрудник, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: natiche84@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1492-5368; РИНЦ SPIN-код: 5179-4022.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-86-99

MEASURES OF DEMOGRAPHIC POLICY IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Natalia V. Chernysheva

IDR FCTAS RAS

(6, bldg.1 Fotieva str., Moscow, Russia, 119333)

E-mail: natiche84@mail.ru

Funding:

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25–28–00645, URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00645/>.

For citation:

Chernysheva N. V. Measures of demographic policy in the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945). *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 86–99. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-86-99 (in Russ.)

Abstract. *The article analyzes the demographic policy measures of the Soviet state during the Great Patriotic War. Presence of the negative trends in the demographic behavior of the population in 1939–1940 is indicated, and their causes are analyzed. The demographic policy measures had a controversial character (ban on abortions, expansion of the network of medical institutions, improvement of the system of medical and social assistance (payment of benefits), expanding the network of preschool institutions, etc). There are identified the main trends in the population reproduction in the USSR and the RSFSR in 1941–1945 (significant decrease in birth rates (crude birth rate, total fertility rate)), changes in mortality parameters, especially child and infant mortality, and decrease in the number of marriages). Taking into account the above trends, two stages of the implementation of the demographic policy measures during the Great Patriotic War are identified: 1941–summer 1944 and summer 1944–1945, differing in objectives, recipients of assistance, and measures themselves. At the first stage, the decisions were aimed at reducing the negative consequences of the war, their impact on health, reproductive functions, as well as social and legal institutions. At the second stage, a set of material and non-material measures aimed at supporting lives of women and children, and supporting the family as a whole, was developed and implemented. The main problems and possibilities for implementing these measures are considered. Implementation of the demographic policy measures was based on two main principles: combination of state, public and private forms of assistance; close interweaving of demographic and social policies.*

Keywords: *demographic policy, social policy, population of the USSR, the Great Patriotic War, demographic indicators.*

References and Internet sources

1. Elizarov V. V. Teorija i praktika demograficheskoy politiki v SSSR [Theory and practice of population policies in the Soviet Union]. Statistika i ekonomika. [Statistics and Economics]. 2017. Vol. 14. No. 5. P. 71–84. (in Russ.)
2. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 goda. Osnovnye itogi [All-Union Census of 1939. Main Results]. Ed. Yu. A. Polyakov. Moscow. Nauka. [Science]. 1992. 256 p. (in Russ.)
3. Zhiromskaya V. B., Kiselev I. N., Polyakov Yu. A. Polveka pod grifom «sekretno». Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 goda [Half a Century Classified. All-Union Census of 1937]. Ed. V. P. Dmitrenko. Moscow. Nauka [Science]. 1996. 152 p. (in Russ.)
4. Polyakov L. E. Tsena vojny. Demograficheskij aspekt [The Price of War. Demographic Aspect]. Moscow. Finansy i statistika [Finance and Statistics]. 1985. 136 p. (in Russ.)
5. Andreev E. M., Darsky L. E., Kharkova T. L. Naselenije Sovetskogo Sojuza. 1922–1991 gg. [Population of the Soviet Union. 1922–1991]. Moscow. Nauka [Science]. 1993. 139 p. (in Russ.)
6. Litvinova G. I. Pravo i demograficheskiye protsessy v SSSR [Law and Demographic Processes in the USSR]. Moscow. Nauka [Science]. 1981. 200 p. (in Russ.)
7. Zakharova O. D. Evoljutsija rozhdayemosti v Rossii v 20 veke [Evolution of Fertility in Russia in the 21st Century]. Ed. L. L. Rybakovsky. Moscow. ISPI RAN [ISPR RAS]. 1993. 130 p. (in Russ.)
8. Alekseev V. V., Isupov V. A. Naselenije Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk. Nauka [Science]. 1986. 232 p. (in Russ.)
9. Blum A., Zakharov S. Demograficheskaja istorija SSSR i Rossii v zerkale pokolenij [Demographic history of the USSR and Russia in the mirror of generations]. Mir Rossii. [Universe of Russia]. 1997. No. 4. P. 3–11. (in Russ.)
10. Isupov V. A. Demograficheskiye katastrofy i krizisy v Rossii v pervoj polovine 20 veka: istoriko-demograficheskiye ocherki [Demographic Disasters and Crises in Russia in the first half of the 20th Century: Historic and Demographic Essays]. Novosibirsk. Sibirskij khronograf [Siberian Chronograph]. 2000. 242 p. (in Russ.)
11. Naselenije Rossii v 20 veke: v 3-h tomah. T. 2. 1940–1959 gg.: istoricheskiye ocherki [Population of Russia in the 20th Century]. In 3 volumes. Vol. 2. [1940–1959: Historic Essays]. Ed. Yu. A. Polyakov. Moscow. ROSSPEN [ROSSPEN]. 2002. 463 p. (in Russ.)
12. Verbitskaya O. M. Naselenije rossijskoj derevni v 1939–1959 gg. Problemy demograficheskogo razvitiya [Population of the Russian village in 1939–1959. Problems of Demographic Development]. Moscow. In-t ros. istorii RAN [IRH RAS]. 2002. 318 p. (in Russ.)
13. Blum A. Rodit'sja, zhit' i umeret' v SSSR [To Be Born, To Live and To Die in the USSR]. Moscow. Novoje izd-vo [New publishing house]. 2005. 172 p. (in Russ.)
14. Aralovets N. A. Brak i sem'ja v RSFSR v poslevojennyje gody [Marriage and family in the post-war Russian Federation]. Rossijskaja istorija [Russian History]. 2010. No. 4. P. 55–63. (in Russ.)
15. Rybakovsky L. L. Ljudskie poteri SSSR i Rossii v Velikoj Otechestvennoj vojne [Human Losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2010. 140 p. (in Russ.)
16. Isupov V. A. Rozhdayemost' naselenija Rossii v 1939–1945 gg. [The birth rate in Russia in 1939–1945]. Rossijskaja istorija [Russian History]. 2015. No. 1. P. 3–18. (in Russ.)
17. Aralovets N. A. Brachno-semejnyje otnoshenija gorodskikh zhitelej RSFSR nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) [Marital and family relations of urban residents of the RSFSR on the eve of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Realii i illjuzii sovetskogo obshchestva nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny [Realities and Illusions of the Soviet Society on the Eve of the Great Patriotic War]. Bryansk. Istoricheskoye soznaniye [Historical Consciousness]. 2018. P. 201–210. (in Russ.)

18. Hoffmann D. Vyrashchivaniye mass: modernoje gosudarstvo i sovetskij sotsializm. 1914–1939 [Cultivating the Masses: Modern State and Soviet Socialism. 1914–1939]. Moscow. Novoje literaturnoje obozrenije [New Literary Review]. 2018. 422 p. (in Russ.)
19. Zhyromskaya V. B., Isupov V. A., Kornilov G. E. Naselenije Rossii v 1939–1945 gg. [The Population of Russia in 1939–1945]. Rossijskaja istorija [Russian History]. 2019. No. 3. P. 3–17. (in Russ.)
20. Isupov V. A. Gendernyj disbalans sel'skogo naselenija Rossii (RSFSR) v gody Vtoroj mirovoj vojny (1939–1945 gg.) [Gender disbalance of the rural population of Russia (RSFSR) during World War II (1939–1945)]. Demograficheskoe obozrenije [Demographic Review]. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 32–49. (in Russ.)
21. Zakharov S. V. Istorija rozhdaemosti v Rossii: ot pokolenija k pokoleniju [The history of births in Russia: from generation to generation]. Demograficheskoe obozrenije [Demographic Review]. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 4–43. (in Russ.)
22. Telishev V. F., Sakayev V. T. Gosudarstvennaja politika v oblasti brachno-semejnykh otnoshenij v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [State policy in the field of matrimonial relations in the USSR during the Great Patriotic War]. Uchenyje zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnyje nauki [Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanities]. 2008. Vol. 150. No. 1. P. 169–176. (in Russ.)
23. Gritchina M. N., Galyaviyev A. I. Regulirovaniye nalogovoj sistemy gosudarstva v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Regulation of the state tax system during the Great Patriotic War]. Nauka i obshchestvo [Science and Society]. 2015. No. 3. P. 63–65. (in Russ.)
24. Chernysheva N. V. Naselenije Volgo-Vjatskogo regiona v 1939–1945 gody: istoriko-demograficheskoe issledovaniye: dis. ... d-ra ist. nauk [Population of the Volga-Vyatka region in 1939–1945: historic and demographic study]. Doctoral diss. St. Petersburg. 2022. 516 p. (in Russ.)
25. Suleimanova R. N. «Mnogodetnym materjam — dolzhnoje vnimaniye». Kak v Bashkirii vypolnjalsja Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Sveta SSSR 1944 g. [«Due consideration for mothers of many children». How the Decree of the Presidium of the USSR Supreme Council of 1944 was implemented in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic]. Zhenshchina v rossijskom obshchestve. [Woman in Russian Society]. 2024. No. 1. P. 93–102. (in Russ.)
26. Lyubimov A. V. Torgovlja i snabzhenije v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Trade and Supply during the Great Patriotic War]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1968. 231 p. (in Russ.)

Information about the author:

Chernysheva Natalia Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, IDR FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: natiche84@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1492-5368; Elibrary SPIN-code: 5179-4022.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-100-112
EDN: ROTFQC

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1921–1923 ГОДОВ

Репинецкий А. И., Циденков Г. Г.*

Самарский государственный социально-педагогический университет
(443090, Россия, Самара, ул. Максима Горького, 65/67)

*E-mail: gcidenkov@yandex.ru

Для цитирования:

Репинецкий А. И., Циденков Г. Г. Демографическая ситуация в Самарской губернии в период голода 1921–1923 годов // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 3. – С. 100–112. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-100-112; EDN: ROTFQC

Аннотация. Голод 1921–1923 гг. охватил огромную территорию страны. В эпицентре голода находилась Самарская губерния. Голод оказал разрушающее воздействие на все аспекты жизнедеятельности человека, в том числе и его демографическое поведение. В статье рассмотрены различные аспекты демографической ситуации, сложившейся в губернии: естественное и механическое движение населения, брачность, разводимость. Сложность анализа демографических процессов объясняется скудостью источников. Голод парализовал деятельность органов власти, особенно на местах, что привело к прекращению текущего учёта населения. Наиболее остро эта ситуация сложилась в сельской местности губернии. Большинство сведений о демографическом состоянии голодавших уездов зачастую носят неполный характер, либо содержат большие погрешности в подсчете текущего населения. Статья написана на основе документального материала, хранящегося в государственных архивах Самарской области. Помимо этого, в статье использованы материалы Шведской миссии Красного Креста, работавшей на территории Самарской губернии. Сотрудники миссии вели демографический учёт населения на территории волостей, где миссия открыла питательные пункты, т.к. для правильной организации питания необходимо ясно представлять численность населения и его движение. Эти материалы чрезвычайно важны при почти отсутствии текущего учёта сельского населения. Даже отмечая неполноту этих материалов, их анализ позволяет представить динамику демографических процессов, проходящих в сельской местности губернии. В настоящее время эти материалы хранятся в Национальном архиве Швеции (Riksarkivet) в Стокгольме. Статистические ведомости Шведской миссии Красного Креста впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: голод, численность населения, рождаемость, смертность, эпидемии, младенческая смертность, естественный прирост населения, брачность, разводимость.

Голод 1921–1923 гг. стал одним из наиболее страшных испытаний населения Советской России. Причины голода хорошо известны — это целая комбинация факторов: бедность крестьянского населения в Российской империи, Первая мировая война, революция и гражданская война в России, истощение хлебных запасов в стране, продразвёрстка и природные катаклизмы. 1921 г. — год страшной засухи: в конце мая 1921 г. установилась жаркая погода со среднесуточной температурой 30° С при полном отсутствии дождей. Уже к концу июня иссушённая земля была вся в трещинах, куда по локоть могла погрузиться рука взрослого мужчины. Отсутствие зерновых запасов и полное уничтожения озимых, а затем и яровых посевов, сделало крестьян абсолютно беззащитными перед нашествием голода. Необходимо также учитывать, что голод обрушился на истощённое войнами крестьянское хозяйство, с резким уменьшением мужского населения, изношенным сельхозинвентарём, сокращёнными посевными площадями и рабочим скотом. Демографические сведения с мест носили разрозненный и, зачастую, неточный характер.

Материалы и методы

Изучение голода начала 1920-х гг. прошло не однозначный путь. В 1920-е гг. активно издавались статья и брошюры о ситуации в голодающих районах, организации помощи голодающим. В основном они были написаны партийными и советскими функционерами, как правило, участниками ликвидации бедствия. В Самарской губернии Центральный Комитет Помощи голодающим (ЦК Помгол) издавал журнал «В центре голода», являющийся одним из основных источников по данной проблеме и в настоящее время. В Самаре, находящейся в центре огромного голодающего района, был создан музей голода.

Голод, охвативший значительные регионы страны в начале 1930-х гг., и который официальные власти не замечали, привёл к продолжительному падению интереса к изучению голода начала 1920-х годов.

Только в 1950–1960 гг. появляются отдельные сюжеты о голоде в работах, посвящённых истории страны после гражданской войны (Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 3. М., 1955; Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922). Москва, 1954; Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. Москва, 1960 и другие), выходят и отдельные статьи, посвящённые борьбе с голодом (Агриков П. А, Башкиров А. С., Лычев И. А. Война с голодом в Поволжье в 1921–1922 гг. // История СССР. 1963. № 1 и другие). Прорывом в изучении этой проблемы стала работа известного российского историка Ю. А. Полякова «1921-й: победа над голодом». (Москва, 1975). На большом фактическом материале автор проанализировал причины голода, организацию помощи голодающим, помощь иностранных государств, организаций и отдельных лиц, борьба с последствиями голода. Впервые одной из причин голода были названы ошибки в продовольственной политике советского государства, показана большая роль международной помощи голодающим [1–4].

Последней крупной работой о голоде в Поволжье стала работа В. А. Полякова «Голод в Поволжье ...» [5]. Автор рассматривает голод начала 1920-х гг. как национальную катастрофу. Помимо традиционных сюжетов в работе представлены и новые направления исследования. Так расширено представление о причинах голода: помимо традиционных (продразвёрстка, итоги заготовительных кампаний) автор подробно проанализировал изменение характера труда в крестьянских хозяйствах, состояние транспорта. Иностранная помощь рассмотрена через призму противостояния власти и общества по вопросу её организации. Более акцентированно автор остановился на анализе практик выживания не только населения, но и власти в условиях голода, изменение налогообложения крестьян в годы бедствия. Работа непосредственно Шведского Красного Креста в Самарской губернии была впервые описана в статье Ю. Ю. Аншаковой [6].

Обсуждение

Все вышеназванные авторы так или иначе касались демографической ситуации, сложившейся в голодающих районах. Однако эти сведения в основном затрагивали два аспекта — подсчёт общего числа жертв голода и анализ повышенной смертности населения. Между тем такие проявления демографического поведения, как механическое движение населения, рождаемость, брачность и разводимость остаются не исследованы. Основными источниками для изучения демографического состояния стали архивные документы: официальные документы губернского комитета помощи голодающим, анкеты, заполняемые местными представителями власти, статистические сведения отдела демографической статистики Самарского губернского статистического бюро и другие материалы. Основной массив документального материала находится в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО) и Самарском областном государственном архиве социально-политической истории (СОГАСПИ). В 2014 г. научные сотрудники этих архивов подготовили и издали сборник документов «Голод в Средневожском крае в 20–30-е годы XX века. Том 1. «Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века». (Самара, 2014). В сборнике содержится массив документов, охватывающий различные аспекты этого страшного явления. Большинство из опубликованных документов впервые введён в научный оборот. В настоящее время это наиболее полное издание документов, посвященное голоду начала 1920-х гг. в Самарской губернии.

Следует отметить, что анализ демографических процессов затрудняет отсутствие полных статистических данных текущего демографического учёта населения. Бедствие, обрушившееся на губернию, нарушило работу губернских, уездных и волостных органов управления, в том числе и губернского статистического комитета. Продолжительное время он не мог добиться данных текущего демографического учёта от уездных и волостных органов власти.

Только в конце 1921 г. такой учёт удалось наладить, но и он охватил не всю территорию губернии.

В итоговой сводке ЦК Помгол определил общее количество голодающих в 31714 тыс. человек в целом по стране. Центральная власть определила Самарскую губернию «центром голода»¹. По состоянию на начала 1920 г. в Самарской губернии проживало, по данным губернского статбюро, 1511 тыс. человек взрослого населения и 1264 тыс. человек детского населения (от 0 до 15 лет)². Численность и возрастной состав населения отражали структуру общества — 45,5% населения составляли дети и подростки. Эти данные, с одной стороны, показывают высокие людские потери, которые понесло население губернии за годы Первой мировой и гражданской войн. С другой — высокая численность детей и подростков говорит о начавшемся процессе компенсаторной рождаемости.

Голод 1921–1923 гг. охватил всё население губернии. Донесения уполномоченных волисполкомов свидетельствовали о крайне тяжелом положении населения. С конца осени 1921 года, уполномоченные констатировали, что ежедневная смертность в населённых пунктах составляла 10–30 человек. Из Богородской волости в начале января 1922 г. сообщали: «Население находится в самом плачевном положении. Суррогаты доедаются все. Скот убит или выменян на продукты, которые съедены. Болезни от голода развиваются в самом широком масштабе, смертность от голода доходит до 16 чел. в день ...»³. Из Имилеевской волости сообщали, что из населения 7135 человек, 5602 (78,5%) человека не имеет ничего, остальное население имеет суррогатов на 2, максимум на 3 дня⁴.

¹ Обращение ЦК РКП(б) «О регулярной помощи голодающим (ноябрь 1921 г.) // Справочник партийного работника. Москва, 1921. Вып. 2. — С. 161.

² Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 91. Л. 67.

³ Голод в Средневожском Крае в 20–30-е годы XX века. Том 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Сборник документов ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории», ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Самара, 2014. — С. 16.

⁴ Там же. С. 159.

В пищу шли самые разнообразные суррогаты — крапива, шишки, лебеда, просеянная солома и мякина, гороховая солома, лошадиный щавель, конопляный и подсолнечный колоб, кожа скота, а осенью, когда и они кончились население начало питаться глиной. Председатель Самарского губисполкома В.А. Антонов-Овсеенко, характеризуя состояние голодающего населения в сообщении IX Всероссийскому съезду Советов (24 декабря 1921 г.) писал: «Миллионы людей голодают... это значит, что людям уже нечего жевать, что они грызут мёрзлую землю, что они сходят с ума от постигшего их несчастья...»⁵. Употребление в пищу суррогатов привело к распространению заболеваний — «катар желудочно-кишечного тракта, малокровие, истощение с абсолютным упадком сил, опуханием от голода и сыпным возвратным и брюшным тифом»⁶.

Уровень смертности от эпидемических заболеваний был высок. Особо широко были распространены разные формы тифа. По подсчётам авторов, уровень смертности от тифа в Самаре и Самарском уезде (регистрация смертности по её причинам проходила только в этих двух местностях) в конце осени 1921 г. составил: сыпной тиф — 17,6% смертности от общего числа заболевших, брюшной — 7,9%, возвратный — 49,4%, от тифа без указания разновидности — 13,7%⁷. Наибольший уровень смертности зафиксирован от возвратного тифа, который обрушивался на организм, истощённый предыдущим заболеванием и голодом. От него умирало половина заболевших. В целом от различных форм тифа умерло 22,1% заболевших, т.е. почти каждый четвёртый, а уровень смертности от тифа составил 88,6% умерших. При этом надо учитывать, что большинство умерших страдало от голода, их организм не мог сопротивляться болезни.

Борьбу с эпидемии и болезнями затрудняло слабость системы здравоохранения.

В Самарской губернии действовали 152 больницы (из них 10 детских), в которых насчитывалось 6787 коек. В медицинских учреждениях губернии работало 185 врачей и 498 фельдшеров⁸. Таким образом одна койка приходилась на 409 жителей губернии, что в условиях массового распространения эпидемий было явно недостаточно. Более тяжёлая ситуация сложилась с медицинским персоналом: один врач приходился на 15002 человек, а один фельдшер на 5573 человека. Естественно в этих условиях большинство населения было лишено возможности получения своевременной и квалифицированной медицинской помощи.

В крайне тяжёлом положении оказались дети. По данным ЦК Помгола, ежедневно количество брошенных детей составляло 200–300 человек. Детские дома могли принять только 10% от брошенных детей, так как были переполнены⁹. Немецкий коммунист Ф. Юнг, посетивший места проживания немецких колонистов в Поволжье, был поражен отношением населения к своим детям. Он замечает, что родители больше заботились о своём скоте, чем о детях. Ф. Юнг описал ситуации, когда детей гонят из деревни кнутами — «ступайте туда, где вас будут кормить» [7, с. 43], бросают на пристанях, чтобы дети не мешали штурмом занять место на уплывающем пароходе [7, с. 80]. Ф. Юнг восклицает: «И это у немецких крестьян Поволжья, о которых говорят, что они так высоко стоят в культурном отношении...» [7, с. 43–44]. Вполне возможно, что Ф. Юнг не совсем разобрался в сложившейся ситуации — подобные действия родителей были направлены на спасение детей, рассчитывающих, что государство сможет их прокормить.

По данным Губернской комиссии помощи голодающим (Губкомпомгол) на 1 января 1922 г. количество голодающих детей (до 15-ти лет включительно) составило 1134118 человек. На 1 января 1921 г. количество детей в губернии насчитывалось 1264417 человек, таким образом голода-

⁵ IX Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчёт. Москва, 1921. — С. 16.

⁶ Голод в Средневолжском Крае в 20–30-е годы XX века.... — С. 103.

⁷ Там же. С. 83.

⁸ Там же. С. 110.

⁹ Там же. С. 160.

ло 89,7% детей. Государство организовало эвакуацию детей в благополучные районы. Всего на 1 января 1922 г. было эвакуировано 8695 детей¹⁰ — конечно, это капля в море голодающих и умирающих. Свидетельством напряжённости ситуации является и тот факт, что даже Губкомпомгол не имел точных данных о количестве детей, находящихся в детских домах. Это было связано как с постоянно меняющейся ситуацией — большая смертность и поступление на место умерших новых детей, так и с плохо налаженным статистическим учётом.

Проводилась и эвакуация взрослого населения. Организованным путем было эвакуировано на 1 января 1922 г. 116846 человек¹¹. Количество бежавших от голода точному учёту не поддаётся. Стихийная эвакуация населения не была организована, голодные люди устремлялись на юг в Туркестан. Не случайно в Поволжье говорили: «Ташкент — город хлебный». Но где он — Ташкент, беженцы не знали, поэтому они всеми правдами и неправдами стремились попасть на поезда, следовавшие в южном направлении. Ф. Юнг пишет, что «... несчастные бегут теперь, куда глаза глядят. У них нет крова ни тут, ни там. У них нет ничего кроме клочьев одежды на тощем теле...» [7, с. 80]. Он приводит пример, когда немецкие колонисты, отправившиеся в Туркестан, оказались в Симбирской губернии, находящейся на грани голода. Положение этих переселенцев оказалось «ужасно» [7, с. 76]. Ситуация голода притупляла человеческие чувства, превращала человека в животное с главным инстинктом — утоление голода. Донесения с мест полны сообщений о трупоедстве и людоедстве. В губернские органы постоянно поступали сведения об увеличившейся численности людоедов и трупоедов. Последних не трогали, а местные власти не знали, что делать с людоедами. Арестованные людоеды постоянно требовали еды, наблюдались случаи нападения на сокамерников. Средств накормить их не было, выпускать на свободу так-

же было нельзя из-за опасения рецидивов и нападений на людей. Создалось безвыходное положение [8, с. 256].

Губернское статистическое бюро смогло наладить текущий учёт населения, в том числе регистрацию смертности от голода только с января 1922 г.¹² Однако статистические данные поступали, прежде всего, из городской местности. Результатом этого стало появление обобщающих таблиц. Приведём одну из таких таблиц с некоторыми сокращениями (табл. 1). Данные, приведённые в таблице, касаются городского населения (в губернии был один губернский и 6 уездных городов), но они отражают общую тенденцию, связанную с демографической ситуацией в регионе. Вызывает сомнение достоверность данных по г. Бузулуку: по сравнению с другими городскими поселениями в нём отмечена крайне низкая смертность населения и отсутствие младенческой смертности, а ситуация в городе ничем не отличалась от других городов.

Естественно, уровень смертности населения значительно превышал уровень рождаемости. Как видно из табл. 1 был крайне высок уровень младенческой смертности. В подлиннике таблицы осталась незаполненной графа «мертворождённые». Вряд ли это отражает реальное состояние дел и можно предположить, что мертворождённые, составили значительную часть показателя младенческой смертности. Вероятно, исходя из данных таблицы, новорождённые составляли около 70% от младенческой смертности. Высокая степень смерти новорождённых связана с истощением организма матери, отсутствием у матерей молока и продуктов для искусственного вскармливания и рождением ослабленных младенцев.

В городской местности губернии даже в такой напряженный период продолжали создаваться новые семьи. Всего было заключено 145 браков, основное число которых приходится на два самых крупных города губернии: Самара и Бугуруслан — 64% всех заключённых браков. В январе 1922 г. не было зафиксировано ни одного развода,

¹⁰ ЦГАСО. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 91. Л. 68 об.

¹¹ Голод в Средневожском Крае в 20–30-е годы XX века.... — С. 110.

¹² Там же.

Таблица 1

Общие сведения об естественном движении городского населения за январь 1922 года

Table 1

General information on the natural movement of the urban population for January 1922

Город	Число браков	Число разводов	Число родившихся	Число умерших	В том числе детей моложе года
Самара	69	-	105	1175	137
Бугуруслан	24	-	28	108	-
Балаково	13	-	19	391	27
Ставрополь	7	-	13	51	1
Мелекесс	9	-	34	101	15
Пугачёв	4	-	37	159	10
Бузулук	19	-	43	3	-
Всего	145	-	279	1988	190

Источник: Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века. Т. 1. Сб. документов. Самара, 2014. С. 418.

что вполне закономерно в условиях голода и высокой смертности населения. Хотя данные о брачности и разводимости, в отличие от данных о рождаемости и смертности, не всегда отражают истинную картину. В это время широкое распространение получил «гражданский» брак, приравненный к юридическому. В провинции «гражданский» брак не получил широкого распространения и затронул только часть горожан. Это обстоятельство необходимо учитывать при анализе демографического поведения населения. Первый официальный развод был зафиксирован в феврале 1922 г. в Бугуруслане, а в марте два развода произошли в Самаре.

Данные текущего демографического учета населения позволяют показать динамику демографических показателей городского населения Самарской губернии за 1922 г. (табл. 2). Несмотря на неполные сведения, данные, приведённые в табл. 2, дают возможность выявить тенденции демографического развития населения губернии в период голода. Пик голода пришёлся на зиму и весну 1922 года. Пик смертности пришёлся на февраль, когда в городах губернии умерло более 2 тыс. человек. Однако, как видно из приведенных данных, смертность долгое время оставалась на высоком уровне. До сентября она превышала тысячу человек. Снижение смертности наблюдает-

ся с сентября 1922 г. и идёт по нарастающей. Высокая смертность летом, когда организм мог получать витамины от овощей и фруктов, объясняется тем, что человеческий организм был истощён голодом и не мог сопротивляться болезням. Сложно высчитать коэффициент смертности, так как не известна точная численность населения губернии в этот период. Это, как было уже сказано, связано с неполнотой статистических сведений и их отсутствием за 1921 г.: неполнота сведений наглядно проявилась в статистике умерших детей до года. По отдельным месяцам количество умерших в Самаре превышало численность умерших во всех остальных городах, что явно свидетельствует об ущербности статистики текущего демографического учёта. Отмечая высокую смертность населения, надо учитывать, что среди городского населения она была значительно ниже, чем сельского.

Проблема неполноты сведений присуща и статистике рождаемости. Не все городские поселения представили полные данные о рождаемости. Довольно высокие показатели рождаемости за первые четыре месяца объяснимы тем, что зачатие младенцев пришлось на март-июнь 1921 г. когда население еще не подозревало о масштабах охватившего бедствия. На эти же месяцы приходится и наиболее высокие показатели младенческой смертности, так как к момен-

Таблица 2

Общие сведения об естественном движении городского населения Самарской губернии за 1922 год

Table 2

General information on the natural movement of the urban population of Samara province for 1922

Месяц	Число браков	Число разводов	Число родившихся	Число умерших	В том числе детей моложе года
Январь	145	0	279	1988	190
Февраль	189	1	248	2059	154
Март	44	2	324	1934 (без Мелекесса и Бузулука)	172 (без Мелекесса и Бузулука)
Апрель (без Бузулука)	87	3	312	1562	146
Май (без Бузулука)	145	2	194	1189	105
Июнь	108	6	162	1012 (без Мелекесса)	174 (данные только по Самаре)
Июль	153	8	266	849 (без Мелекесса)	141 (данные только по Самаре)
Август	114	6	319	1159 (без Мелекесса)	114 (данные только по Самаре)
Сентябрь	178	8	304	962 (без Мелекесса)	63 (данные только по Самаре)
Октябрь	173	5	250 (без г. Ставрополя)	635 (без Мелекесса)	41 (данные только по Самаре)
Ноябрь	171	1	276 (без г. Бузулук)	599 (без Мелекесса)	43 (данные только по Самаре)
Декабрь	Отрывочные сведения, не позволяющие определить динамику				
Всего (с учётом указанных выше исключений)	2887	42	2294	13948	1343

Источник: Таблица составлена по материалам: Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века. Т. 1. Сб. документов. Самара, 2014. С. 418–424.

ту рождения материнский организм был истощен, что сказывалось и на состоянии младенцев. Обращает внимание высокая цифра рождаемости в августе. Объяснить ее можно тем, что в этом месяце родились дети, зачатие которых пришлось на осень 1921 г. Осень в традиционном российском обществе было временем свадеб, и, можно сделать вывод, что, несмотря на голод, в среде городского населения, продолжали заключаться браки. В следующие месяцы 1922 г. численность родившихся снижается. В целом уровень смертности значительно превышал уровень рождаемости. За 11 месяцев 1922 г. по неполным данным умерло 13948 человек, а родилось — 2254: на одно рождение пришлось 6 смертей.

Свидетельством того, что население в 1922 г. начало возвращаться к нормальной жизни стал рост числа браков. Январь

и февраль продемонстрировали высокий уровень заключения браков, затем происходит спад и начиная с мая показатели брачности стабилизируются. Всего (по неполным данным) в 1922 г. было заключено 2887 браков среди городского населения. Определённым показателям стабилизации социума стало и наличие разводов. Высокий уровень разводимости был не характерен для населения провинции: максимальное количество разводов — 8 пришлось на июль, а всего было зафиксировано 42 развода. Таким образом, один развод приходился на 69 браков.

Состояние текущего статистического учёта не позволяет проанализировать демографические процессы среди сельского населения губернии. Существуют сведения по отдельным сельским территориям. Данные о естественном движении населения

в условиях голода собирали и организации, оказывающие помощь голодающим. Среди иностранных организаций, оказывавших помощь голодающим, особая роль принадлежит Шведской экспедиции Красного Креста. После Американской Администрации Помощи она оказывала наибольшую помощь голодающим. Особо уполномоченный по иностранным миссиям Самарского уездного исполкома А. Г. Панкратов отмечал, что миссия в марте 1922 г. отпускала 20598 порций для голодающих ежедневно. Эта помощь постоянно нарастала, и к концу месяца эта цифра выросла до 32096 порций¹³. К январю 1923 г. миссия отпустила 650 тысяч порций¹⁴. Кроме того, Шведская миссия предоставляла голодающему населению семена для весеннего сева и организовывала общественные работы [9, с. 181].

Помимо оказания широкомасштабной помощи голодающим Шведская миссия Красного Креста собирала сведения о текущем движении населения в волостях, где они осуществляли продовольственную помощь. Это было необходимо для понимания ситуации с численностью голодающего населения, в том числе голодающих детей. Работников миссии также интересовало наличие рабочего скота, перспективы посевной кампании. Сотрудники этой миссии собрали материал по 9 волостям Самарской губернии: Воскресенской, Дмитровской, Дубово Умётской, Кобельминской, Колокольцевой, Купинской, Покровской, Томыловской, Черноречьевской и селу Яблоневый Овраг. Помимо сводных таблиц были и подготовительные материалы по селам, входящим в данные волости.

Документы заполнены от руки, ряд цифр прочитываются с трудом, почти не читаемы материалы по волостям Кобельме и Колокольцевке. По Купчинской и Покровской волостям отсутствуют данные об общей численности населения. Особая ценность данного документального материала в том, что он даёт возможность не только сделать срез

демографического состояния в период голода, но и показать динамику демографического развития региона. Составители справок рассмотрели демографическое состояние местностей, где они работали за 1914, 1919–1922 гг. (данные за 1922 г. представлены лишь за первое полугодие). Эти данные представляют большой интерес. Как уже отмечалось органы государственной статистики не смогли собрать информацию за 1921 г. и имеющиеся сведения по отдельным волостям и селам в определённой мере позволяют восполнить этот пробел. Справки составлены помесечно, в них отмечено общая численность мужчин и женщин, а также количество родившихся и умерших. В настоящее время эти документы хранятся в фондах Шведского Красного Креста в Национальном архиве Швеции (Riksarkivet) в Стокгольме. Данная статья — это первая попытка введения этих данных в научный оборот.

Результаты

В 1914 г. в Воскресенской, Дмитровской, Дубово Умётской, Купинской, Покровской, Томыловской, Черноречьевской и селу Яблоневый Овраг родилось 1720 человек, умерло — 1162 человека. 1914 г. — начало Первой мировой войны. Мобилизация на войну мало повлияла на уровень рождаемости, так как рождались дети, зачатые в предвоенный период. Можно предположить, что среди умерших были и жертвы военных действий, но вряд ли их было много. Динамика естественного движения населения носит положительный характер — рождаемость превысила смертность на 558 человек (табл. 3). Как видно из представленных материалов отрицательный естественный прирост населения наблюдался в 1919 году. Переход к мирной жизни ознаменовался высоким уровнем рождаемости. В 1919 г. в указанных волостях родилось почти столько же детей, как и в 1914 году. Отрицательный естественный прирост населения связан, прежде всего, с эпидемией тифа на территории губернии. В 1920 г. отмечен рост рождаемости, которая превысила предыдущие показатели. Показатели

¹³ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ), Ф. 58. Оп. 1. Д. 249. Л. 15, 16.

¹⁴ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 168. Л. 18.

рождаемости за 1919 и 1920 гг. позволяют утверждать о незначительной волне компенсаторной рождаемости. Однако продолжающаяся эпидемия тифа (в 1920 г. в основном фиксировался возвратный тиф) при-

вела к высокому росту смертности и нивелировала положительные последствия компенсаторной рождаемости. Таким образом, голод 1921–1922 гг. обрушился на ослабленное население.

Таблица 3

Естественный прирост населения, человек

Table 3

Natural population growth, persons

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1914	1720	1162	+558
1919	1709	1905	-196
1920	1936	1930	+6
1921	2057	2311	-254
1922 (январь-июнь)	675	2009	-1334

Источник: таблица составлена по материалам: Riksarkivet/SE/RA/730236/1/18/F/2.

В 1921 г. выросли показатели как рождаемости, так и смертности. Рост рождаемости определили те же показатели, что и в предыдущий период: переход к мирной жизни, увеличение числа супружеских союзов, компенсаторная рождаемость. В 1921 г. рождались дети, зачатые в 1920 г. и начале 1921 г., когда население не могло представить масштабы голода. Одновременно с ростом рождаемости возросли и показатели смертности. Особо резко она выросла со второй половины года, когда у крестьян закончились продовольственные запасы и пищевые суррогаты.

Особо резкое сокращение уровня рождаемости было зафиксировано в первой половине 1922 г.: в это время рождались дети, чье зачатие приходилось на голодный 1921 год. Продолжал расти и уровень смертности. Её показатели за первую половину года приблизились к показателям смертности в 1921 г. — количество умерших за этот период вдвое превысило численность рождённых. Таким образом, ситуация гражданской войны с продразвёрсткой, эпидемия, разгулом бандитизма привела к отрицательному естественному приросту населения, а голод начала 1920-х гг. усугубил отрицательные демографические процессы в регионе.

Статистические материалы Воскресенской, Дмитриевской, Дубово Умётской

и Чернореченский волостей дают возможность проследить динамику численности населения (данные приведены на начало текущего года). В 1914 г. на территории вышеназванных волостей проживало 28669 человек. Численность населения этих волостей после окончания Первой мировой войны и окончания боевых действий на территории губернии составило в 1919 г. 29872 человека. Потрясения, связанные с военными действиями, замедлили рост населения, но не привели к снижению его численности. Большой урон численности населения нанесли эпидемии, обрушившиеся на губернию в 1919–1920 годах.

Голод начала 1920-х гг. привёл к уменьшению численности населения. В 1921 г. в данных волостях проживало 27024 человека, что было на 2135 человек меньше, чем в предыдущем 1920 году. Уровень смертности составил 7,9%. За первое полугодие 1922 г. численность населения составила 25177, что было меньше показателей предыдущего года на 1847 человек. Таким образом смертность за 1921 г. и первую половину 1922 г. по четырем волостям составила 3982 человека. Интересно сравнить уровень смертности по имеющимся данным. В 1914 г. умерло 3,4% населения уездов, в 1919 г. — 21,6%, 1920 г. — 5,3%, 1921 г. — 6,2%, первое полугодие 1922 г. — 5,9%. Та-

ким образом, наибольший процент смертности пришёлся на 1919 г., когда вымерло больше пятой части населения данных уездов в основном из-за эпидемий тифа.

Уровень смертности в уездах в 1921 г. также различался. Наиболее высоким он был в Дубово-Умётской волости, где смертность составила 9,2%, наименьший — в Воскресенской — 4,7%. В Чернореченской волости он составил 4,8%, в Димитровской — 7,6%. Общая смертность в этих волостях составила 6,6%. Уровень смертности, зафиксированной представителями Шведской миссии Красного Креста, несколько ниже принятых значений. Точное число умерших от голода подсчитать невозможно. Считается, что умер каждый десятый житель губернии. Более низкие показатели, зафиксированные Шведской миссией Красного Креста, можно объяснить рядом факторов. Во-первых, чрезвычайная ситуация, сложившаяся в голодающих районах, не давала возможности организовать полноценный демографический учёт. Умершие от голода долгое время оказывались не погребёнными из-за отсутствия лиц, способных это сделать. Так, из Богородской волости Бугурусланского уезда сообщали, что в течение зимы захоронения не производились, а «... трупы не зарываются, а складываются в сараях и конюшнях»¹⁵. Такое же положение было и в других населённых местах губернии. Само погребение производилось в общую могилу, зачастую без регистрации смерти, без поимённого учёта каждого погребённого. Во-вторых, сами представители Шведской миссии отмечали, что в сельских местностях, подвергнувшихся голоду, было сложно найти образованных людей, а именно они и должны были вести демографическую статистику. Можно с большой долей вероятности предположить, что низкий уровень квалификации работников, нанятых из местного населения, и стал причиной возможного искажения данных демографического учёта. То, что статистику вели русские служащие миссии свидетельствует и тот факт, что документы написаны на рус-

ском языке. В-третьих, можно сказать, что тиф в 1919 г. буквально выкосил слабое население волостей. Учитывая состояние медицинской помощи, выжали самые сильные, которые смогли противостоять голоду. В-четвёртых, возможно, служащие сознательно занижали уровень смертности. Количество пайков выделялось живым людям, и появлялась возможность присвоения пайков умерших лиц. В документах не содержится сведений, указывающих на такую практику. Однако в воспоминаниях представителей организации квакеров, оказывающих продовольственную помощь голодающему населению Самарской губернии, отмечаются подобные факты со стороны представителей местных властей [10, с. 185].

Анализ демографического состояния населения голодающих регионов свидетельствует о серьёзном ущербе, нанесённом человеческому потенциалу страны. В то же время даже в это страшное время жизнь продолжалась — заключались браки, рождались дети. К сожалению, база источников не позволяет установить точную цифру погибших. В научной литературе утвердилась цифра 1 млн человек погибших от голода и болезней¹⁶, которая, однако, перманентно пересматривается в контексте новых источников и их трактовок. Исследование голода начала 1920-х гг. продолжается. Появляются новые работы, исследующие разные аспекты этого события. вводятся в научный оборот новые источники. Статистические материалы, собранные Шведской миссией Красного Креста, расширяют источниковую базу изучения голода в России начала 1920-х годов. Дальнейшее их изучение позволит перейти к исследованию этого голода на уровне отдельных волостей и сёл.

¹⁵ Голод в Средневолжском Крае в 20–30-е годы XX века.... — С. 91.

¹⁶ Население России в XX веке. Т. 1. 1900–1939 гг. Москва, 2000. — С. 133.

Литература и Интернет-источники

1. **Генкина Э. Б.** Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922) / Э. Б. Генкина. – Москва : Госполитиздат, 1954. — 504 с.
2. **Трифонов, И. Я.** Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа / И. Я. Трифонов. — Москва : Политиздат, 1960. — 279 с.
3. **Агриков, П. А.** Война с голодом в Поволжье в 1921–1922 гг. / П. А. Агриков, А. С. Башкиров, И. А. Лычев // История СССР. — 1963. — № 1. — С. 160–166.
4. **Поляков, Ю. А.** 1921-й: победа над голодом / Ю. А. Поляков. — Москва : Политиздат, 1975. — 112 с.
5. **Поляков, В. А.** Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия: диссертация ... доктора исторических наук по специальности 07.00.02 / Вячеслав Александрович Поляков. — Волгоград, 2009. — 660 с.
6. **Аншакова, Ю. Ю.** Гуманитарная деятельность Шведского Красного Креста в России во время голода начала 1920-х годов / Ю. Ю. Аншакова // Российская государственность: от истоков до современности. Материалы международной научной конференции (Самара, 13–15 сентября 2012 г.). — Самара : Издательство Самарского научного центра РАН, 2012. — С. 448–453.
7. **Юнг, Ф.** Бедствующее Поволжье / Ф. Юнг. — Петроград : Издательство Коммунистического интернационала, 1922. — 122 с.
8. **Циденков, Г. Г.** «Обыкновенный людоед». Виды и типы каннибалов на примере голода в Поволжье в 1921–1923 гг. / Г. Г. Циденков // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. — 2019. — С. 254–260. EDN: KEODEL
9. **Циденков, Г. Г.** Организационная структура миссии Шведского Красного Креста по оказанию помощи голодающим Самарской губернии во время голода 1921–1923 годов / Г. Г. Циденков // Самарский научный вестник. — 2018. — Т. 7. — № 1(22). — С. 179–182. EDN: YRIAQM
10. **Макфадден Д.** Советская Россия 20-х гг. глазами друзей / Д. Макфадден, К. Горфинкел. — Самара : Ас Гард, 2010. — 267 с.

Сведения об авторах:

Репинецкий Александр Иванович, д.ист.н., проф. Самарского государственного социально-гуманитарного университета, Самара, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.repinetsky@yandex.ru, РИНЦ SPIN-код: 7645–5972.

Циденков Григорий Геннадиевич, к.соц.н., доцент Самарского государственного социально-гуманитарного университета, Самара, Россия.

Контактная информация: e-mail: gcidenkov@yandex.ru, РИНЦ SPIN-код: 8907–2420.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-100-112

**DEMORGAPHIC SITUATION IN SAMARA PROVINCE
DURING THE FAMINE OF 1921–1923**

Alexander I. Repinetsky, Grigory G. Tsidenkov*

*Samara State University of Social Sciences and Education
(65/67 Maxim Gorky str., Samara, Russia, 443090)*

**E-mail: gcidenkov@yandex.ru*

For citation:

Repinetsky A. I., Tsidenkov G. G. Demographic situation in Samara province during the famine of 1921–1923. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 100–112. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-100-112 (in Russ.)

Abstract. *The famine of 1921–1923 covered a huge territory of the country. In the epicenter of famine was Samara province. The hunger had a destructive effect on all aspects of human life, including demographic behavior. The article examines various aspects of the demographic situation that developed in the province: vital statistics, nuptiality and divorce. The complexity of the analysis of demographic processes is due to scarcity of sources. The hunger paralyzed the activities of government bodies, especially in provinces, that led to cessation of the current population accounting. This situation was most acute in rural areas of the province. Most of the information about the demographic situation in the famine-stricken counties is often incomplete or contains large errors in calculating the current population. The article is written on the basis of the documentary material stored in the state archives of Samara oblast. In addition, the article uses the materials of the Swedish Red Cross mission, which operated on the territory of Samara province. Mission staff conducted demographic accounting of the population on the territory of the volosts (rural districts), where the mission opened feeding points, since for the proper organization of nutrition it was necessary to really know the population size and its movement. These materials are extremely important, since there was practically no current accounting of the rural population. Even noting the incompleteness of these materials, their analysis allows us to present the dynamics of the demographic processes taking place in the rural areas of the province. Currently, these materials are stored in the National Archives of Sweden (Riksarkivet) in Stockholm. Statistical bulletins of the Swedish Red Cross mission are being introduced into scientific circulation for the first time.*

Keywords: *famine, population, birth rate, mortality, epidemics, infant mortality, natural population growth, nuptiality, divorce.*

References and Internet sources

1. Genkina E. B. Perekhod Sovetskogo gosudarstva k novoj ekonomicheskoy politike (1921–1922). [*Transition of the Soviet State to a New Economic Policy (1921–1922)*]. Moscow. Gospolitizdat. 1954. 504 p. (in Russ.)
2. Trifonov I. Ya. Ocherki istorii klassovoj bor'by v SSSR v gody nepa [*Essays on the History of Class Struggle in the USSR in the Years of the New Economic Policy*]. Moscow. Politizdat. 1960. 279 p. (in Russ.)
3. Agrikov P. A., Bashkirov A. S., Lychev I. A. Vojna s golodom v Povolzh'e v 1921–1922 gg. [War on hunger in the Volga region in 1921–1922]. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*. 1963. No. 1. P. 160–166. (in Russ.)
4. Polyakov Yu. A. 1921-j: pobeda nad golodom. [1921: Victory over Hunger]. Moscow. Politizdat. 1975. 112 p. (in Russ.)
5. Polyakov V. A. Golod v Povolzh'e, 1919–1925 gg.: proiskhozhdenije, osobennosti, posledstviya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [*Famine in Volga Area, 1919–1925: Origin, Features, Consequences*]. Doctoral diss. Volgograd. 2009. 660 p. (in Russ.)
6. Anshakova Yu. Yu. Gumanitarnaya deyatel'nost' Shvedskogo Krasnogo Kresta v Rossii vo vremena goloda nachala 1920-h godov [Humanitarian activity of the Swedish Red Cross during the famine of the early 1920s]. *Rossiiskaya gosudarstvennost': ot istokov do sovremennosti. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Samara, 13–15 sentyabrya 2012 [Russian Statehood: from the Origin to Modern Times. Proceedings of the international scientific conference (Samara, September 13–15, 2012)]*. Samara. Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Samara Research Center RAS]. 2012. P. 448–453. (in Russ.)
7. Yung F. Bedstvuyushcheje Povolzh'e [Volga Area in Distress]. Petrograd. Izdatel'stvo Kommunisticheskogo internatsionala [Comintern Publishers]. 1922. 122 p. (in Russ.)
8. Tsidenkov G. G. «Obyknoennyj lyudojed». Vidy i tipy kannibalov na primere goloda v Povolzh'e v 1921–1923 gg. [«An ordinary cannibal». Kinds and types of cannibals on the example of the famine of 1921–1923 in Volga area]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' [Natural and Geographical Factors in the Daily Life of Russian Population: History and the Present]*. 2019. P. 254–260. (in Russ.)

9. Tsidenkov G. G. Organizatsionnaya struktura missii Shvedskogo Krasnogo Kresta po okazaniyu pomoshchi golodayushchim Samarskoj gubernii vo vremya goloda 1921–1923 godov [Organizational structure of the Swedish Red Cross mission to assist the starving Samara province during the famine of 1921–1923]. *Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Journal of Science]*. 2018. Vol. 7. No. 1(22). P. 179–182. (in Russ.)
10. MacFadden D., Gorfinkel C. Sovetskaya Rossiya 20-h gg. glazami druzej. [*Soviet Russia of the 20s through the Eyes of Friends*]. Transl. from English by L. V. Radchenko. Samara. As Gard [As Gard]. 2010. 267 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Repinetsky Alexander Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia.

Contact information: e-mail: a.repinetsky@yandex.ru; Elibrary SPIN-code: 7645–5972.

Tsidenkov Grigory Gennadievich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia.

Contact information: e-mail: gcidenkov@yandex.ru; Elibrary SPIN-code: 8907–2420.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-113-124
EDN: RSQLHQ

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Молчанов И. Н.^{*}, Отарова К. В.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
(119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1)

^{*}E-mail: 9392940@gmail.com

Для цитирования:

Молчанов И. Н., Отарова К. В. Особенности демографического развития России в постсоветский период // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 113-124. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-113-124; EDN: RSQLHQ

Аннотация. Актуальность статьи определяется сложностью демографической ситуации в России в постсоветский период. Сочетание факторов, влияющих на демографическое развитие, проявляется в неблагоприятной динамике рождаемости и смертности, а также в депопуляции населения. Однако, в некоторых из стран СНГ, наоборот, наблюдаются диаметрально противоположные тенденции, а демографическая ситуация рассматривается как позитивная. Целью исследования являются установление причин, определивших современную ситуацию в области демографии, и определение возможных инструментов, способствующих её стабилизации. Исследование базируется на изучении научных трудов российских и зарубежных авторов, официальных статистических и информационных источников. Выявлены предпосылки наблюдаемой в России депопуляции населения и определены различия в причинах её возникновения в разные исторические периоды. Установлены причины снижения рождаемости и роста смертности населения, их влияние на ожидаемую продолжительность жизни при рождении. Выполнено сравнение ряда демографических показателей по России и странам СНГ. Сделаны выводы о необходимости углубленного изучения дифференциации уровня ожидаемой продолжительности жизни при рождении и других демографических показателей в территориальном разрезе: по субъектам и федеральным округам (макрорегионам) Российской Федерации и их сравнения с аналогичными данными по другим странам СНГ. Выводы базируются на полученных в ходе исследования результатов, предпринимаемых органами власти мер по снижению смертности и стимулированию рождаемости и могут быть полезны заинтересованным пользователям, в том числе исследователям демографических проблем. Сформулированные обобщения и рекомендации направлены на улучшение ситуации в сфере демографии и сохранение семейных ценностей, накопление демографического потенциала и стабилизацию положения семей в целях улучшения процесса воспроизводства населения.

Ключевые слова: демографический потенциал, депопуляция населения, постсоветский период, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, семейно-демографическая политика.

Постановка проблемы

В составе национальных интересов нашей страны приоритетное место занимают «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан»¹. Первая мировая, гражданская и Великая Отечественная войны нанесли весомый ущерб национальному хозяйству СССР, привели к трудновосполнимым потерям человеческих ресурсов. Именно поэтому ключевыми векторами современной государственной политики являются «повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности; увеличение ожидаемой продолжительности жизни, снижение смертности и уровня инвалидизации населения, профилактика профессиональных заболеваний»². Близкие по смысловому наполнению задачи решают органы власти стран Содружества Независимых Государств (СНГ)³. Объект исследования — особенности демографического развития России в постсоветский период⁴. Предмет исследования — установление факторов, обусловивших создавшееся положение в сфере демографии, осмысление накопившихся проблем и поиск возможностей выхода из сложившейся демографической ситуации.

Особенности протекания демографических процессов в постсоветский период изложены в работах [1; 2]. В центре внимания — изучение причин «волнообразной» динамики численности населения России и ряда зарубежных стран. Особой актуальностью отличаются исследования, посвящен-

ные рассмотрению влияния экономических, социальных, климатических и др. факторов на демографические различия по регионам РФ. В работе [3] проанализированы особенности воспроизводства населения регионов России и влияющие на него факторы за период с 1992 по 2024 гг. В работе [4] раскрываются экономические факторы рождаемости, смертности и миграции населения регионов России в среднем за 2017–2023 гг., выявлена слабая «связь между миграцией и экономическими факторами», «умеренная связь между миграцией и индикатором смертности — ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (ОПЖ)» [4, с. 4].

В работе [5] с использованием метода демографического статистического анализа определены особенности взаимосвязей между климатическим фактором, выраженным в форме индекса Бодмана и рождаемостью, смертностью и межрегиональной миграцией населения регионов России за 2017–2023 гг., выявлено, что связь ОПЖ с климатическим фактором умеренная. «Это означает, что региональные различия в уровне смертности населения России на треть объясняются климатическим фактором» [5, с. 4]. Также установлена слабая связь между климатическим фактором и такими демографическими индикаторами населения, как коэффициент результативности миграционных связей и суммарный коэффициент рождаемости [5, с. 4].

В работе [6] сформулированы принципы и подходы к проведению мониторинга, позволяющего оценить качество концептуальных документов, величину финансовых затрат и формы помощи семьям. Практическое использование такого способа наблюдения в региональном разрезе позволило бы улучшить информационно-аналитическое сопровождение процесса воспроизводства населения и создать надежную информационную базу для принятия управленческих решений на местах при проведении семейно-демографической политики.

В целом, тематика проводимых российскими учеными демографических исследований разнообразна и представительна, а результаты заслуживают тщательного из-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.08.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.08.2024).

³ СНГ — международная организация, призванная регулировать сотрудничество между некоторыми государствами, входившими ранее в состав СССР, была основана 8 декабря 1991 года.

⁴ Примечание авторов. Постсоветский период: 1992–2022 гг. Начало периода связано с процессами 1989–1991 гг. в СССР, а его завершение — с рядом исторических событий на постсоветском пространстве весной 2022 г.

учения и учёта на практике. Однако, в большинстве работ исследуется демографическая ситуация в России. Недостаточно ёмко представлено сравнительное рассмотрение демографического развития и важнейших показателей в постсоветских странах. Исследование особенностей демографической ситуации в России в сравнении со странами СНГ становится востребованным, т.к. обширный массив данных о динамике и структуре важнейших демографических показателей позволит выявить насущные проблемы воспроизводства населения России в увязке с аналогичными демографическими проблемами и миграционными процессами на постсоветском пространстве. На этой основе появится более широкая научная база для предвидения перспектив демографического развития и выстраивания сбалансированной семейно-демографической политики.

Новизна исследования состоит в позиционировании показателя «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» (ОПЖ) как ключевого ориентира для оценки демографической ситуации в стране и выработки мер административного и экономического характера для ее улучшения и государственного регулирования; в проведении характеристики уровня данного показателя применительно к России в сравнении с другими постсоветскими странам. Обоснована целесообразность углублённого изучения дифференциации уровня ОПЖ и других демографических показателей по административно-территориальным образованиям России в целях выявления региональных особенностей воспроизводства населения и выработки селективных механизмов стратегического планирования для улучшения демографической ситуации на экономическом пространстве страны и дальнейшего совершенствования семейно-демографической политики Российского государства.

Тенденции демографического развития России: ретроспективный анализ

В течение XX в. на динамику демографических процессов в России оказывали влияние исторические факторы, политические

катаклизмы, внешняя и внутренняя миграция, социальные ориентиры общества, уровень системы здравоохранения, достижения медицинской науки, степень развития системы социальной защиты, возрастные границы индивидов, вступающих в брачные отношения и др. Значимыми факторами демографических трансформаций стали эволюционно накапливающиеся изменения в условиях жизнедеятельности людей, ценностные ориентации населения разных возрастных групп.

В России во второй половине XX в. возникли новые объективные обстоятельства, вследствие которых расширился спектр проявлений неустойчивости демографической ситуации и изменились масштабы проблем в сфере народонаселения: городское население «перестало себя воспроизводить ещё с 1964–1965 гг. ..., а сельское население ещё почти тридцать лет, до 1992 г. включительно, имело расширенное воспроизводство» [7, с. 752].

В середине 1980-х гг. были «зафиксированы самые высокие уровни рождаемости и продолжительности жизни после середины 1960-х годов» [8, с. 68]. Данная благоприятная ситуация стала следствием комплекса принятых в этот период руководством страны решений, одно из которых — предоставление работающим матерям неоплачиваемого отпуска «по уходу за ребёнком до достижения им возраста полутора лет, с сохранением непрерывного стажа работы»⁵. В работах было доказано наличие кратковременной связи между повышением уровня рождаемости и принятыми ограничительными мерами в период проведения в России антиалкогольной компании [9; 10]. Было установлено, что предпринятые государством меры положительно повлияли на взаимоотношения в семье, снижение числа разводов и в целом на демографическую ситуацию [11; 12].

По прошествии ряда лет российскими учёными были сделаны выводы о скром-

⁵ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 22.01.1981 № 235 (с изменениями от 13.01.1989) «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94032/ (дата обращения: 28.08.2024).

ных результатах и непродолжительном временном периоде повышения рождаемости, что расценивалось как следствие предпринятых действий государства по реализации мер социально-экономической политики второй половины 1980-х годов. Например: «Антиалкогольная кампания вовсе не вырабатывала отрицательного отношения населения к алкоголю, что и продемонстрировали события начала 1990-х гг.» [8, с. 88]. Согласно экспертному мнению, устойчивый эффект может быть достигнут только при «изменении образа жизни людей, их планов и желаний» [8, с. 89]. Исключительно важное значение вполне обоснованно придавалось преемственности целей и последовательному проведению социальной политики.

По результатам исследований российских демографов, «суженное» воспроизводство населения сохранялось с середины 1960-х гг. до 1992 г. включительно. С 1993 г. до 1999 г. рождаемость снизилась ниже пороговых значений, и именно этот период учёные характеризуют как начало фазы депопуляции. Усугубление демографических проблем в 1990-х гг. стало следствием целого ряда причин, самая важная из них связана с распадом СССР и формированием на территории бывшего Советского Союза самостоятельных государств, часть из которых вошла в состав СНГ. В этот период вследствие происходящих в названных странах политических и экономических трансформаций были не только сформулированы новые экономические задачи, но и видоизменились сами приоритеты социальной политики. Это закономерно повлияло на разномасштабное развитие демографического развития, вследствие чего возросли масштабы проблем в сфере народонаселения. Помимо названных выше факторов, необходимо принимать во внимание сложную ситуацию, сложившуюся в экономике России в 1990–2000-х гг. в связи с её переходом на рыночные принципы.

Процесс депопуляции населения России можно разделить на два этапа: первый (1992–2012 гг.) и второй (2018 г. — настоящее время) [14]. По мнению д.э.н., проф. Л.Л. Рыбаковского, первый этап естествен-

ной убыли населения России продолжался до 2012 г., т.к. суммарный коэффициент рождаемости в 2012 г. составил 1,7, что свидетельствует о возмещении поколения родителей поколением детей примерно на 80%, а естественная убыль населения в данном году составила менее 0,003%, то есть практически прекратилась [13, с. 7].

На выход России из первого этапа депопуляции положительно повлияли такие факторы, как: 1) стабилизация численности населения молодых возрастов, 2) наметившийся рост благосостояния семей, 3) новации в проводимой государством социально-демографической политике. Однако с 2018 г. началось ухудшение демографических показателей. Были выявлены тренды, изучение которых позволило сделать вывод о начале второго этапа депопуляции. Д.э.н. С.В. Казанцев обозначил причины сложившейся ситуации следующим образом: «В репродуктивный возраст вступили родившиеся в первую волну депопуляции в постсоветской России. Уменьшение численности женщин репродуктивного возраста (и с худшим, чем до 1990-х гг., состоянием здоровья), при прочих равных условиях, ведёт к снижению числа новорожденных, а увеличение числа людей старше 70 лет — к росту смертности» [15, с. 19].

Последствия демографических катаклизмов для России и пути их преодоления

При рассмотрении демографических проблем в историческом контексте прослеживается обратно пропорциональная связь между развитием агломерационного строительства и снижением рождаемости. Статистические данные и социологические опросы свидетельствуют об уменьшении числа детей в семье: наблюдается переход от семей, имеющих трёх либо четырёх детей к семьям с одним ребёнком или двумя детьми. Решения, принимаемые семьями в отношении количества детей, имеют весьма отдалённые социальные последствия. В их числе особенно остро проявляются сложности в формировании текущих и перспек-

тивных балансов трудовых ресурсов, и проблемы в функционировании рынка труда. Все названное выше в совокупности может оказывать влияние на уменьшение у граждан РФ в обозримой перспективе потребности в рождении и воспитании детей.

Для простого воспроизводства населения среднее значение числа детей на одну женщину (суммарный коэффициент рождаемости — СКР) должно составлять не менее 2,10 [13, с. 6]. В России с 1960-х гг. и до настоящего времени СКР находится ниже названной отметки. Исключением стал период 1986–1988 гг., в течение которого вследствие активизации государственной демографической политики наблюдалось простое воспроизводство населения. Для сохранения демографического потенциала и увеличения продолжительности жизни граждан Правительством РФ предпринимается комплекс мер по «поддержке семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, воспитанию детей»⁶. «Повышение рождаемости становится обязательным условием для увеличения численности населения России»⁷.

На VI Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» активно обсуждались в числе других актуальных тем вопросы формирования и воспроизводства демографического потенциала. Внимание было уделено динамике изменений в 2010–2022 гг. таких индикаторов демографического благополучия России, как коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста в расчёте на 1000 человек населения⁸. Пока-

затель «абсолютная величина естественной убыли населения» наглядно отражает изменения в демографической картине. Для России в 2010–2022 гг. характерна негативная тенденция, что подтверждается динамикой отрицательных значений естественного прироста населения: –1,7 (2010 г.), –4,8 (2020 г.), –4,0 (2022 г.)⁹.

Динамика демографических процессов нарушила зафиксированные в официальных документах планы Руководства страны, ориентированные на постепенный рост численности населения начиная с 2022 года¹⁰. По заключению А. И. Антонова сложность современной демографической ситуации в России предопределяется продолжающейся естественной убылью населения «из-за сверхнизкой рождаемости, не компенсирующей смертность» [17, с. 24]. Совокупный коэффициент рождаемости резко снизился по причине сокращения численности репродуктивных когорт старше 25 лет. Предполагается, что влияние данного фактора сохранится до начала 2030-х гг. «Негативное воздействие половозрастной и брачно-семейной структур накладывается на долговременную тенденцию трансформации демографического поведения и прежде всего репродуктивного поведения семьи и личности» [17, с. 24]. По мнению эксперта, такой сценарий развития демографической ситуации складывается вследствие особенностей воспроизводства населения России и инерционности демографической структуры. Все названные факторы существенно затрудняют ре-

циент смертности: 14,2 (2010 г.), 14,5 (2020 г.), 12,9 (2022 г.), причём его значения превышают уровни общего коэффициента рождаемости, что свидетельствует о негативном развитии демографической ситуации и депопуляции населения» [16, с. 178].

⁹ Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — С. 644.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». — URL : <https://rg.ru/2020/07/22/ukaz-dok.html>; «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» (утверждён распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-п) (с изменениями от 24.12.2021). — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/ (дата обращения: 20.08.2024).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.08.2024).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.08.2024).

⁸ В частности, было отмечено: «несмотря на системно проводимые в нашей стране меры поддержки, основные демографические показатели существенно не улучшаются и остаются в зоне повышенного риска. Так, наблюдается отрицательный тренд в динамике общего коэффициента рождаемости: 12,5 (2010 г.), 9,7 (2020 г.), 8,9 (2022 г.); характеризуется неустойчивой динамикой общего коэффи-

шение задачи достижения нормативного уровня суммарного коэффициента рождаемости (2,1) в периоде до 2060 года.

Президентом России в качестве одной из национальных целей на долгосрочную перспективу определено «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»¹¹. Для её достижения установлены следующие целевые показатели и задачи, достижение которых будет способствовать нормализации демографической ситуации в стране: а) повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 году и до 1,8 к 2036 году, в том числе ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей; б) увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и до 81 года к 2036 году, в том числе опережающий рост показателей ожидаемой продолжительности здоровой жизни; в) обеспечение не ниже среднероссийских темпов повышения к 2030 году суммарного коэффициента рождаемости в субъектах Российской Федерации, в которых по итогам 2023 года значение такого коэффициента было ниже среднероссийского; г) снижение к 2036 году дифференциации показателей ожидаемой продолжительности жизни не менее чем на 25 процентов по сравнению с уровнем 2023 года¹².

Для реализации поставленных задач Правительством РФ разработан и реализуется «Единый план», в котором указывается на демографические вызовы как важнейший фактор развития: «В силу объективных демографических трендов в ближайшие несколько лет население Российской Федерации будет сокращаться. Необходимо переломить эту тенденцию и обеспечить стабилизацию рождаемости, снижение смертности, повышение продолжительности жизни».

ни». Для преодоления указанных вызовов определены конкретные действия и инструменты, установлены статистические индикаторы, отражающие движение к достижению показателей указанной цели развития на период до 2036 года¹³.

Современная демографическая ситуация на постсоветском пространстве

В демографической ситуации стран СНГ в 2022 г. наблюдались ощутимые различия в уровнях коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста населения на 1000 человек населения. О высоком уровне рождаемости и благополучии демографической ситуации в целом свидетельствуют общие коэффициенты рождаемости в Азербайджане (12,2), Армении (12,3), Казахстане (20,6), Киргизии (21,5), Узбекистане (26,2), Таджикистане (22,1). Названные страны традиционно отличаются высокими значениями показателей рождаемости. Низкие общие коэффициенты смертности также подтверждают благоприятные демографические тенденции: в Азербайджане (6,0), Армении (9,0), Казахстане (6,8), Киргизии (4,5), Узбекистане (4,8), Таджикистане (4,0). В Молдове и Украине ситуация другая: коэффициенты рождаемости значительно ниже: 10,6 (2022 г.) и 7,3 (2021 г.), а вот коэффициенты смертности более высокие: 14,2 (2022 г.) и 18,5 (2021 г.) соответственно¹⁴.

Уровень естественного прироста населения в странах СНГ в 2022 г. также различается: в Азербайджане (6,2), Армении (3,3), Казахстане (13,8), Киргизии (17,0), Узбекистане (21,3), Таджикистане (18,1). Это согласуется с выявленной положительной тенденцией о превышении уровней рождаемости над уровнями смертности и подтверждает благоприятную демографическую ситуацию в данных странах. В воспроизводстве населения Молдовы и Украины наблюдается не-

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России. – URL : <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986> (дата обращения: 05.07.2025).

¹² Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России. – URL : <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986> (дата обращения: 05.07.2025).

¹³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 года. Пп. 1.1–1.4. // Правительство России. – URL : <http://government.ru/news/53927/> (дата обращения: 05.07.2025).

¹⁴ По Беларуси данные не предоставлены.

благоприятная ситуация, что подтверждается отрицательными значениями коэффициентов естественного прироста: в Молдове (–3,6 в 2022 г.), Украине (–11,2 в 2021 г.)¹⁵. Эта информация указывает на резкое снижение уровня рождаемости и депопуляцию населения в этих двух странах.

Расширенное воспроизводство населения (2022 г.) в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане обеспечивается высокими положительными значениями СКР: 3,3, 3,1, 2,8 и 2,8 соответственно. Воспроизводство населения на уровне около нулевого поддерживается в Азербайджане, Армении, Молдове (суммарные коэффициенты рождаемости 1,7–1,8 в 2022 г.). В России (1,4), Беларуси (1,4), Украине (1,2) данные показатели ниже уровня простого воспроизводства¹⁶. Названные обстоятельства, а также в некоторых случаях отрицательные значения и существенные колебания коэффициентов естественного прироста населения иницируют озабоченность органов государственной власти России и тех стран СНГ, где в течение нескольких последних десятилетий под влиянием различных причин сложилась непростая ситуация в сфере рождаемости и смертности.

В целом можно констатировать, что неодинаковые демографические характеристики стран СНГ обусловлены противоречивыми факторами. Это могут быть как исторические условия и национальные традиции, так и особые взгляды на теорию и практику государственного регулирования демографических процессов, политику поощрения семейных ценностей, систему мер экономического и морального стимулирования многодетных семей и др.

ОПЖ — ключевой демографический показатель для России и постсоветского пространства

Особенности протекания демографических процессов обобщенно характери-

зуются бесструктурным интегральным демографическим показателем «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» (ОПЖ). Уровень и динамику показателя ОПЖ индивида определяет комплекс факторов: социальных, экономических, демографических, культурных, религиозных, а также сознательность, ответственность и жизненная позиция каждого гражданина государства. Если сравнить средний уровень показателя ОПЖ по России с аналогичным показателем по странам СНГ, то цифры по состоянию на 2022 г. будут близкими: Россия — 72,7 года; Азербайджан — 76,0; Армения — 75,1; Беларусь — 74,5; Казахстан — 74,4; Узбекистан — 74,3; Таджикистан — 73,3; Киргизия — 71,9; Молдова — 71,4; Украина — 69,8 года¹⁷.

Достигнутый в разных странах мира показатель ОПЖ существенно различается вследствие влияния. Например, в таких европейских странах как Швейцария, Испания, Швеция, Италия, Франция, Финляндия сложились более высокие значения показателя ОПЖ (2021 г.): 84,0; 83,3; 83,2; 82,9; 82,5; 85,5 года соответственно¹⁸ (то есть на 10–15 лет больше, чем в России и ряде стран СНГ). Основным фактор, обусловивший эти различия в течение достаточно продолжительного временного периода — существенные отличия в уровне жизни населения постсоветских стран и развитых стран Западной Европы. Многие развитые и развивающиеся страны мира, в отличие от России и ряда стран СНГ не были подвержены таким разрушительным катаклизмам, как войны, эпидемии, голод, разного рода экстремальные ситуации и непредвиденные события. Происходившие в мировой экономике во второй половине XIX в. — начале XX в. такие события, как развитие международного разделения труда, индустрии, переход к машинному производству в ведущих отраслях хозяйства, — существенно повлияли на динамику и тенденции развития демографических процессов.

¹⁵ Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — С. 644.

¹⁶ Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — С. 645.

¹⁷ Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — С. 643.

¹⁸ Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — С. 643.

Названные закономерности общественного развития ускорились в середине XX в., особенно в сфере науки и технологий.

Показатель ОПЖ отражает целевую деятельность государственных органов власти и общественных институтов в направлении сохранения и воспроизводства демографического потенциала. Решение данной задачи предполагает укрепление здоровья и улучшение жизнедеятельности различных возрастных категорий населения: детей, молодёжи, лиц, занятых в сферах производства и услуг, либо иной общественно-полезной деятельностью, а также лиц преклонного возраста.

Зная уровень ОПЖ и руководствуясь целями национального развития России, органы управления могут планировать мероприятия, направленные на увеличение данного показателя, разрабатывать механизмы их реализации и мониторинга. Однако необходимо понимать, какое высокое значение имеет ответственность самих индивидов и адекватное восприятие ими норм, предусмотренных системой публичного воспитания по привитию культуры потребления гражданами страны производимых и предоставляемых экономикой благ и услуг.

Не подлежит сомнению необходимость углубленного изучения дифференциации уровня ОПЖ и других демографических показателей в России и странах СНГ. Нацеленность проводимых исследований на выявление региональных особенностей воспроизводства населения представляется вполне своевременной и актуальной задачей по причине существенных различий

в воспроизводстве населения в территориальном разрезе. Для ее решения требуется разработка соответствующей исследовательской программы и проведение наблюдений в режиме мониторинга. Обоснование и дальнейшее совершенствование семейно-демографической политики Российского государства должно находиться во взаимосвязи и координации действий с документами стратегического планирования (Стратегией пространственного развития России на период до 2030 г. и перспективу до 2036 г., стратегиями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и др.).

Организуемая государством и системно проводимая деятельность по воспроизводству населения и защите семейных ценностей, принятие эффективных управленческих и финансовых решений призваны содействовать улучшению ситуации в сфере демографии. Поскольку субъекты РФ характеризуются природно-климатическими, экономико-географическими и социально-культурными особенностями, дальнейшие исследования целесообразно было бы сосредоточить на рассмотрении дифференциации уровня ОПЖ и других демографических показателей по регионам и федеральным округам (макрорегионам). На основе полученных результатов станет возможной выработка селективных механизмов стратегического планирования для стабилизации демографического положения на экономическом пространстве страны и последовательного улучшения качества жизни российских семей.

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, Л. Л.** Рождаемость населения регионов России в конце XX — начале XXI вв.: тенденции, особенности и последствия / Л. Л. Рыбаковский, Т. А. Фадеева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 111–124. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-111-124; EDN: PEYBVC
2. **Зинькина, Ю. В.** Демографические прогнозы и глобальная интеграция в ближайшей и среднесрочной перспективе / Ю. В. Зинькина, С. Г. Шульгин, А. И. Андреев, И. А. Алешковский // Век глобализации. — 2018. — № 1(25). — С. 40–48. DOI: 10.30884 / vglob / 2018.01.04; EDN: YRYXIY
3. **Рыбаковский, О. Л.** Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы / О. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 4–17. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-4-4-17; EDN: XLNRPC

4. **Рыбаковский, О. Л.** Экономические факторы в демографии регионов России (2017–2023 гг.) / О. Л. Рыбаковский // *Народонаселение*. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 4–16. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-4-16; EDN: RASPFZ
5. **Рыбаковский, О. Л.** Климатический фактор в демографии регионов России (2017–2023 гг.) / О. Л. Рыбаковский // *Народонаселение*. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 4–15. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-4-15; EDN: YATMXM
6. **Синица, А. Л.** Методологические принципы проведения мониторинга реализации демографической и семейной политик / А. Л. Синица // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 4–16. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-4-16; EDN: SVDZJH
7. **Соболева, С. В.** Особенности второго этапа депопуляции в России / С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // *Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием (Москва, 14–15 декабря 2020 г.)*. Часть 1. — Москва : ИНИОН РАН, 2021. — С. 752–758. EDN: LAUHQA
8. **Андреев, Е. М.** Конечный эффект мер демографической политики 1980-х в России / Е. М. Андреев // *Мир России. Социология. Этнология*. — 2016. — Т. 25. — № 2. — С. 68–97. EDN: WDEMBR
9. **Leon, D. A.** Huge Variation in Russian Mortality Rates 1984–94: Artefact, Alcohol, or What? / D. A. Leon, L. Chenet, V. M. Shkolnikov, [и др.] // *Lancet*. — 1997. — Vol. 350. — No. 9075. — P. 383–388.
10. **McKee, M.** Alcohol Is Implicated in the Fluctuations in Cardiovascular Disease in Russia since the 1980s / M. McKee, V. M. Shkolnikov, D. A. Leon // *Annals of Epidemiology*. — 2001. — Vol. 11. — No. 1. — P. 1–6. DOI: 10.1016 / S1047-2797(00)00080-6; EDN: LUQEYT
11. **Stack, S.** Divorce and Drinking: An Analysis of Russian Data / S. Stack, E. Bankowski // *Journal of Marriage and Family*. — 1994. — Vol. 56. — No 4. — P. 805–812. EDN: BWKSKX
12. **Emanuele, M. A.** Alcohol's Effects on Male Reproduction / M. A. Emanuele, N. V. Emanuele // *Alcohol Health and Research World*. — 1998. — Vol. 22. — No 3. — P. 195–201. EDN: GRHBIF
13. **Рыбаковский, Л. Л.** 20 лет депопуляции в России / Л. Л. Рыбаковский. — Москва: Экон-информ, 2014. — 231 с.
14. **Рыбаковский, Л. Л.** Особенности демографического развития России: прошлое, настоящее, будущее / Л. Л. Рыбаковский, В. И. Савинков, Н. И. Кожевникова // *Социально-трудовые исследования*. — 2021. — № 2(43). — С. 8–18. DOI: 10.34022 / 2658-3712-2021-43-2-8-18; EDN: CQGAUG
15. **Казанцев, С. В.** О достижении стратегических целей и обеспечении безопасности современной России / С. В. Казанцев // *Мир новой экономики*. — 2022. — Т. 16. — № 1. — С. 17–27. DOI: 10.26794 / 2220-6469-2022-16-1-17-27; EDN: GPLRJE
16. **Молчанова, Н. П.** Особенности демографической ситуации в России и странах БРИКС / Н. П. Молчанова // *Социальная динамика населения и человеческий потенциал: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 20–21 июня 2024 г.)* / науч. ред. В. В. Локозов. — Москва : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. — С. 177–179. EDN: IDANJO
17. **Антонов, А. И.** Динамика населения и поведенческая демография / А. И. Антонов // *Социальная динамика населения и человеческий потенциал: Материалы V Международной научно-практической конференции (Москва, 22–23 июня 2023 г.)* / ред. В. В. Локозов. — Москва : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2023. — С. 24–26. EDN: IIDZFW

Сведения об авторах:

Молчанов Игорь Николаевич, д.э.н., проф., проф. МГУ имени М. В. Ломоносова; проф. Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 9392940@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4252-2387; РИНЦ SPIN-код: 1300-2679.

Отарова Карина Валерьевна, специалист МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 9392944@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7183-5249; РИНЦ SPIN-код: 2216-5126.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-113-124

FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE POST-SOVIET PERIOD

Igor N. Molchanov*, Karina V. Otarova

Lomonosov Moscow State University
(1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991)

*E-mail: 9392940@gmail.com

For citation:

Molchanov I. N., Otarova K. V. Features of the demographic development of Russia in the post-Soviet period. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 113-124. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-113-124 (in Russ.)

Abstract. *The relevance of the article is determined by the ambiguity of the demographic situation that has developed in Russia in the post-Soviet period. Combination of factors influencing the demographic development is manifested in unfavorable dynamics of birth and death rates, as well as in depopulation of the population, which negatively affects life expectancy of citizens of the country. However, in some of the CIS countries, on the contrary, diametrically opposite trends are observed, and the demographic situation is considered as very positive. The purpose of the study is to identify the causes that determined the demographic development of Russia in the post-Soviet period and the present situation in the field of demography, and to determine possible tools that contribute to its stabilization in Russia and favorable development in the entire post-Soviet space. The research is based on the study of scientific works of Russian and foreign authors, official statistical and information sources. There are revealed the prerequisites for the depopulation observed in Russia and differences in its causes in different historical periods. The reasons for the decline in birth rate and the increase in mortality, their impact on life expectancy at birth are established. A comparison of a number of demographic indicators for Russia and CIS countries is made. Conclusions are made on the need for an in-depth study of the differentiation of life expectancy at birth and other demographic indicators in the territorial context: by subjects and federal districts (macroregions) of the Russian Federation, and their comparison with similar data for other CIS countries. The conclusions are based on the results obtained in the course of the study, measures taken by government bodies to reduce mortality and stimulate birth rate, and can be helpful to all interested users, including future researchers of demographic issues. The formulated generalizations and recommendations are aimed at improving the situation in the field of demography and preserving family values, accumulating demographic potential and stabilizing the situation of families in order to improve the process of population reproduction.*

Keywords: *demographic potential, depopulation, post-Soviet period, life expectancy at birth, family and demographic policy.*

References and internet sources

1. Rybakovsky L. L., Fadeeva T. A. Rozhdayemost' naseleniya regionov Rossii v kontse 20 — nachale 21 v.: tendentsii, osobennosti i posledstviya [Fertility of the population of Russian regions in the late 20th and early 21st centuries: trends, features and consequences]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 111–124. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-111-124 (in Russ.)
2. Zinkina Yu. V., Shulgin S. G., Andreev A. I., Aleshkovsky I. A. Demograficheskiye prognozy i global'naya integratsiya v blizhayshej i srednesrochnoj perspektive [Demographic forecasts and global integration in the short and long-run perspectives]. *Vek globalizatsii [Age of Globalization]*. 2018. No. 1(25). P. 40–48. DOI: 10.30884/vglob/2018.01.04 (in Russ.)

3. Rybakovsky O. L. Vosproizvodstvo naseleniya regionov Rossii v 1992–2024 gg.: itogi, komponenty, faktory [Reproduction of the population of the regions of Russia in 1992–2024: results, components, factors]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 4–17. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17 (in Russ.)
4. Rybakovsky O. L. Ekonomicheskiye faktory v demografii regionov Rossii (2017–2023 gg.) [Economic factors in the demography of Russian regions (2017–2023)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 4–16. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-4-16 (in Russ.)
5. Rybakovsky O. L. Klimaticheskii faktor v demografii regionov Rossii (2017–2023 gg.) [Climate factor in the demography of Russian regions (2017–2023)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 4–15. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-4-15 (in Russ.)
6. Sinitsa A. L. Metodicheskiye ukazaniya po monitoringu realizatsii demograficheskoy i semeynoy politiki [Methodological guidelines for monitoring of the implementation of demographic and family policies]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 4–16. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-4-16 (in Russ.)
7. Soboleva S. V., Smirnova N. E., Chudayeva O. V. Osobennosti vtorogo etapa depopuljatsii v Rossii [Features of the second stage of depopulation in Russia]. *Rossija: tendentsii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik: materialy 20 Natsional'noj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Russia: Trends and Prospects for Development. Proceedings of the XX National scientific conference with international participation]* (Moscow, December 14–15, 2020). Part 1. Moscow. INION RAS. 2021. P. 752–758. (in Russ.)
8. Andreev E. M. Konechnyj effekt mer demograficheskoy politiki 1980-kh v Rossii [The final effect of Russia's demographic policies of the 1980s]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]*. 2016. Vol. 25. No. 2. P. 68–97. (in Russ.)
9. Leon D. A., Chenet L., Shkolnikov V. M., et al. Huge variation in Russian mortality rates 1984–94: artefact, alcohol, or what? *Lancet*. 1997. Vol. 350. No. 9075. P. 383–388.
10. McKee M., Shkolnikov V. M., Leon D. A. Alcohol Is implicated in the fluctuations in cardiovascular disease in Russia since the 1980s. *Annals of Epidemiology*. 2001. Vol. 11. No. 1. P. 1–6.
11. Stack S., Bankowski E. Divorce and drinking: An analysis of Russian data. *Journal of Marriage and Family*. 1994. Vol. 56. No. 4. P. 805–812.
12. Emanuele M. A., Emanuele N. V. Alcohol's effects on male reproduction. *Alcohol Health and Research World*. 1998. Vol. 22. No. 3. P. 195–201.
13. Rybakovsky L. L. 20 let depopulyatsii v Rossii [20 Years of Depopulation in Russia]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2014. 231 p. (in Russ.)
14. Rybakovsky L. L., Savinkov V. I., Kozhevnikova N. I. Osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii: proshloje, nastojashcheje, budushcheje [Demographic development in Russia: past, present, and future]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya [Social and Labor Research]*. 2021. No. 2(43). P. 8–18. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-8-18 (in Russ.)
15. Kazantsev S. V. O dostizhenii strategicheskikh tselej i obespechenii bezopasnosti sovremennoj Rossii [On achieving strategic goals and ensuring the security of modern Russia]. *Mir novoj ekonomiki [The World of the New Economy]*. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 17–27. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-1-17-27 (in Russ.)
16. Molchanova N. P. Osobennosti demograficheskoy situatsii v Rossii i stranakh BRIKS [Features of the demographic situation in Russia and BRICS countries]. *Sotsial'naya dinamika naseleniya i chelovecheskiy potentsial [Social Dynamics of Population and Human Potential]*. Proceedings of the VI International scientific and practical conference (Moscow, June 20–21, 2024). Ed. V. V. Lokosov. Moscow. ISEPN FNISTS RAN [ISESP FCTAS RAS]. 2024. P. 177–179. (in Russ.)
17. Antonov A. I. Dinamika naselenija i povedencheskaja demografija [Population dynamics and behavioral demography]. *Sotsial'naya dinamika naseleniya i chelovecheskiy potentsial [Social Dynamics of Population and Human Potential]*. Proceedings of the V International scientific and practical conference (Moscow, June 22–23, 2023). Ed. V. V. Lokosov. Moscow. ISEPN FNISTS RAN [ISESP FCTAS RAS]. 2023. P. 24–26. (in Russ.)

Information about the authors:

Molchanov Igor Nikolaevich, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 9392940@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4252-2387; Elibrary SPIN-code: 1300-2679.

Otarova Karina Valerievna, Specialist, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 9392944@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7183-5249; Elibrary SPIN-code: 2216-5126.

Статья поступила в редакцию 18.09.2024, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-125-136
EDN: UHSBHW

НАСЕЛЕНИЕ О ВОЗМОЖНОСТЯХ И РИСКАХ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ

Корчагина И. И.^{1,2*}, Прокофьева Л. М.^{1,2}

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)
(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20)

*E-mail: ikorchagina@hse.ru

Для цитирования:

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Население о возможностях и рисках в сфере занятости // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 125-136. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-125-136; EDN: UHSBHW

Аннотация. В последние годы государственная статистика фиксирует положительные изменения на рынке труда: рост уровня занятости, снижение безработицы, рост заработной платы. Однако опросы населения фиксируют ряд проблем в сфере занятости, которые негативно влияют на формирование рабочей силы, воспроизводство и сохранение человеческого капитала. Цель исследования — на данных опросов проанализировать отношение населения к возможностям и рискам рынка труда, показать, как россияне воспринимают сложившиеся новые экономические условия, и готовы ли к ним адаптироваться. Исследованы представления населения о собственных возможностях по улучшению материального положения семьи, оценены направления действий для его повышения, проанализированы зависимости между распространённостью активных действий по улучшению материального положения и серьёзностью проблем, возникающих в сфере занятости. Информационной базой послужил ежегодный социологический опрос «Готовность к переменам» (НИУ ВШЭ) за 2022–2024 годы. Показано, что в сфере занятости наблюдаются как положительные, так и отрицательные моменты. С одной стороны, значительно выросла доля респондентов, у которых появились дополнительные доходы, а с другой — часть респондентов лишилась занятости или потеряла в заработках из-за сокращения или отмены премии и бонусов, частичной или полной потери подработок, задержки зарплаты. Серьёзной проблемой в сфере занятости является увеличение объёма работы без повышения её оплаты. Население выражает готовность адаптироваться к меняющимся условиям, и активность действий респондента по повышению уровня благосостояния зависит от концентрации негативных событий в его трудовой деятельности. Показаны объективные ограничения некоторых адаптационных практик.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, трудовой потенциал, готовность к активным действиям по повышению доходов.

Постановка проблемы и методология исследования

Численность занятого населения России в возрасте 15 лет и старше росла все последние годы и в 2024 г., по данным Росстата, составила 61,4% этой возрастной группы¹. Одновременно с этим уменьшался уровень безработицы, который в январе 2025 г. снизился до исторического минимума 2,4%². Ещё одним показателем улучшения ситуации на рынке труда в последние годы в России является снижение «потенциальной рабочей силы»³ (на 37% за три года)⁴. К числу положительных тенденций последних лет также относится и рост среднемесячной оплаты труда, размер которой в 2024 г. составил 87,9 тыс. рублей⁵ и 89 тыс. рублей в январе 2025 года. В то же время в сфере занятости сохраняется ряд проблем, которые негативно влияют на формирования рабочей силы, воспроизводство и сохранение трудового потенциала. Серьёзной проблемой для современного российского рынка труда стала нехватка трудовых ресурсов. Этот недостаток наблюдался весь постсоветский период, но носил структурный характер, поскольку касался, прежде всего, отдельных профессий и профессиональных групп. На сегодняшний день дефицит ресурсов распространился почти на все отрасли и находится на своих максимальных, по сравнению с ранее фиксируемыми, зна-

чениях [1, с. 79]. Устойчивый рост показателя наблюдается с 2017 г., и согласно официальной статистике, касающейся предприятий, на которых работают примерно 46% от общего числа занятых в российской экономике, в конце II квартала 2024 г. численность вакантных рабочих мест составила в абсолютном выражении 2720 тыс. человек, однако общее количество вакансий существенно больше [2, с. 17].

На усиление неудовлетворенного спроса на труд (кадрового дефицита) указывают многие авторы. Обсуждаются теоретические аспекты проблемы «дефицита» рабочей силы, рассматриваются возможные триггеры экспансии вакансий, анализируются их динамика и структура (например, [3]). В настоящее время нет ни одной отрасли или профессиональной группы, где бы дефицит рабочей силы не усиливался. Специалисты говорят о разбалансировании рынка труда в российской экономике [4, с. 148], о переходе российского рынка труда в новый режим функционирования [5].

Наблюдаемое долгосрочное снижение численности рабочей силы обусловлено, прежде всего, демографическими тенденциями — вступлением в трудоспособный возраст малочисленного поколения рождённых в 1990-е гг., а с 2022 г. — последствиями специальной военной операции (СВО). Некоторое сглаживание тенденции к росту дефицита рабочей силы в текущее десятилетие произошло в связи с повышением пенсионного возраста и ростом экономической активности старших возрастных групп населения⁶, но это не изменило общую тенденцию дефицита рабочей силы [4, с. 135].

Несмотря на более чем двукратное падение уровня безработицы в последние три года, устойчивый рост заработной платы и на то, что экономика ощущает нехватку кадров, рынок труда, тем не менее, характеризуется нестабильностью и распространённостью неустойчивой занятости, сопровождающейся утратой трудовых и социальных гарантий, характерных для стандарт-

¹ Данные выборочных обследований рабочей силы // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/labour_force/занятость_и_безработица/trud_2_15s.xlsx (дата обращения: 28.02.2025).

² Данные выборочных обследований рабочей силы // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/labour_force/занятость_и_безработица/trud_3_15s.xlsx (дата обращения: 25.03.2025).

³ Лица, которые выражают заинтересованность в получении работы, однако сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы или их готовность приступить к работе.

⁴ Данные выборочных обследований рабочей силы // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/labour_force/занятость_и_безработица/Prs_2024.xlsx (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Среднемесячная начисленная заработная плата наёмных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries/zur-2024.xlsx (дата обращения: 25.02.2025).

⁶ Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. [и др.] Мониторинг доходов и уровня жизни населения России (Ежегодник — 2023). Вып. 2(203). — Москва : Институт экономики РАН, 2024. — 182 с.

ной модели трудовых отношений. Почти треть представителей неформального сектора экономики осуществляют трудовую деятельность на основе устной договорённости с работодателем без оформления документов [6, с. 179].

Проблемы трудоустройства и занятости являются предметом исследований рынка труда и рассматриваются не только в общероссийском «разрезе» [7, с. 52–53], но и в отраслевом [8] и в региональном [9, с. 54–55]. Доля респондентов, которым требовалась государственная поддержка и содействие в трудоустройстве, в 2024 г. составила 15%, и этот показатель не менялся в течение последних нескольких лет. При этом предпочтительное трудоустройство в соответствии с уровнем образования и потребностями является сложной задачей, а доля респондентов, отчаявшихся найти желаемую работу, составляет треть от потенциальной рабочей силы [6, с. 174]. Каждый шестой работник опасается потерять уже имеющуюся работу в случае ухудшения экономической ситуации и наличия негативных изменений на рынке труда, каждый пятый боится невыплаты зарплаты, а страхи снижения зарплат существуют у каждого десятого работника. Ощущение ненадёжности и нестабильности занятости, а также отчаяние при невозможности найти желаемое место работы формирует постоянную стрессовую ситуацию в жизни человека и негативно отражается на его психологическом и физическом состоянии, тем самым способствуя снижению качества человеческого капитала⁷.

В такой ситуации формирование и воспроизводство качественной рабочей силы становится проблематичным, поскольку острее всего проблема трудоустройства ощущается среди молодёжи. По данным ВЦИОМ, в июне 2023 г. трудности с трудоустройством возглавили рейтинг проблем современной молодёжи, опережая такие проблемы, как наличие отдельного жилья, получение хорошего образования и повышение уровня материального положения⁸. В то же время

уже трудоустроенные молодые люди уверены в своих компетенциях и полагают, что в случае потери работы они без особого труда найдут замену, чего нельзя сказать о респондентах старших возрастов. Если 68% молодых людей уверены, что у них получится найти равноценную работу с наименьшими усилиями, то среди старшего поколения такой позиции придерживаются 37%⁹.

Цель исследования — на данных социологических опросов проанализировать отношение населения к проблемам рынка труда и трудоустройства, оценить, как в настоящее время респонденты воспринимают изменения в занятости и оплате труда, возможности зарабатывать, и какие, по их мнению, существуют риски в этой сфере. В основу исследования положена гипотеза, что новые экономические условия существенно повлияли на возможности населения зарабатывать, получать денежные доходы. В то же время население активно адаптируется к сложившимся условиям и использует все существующие возможности для повышения своего материального положения.

Можно предположить, что готовность респондента к активности по улучшению материального положения зависит от того, насколько серьёзные и глубокие проблемы в сфере занятости он испытывает в этот момент. И если потеря работы требует от человека решительных действий, то при частичном сокращении дохода можно не ожидать от него высокой активности на рынке труда, особенно если это временное явление. Исходя из этого, считаем, что максимально глубокие проблемы на рынке труда респондент испытывает, если лишается работы (увольнение, сокращение, отправка в отпуск за свой счёт, перевод на неполное рабочее время), в то время как частичная потеря доходов при сохранении занятости (потеря дополнительного дохода, подработок, сокращение/отмена премии и бонусов, снижение зарплаты или дохода) будет характе-

⁷ Job in security: coping with jobs at risk / Eds. D.Hartley and all. — London : Sage, 1991.

⁸ Образ российской молодёжи: мониторинг // ВЦИОМ. —

URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring> (дата обращения: 10.04.2025).

⁹ Рынок труда: главные тренды // ВЦИОМ. — URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rynok-truda-glavnye-trendy> (дата обращения: 7.04.2025).

ризовать более «мягкие» проблемы. Следовательно, при различной важности и глубине проблем в сфере занятости вероятен разный подход к их решению. Важно дополнительно проверить гипотезу о том, что готовность к активным действиям по улучшению материального положения усиливается при наличии комбинации различных негативных ситуаций, для чего необходимо оценить концентрацию негативных явлений в сфере занятости для каждого респондента.

Информационной базой исследования являются данные ежегодного социологического опроса по исследованию отношения населения к изменениям «Готовность к переменам», проводимого по заказу НИУ ВШЭ. Методология обследования включает сбор данных на основе онлайн-опроса российского населения в возрасте 15–72 года, проживающего в 59 субъектах РФ (886 населённых пунктов). Онлайн-опросы с самозаполнением анкеты являются актуальным методом сбора информации, однако выборка имеет свои особенности, поскольку из опросов могут «выпадать» группы населения, не использующие Интернет, а также возможны смещения выборочной совокупности в сторону активных Интернет-пользователей, к которым относятся представители молодёжи и средневозрастных когорт, люди с высоким образовательным статусом и городские жители. Эти особенности были учтены в ходе формирования выборки. Она охватывает 6300 человек, и репрезентирует экономически активное население РФ по следующим характеристикам: федеральный округ, размер населённого пункта, пол, возраст и уровень образования респондентов. Методика исследования включает комплексный анализ первичных данных социологического опроса с использованием методов группировки и агрегирования.

Население об изменении возможностей зарабатывать, получать денежные доходы

Введение в 2022 г. международных санкций против РФ и меры по противодействию им, включая усилия по импортозамеще-

нию, существенно поменяли экономические условия в России. Для части населения открылись дополнительные возможности на рынке труда, а для других, наоборот, возникли проблемы с занятостью и её оплатой. В ответ на вопрос «Изменились ли в этих условиях лично ваши возможности зарабатывать, получать денежные доходы?», только треть респондентов в 2024 г. отметили стабильность формирования бюджета, а более половины почувствовали или ожидали в ближайшем будущем изменения возможностей зарабатывать. Стабильность доходов и надежду на отсутствие каких-либо изменений в будущем чаще демонстрируют респонденты пенсионного возраста (46%), чей уровень жизни в большей степени определяется социальной поддержкой государства, тогда как лишь 30% молодых людей надеются на постоянство заработка. Семьи с детьми также чуть менее оптимистичны — надеются на стабильность ситуации 33% детных семей против 40% семей без детей. О стабильности ситуации с заработками чаще говорят респонденты, проживающие в малых городах и сельской местности — 40% по сравнению с 29% в столице.

Оценка направления изменений возможности зарабатывать на жизнь отражает довольно печальную картину: в 2024 г. только треть респондентов, у которых возможности зарабатывать изменились, говорили об улучшении ситуации с заработками, а остальные — об ухудшении. В то же время в оценке возможности зарабатывать на жизнь за три года опросов (2022–2024) наблюдается положительная динамика: доля отмечающих, что возможности зарабатывать стали лучше, выросла в 2 раза, а доля респондентов, фиксирующих негативные изменения в части получения доходов, сократилась на 20%.

Почувствовали влияние новых экономических условий на возможности зарабатывать в большей степени респонденты в Москве и Санкт-Петербурге (на 30% больше по сравнению с другими типами поселений), поскольку мегаполисы обладают более высоким потенциалом и аккумулируют большие финансовые и человеческие ре-

сурсы. Об улучшении ситуации с заработками чаще говорят молодые респонденты (60% против 34% в старших возрастах) и семьи с высоким потребительским статусом (64% против 31% семей с низким потребительским статусом¹⁰). В то же время высокий уровень образования негативно влияет на оценку возможностей зарабатывать —

¹⁰ Потребительский статус определялся по вопросу «К какой из групп населения вы могли бы отнести себя (свою семью): «едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты» — это самый низкий, а ответы «можем купить автомобиль» или «можем ни в чём себе не отказывать» — самый высокий статус.

63% респондентов с высшим образованием указали на ухудшение против 52% лиц с более низким уровнем образования (среднее и ниже).

Возможности и риски в сфере занятости и адаптационные стратегии респондентов

Новые экономические условия способствовали формированию, как дополнительных возможностей, так и усилению проблем в сфере занятости (рис. 1).

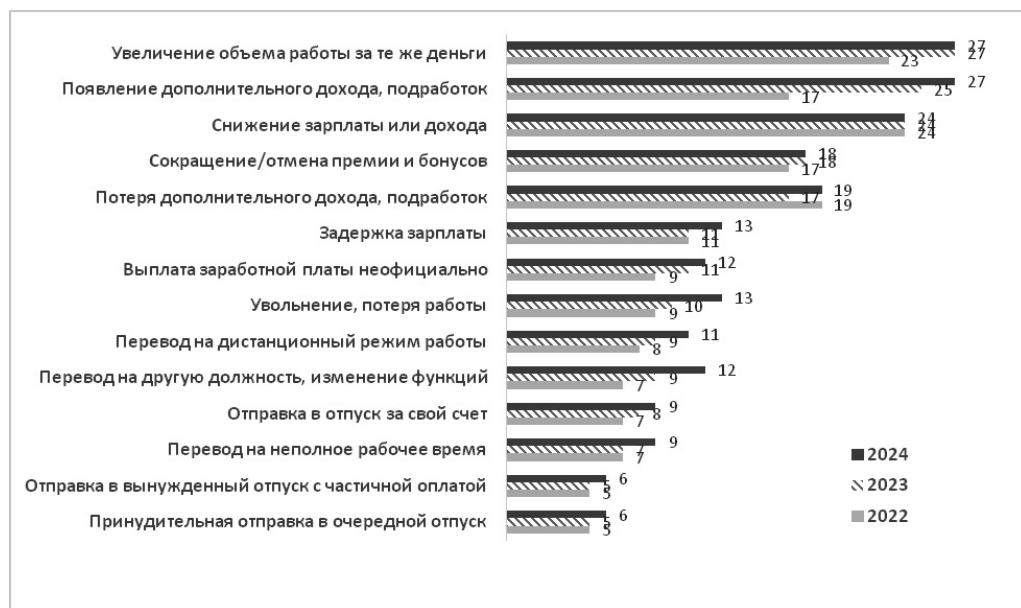

Рис. 1. Распределение респондентов по ответам на вопрос: «Лично с вами случилось что-то из перечисленного с февраля 2022 года?», %

Fig. 1. Distribution of respondents by answers to the question: «Did you face anything from the abovementioned since February 2022?», %

Источник: обследование «Готовность к переменам 2022–2024 гг.».

С одной стороны, в 2024 г. по сравнению с 2022 г. существенно выросла доля респондентов, у которых появились дополнительные доходы и подработки (с 17 до 27%). С другой стороны, серьёзной проблемой в сфере занятости остаётся увеличение объёма работы без роста оплаты (с 23 до 27%). Кроме того, в 2024 г. почти в 1,5 раза выросла доля респондентов, потерявших

работу, как и тех, у кого изменился функционал (перевод на другую должность, изменение функций), а выплаты заработной платы неофициально, «в конверте» выросли на треть. При этом доля респондентов, которые потеряли в своих доходах, осталась на прежнем уровне: снижение заработной платы или доходов коснулось каждого четвертого респондента, сокращение или от-

мена премии и бонусов — 18%, частичная или полная потеря дополнительного дохода и подработок — 17–19%, задержка зарплаты — 11–13%. Респонденты со средним уровнем образования чаще жаловались на потерю дополнительного дохода и подработок (23% против 13% респондентов с высшим образованием). Увеличение объёма работы за ту же зарплату и снижение заработной платы или дохода касались в большей степени семей низкого потребительского статуса (треть респондентов), а семьи с высоким потребительским статусом чаще говорили о появлении дополнительных доходов, подработок (38%).

Адаптация населения к новым экономическим условиям проходит обычно по двум направлениям. С одной стороны, включается режим экономии и потребительских ограничений, а с другой, увеличивается участие респондентов в трудовой и образовательной деятельности [10]. В среднем большинство респондентов готовы к активным действиям по улучшению материального положения¹¹. Только около 4% респондентов не готовы что-либо предпринимать для существенного увеличения дохода семьи, 3% — не видят необходимости в существенном увеличении доходов, а 14% — затруднились ответить.

Для повышения доходов половина опрошенных намерена больше работать (искать дополнительную работу, приработки), и такое желание респонденты стабильно высказывали в течение последних лет. Смену работы как путь к росту доходов хотели бы использовать 29% респондентов, каждый пятый указал на намерение получить новое образование, и столько же выразили желание изменить образ жизни и отношение к здоровью. В то же время есть объективные ограничения адаптационных практик. Так, из-за сложной геополитической обстановки респонденты реже выражают готовность к смене места жительства для повышения доходов, и доля желающих переехать в другие регионы РФ или в другую страну

в 2024 г. снизилась в 2 раза по сравнению с 2021 г. (с 15 до 7%).

Активные действия, на которые семьи предположительно готовы пойти для повышения уровня жизни, чаще декларируют семьи с детьми — больше работать, подрабатывать (54% против 45% для семей без детей), сменить работу (38% против 24%), получить новое образование (26% против 17%). Уровень образования также является фактором, влияющим на готовность к активным действиям — респонденты с высшим образованием говорят об этом чаще, чем лица со средним образованием и ниже.

Можно предположить, что готовность к действиям по улучшению материального положения будет зависеть от того, какие изменения в сфере занятости в последнее время произошли в жизни респондента — были ли перемены положительные или респонденты пережили негативный опыт. Например, увольнение, потеря работы требует от человека более активных действий, но в то же время, если у респондента появился дополнительный доход или он приступил к новой работе, то это может быть уже следствием его активных действий — активной адаптации к меняющимся условиям.

Респондентов с отрицательным опытом можно разделить на две подгруппы. В первую подгруппу отнесём респондентов, которые полностью или частично, на постоянной основе или временно, лишились занятости (увольнение, потеря работы, отпуск за свой счёт, перевод на неполное рабочее время), что символизирует глубокие проблемы в сфере занятости. Вторая подгруппа характеризуется более «мягкими» проблемами, и включает респондентов, которые работы не лишились, но частично потеряли в доходах (задержка зарплаты, потеря дополнительного дохода, подработок, сокращение/отмена премии и бонусов, снижение зарплаты или дохода). Возможна и комбинация различных изменений для одного человека, что приводит к необходимости оценки концентрации негативных явлений в сфере занятости.

Однако гипотеза о связи глубины проблем в сфере занятости (полная потеря занятости или частичная потеря дохода) и намерений

¹¹ Анализировались ответы на вопрос: «Что лично вы готовы предпринять для того, чтобы доходы вашей семьи существенно увеличились?»

респондентов по улучшению материального положения и повышению доходов не подтвердилась. Конечно, желание улучшить материальное положение напрямую связано с наличием негативного опыта в сфере занятости, однако результаты мало зависят от того, какой негативный опыт был получен — потеря работы или потеря части дохода. В данной типологии выделяется группа, которая характеризуется стабильностью доходов и которую за прошедший период не коснулись никакие изменения в сфере занятости. Эти респонденты реже декларируют готовность к активным действиям по всем позициям и чаще не готовы что-либо предпринимать для существенного увеличения дохода семьи (6% против 2% — для респон-

дентов с отрицательным опытом), не видят необходимости в существенном увеличении доходов (5% и 1% — соответственно), а 22% — затруднились с ответом (против 8–9% — для респондентов с отрицательным опытом). Так, сменить работу при необходимости готовы только пятая часть этой группы, в то время как в остальных группах — более трети. Ездить на заработки в другие населённые пункты или другие страны (вахтовым методом или на сезон) они готовы почти в два раза реже, чем в других группах. Меньше всего респонденты из этой группы хотели бы переехать в другую страну (3,5%), в других группах желающих переселиться в 2,5 раза больше (табл. 1).

Таблица 1

Готовность к активным действиям в зависимости от личного отрицательного опыта в сфере занятости, %

Table 1

Readiness for activity to increase the income based on personal negative experience in employment, %

Готовность к активным действиям*	Личный отрицательный опыт:		
	потеря работы	снижение дохода	отрицательного опыта не было
Получить дополнительное образование по специальности	14,6	13,7	7,6
Получить образование по новой специальности	18,9	19,7	11,5
Сменить работу	33,6	33,1	19,6
Найти дополнительную работу, приработки	42,9	46,9	35,4
Переехать в другой населённый пункт РФ	13,1	13,0	7,4
Переехать в другую страну	10,6	8,9	3,5
Ездить на заработки в другие населённый пункт или страну	15,9	14,5	7,8
Завести нужные связи	16,5	16,0	9,3
Изменить свой образ жизни	19,1	18,5	15,3
Заняться предпринимательством, расширить собственное дело	22,7	21,8	14,9
Не готов(а) что-либо предпринимать	2,2	2,5	5,7
Я не вижу необходимости	1,4	0,8	5,3
Затрудняюсь ответить	7,7	8,6	22,0

*Ответы на вопрос «Что лично Вы готовы предпринять для того, чтобы доходы вашей семьи существенно увеличились?» в зависимости от ответов на вопрос «Лично с вами случилось что-то из перечисленного с начала этого года?».

Источник: обследование «Готовность к переменам 2024 года».

Отметим также, что респонденты, которым посчастливилось за прошедший год приобрести положительный опыт в сфере занятости (появление дополнительно-

го дохода), чаще, чем те, кто получил негативный опыт, декларировали готовность к активным действиям по улучшению материального положения. Например, 55%

членов этой группы считают, что в случае необходимости они смогут найти дополнительную работу, приработки и станут больше работать. Для сравнения, готовы больше работать 35% респондентов из группы, которую в текущем году не коснулись никакие изменения. Также 27% респондентов из группы с положительным опытом готовы заняться индивидуальным предпринимательством, открыть или расширить собственное дело, в то время как среди тех, у кого отмечается стабильность на рынке труда, таких почти в 2 раза меньше. Возможно, появившийся положительный опыт является следствием их активности, и у них уже есть навык активных действий по повышению дохода.

Распространённость активных действий по улучшению материального положения

В предыдущем разделе были рассмотрены намерения населения по улучшению материального положения, т.е. действия, которые гипотетически хотел бы осуществить респондент для повышения своего уровня жизни. Однако реальность часто не совпадает с намерениями, а декларация желаний не всегда приводит к действиям. Оценка предпринятых в течение 2024 г. шагов по улучшению материального положения семьи показывает, что действительность гораздо «скромнее» намерений, и распространённость действий для повышения доходов ниже деклараций, однако рейтинг предпринятых мер сохраняется. Самая распространённая стратегия по улучшению материального положения — активные действия по поиску дополнительной работы (37%), однако преимущественно это были случайные заработки: только каждая четвертая дополнительная работа была регулярной. На такие виды действий, как смена работы или образа жизни, указали 15%, а получили новое образование 7% респондентов. В то же время 15% респондентов не предпринимали никаких действий, поскольку не видели необходимости в существенном увеличении доходов.

Стратегии действий по улучшению материального положения, требующих максимальной активности и мобильности, такие как смена места проживания, имеют низкую распространённость. К кардинальным изменениям в своей жизни большинство россиян не готовы, в том числе из-за геополитических ограничений: за последний год с целью улучшения материального положения переехали в другой населённый пункт России на постоянное место жительства 3% респондентов, а в другую страну — 1%. Более распространённая практика мобильности для повышения доходов семьи предполагает временный переезд (поездки на заработки в другие населённые пункты или другие страны вахтовым методом или на сезонные работы), о чем в 2024 г. заявили 6% опрошенных.

Вместе с тем очевидно, что распространённость активных действий респондента по улучшению материального положения, так же как и намерения, напрямую связаны с теми проблемами, которые лично коснулись респондента за прошедший период (рис. 1), и чем выше концентрация проблем, тем активнее действует респондент. Например, среди респондентов с большой концентрацией негативных событий в сфере занятости (четыре и более) поменяли работу более четверти, в то время как среди тех, у кого не было негативных событий, таких только 10%. Также представители группы с высокой концентрацией негативных событий занимаются образованием: они в 2,2 раза чаще получали дополнительное образование по своей специальности и в 1,7 раз чаще получали новую специальность (рис. 2).

Однако наибольшие расхождения между группами с разным опытом негативных событий наблюдается в мобильности респондентов. Для повышения уровня жизни ездили на заработки в другие населённые пункты или другие страны (вахтовым методом или на сезон) в 3 раза больше респондентов с высокой концентрацией негативных событий (4 и более), чем тех, у кого негативные события отсутствовали; в другой населённый пункт России на ПМЖ пе-

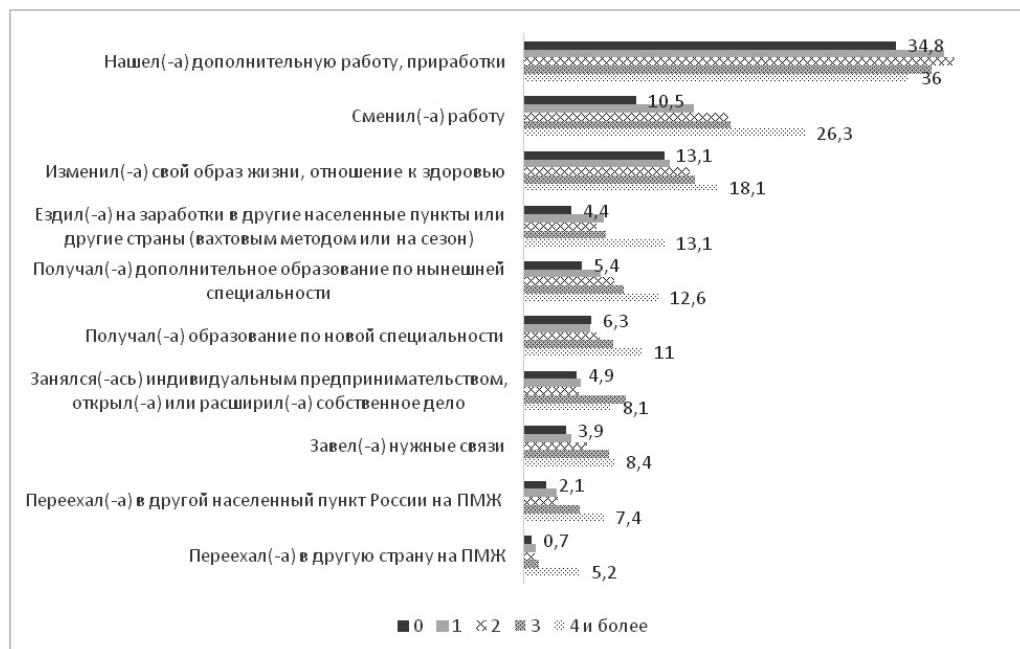

Рис. 2. Действия респондента для увеличения доходов в зависимости от концентрации проблем в сфере занятости, %

Fig. 2. Respondent's actions to increase income depending on the concentration of employment problems, %

Источник: обследование «Готовность к переменам 2024 г.».

реехали соответственно в 3,5 раза больше; а в другую страну на ПМЖ — в 7 раз. Обратим внимание, что не предпринимали никаких действий в первой группе 2,9% респондентов, в то время как во второй группе таких было 18,6%.

Факторы, влияющие на предпринятые действия по повышению уровня жизни, согласуются с факторами, влияющими на аналогичные намерения. Семьи с детьми в наибольшей мере старались увеличить доходы семьи с помощью дополнительной занятости (39% против 34% в семьях без детей), а в активных действиях по росту доходов участвовали чаще лица с высшим образованием (38% против 31% — со средним образованием и ниже). Не делали ничего для роста доходов чаще семьи с низким потребительским статусом (18%), а с высоким — об этом сообщали на треть реже, указывая скорее на то, что не видят необходимости в усилиях по росту доходов.

Заключение

Усиление социальной политики и мобилизация экономики на решение задач СВО привели к тому, что в 2024 г. существенно выросла доля тех, кто отметил для себя улучшение условий для заработка, получения более высоких доходов. Однако дестабилизирующее влияние на экономику санкционных шоков проявляется в том, что доля тех, кто заявляет об усилении рисков ухудшения возможностей зарабатывать остаётся высокой. Большой проблемой по-прежнему является малооплачиваемая работа и низкие зарплаты, которые, по мнению населения, являются главной причиной низкого уровня жизни в современной России. Анализ конкретных событий в сфере занятости, произошедших у респондентов за прошедший период, показывает, что за три года (2022–2024) наблюдалось усиление как позитивных, так и негативных яв-

лений. С одной стороны, существенно выросла доля респондентов, у которых появились дополнительные доходы, с другой, повысилась доля потерявших работу или утративших часть доходов, а также серьёзной проблемой в сфере занятости является увеличение объёма работы за ту же оплату.

Население активно адаптируется к меняющимся условиям, выражая готовность больше работать (искать дополнительную работу, приработки) или даже менять работу, получать новое образования или повышать уровень нынешнего, менять образ жизни и отношение к своему здоровью. В то же время некоторые адаптационные практики имеют объективные ограничения. Так, из-за сложной геополитической обстановки доля желающих переехать в другие регионы РФ или в другую страну для повышения материального положения в 2024 г. снизилась в два раза по сравнению с 2021 годом.

Желание предпринять активные действия по улучшению материального положения и повышению доходов и их реальная распространённость зависят от наличия проблем, возникающих в сфере занятости. Однако гипотеза о связи глубины проблем

в сфере занятости (потеря занятости или дохода) и намерениях респондентов по повышению доходов не нашла своего подтверждения. Желание респондента улучшить материальное положение напрямую связано с наличием негативного опыта в сфере занятости. Если респондент пережил какое-либо негативное событие, то его желание действовать в целях повышения доходов существенно выше, чем в группе, которая за прошедший период характеризуется стабильностью доходов. Однако результаты не зависят от того, какой силы негативный опыт был получен — увольнение с работы и полная потеря доходов, или утрата только части дохода. Вероятно, любые проблемы в сфере занятости воспринимаются населением очень остро и понуждают к активным действиям. В то же время распространённость активных действий по улучшению материального положения напрямую зависит от концентрации негативных проблем, возникающих в сфере занятости: чем выше эта концентрация на одного работника, тем активнее действует респондент в части повышения образовательного уровня, поиска новой работы или подработок, в том числе, и за пределами места своего проживания.

Литература и Интернет-источники

1. **Ахапкин, Н. Ю.** Формирование ресурсов труда и перспективы экономического роста / Н. Ю. Ахапкин // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2022. — № 6. — С. 79–95. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_79_95; EDN: ARCYXB
2. **Ахапкин, Н. Ю.** Структурная динамика российского рынка труда: эффекты санкционных ограничений / Н. Ю. Ахапкин // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2024. — № 6. — С. 7–23. EDN: SFLLCO
3. **Капелюшников, Р. И.** Экспансия вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры / Р. И. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2024. — № 7. — С. 81–111. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-7-81-111; EDN: FWPMZT
4. **Малева, Т. М.** Дефицит рабочей силы в России: краткосрочные и долгосрочные эффекты / Т. М. Малева, В. Ю. Ляшок // Экономическая политика. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 120–153. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-6-120-153; EDN: PWQEFU
5. **Капелюшников, Р. И.** Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов / Р. И. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2023. — № 8. — С. 5–37. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37; EDN: USUZBY
6. **Волкова, И. А.** Прекаризация занятости населения как фактор обесценивания человеческого капитала / И. А. Волкова, Т. А. Галынчик // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 168–178. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-168-178; EDN: DWSJAU
7. **Кочерга, С. Ю.** Трудоустройство молодёжи: особенности, проблемы, пути решения / С. Ю. Кочерга // Вестник экспертного совета. — 2021. — № 4(27). — С. 52–57; EDN: HFLIOB

8. **Коленникова, О. А.** Занятость в значимых отраслях экономики с точки зрения возможностей трудовой мобильности / О. А. Коленникова, М. С. Токсанбаева // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2019. — № 11–1(57). — С. 234–238. — DOI : 10.24411/2411-0450-2019-11336; EDN: SLRYMA
9. **Ярашева, А. В.** Трудовые ресурсы молодежи: актуальные региональные проблемы / А. В. Ярашева // Экономика и управление. — 2019. — № 11(169). — С. 53–58. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-53-58; EDN: TUDFOB
10. **Корчагина, И. И.** Адаптация российских семей к условиям потребительских ограничений / И. И. Корчагина, Л. М. Прокофьева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 153–164. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-153-164; EDN: AFIIJC

Сведения об авторах:

Корчагина Ирина Ивановна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; ведущий аналитик Института социальной политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ikorchagina@hse.ru; ORCID: 0000-0002-6947-4541; РИНЦ SPIN-код: 4812-9100.

Прокофьева Лидия Михайловна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; ведущий аналитик Института социальной политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lprokofieva@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5704-7617; РИНЦ SPIN-код: 3470-3092.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-125-136

THE POPULATION OPINION ABOUT EMPLOYMENT OPPORTUNITIES AND RISKS

Irina I. Korchagina^{1,2*}, Lidia M. Prokofieva^{1,2}

¹ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²Higher School of Economics

(20 Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000)

*E-mail: ikorchagina@hse.ru

For citation:

Korchagina I. I., Prokofieva L. M. The population opinion about employment opportunities and risks. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 125-136 DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-125-136 (in Russ.)

Abstract. *In recent years the government fixes positive changes in the labor market: unemployment decreases, employment and wages increase. However, population surveys fix employment problems which have a negative effect on the formation of the labor force and reproduction of human capital. The purpose of this work is to analyze the population opinion about opportunities and risks of the labor market, to find out what Russians think about the new economic conditions and whether they are ready to adapt to them. There were studied the population perceptions of the opportunities to improve the family's financial situation and the directions of actions. There were analyzed the relationships between the actions to improve the financial situation and the severity of employment problems. The information bases on the HSE sociological survey «Readiness for Change» 2022–2024. It is shown that there are both positive and negative facts. On the one hand, there is a significant increase in the number of respondents who have additional income, and on the other hand, some respondents have lost their jobs or lost their earnings. A major problem is increase in the volume of work without increase in wages. The population is ready to adapt to the changes in the labor market. Respondent's*

activity depends on the concentration of negative events in the employment. The objective limitations of some adaptation practices are shown.

Keywords: employment, labor market, labor potential, readiness for activity to increase income.

References and Internet sources

1. Akhapkin N. Yu. Formirovaniye resursov truda i perspektivy ekonomicheskogo rosta [Formation of labor resources and prospects for economic growth]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2022. No. 6. P. 79–95. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_79_95 (in Russ.)
2. Akhapkin N. Yu. Strukturnaya dinamika rossiyskogo rynka truda: efekty sanktsionnykh ogranicheniy [Structural dynamics of the Russian labor market: effects of sanctions restrictions] Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2024. No. 6. P. 7–23 (in Russ.)
3. Kapeliushnikov R. I. Ekspansiya vakansiy na rossiyskom rynke truda: dinamika, struktura, tryggery [Expansion of vacant jobs in the Russian labor market: Dynamics, composition, triggers]. Voprosy ekonomiki [Economic Issues]. 2024. No. 7. P. 81–111. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-7-81-111 (in Russ.)
4. Maleva T. M., Lyashok V. Yu. Defitsit rabochey sily v Rossii: kratkosrochnyye i dolgosrochnyye efekty [Labor shortage in Russia: Short-term and long-term effects]. Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]. 2024. Vol. 19. No. 6. P. 120–153 DOI: 10.18288/1994-5124-2024-6-120-153 (in Russ.)
5. Kapeliushnikov R. I. Rossiyskiy rynek truda: statisticheskiy portret na fone krizisov [The Russian labor market: a statistical portrait on the crises background]. Voprosy ekonomiki [Economic Issues]. 2023. No. 8. P. 5–37. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37 (in Russ.)
6. Volkova I. A., Galynchik T. A. Prekarizatsiya zanyatosty naseleniya kak faktor obestsheivaniya chelovecheskogo kapitala [Precarization of employment as a factor of depreciation of human capital]. Narodonaselenie [Population]. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 168–178. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-168-178 (in Russ.)
7. Kocherga S. Yu. Trudoustroystvo molodezhi: osobennosti, problemy, puti resheniya [Employment of youth: features, problems, ways of solutions] Vestnik ekspertnogo soveta [Bulletin of the Expert Council]. 2021. No. 4(27). P. 52–57 (in Russ.)
8. Kolennikova O. A., Toksanbaeva M. S. Zanyatost' v znachimyykh otraslyakh ekonomiki s tochky zreniya vozmozhnostey trudovoy mobil'nosti [Employment in significant sectors of economy from the point of view of opportunities of labor mobility]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Journal of Economy and Business]. 2019. No. 11–1(57). P. 234–238. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11336 (in Russ.)
9. Yarasheva A. V. Trudovyye resursy molodezhi: aktualnyye regionalnyye problemy [Youth workforce: current regional problems]. Ekonomika i upravleniye [Economics and Management]. 2019. No. 11(169). P. 53–58. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-53-58 (in Russ.)
10. Korchagina I. I., Prokofieva L. M. Adaptatsiya rossiyskikh semey k usloviyam potrebitelskikh ogranicheniy [Russian families' adaptation to the conditions of limited consumption]. Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 154–165. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-154-165 (in Russ.)

Information about the authors:

Korchagina Irina Ivanovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS; Analyst, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: i.korchagina@mail.ru; ORCID:0000-0002-6947-4541; Elibrary SPIN-code: 4812-9100.

Prokofieva Lidia Mikhaylovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS; Analyst, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lprokofieva@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5704-7617; Elibrary SPIN-code: 3470-3092.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-137-149
EDN: VLSOSG

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ

Токсанбаева М. С. *, Коленникова О. А., Попова Р. И.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: matoksan@mail.ru

Для цитирования:

Токсанбаева М. С., Коленникова О. А., Попова Р. И. Трудовой потенциал населения регионов России: сравнительный анализ в статике и динамике // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 137-149. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-137-149; EDN: VLSOSG

Аннотация. В межрегиональных исследованиях человеческого и трудового потенциала широко применяется анализ в статике и динамике. В статье статический анализ проводился на основе группировки регионов методом кластерного анализа по показателям человеческого потенциала, в состав которых вошли показатели трудового потенциала. На базе статистики Росстата за 2021 г. предметно изучались показатели трудового потенциала, в том числе, показатель численности работников высокой квалификации в процентах к занятому населению. Проведён сравнительный анализ по группам регионов. В их состав вошли по 10 регионов с самыми высокими и самыми низкими значениями показателя трудового потенциала. Первая группа образована столичными и северными добывающими регионами. Основное внимание уделено второй группе: в европейской части страны это в основном среднеразвитые субъекты РФ, в которых распространены не самые передовые индустриальные производства; в азиатских регионах группы уровень индустриального развития ниже, а зависимость от бюджетных вливаний выше. Динамические изменения отслеживались на основе темпов роста показателей трудового потенциала, которые в 2014–2024 гг. в целом по стране повышались, особенно в последнее пятилетие. Сравнительный анализ проведён по 10 регионам с самыми высокими и низкими темпами роста за 2019–2024 годы. Изучение динамики осложнило противоречивое влияние внеэкономических факторов (пандемия COVID-19, специальная военная операция). Но удалось установить, что в первой группе регионов больше территорий с низкой базой расчёта темпов роста. В половине регионов из второй группы наблюдалась отрицательная динамика ключевых показателей (занятость в обрабатывающей индустрии, уровень бюджетных вливаний).

Ключевые слова: человеческий и трудовой потенциалы, работник, квалификация, регион, анализ в статике и динамике, отрасль, темпы роста.

Введение

В настоящее время трудовой потенциал все чаще исследуется как элемент человеческого потенциала, представляющий собой экономический ресурс. Такой подход важен для анализа социально-экономических предпосылок трансформации трудового потенциала. Эта трансформация происходит под воздействием общественных отношений и материально-технической базы труда, а также его организации [1]. Воспроизводство трудового потенциала сталкивается с рядом серьезных проблем: углубляются дисбалансы в структуре трудового потенциала, которые ведут к его противоречивому использованию и отчасти к утрате экономической активности и так дефицитного трудоспособного населения [2]. Это актуализирует поиск закономерностей данных процессов, необходимых для разработки регулирующих воздействий на развитие трудового потенциала [3].

К числу проблем воспроизводства трудового потенциала, во многом связанных с материально-технической базой труда, следует отнести нарастающую противоречивость социально-экономического развития, именуемого постиндустриальным. Выявились проблемы возникновения тенденции к деиндустриализации, которая оборачивается примитивизацией производства и деqualификацией труда [4; 5]. В этой связи в нашей стране и за рубежом поставлен вопрос о необходимости проведения в экономике реиндустриализации в форме новой индустриализации (неоиндустриализации) [6]. Для её идентификации необходимо учитывать, сопрягается ли она с технологическим прогрессом, на основе чего некоторые ученые различают положительную и отрицательную деиндустриализацию [7]. Положительная деиндустриализация — это и есть неоиндустриализация, в соответствии с которой индустриальный базис является основой инновационного развития и внедрения новых технологий [8]. В субъектах РФ об уровне индустриализации говорит в первую очередь занятость в обрабатывающей индустрии (как фондосоздающей

отрасли), и если её уровень ниже среднего по РФ, то в регионе больше вероятность отрицательной деиндустриализации.

При исследовании трудового потенциала, как и других составляющих человеческого потенциала, целесообразно проводить его статический и динамический анализ [9]. В частности, это относится к изучению трудового потенциала в разрезе регионов. С помощью статического анализа предполагается выделить проблемные в аспекте этого потенциала субъекты РФ и обозначить их основные особенности. Динамические анализ позволит ранжировать регионы по темпам роста показателей трудового потенциала и определить из них те, которые внесли более существенный вклад в его повышение.

Для анализа трудового потенциала в статике и динамике определены его основные количественные и качественные характеристики и их показатели, обоснованные на предыдущем этапе исследования по теме «Развитие человеческого потенциала с дифференциацией по регионам и социальным группам: факторы и модели». В число основных показателей включены численность квалифицированных и высококвалифицированных работников в процентах к занятым [10]. На основе методик Росстата, к квалифицированным работникам отнесены специалисты высокой и средней квалификации, занятые на крупных и средних предприятиях. Высококвалифицированные работники — это высоко- и среднеквалифицированные специалисты, а также квалифицированные рабочие, обладающие высшим образованием, которые трудятся в соответствии с профилем работы. Региональные показатели по этим категориям занятых использованы в кластерном анализе человеческого потенциала по регионам [11].

Для изучения трудового потенциала в динамике отобран показатель по высококвалифицированным работникам, т.к. он лучше подходит для динамического анализа, чем показатель по квалифицированным работникам. Для первого из них Росстат публикует информацию по всем годам

за рассмотренный период. Для второго показателя используется статистика, которая собирается раз в два года и, более того, ограничена кругом крупных и малых предприятий. Для анализа в статике эти особенности показателя интеллектуальной составляющей трудового потенциала по квалифицированным работникам имеют меньшее значение, чем для исследования в динамике. Поэтому в динамическом анализе предпочтение отдано показателю по высококвалифицированным работникам. Этот же показатель в целях единообразия использовался также для анализа в статике данных кластерного анализа.

Сравнительные характеристики трудового потенциала регионов России на основе их группировки методом кластерного анализа

Изучение характеристик трудового потенциала в статике проведено с помощью

малоизученного подхода к группировке регионов по показателям человеческого потенциала. Группировка, осуществленная методом кластерного анализа, выполнена по 9 региональным показателям человеческого потенциала, в том числе по показателям трудового потенциала. Для расчета использованы данные Росстата за 2021 год. Кластеризация позволила выделить 9 групп регионов (кластеров). В их составе анализировались средние по группе показатели трудового потенциала, рассчитанные по численности высококвалифицированных работников в процентах к занятому населению. Их значения по названным группам и в среднем по всей совокупности регионов представлены на рис. 1. На основе данных рисунка выявлены отчётливые количественные различия показателей трудового потенциала по группам регионов, определённых путём сопоставления со средним показателем этого потенциала по всей их совокупности (27,0%).

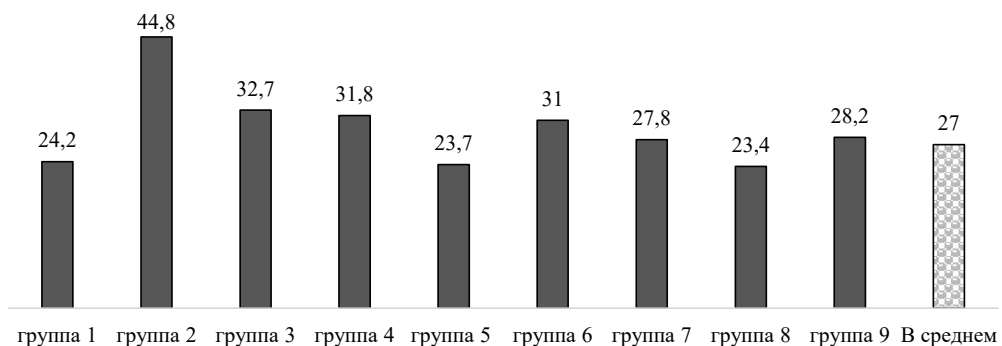

Рис. 1. Средние показатели трудового потенциала в группах регионов и во всей совокупности регионов, %

Fig. 1. Average labor potential indicators in regional groups and across all regions, %

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Региональные различия наблюдаются не по отдельным, а по нескольким региональным группам, которые ранжированы на 4 укрупнённых группы: значительно выше среднего уровня трудового потенциала, выше среднего, на уровне среднего и ниже среднего показателя по совокупности регионов (табл. 1). Согласно таблице, группы регионов заметно различаются

по количеству субъектов РФ и по соотношениям максимального и минимального значений внутригрупповых показателей трудового потенциала. По числу регионов в укрупнённых группах самыми малочисленными являются две региональные (кластерные) группы, в которых показатели этого потенциала превосходят средний уровень (всего 12 субъектов РФ). Вторая груп-

па из числа данных регионов с самым высоким показателем трудового потенциала (значительно выше среднего) представлена Москвой и Санкт-Петербургом. Их спецификой является урбанистический статус и солидная занятость в рыночной (финансы и страхование, деятельность по операциям с недвижимостью) и социальной (образо-

вание, здравоохранение) инфраструктуре. В данных отраслях особенно значительна численность специалистов высокой квалификации, что сказалось на показателях трудового потенциала. Внутригрупповая дифференциация показателей трудового потенциала в них (соотношение max и min) сравнительно невелика (1,18 раз).

Таблица 1

Групповые и внутригрупповые показатели трудового потенциала по группам регионов и количество регионов в группе

Table 1

Group and intra-group indicators of labor potential by regional groups and the number of regions within each group

Группа регионов	Средний показатель по группе, %	Количество регионов, единиц	Соотношение max и min внутри группы, раз
Групповой показатель трудового потенциала значительно выше среднего по совокупности регионов			
2-я	44,8	2	1,18
Групповой показатель трудового потенциала выше среднего по совокупности регионов			
3-я	32,7	4	1,18
4-я	31,8	5	1,32
6-я	31,0	1	-
Групповой показатель трудового потенциала на уровне среднего по совокупности регионов			
9-я	28,2	13	1,8
7-я	27,8	22	1,39
Групповой показатель трудового потенциала ниже среднего по совокупности регионов			
1-я	24,2	12	1,33
5-я	23,7	22	1,38
8-я	23,4	4	1,1

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Группы регионов с показателями трудового потенциала выше среднего — третья и четвертая (9 регионов) — включают регионы Российского Севера, которые в основном специализируются на добыче полезных ископаемых. В них трудятся специалисты и квалифицированные рабочие, в том числе операторы производственных установок, водители (по сути — тоже относящиеся к квалифицированным рабочим), то есть кадры высокой и средней квалификации. Доля этих кадров в добывающей индустрии, по данным Росстата, даже выше, чем в обрабатывающей промышленности. При этом в третьей группе внутригрупповая дифференциация показателей трудового потенциала сравнительно невысока (1,18

раз), а в четвертой гораздо выше (1,32 раз), отчасти потому, что в четвертую группу попали регионы, в которых занятость в добывающей индустрии существенно варьируется (от 17,1% в Чукотском АО до 2,2% в Камчатском крае).

Ещё одним регионом со сравнительно высоким показателем трудового потенциала является Республика Тыва (группа 6). Она характеризуется невысоким социально-экономическим, в том числе индустриальным развитием. Значительный уровень трудового потенциала ей обеспечивают кадры социальной инфраструктуры, обладающие высокой квалификацией специалистов (так, в сфере образования и здравоохранения трудится треть занятого насе-

ления республики, что значительно выше, чем во всех прочих регионах. Не случайно Республика Тыва отличается существенной бюджетной зависимостью (дотационный регион), что подтверждает тот факт, что она является второй (после Республики Ингушетия) по занятости работников в организациях государственной и муниципальной форм собственности (81,5% против средней по РФ в 39%). Эта особенность региона подтверждает слабую развитость индустрии и скромную занятость квалифицированных работников в других отраслях, кроме социальной инфраструктуры.

Основная часть субъектов РФ сосредоточена в двух укрупнённых группах, в которых показатели трудового потенциала находятся на среднем уровне или ниже его. В этих укрупнённых группах (кроме 8-й) наблюдается высокая внутригрупповая дифференциация показателей (не ниже 1,33 раза), а в 8-й группе она, наоборот, самая низкая. В данную укрупнённую группу вошли четыре республики Северного Кавказа, характеризующиеся сравнительно невысоким уровнем социально-экономического развития и занятости в обрабатывающей промышленности ниже средней по РФ. При этом их особенностью является значительная занятость в сельском хозяйстве (около пятой части работников), по уровню которой они уступают только трём субъектам РФ (Тамбовская область, республики Калмыкия и Мордовия), а также в строительстве (от среднего по РФ уровня и выше). Следует отметить, что в данных четырёх республиках ещё и доля занятых в организациях государственной и муниципальной форм собственности существенно выше, чем в большинстве субъектов РФ (от 70,2% в Кабардино-Балкарской Республики до 86,2% в Республике Ингушетия), что типично для высокой степени бюджетной зависимости регионов.

В соответствии с приведенной информацией по группам регионов можно выделить три межрегиональных группы (вторая, третья и восьмая), отличающиеся довольно высокой однородностью на основе таких параметров, как показатель трудово-

го потенциала либо выше среднего уровня по РФ, либо чуть меньше его, и низкая внутригрупповая дифференциация этих показателей (табл. 1). Данные межрегиональные группы по показателю трудового потенциала являются полярными и отличаются также географической, экономической и другой однородностью (столичные регионы, добывающие регионы Севера, республики Северного Кавказа).

Чтобы не ограничиваться рассмотрением полярных региональных групп и расширить анализ прежде всего отстающих регионов, количество субъектов РФ в группах с наиболее высокими и наименьшими показателями трудового потенциала доведено до 10 в каждой из этих групп (табл. 2). По данным таблицы, в десятку субъектов РФ с самыми высокими показателями трудового потенциала вошли регионы, в которых эти показатели превосходят средний по РФ показатель. Два из них представлены столичными мегаполисами, а шесть — северными регионами. Прочие регионы — Московская область и Севастополь — на первый взгляд выбиваются из состава предыдущих групп. Однако Московская область входит в самую крупную в нашей стране Московскую агломерацию, а потому тесно объединена с её центром, в том числе, интенсивным движением трудовых ресурсов включая маятниковую миграцию. Поэтому не удивительно, что по квалификационному потенциалу Московская область превосходит северные регионы. Что касается Севастополя, то он является и городом, и субъектом РФ, а потому имеет схожую специфику с Москвой и Санкт-Петербургом.

Для анализа регионы с самыми низкими показателями трудового потенциала разделены по географическому признаку — по принадлежности к Европе или Азии. К европейским регионам относятся Брянская, Новгородская и Псковская области, а также республики Марий Эл и Удмуртская. Кабардино-Балкарская Республика, тоже локализованная в европейской части, как специфичный регион Северного Кавказа из данного анализа исключена. Прочие европейские субъекты РФ имеют экономи-

Таблица 2

Показатель трудового потенциала (ТП) в 10 субъектах РФ с самыми высокими и самыми низкими значениями показателя, %

Table 2

The labor potential indicator in 10 subjects of the Russian Federation with the highest and lowest values, %.

Субъект РФ	Показатель ТП в регионе	Субъект РФ	Показатель ТП в регионе
С самыми высокими показателями ТП		С самыми низкими показателями ТП	
Москва	48,5	Республика Марий Эл	22,1
Санкт-Петербург	41,1	Кабардино-Балкарская Республика	22,0
Московская область	38,5	Псковская область	22,0
Магаданская область	36,6	Новгородская область	21,4
Ямало-Ненецкий АО	35,6	Курганская область	21,4
Севастополь	34,5	Удмуртская Республика	21,3
Чукотский АО	33,9	Республика Хакасия	20,7
Ханты-Мансийский – Югра АО	32,3	Республика Алтай	20,6
Камчатский край	31,8	Забайкальский край	20,5
Республика Тыва	31,0	Брянская область	20,4

Источник: рассчитано по данным Росстата.

ческие и природные особенности, выявленные рядом исследователей еще в «нулевые» годы нынешнего века. Это их характеристики как проблемных регионов с невысоким экономическим и природно-ресурсным потенциалом [12], которые во многом сохраняются до сих пор. Подтверждением воспроизводимости проблемного статуса данных субъектов РФ являются показатели номинальной заработной платы в регионе в 2021 г. (данные Росстата). Так, Брянская область по её величине заняла третье место с конца в «своём» Центральном ФО, а Новгородская и Псковская области — последнее место в «их» Северо-Западном ФО. Республике Марий Эл досталось предпоследнее место в Приволжском ФО, и только Удмуртская Республика в этом ФО оказалась на среднем месте. К факторам проблемного развития перечисленных регионов при занятости в обрабатывающей промышленности не ниже средней по РФ относится распространённость производств с небольшим спросом на труд высокой квалификации (например, предприятия потребительского сектора обрабатывающей индустрии).

В состав азиатских регионов с низкими показателями трудового потенциала во-

шли Курганская область, республики Алтай и Хакасия, Забайкальский край. Это тоже экономически проблемные субъекты РФ со слабым природно-ресурсным потенциалом, причем в большей степени, чем европейские регионы. Подтверждением этому служит уровень безработицы в 2021 году. Если в регионах, расположенных в европейской части РФ, этот уровень варьировался от 4,1% в Новгородской области до 5,3% в Республике Марий Эл (уровень фрикционной безработицы), то на азиатских территориях уровень и разброс безработицы был гораздо весомее: от 6,4% в Республике Хакасия до 14,0% в Республике Алтай. Внутри азиатских регионов два из них (Республика Хакасия и Курганская область) обладают большим уровнем экономического развития благодаря занятости в обрабатывающей индустрии, близкой к средней по РФ. Поэтому уровень безработицы в них не вышел за рамки естественного уровня (6,4% и 7,6%). В Забайкальском крае и Республике Алтай занятость в обрабатывающей отрасли в 2–3 раза меньше, чем в среднем по РФ, и безработица в них превосходит социально нежелательный и даже опасный уровень (9,3% и 14,0%).

В целом можно сказать, что регионы с низкими показателями трудового потенциала слабо затронуты неоиндустриализацией. Субъекты РФ в европейской части страны средне индустриализированы, но в них сравнительно широко распространены технологически отстающие производства. То же можно сказать и о азиатских территориях — Республике Хакасии и Курганской области. А в Республике Алтай и Забайкальском крае наблюдается деиндустриализация.

Характеристики трудового потенциала регионов в динамике

Динамический анализ показателя трудового потенциала проводился также по высококвалифицированным работникам. История публикации этого показателя насчитывает только одно десятилетие (2014–2024 гг.), но для изучения его динамики названный срок можно считать приемлемым. На рис. 2 представлена кривая изменения среднего по экономике показателя трудового потенциала за названный пери-

од. Судя по рисунку 2, средний по РФ показатель трудового потенциала в течение десятилетия имел с некоторыми колебаниями тенденцию к росту, что подтверждает обозначенная пунктиром линия тренда. При этом на его изменение в данный период оказали влияние внеэкономические факторы — эпидемиологические и геополитические вызовы: с 2014 г. началось санкционное давление на нашу страну, с 2020 г. с годовым запаздыванием стали сказываться последствия пандемии COVID-19. А в 2022 г. Россия испытала сильное санкционное воздействие в связи со специальной военной операцией (СВО), понизившим динамику многих экономических показателей, в том числе трудового потенциала. Однако затем последовал заметный его рост, что даёт основания полагать, как считает ряд специалистов, что санкции, по крайней мере частично, дали положительный эффект [13; 14]. Чтобы выяснить, как менялись показатели трудового потенциала в территориальном разрезе, рассмотрена их динамика по пятилетиям на примере федеральных округов (табл. 3).

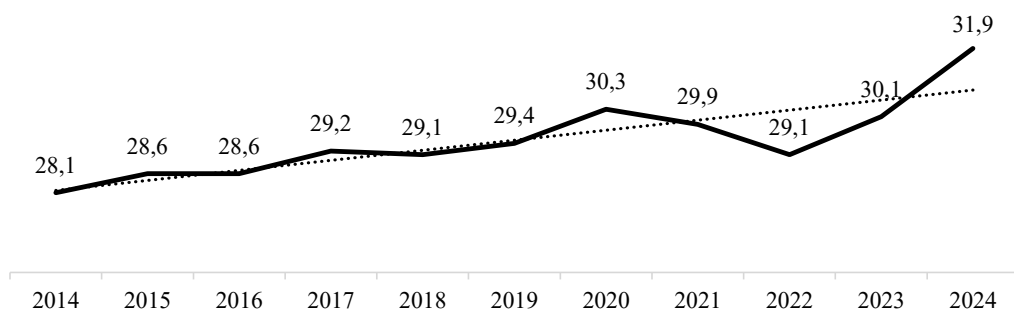

Рис. 2. Численность высококвалифицированных работников в РФ в 2014–2024 гг., % к занятым

Fig. 2. Highly qualified workers in the Russian Federation in 2014–2024, % of total employment

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Согласно табл. 3, средние по федеральным округам показатели трудового потенциала в большинстве округов (кроме Дальневосточного, Уральского и Южного) в первое пятилетие и во всех округах во второе пятилетие имели положительную динамику, то есть повышение качества этого по-

тенциала можно признать всеобъемлющим. Что касается регионального разреза, то положительная динамика выявлена в большинстве субъектов РФ. В первое пятилетие рост показателей трудового потенциала выявлен в 73% регионов, а во второе пятилетие — в 66%. Из этого можно по-

Таблица 3

**Показатели трудового потенциала по высококвалифицированным
работникам в разрезе федеральных округов в 2014 г., 2019 г. и 2024 г.**

Table 3

Indicators of labor potential for highly qualified workers by federal districts in 2014, 2019, and 2024

Федеральный округ (ФО)	2014	2019	2024
Центральный	33,6	35,6	39,4
Северо-Западный	28,8	31,1	33,4
Южный	25,3	25,0	28,4
Северо-Кавказский	23,7	25,3	28,5
Приволжский	25,2	26,8	28,1
Уральский	28,8	28,4	29,6
Сибирский	23,7	24,5	26,4
Дальневосточный	26,5	26,5	28,1
Российская Федерация в целом	28,1	29,4	31,9

Источник: рассчитано по данным Росстата.

нять, что заметный «санкционный» рост рассматриваемых показателей в годы проведения СВО сопровождался усилением их дифференциации.

Для анализа, с чем связано улучшение показателей трудового потенциала, они рассмотрены за второе пятилетие, на которое пришлось эпидемиологический кризис и развёртывание СВО. Отобраны по 10 регионов с самым высоким и самым низким ростом данного показателя (табл. 4). Исхо-

дя из табл. 4, по темпам роста показателей трудового потенциала в рассматриваемый период субъекты РФ с самыми высокими темпами этого роста (первая группа) распределились следующим образом: 146,6% (Чеченская Республика), 133,5–135,1% (Ярославская область, Забайкальский край и Еврейская АО), 118,5–123,8% (прочие регионы первой группы). Данное распределение обусловили факторы отчасти противоположного свойства. Так, низкая расчётная база

Таблица 4

**Рост численности высококвалифицированных работников в составе занятых за 2019–
2024 гг. в 10 субъектах РФ с его самыми высокими и самыми низкими значениями, %**

Table 4

Growth in the number of highly qualified workers among the employed population in 2024 compared to 2019 across 10 subjects of the Russian Federation, with the highest and lowest values (%)

Субъект РФ	Темп роста 2024 г. / 2019 г.	Субъект РФ	Темп роста 2024 г. / 2019 г.
С самыми высокими показателями роста		С самыми низкими показателями роста	
Чеченская Республика	146,6	Томская область	102,2
Ярославская область	135,1	Хабаровский край	102,2
Забайкальский край	134,8	Псковская область	102,2
Еврейская АО	133,5	Камчатский край	102,1
Карачаево-Черкесская Республика	123,8	Калужская область	101,9
Ростовская область	123,1	Республика Татарстан	101,8
Белгородская область	122,3	Саратовская область	101,3
Алтайский край	121,9	Республика Северная Осетия - Алания	101,1
Ульяновская область	119,8	Мурманская область	101,1
Красноярский край	118,5	Ленинградская область	101,0

Источник: рассчитано по данным Росстата.

способствует увеличению темпов роста, а высокая — наоборот, их замедлению. Первый фактор повлиял на значительные параметры роста в Чеченской Республике (надо полагать, также сыграл свою роль фактор весомых бюджетных вливаний), в Еврейской АО и в Забайкальском крае, в которых занятость в обрабатывающей промышленности вдвое ниже, чем в среднем по РФ.

Однако данная особенность исходной базы не применима к индустриально развитой Ярославской области, что не помешало ей в рассматриваемые годы попасть в состав лидеров первой группы регионов. При этом также индустриально развитая Ульяновская область оказалась в числе аутсайдеров этой группы. Вероятно, данный феномен связан с тем, что в этих областях расположены оборонные предприятия, попавшие под внешние санкции. Вопрос о том, как противодействие им влияет на развитие экономики и её индустриальных сегментов, требует специального рассмотрения. В остальных регионах первой группы преобладают среднеразвитые субъекты РФ как европейской, так и азиатской частей РФ. В них занятость в обрабатывающей промышленности за пятилетие повысилась, как и вливание бюджетных ресурсов.

В регионы с самыми низкими темпами роста показателей трудового потенциала (вторая группа) вошли в основном среднеразвитые территории кроме индустриально развитой Калужской области, подвергшейся санкционному давлению, а также Мурманской области и Камчатского края, в которых невысокий уровень занятости в обрабатывающей индустрии компенсируется занятостью в транспорте и складских хозяйствах (благодаря портовым функциям). В более чем половине регионов второй группы индустриальный уровень несколько понизился (Мурманская, Саратовская, Томская области, республики Северная Осетия — Алания и Татарстан, Камчатский край), в части их уменьшились бюджетные вливания. Видимо, эти процессы внесли свою лепту в формирование темпов роста показателей трудового потенциала, близких к нулевым значениям.

Заключение

Исследование показателей трудового потенциала, проведённое на базе результатов группировки регионов по показателям человеческого потенциала (метод кластерного анализа), представляет одну из форм их статического анализа. Из них как самый представительный выбран показатель доли высококвалифицированных работников в составе занятых. С его помощью определены крайние (полярные) группы субъектов РФ по величине данного показателя. На полюс его высоких значений попали столичные регионы и добывающие регионы Российского Севера, а на полюс низких значений — регионы Северного Кавказа, отличающиеся невысоким уровнем индустриального развития при значительной бюджетной зависимости.

Чтобы провести сравнение не только регионов крайних групп, выделены более обширные совокупности отдельных регионов (по 10 единиц) среди всех субъектов РФ. Десятка регионов с самыми высокими показателями трудового потенциала почти совпала с составом полярных региональных групп. Акцент в исследовании сделан на другой десятке, отнесенной к категории проблемных регионов, которые стали основным предметом изучения. Они распределены по локализации на европейской или азиатской частях страны и по характеристикам индустриального развития. Европейские регионы (кроме Кабардино-Балкарской Республики) отличаются распространённостью не самых передовых индустриальных предприятий, которые нуждаются в неоиндустриализации по типу технологической модернизации. В азиатских регионах есть и такие предприятия, кроме того, в них наблюдается индустриальная неразвитость. Поэтому, помимо модернизации, там следует увеличивать индустриальный базис.

Динамический анализ проводился по показателю трудового потенциала (среднего по стране, по федеральным округам и по субъектам РФ) за период 2014–2024 гг. с разбивкой на пятилетия. Наибольший ин-

терес вывала динамика за 2019–2024 гг., поскольку она выявила обвальным спад с последующим восстановительным ростом. Спад во многом связан с внеэкономическими факторами — пандемией COVID-19 и началом СВО. Чтобы понять, чем обусловлена адаптация к этим факторам, точнее, к продолжающейся СВО, а также влияние экономических факторов, выполнен сравнительный анализ темпов роста показателя трудового потенциала по двум крайним группам регионов (в каждой по 10 единиц). Этот анализ осложняет действие внеэкономических факторов, которые, например, противоречиво сказались на данных по индустриально развитым регионам, в которых

оборонные предприятия подверглись санкционному давлению, но, одновременно получили дополнительное финансирование из бюджета РФ. С определенностью можно сказать, что динамику завышает низкая исходная база расчётов темпов роста, но это обстоятельство проявилось в обеих группах регионов. В первой группе с ним (и, надо полагать, не только с ним) связаны наибольшие темпы роста в Чеченской Республике. Еще один экономический фактор — изменение за пятилетие ряда показателей, ключевых для повышения трудового потенциала. В первой группе они в основном росли, а во второй снизились почти в половине регионов.

Литература и Интернет-источники

1. **Попова, Л. А.** Трудовой потенциал российского Севера / Л. А. Попова, М. А. Терентьева // Арктика и Север. — 2014. — № 14. — С. 51–69. EDN: RTUCER
2. **Попов, А. В.** Трудовой потенциал России: оценка и инструменты повышения уровня реализации / А. В. Попов. — Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2019. — 181 с. EDN: TCJWYS
3. **Тыкынаев, А. В.** Повышение эффективности управления трудовым потенциалом в организации / А. В. Тыкынаев, Е. В. Сибилева // Актуальные вопросы современной экономики. — 2018. — № 8. — С. 210–212. EDN: SRFUHT
4. **Бодрунов, С. Д.** Реиндустриализация России — возможности и ограничения / С. Д. Бодрунов // Научные труды вольного экономического общества. — 2014. — Т. 180. — С. 15–46. EDN: TSEKWR
5. **Сухарев, О. С.** Реиндустриализация экономики России и технологическое развитие / О. С. Сухарев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — № 10(247). — С. 1–16.
6. **Красильщиков, В. А.** Деиндустриализация, реиндустриализация и развитие / В. А. Красильщиков // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — Т. 60. — № 8. — С. 34–43. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-8-34-43; EDN: WHGADV
7. **Алешина, О. Г.** Деиндустриализация, неоиндустриализация и постиндустриальная экономика: обзор подходов / О. Г. Алешина // Экономика и управление инновациями. — 2022. — № 2(21). — С. 19–38. DOI: 10.26730/2587-5574-2022-2-19-38; EDN: LJHQKG
8. **Зяблюк, Р. Т.** Неоиндустриализация экономики России: необходимость и возможность / Р. Т. Зяблюк, Н. И. Титова // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2016. — № 2. — С. 119–135. EDN: WFQAMJ
9. **Шеломенцев, А. Г.** Эволюция взглядов на понятия «статика» и «динамика» и их влияние на развитие экономических концепций / А. Г. Шеломенцев, К. С. Гончарова // Этап: Экономическая теория, анализ, практика. — 2021. — № 4. — С. 95–116. EDN: XPUKLJ
10. **Токсанбаева, М. С.** Трудовые ресурсы как характеристика трудового потенциала и их структура / М. С. Токсанбаева, Р. И. Попова // Народонаселение. — 2022. — Т. 25 — № 4. — С. 151–162. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.13; EDN: UAPDEV
11. Комплексная характеристика человеческого потенциала регионов России / ред. В. В. Локосов, Е. В. Рюмина. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2024. — 422 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-435-2.2024; EDN: BQHGTT

12. **Тюличева Л. Д.** Использование сравнительных методов исследований для определения стратегических приоритетов регионального развития / Л. Д. Тюличева. — Санкт-Петербург: ГУАП, 2007. — 262 с. EDN: QSNENF
13. **Поликарпов, М. Д.** Экономический эффект антироссийских санкций: плюсы и минусы / М. Д. Поликарпов // Вестник науки. — 2023. — Т. 1. — № 5(62). — С. 81–90. EDN: NUINTU
14. **Кайгородцев, А. А.** Эффективность антироссийских экономических санкций: теория и практика / А. А. Кайгородцев // Вестник московского финансово-юридического университета МФЮА. — 2023. — № 3. — С. 18–28. DOI: 10.52210/2224669X_2023_3_18; EDN: FDRQGA

Сведения об авторах:

Токсанбаева Майраш Сейткадыевна, д.э.н., главный научный сотрудник, зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: matoksan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3570-592X; РИНЦ SPIN-код: 7200–6511.

Коленникова Ольга Александровна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6115; РИНЦ SPIN-код: 8352–5335.

Попова Раиса Ивановна, старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: raisa_popova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8548-6294; РИНЦ SPIN-код: 1964–5700.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-137-149

LABOR POTENTIAL OF POPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS IN STATIC AND DYNAMIC CONTEXTS

Mairash S. Toksanbaeva*, Olga A. Kolennikova, Raisa I. Popova

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: matoksan@mail.ru

For citation:

Toksanbaeva M. S., Kolennikova O. A., Popova R. I. Labor potential of population in the regions of Russia: Comparative analysis in static and dynamic contexts. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 137-149. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-137-149 (in Russ.)

Abstract. In interregional studies of human and labor potential, both static and dynamic analyses are widely used. This article applies these methods to identify problematic and developing subjects of the Russian Federation (RF). The static analysis was carried out on the basis of grouping regions using the cluster analysis method based on human potential indicators, which included indicators of labor potential. Using statistics from Rosstat for the year 2021, the study focused specifically on labor potential indicators, selecting the percentage of highly qualified workers relative to the employed population as a key metric. A comparative analysis was performed across a spectrum of regions, comprising ten regions with the highest and lowest values of labor potential. The first group included capital- and resource-rich Northern regions, while the second group consisted of problematic regions. In the European part of the country, these were primarily medium-developed subjects of the RF, characterized by less advanced industrial production. In the Asian regions, the level of industrial development is lower, and reliance on budgetary funding is higher. Dynamic changes were tracked based on the growth rates of labor potential indicators, which generally increased across the country

from 2014 to 2024, particularly in the past five years. Comparative analysis was conducted for ten regions with the highest and lowest growth rates from 2019 to 2024. Examination of the dynamics was complicated by the contradictory influence of exogenous factors, such as the coronavirus pandemic and the special military operation. Nonetheless, it was found that the first group of regions contained more areas with a low base for calculating growth rates. In almost half of the RF subjects in the second group, there was observed a negative dynamics in key development indicators (employment in manufacturing, levels of budgetary funding, etc.).

Keywords: human and labor potential, employee, qualifications, region, static and dynamic analysis, industry, growth rates.

References and Internet sources

1. Popova L. A., Terentyeva M. A. Trudovoj potentsial rossijskogo Severa [Employment potential of the Russian North]. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2014. No. 14. P. 51–69. (in Russ.)
2. Popov A. V. Trudovoj potentsial Rossii: otsenka i instrumenty povysheniya urovnya realizatsii [Russia's Labour Potential: Assessment and Tools for Improving the Level of Implementation]. Vologda. Vologodskij nauchnyj tsentr RAN. [Vologda Research Center RAS]. 2019. 181 p. (in Russ.)
3. Tykynaev A. V., Sibileva E. V. Povysheniye effektivnosti upravleniya trudovym potentsialom [Improving the efficiency of labour potential management]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoj ekonomiki [Actual Issues of Modern Economy]*. 2018. No. 8. P. 210–212. (in Russ.)
4. Bodrunov S. D. Reindustrializatsiya Rossii — vozmozhnosti i ogranicheniya [Reindustrialization of the Russian economy — opportunities and limitations]. *Nauchnyye trudy vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]*. 2014. Vol. 180. P. 15–46. (in Russ.)
5. Sukharev O. S. Reindustrializatsiya ekonomiki Rossii i tekhnologicheskoye razvitiye [Reindustrialization of the Russian economy and technological development]. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security]*. 2014. No. 10(247). P. 1–16. (in Russ.)
6. Krasilshchikov V. A. Deindustrializatsiya, reindustrializatsiya i razvitiye [Deindustrialisation, reindustrialisation and development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]*. 2016. Vol. 60. No. 8. P. 34–43. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-8-34-43 (in Russ.).
7. Aleshina O. G. Deindustrializatsiya, neoindustrializatsiya i postindustrial'nayya ekonomika: obzor podkhodov [Deindustrialization, neo-industrialization and post-industrial economy: a review of approaches]. *Ekonomika i upravleniye innovatsiyami [Economics and Innovation Management]*. 2022. No. 2 (21). P. 19–38. DOI: 10.26730/2587-5574-2022-2-19-38 (in Russ.).
8. Zyablyuk R. T., Titova N. I. Neoindustrializatsiya ekonomiki Rossii: neobkhodimost' i vozmozhnost' [The neoindustrialization of Russian economy: necessity and possibility]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Economics Bulletin]*. 2016. No. 2. P. 119–135 (in Russ.).
9. Shelomentsev A. G., Goncharova K. S. Evolyutsiya vzglyadov na ponyatiya «statika» i «dinamika» i ikh vliyaniye na razvitiye ekonomicheskikh kontseptsij [Evolution of views on static and dynamics and their influence on the economic concepts development]. *Etap: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice]*. 2021. No. 4. P. 95–116. (in Russ.)
10. Toksanbaeva M. S., Popova R. I. Trudovyye resursy kak kharakteristika trudovogo potentsiala i ikh struktura [Labour resources as a characteristic of labor potential and their structure]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 151–162. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.13 (in Russ.)
11. Kompleksnaya kharakteristika chelovecheskogo potentsiala regionov Rossii [Comprehensive Characteristics of the Human Potential of Russian Regions]. Eds. V. V. Lokosov, E. V. Ryumina. Moscow. FNISs RAN [FCTAS RAN], 2024. 422 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-435-2.2024 (in Russ.)
12. Tyulicheva L. D. Ispol'zovaniye sravnitel'nykh metodov issledovaniy dlya opredeleniya strategicheskikh prioritetov regional'nogo razvitiya [Using Comparative Research Methods to Determine Strategic Priorities for Regional Development]. Saint-Petersburg. 2007. 262 p. (in Russ.)

13. Polikarpov M.D. Ekonomicheskij effekt antirossijskikh sanktsij: plyusy i minusy [The economic effect of anti-Russian sanctions. advantages and disadvantages]. Vestnik nauki [Science Bulletin]. 2023. Vol. 1. No. 5 (62). P. 81–90. (in Russ.)
14. Kaigorodtsev A.A. Effektivnost' antirossijskikh ekonomicheskikh sanktsij: teoriya i praktika [Effectiveness of anti-Russian economic sanctions: theory and practice]. Vestnik moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta [Herald of Moscow University of Finance and Law]. 2023. No. 3. P. 18–28. DOI: 10.52210/2224669X_2023_3_18 (in Russ.)

Information about the authors:

Toksanbaeva Mairash Seitkazyevna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: matoksan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3570-592X; Elibrary SPIN-code: 7200–6511.

Kolennikova Olga Aleksandrovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6115; Elibrary SPIN-code: 8352–5335.

Popova Raisa Ivanovna, Senior Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: raisa_popova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8548-6294; Elibrary SPIN-code: 1964–5700.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-150-162
EDN: RXHCZR

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Макар С. В.^{1*}, Ярашева А. В.²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: svetwn@mail.ru

Для цитирования:

Ярашева А. В., Макар С. В. Социальное благополучие населения: территориальные различия // Население. – 2025. – Т. 28. – № 3 – С. 150-162. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-150-162; EDN: RXHCZR

Аннотация. Достижение социального благополучия населения представляет собой одну из ключевых национальных целей развития Российской Федерации до 2036 года. Именно оно рассматривается основой долгосрочного эффективного пространственного развития страны. В статье представлено авторское видение категории «социальное благополучие населения», особенностей его анализа и интерпретации факторов, а также объективных и субъективных показателей, характеризующих его сущность. В виду широкого, и часто дискуссионного круга аспектов, изучаемых учёными в рамках анализа «социального благополучия», авторы остановили своё внимание на отдельных компонентах, связанных с удовлетворённостью населением отдельными социальными благами. В статье показана динамика «Национального индекса тревожностей» (2021–2024 гг.) с ранжированием регионов (топ-7) по трём группам (встревоженные, уравновешенные и невозмутимые), рассматриваемого в качестве одного из индикаторов социального самочувствия жителей России. Осуществлено сравнение оценок (степени удовлетворённости) российскими домохозяйствами состояния прилегающих к дому территорий — оснащённость многоквартирных домов детскими, а также спортивными площадками (для детей и взрослых) на основе замеров в 2018, 2020 и 2022 годах. Продемонстрирована оценка населением услуг сферы здравоохранения — качества первичной доврачебной и врачебной медицинской помощи (по типу населённых пунктов). Выявлена степень удовлетворённости жителей федеральных округов (макрорегионов) социальной инфраструктурой (работой поликлиник, к которым они прикреплены). Проанализированы характеристики социо-экологического благополучия в федеральных округах России. Разработана авторская матрица рейтингования федеральных округов по отдельным показателям социального благополучия («инфраструктурного» и «социо-экологического благополучия»).

Ключевые слова: социальное благополучие населения, макрорегионы России, пространственные компоненты, ранжирование территорий, методология пространственного анализа.

Постановка проблемы

Дефиниция «благополучие», и сама сущность данного явления обладают двойственным субъективно-объективным содержанием, поэтому его составные части необходимо рассматривать в двух плоскостях. Одновременно важны и динамика объективных статистических показателей благополучия, и оценка человеком своего ощущения благополучия. Среди составных частей благополучия традиционно выделяют экономическое (материальное) и социальное (нематериальное). Несомненно, на практике эти две характеристики функционирования (и состояния) населения неразделимы: без повышения уровня жизни (доходов) сложно представить улучшение качества жизни (доступность социальных благ и удовлетворённость ими). В данной статье систематизированы субъективные и объективные показатели благополучия, для обозначения отдельных аспектов социального благополучия. Однако рассмотрение всех составных частей социального благополучия требует более широкого исследования.

Феномен благополучия рассматривается учёными разнопланово: с позиций философских подходов, в частности, в контексте развития самой идеи социального благополучия [1], с позиций сравнения понятий «благополучие» [2], «счастье» [3], «благополучное состояние» [4], а также с различных точек зрения, например, правового обеспечения [5] социальных благ для населения. Социальное благополучие анализируется в научной литературе как цель государственной политики [6] и задача развития социальных институтов. Отдельным аспектам нематериального благополучия посвящены работы, касающиеся доступности социальной активности как механизма поддержания социального благополучия представителей разных возрастных [7] групп населения, в том числе молодёжи [8] и представителей старшего поколения [9], а также слабозащищённых (уязвимых) слоёв [10] россиян. Развитость и качество социальной инфраструктуры рассматривается как база

для достижения благополучия [11] в целом и отдельных пространственных образований [12]. Формирование моделей срежения здоровья — как индикатор социального благополучия, активно изучается российскими [13] и зарубежными учёными [14]. В современных исследованиях рассматривается вклад отдельных природных компонент (загрязнение атмосферного воздуха [15], воды [16]), комплексные показатели [17], оценки удовлетворённости людей качеством окружающей природной среды [18].

Результаты исследования

Контент-анализ позволяет отметить «временную» и «пространственную» особенности изучения социального благополучия. «Временной» аспект состоит в том, что социальное благополучие традиционно «фиксируется» на конкретный момент времени (как правило, год). Социальное благополучие носит и пространственный характер: оно формируется исходя из взаимосвязи компонент различных пространственных слоёв [19; с. 22–23]: в данном случае — акцентируемого социального пространства, с одной стороны, и компонент «других» пространственных слоёв — экономического и природного, с другой. В собственном социальном пространстве благополучие может быть интерпретировано как удовлетворённость от общения индивидов друг с другом или в коллективе (без акцента на объект и предмет общения). Речь идёт о степени взаимопонимания между людьми, возможности доверия друг другу, желания помочь. В-третьих, индикаторы и показатели социального благополучия могут носить различный формат: объективный (материализованные результаты) и субъективный (степень удовлетворённости окружением, самооценка). Исследование факторов, характеристик и показателей отдельных компонент, обеспечивающих социальное благополучие, а также в их взаимосвязи, представляется возможным благодаря применению методологии пространственного анализа (табл. 1).

Таблица 1

Социальные факторы и показатели благополучия населения

Table 1

Factors and indicators of social well-being of the population

Фактор	Объективные показатели	Субъективные показатели
Труд	Устойчивая занятость, условия труда, результаты труда	Удовлетворённость условиями и результатами труда, самооценка возможности реализации себя в профессии
Семья	Наличие семьи (детей, внуков и других родственников)	Удовлетворённость семейными отношениями
Состояние здоровья	Обеспеченность территории проживания объектами здравоохранения	Самооценка физического и психологического состояния здоровья, удовлетворённость качеством услуг здравоохранения
Образование	Обеспеченность территории проживания (в т.ч. дистанционная доступность) учреждениями образования всех уровней	Удовлетворённость качеством образовательных услуг всех уровней
Удобство территории проживания	Обеспеченность территории проживания необходимой инфраструктурой	Оценка (степень) удовлетворённости инфраструктурой
Состояние природных (экологических) компонент окружающей среды	Показатели загрязнённости воздуха, воды, почвы и т.д.	Удовлетворённость состоянием экологии (качеством природных компонентов окружающей среды, привлекательностью ландшафта)
Уровень преступности	Статистические данные по уровню преступности на территории проживания	Оценка социальной безопасности территории проживания
Досуг, рекреация, спортивные занятия	Обеспеченность территории проживания объектами культуры, отдыха и спорта (для детей и взрослых)	Удовлетворённость уровнем обеспеченности объектами культуры, отдыха и спорта, их доступностью
Социально-политические отношения	Уровень социальной напряжённости, тревожности	Оценка социальной напряжённости (по данным соцопросов)

Источник: разработано авторами.

Для сопоставления пространственных образований, каковыми являются регионы и макрорегионы (федеральные округа) России, использованы данные Росстата, территориальная дифференциация которых может быть отражена в рейтингах. Таким образом, можно сформировать территориальные проекции пространственных «слоёв» в отношении социального благополучия и выявить особенности дифференциации регионов России. С точки зрения отношений в социуме, оценки степени, уровня их напряжения в региональном сообществе с начала XXI в. методом анкетирования формируют национальный рейтинг тревожностей¹. Эксперты выявили три группы регионов в зависимости от восприимчивости их населения к фобиям: тревожные, уравновешенные, невозмутимые, и, начиная с 2019 г., выстраиваются рейтин-

ги территорий. Нами выделены топ-7 «противоположных» регионов — тревожных и невозмутимых (табл. 2 и 3).

Социо-экономическое благополучие отражает отношение членов социума по поводу использования объектов социальной инфраструктуры территории проживания. Авторский приоритет отдан тем её формам, которые возможно проанализировать на основе объективных — статистических показателей. Ими выступают, в частности, оценка домохозяйствами состояния прилегающих к дому территорий с точки зрения наличия и состояния детских и спортивных площадок. Удовлетворённость их качеством со стороны населения различна, динамика за 2018–2020 гг. субъективных оценок россиян представлена в табл. 4.

Сокращение числа детских площадок показывают данные за 2022 г. с дифференциацией по федеральным округам (табл. 5) по сравнению с 2020 г., а также

¹ Национальный индекс тревожностей. — URL : <https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety/> (дата обращения: 30.03.2025).

Таблица 2

Рейтинг тревожных регионов РФ (Топ-7)

Table 2

Rating of disturbing regions of the Russian Federation (Top-7)

Место	2021	2022	2023	2024
1	Москва	Москва	Москва	Москва
2	Санкт-Петербург	Санкт-Петербург	Белгородская область	Курская область
3	Вологодская область	Курская область	Севастополь	Белгородская область
4	Пермский край	Республика Бурятия	Брянская область	Санкт-Петербург
5	Архангельская область	Севастополь	Республика Крым	Свердловская область
6	Новгородская область	Белгородская область	Санкт-Петербург	Новосибирская область
7	Тюменская область	Архангельская область	Краснодарский край	Ростовская область

Источник: составлено по данным Национальный индекс тревожностей. — URL : <https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety/> (дата обращения: 30.03.2025).

Таблица 3

Рейтинг невозмутимых регионов РФ (Топ-7)

Table 3

Rating of balanced regions of the Russian Federation (Top-7)

Место	2021	2022	2023	2024
1	Курская область	Еврейская АО	Кабардино-Балкарская Республика	Республика Ингушетия
2	Калининградская область	Камчатский край	Республика Ингушетия	Кабардино-Балкарская Республика
3	Калужская область	Магаданская область	Карачаево-Черкесская Республика	Карачаево-Черкесская Республика
4	Республика Татарстан	Республика Мордовия	Еврейская АО	Республика Алтай
5	Забайкальский край	Амурская область	Республика Адыгея	Амурская область
6	Волгоградская область	Республика Саха (Якутия)	Республика Калмыкия	Магаданская область
7	Тульская область	Сахалинская область	Магаданская область	Республика Тыва

Источник: составлено по данным Национальный индекс тревожностей. — URL : <https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety/> (дата обращения: 30.03.2025).

Таблица 4

Оценка домохозяйствами состояния прилегающих к дому территорий, РФ, %

Table 4

Households' assessment of the condition of the territory adjacent to the house, %

Многоквартирные дома оборудованы:	2018				2020			
	наличие	1	2	3	наличие	1	2	3
– детскими площадками	69,4	25,2	34,1	9,8	72,7	28,5	34,8	9,1
– спортивными площадками, сооружениями для занятий спортом детей и взрослых	30,6	13,3	14,1	2,8	35,4	16,4	16,0	2,7

Примечание: состояние объектов: 1 — хорошее, 2 — удовлетворительное, 3 — неудовлетворительное.

Источник: Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU-2023/index.html (дата обращения: 25.03.2025).

Таблица 5

Оснащённость многоквартирных домов детскими площадками и спортивными площадками, сооружениями для занятий спортом детей и взрослых, 2022 г., %

Table 5

Provision of blocks of flats with playgrounds and sports grounds, facilities for sports activities for children and adults, 2022, %

Федеральный округ	Детские площадки				Спортивные площадки, сооружения для занятий спортом детей и взрослых			
	наличие	1	2	3	наличие	1	2	3
РФ в целом	70,5	29,1	33,9	7,3	35,8	17,2	15,9	2,6
Центральный (ЦФО)	77,7	39,0	33,6	4,9	49,1	26,9	20,1	1,9
Северо-Западный (СЗФО)	58,1	28,4	25,2	4,4	25,9	12,9	12,5	1,3
Южный (ЮФО)	63,6	26,0	32,6	5,0	32,1	14,1	14,7	3,3
Северо-Кавказский (СКФО)	75,6	20,2	42,5	12,9	45,3	11,3	20,7	13,4
Приволжский (ПФО)	69,5	24,8	34,6	10,0	27,4	11,6	12,7	3,1
Уральский (УФО)	74,1	19,7	43,7	10,7	33,2	11,4	19,0	2,7
Сибирский (СФО)	65,8	25,7	30,6	9,4	29,8	16,1	11,6	2,0
Дальневосточный (ДФО)	73,8	22,0	41,7	9,6	27,8	11,9	14,0	1,8

Примечание: состояние объектов: 1 — хорошее, 2 — удовлетворительное, 3 — неудовлетворительное.

Источник: Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU-2023/index.html (дата обращения: 25.03.2025).

незначительный рост удовлетворённости их состоянием в среднем по стране. Лидером по количеству (наличию) и качеству (степени удовлетворённости состоянием) является ЦФО, выше среднестранового уровня показатели в СКФО. Удовлетворённость отдельными составляющими соци-

альной инфраструктуры, в частности обеспеченность объектами здравоохранения для оказания первичной и специальной медицинской помощи, выступает на первый план в оценках населения в связи с ситуационной потребностью сохранения и поддержания жизни человека (табл. 6).

Таблица 6

Оценка качества первичной доврачебной и врачебной медицинской помощи по типу населённых пунктов, %

Table 6

Assessment of the quality of primary pre-medical and medical care by type of locality, %

Респонденты, получавшие за последние 12 месяцев первичную медицинскую помощь в медицинских организациях, в т.ч. отметили, что график работы врачей и служб:	Все респонденты	В городских населённых пунктах	из них с численностью населения 1 млн человек и более	В сельских населённых пунктах
– удобен в полной мере	72,9	73,0	76,1	72,3
– удобен, но не в полной мере	23,8	23,9	22,0	23,5
– совершенно не удобен	3,3	3,1	1,9	4,2
Респонденты, указавшие, что в этой медицинской организации отсутствуют специалисты нужного профиля	25,9	23,1	12,1	36,2

Источник: Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU-2023/index.html (дата обращения: 25.03.2025).

Таблица 7

Удовлетворённость населения работой поликлиники, к которой прикреплены (2023 г.)

Table 7

Satisfaction of population with the work of the polyclinic to which they are attached

Федеральный округ	1	2	3	4
РФ в целом	33,7	48,2	8,5	9,7
ЦФО	37,1	41,6	9,0	12,2
СЗФО	37,3	45,7	7,0	10,0
ЮФО	27,6	56,9	9,7	5,8
СКФО	38,0	46,7	6,0	9,2
ПФО	33,6	52,2	7,7	6,5
УФО	34,7	46,7	6,3	12,3
СФО	28,2	51,7	10,3	9,9
ДФО	28,9	48,6	11,1	11,3

Примечание: 1 — удовлетворены в полной мере, 2 — удовлетворены не в полной мере, 3 — не удовлетворены, 4 — не посещают поликлинику.

Источник: Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU-2023/index.html (дата обращения: 25.03.2025).

Уровень здоровья, как важного объективного показателя, и удовлетворённость работой медицинских организаций, как субъективного мнения населения относительно возможности (доступности) лечения и диагностики заболеваний, в первую очередь, связана с функционированием первичного звена системы здравоохранения — поликлиники (табл. 7). Отметим, что от 6 до 12% россиян в разных округах РФ (более 12% — в УФО и ЦФО, 5,8% — в ЮФО) не посещают «свою» поликлинику, что может объясняться низким (по разным параметрам) качеством обслуживания с точки зрения пациентов.

Состояние здоровья, возможность ведения здоровьесберегающих практик (занятия спортом на улице, прогулки с детьми) всё чаще связывается людьми субъективно [20] с качеством компонентов окружающей природной среды — состоянием атмосферного воздуха, качеством питьевой воды, загрязнением почв, т.е. тех компонентов, которые оказывают влияние на самочувствие непосредственно (как воздух), или ежедневное обязательное потребление (вода) или через продукты питания. Эксперты отмечают специфику воздействия экологических показателей на ощущаемое социальное благополучие, включая здоровый

образ жизни: «Экологические показатели территории выступают одними из определяющих факторов, оказывающих влияние на самочувствие, здоровый образ и продолжительность жизни людей, а также уровень социальной активности и гражданской ответственности при решении возникающих проблем» [18, с. 58]. Как очевидно, имеет место пересечение различных компонент основных пространственных «слоёв».

Совмещение рангов по показателям удовлетворённости, как значимых составляющих социального благополучия россиян, представлено в табл. 8. Лидером социально-экономического благополучия выступает ЦФО, анти-лидером — УФО. В представлении социо-экологического формата благополучия авторы опирались на получившую научное признание оценку экологических условий проживания населения в разрезе субъектов федерации. Методика построения оценки экологических условий проживания населения, основана на расчёте индекса экологических условий проживания населения по статистическим данным 2021 г. [17]. Данные, индексы представлены по ФО (табл. 9).

Диапазон значений индекса по ФО подтверждает неоднородность экологических

Таблица 8

**Матрица рангов удовлетворённости социальной инфраструктурой
(отдельные показатели детской, спортивной, здравоохранения)
по макрорегионам (федеральным округам) РФ**

Table 8

Matrix of the ranks of satisfaction with social infrastructure (separate indicators of that for children, sports, healthcare) by macro-regions (federal districts) of the Russian Federation

Федеральный округ	А	Б	В	Сумма рангов
ЦФО	1	1	3	5
СЗФО	2	4	2	8
ЮФО	3	3	8	14
СКФО	7	8	1	16
ПФО	5	6	5	16
УФО	8	7	4	19
СФО	4	2	7	13
ДФО	6	5	6	17

Примечание: А — детские площадки в хорошем состоянии; Б — спортивные площадки, сооружения для занятий спортом детей и взрослых в хорошем состоянии; В — работа поликлиники, к которой есть прикрепление: удовлетворены в полной мере.

Источник: составлено авторами.

Таблица 9

Характеристики социо-экологического благополучия в федеральных округах

Table 9

Characteristics of socio-ecological well-being in federal districts

Федеральный округ	Диапазон значений индекса экологических условий проживания, 2021 год	Объём выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных и передвижных источников в 2023 г., тыс. т	Количество городов, городских округов* с наибольшими значениями показателя «выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников» / суммарные объёмы их выбросов, тыс. т, 2023 год	Загрязнение подземных вод**, 2023 год	Заболеваемость на 1000 человек, 2022 год
РФ	0,32–0,99	16952,2+5023,6		2799	889,1
ЦФО	0,32–0,95	1683,7+1128,8	5 / 462,9	825	795,4
СЗФО	0,52–0,94	1624,1+423,4	4 / 540,4	53	1115,6
ЮФО	0,58–0,98	841,9+386,7	4 / 233,7	158	759,7
СКФО	0,49–0,98	147,8+445,4	-	175	704,8
ПФО	0,72–0,98	2336,6+1001,6	7 / 429,9	595	962,9
УФО	0,60–0,94	34796,2+445,1	6 / 756,1	313	1003,9
СФО	0,62–0,99	5511,8+859,6	21 / 3453,4	514	936,1
ДФО	0,37–0,99	1327,1+333,0	3 / 130,8	166	904,3

Примечания: *Территориальная локализация выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников — города и городские округа; **Количество участков и водозаборов питьевого и хозяйственно-бытового назначения, на которых выявлено загрязнение.

Источник: составлено авторами по данным Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году» и [17].

условий как для страны в целом, так и внутри каждого макрорегиона, при этом данное явление носит долгосрочный характер. Во всех макрорегионах, кроме СКФО, основ-

ными загрязнителями атмосферного воздуха являются стационарные источники. Их влияние на состояние окружающей среды, в т.ч. здоровье населения, традиционно связыва-

ют с объёмами выбросов [15]. Загрязнение атмосферного воздуха от стационарных источников имеет тенденцию к незначительному сокращению на 1–1,3%. Также эксперты отмечают нисходящий тренд для показателя выбросов от передвижных источников в период 2019–2023 годов. Наибольший показатель «выбросы от стационарных источников» достигнут в СФО — он в 37 раз больше по сравнению с СКФО, где показатель объёма выбросов имеет наименьшее значение в РФ. Стационарные источники выбросов — старозападные промышленные предприятия локализованы в городах и городских округах. Различия по показателям объёмов выбросов передвижных источников находятся в диапазоне от 333,0 тыс. т (ДФО) до 1128,8 тыс. т (ЦФО), различия составили 3,4 раза. Наибольшим перечнем городов и городских округов в рейтинге 50-ти крупнейших по объёмам выбросов городских пространственных образований характеризуется СФО.

Большая часть (более 60%) участков загрязнения подземных вод на территории РФ, по данным ФГБУ «Гидроспецгеология», связаны с водозаборами питьевого и хозяйственно-бытового назначения. Загрязнение более половины участков (58%) также связано с деятельностью промышленных предприятий. Основными загрязняющими веществами, негативно влияющими на здоровье людей (в том числе провоцирующие онкологические заболевания), выступают соединения азота, нефтепродукты, сульфаты и хлориды, тяжёлые металлы, фенолы. Особенно интенсивное загрязнение подземных вод отмечается вблизи приёмников отходов — промышленных, коммунальных и сельскохозяйственных. В районах промышленных и городских агломераций загрязнение отмечается повсеместно. Экологическую обстановку характеризуют как напряжённую в случаях загрязнения подземных вод веществами 1-го класса опасности (мышьяк, бериллий, бензол, стирол). Такие участки выявлены (2023 г.) в ЮФО (Республика Адыгея), СКФО (Республика Дагестан), ПФО (Нижегородская область, Республика Башкортостан, Пермский край), УФО (Тюменская область), СФО (Красноярский край,

Кемеровская, Новосибирская, Иркутская, Омская области, Республика Хакасия), ДФО (Хабаровский край, Республика Бурятия).

По сумме мест (табл. 10) лидером социально-экологического благополучия является СКФО (максимальная сумма рангов), анти-лидерами (минимальная сумма рангов) — УФО и СФО.

Выводы

Благополучие населения представляет собой многоаспектный пространственно-временной феномен. На основе контент-анализа исследований предложена авторская система социальных факторов и показателей благополучия населения. Исследование взаимосвязей и взаимозависимостей современных процессов, протекающих в различных пространственных слоях и территориальных форматах, которые формируют социальное благополучие россиян, основано на применении методологии пространственного анализа. Социально-экономическую составляющую благополучия связывают с показателями наличия и удовлетворённости состоянием социальной инфраструктуры, обеспечивающей освоённость территории и удовлетворение потребностей населения. С использованием методологии пространственного анализа на основе данных Росстата проведена комплексная оценка удовлетворённости населения социальной инфраструктурой, представлена матрица рангов удовлетворённости социальной инфраструктурой (детской, спортивной, здравоохранения) по макрорегионам (федеральным округам) РФ. Лидером по удовлетворённости объектами детской, спортивной и здравоохранительной инфраструктуры выступает ЦФО.

Дана количественная интерпретация экологических условий проживания населения в разрезе федеральных округов с точки зрения обеспечения социально-экологического благополучия территорий; составлена матрица ранжирования макрорегионов РФ по показателям социально-экологического благополучия. Дифференциация показателей социально-экологического благополу-

Таблица 10

Матрица ранжирования макрорегионов РФ по отдельным показателям социо-экологического благополучия

Table 10

Ranking matrix of the Russian Federation's macro-regions by separate indicators of socio-ecological well-being

Федеральный округ	А	Б	В	Г	Д	Сумма рангов
ЦФО	4	4	1	6	5	20
СЗФО	5	3	8	1	4	21
ЮФО	7	6	7	7	7	34
СКФО	8	8	5	8	6	35
ПФО	3	5	2	3	8	21
УФО	2	2	4	2	2	12
СФО	1	1	3	4	3	12
ДФО	6	7	6	5	1	25

Примечание: А — Ранг по объёму выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных и передвижных источников в 2023 г., тыс. т; Б — Ранг по сумме выбросов городов/городских округов, входящих в «топ 50» по значениям показателя выбросов в 2023 г. в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников; В — Ранг по загрязнению подземных вод (количество участков и водозаборов питьевого и хозяйственно-бытового назначения, на которых выявлено загрязнение, 2023 г.; Г — Заболеваемость на 1000 человек населения, 2022 г.; Д — Ранжированное значение индекса экологических условий проживания за 2021 год.

Источник: составлено авторами.

чия по группе статистических и экспертно-рассчитанных показателей выявила в качестве лидера данного формата социального благополучия — СКФО. Для сохранения санитарно-эпидемиологического благополучия регионов России в контексте принятия общественно-значимых решений обеспечения экологической безопасности в связи

с изменением климатических параметров становится значимым учёт общественного мнения о состоянии среды обитания. В этой связи значимой компонентой обеспечения социального благополучия авторы рассматривают региональные программы адаптации к изменениям климата.

Литература и Интернет-источники

1. **Епхиев, О. М.** Идеи социального благополучия в социально-философских учениях / О. М. Епхиев, А. В. Моисеев // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 12. — С. 93–98. EDN: UQFASD
2. **Каприлова, Е. А.** Трансформация феномена социального благополучия в концепции социального государства / Е. А. Каприлова // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. — 2022. — № 2. — С. 48–52. EDN: AIWETW
3. **Медведева, Е. И.** Счастье и благополучие: основные детерминанты в современном мире / Е. И. Медведева, А. В. Ярашева, С. В. Макар // Дискуссия. — 2023. — № 2(117). — С. 14–26. DOI: 10.46320 / 2077-7639-2023-2-117-14-26; EDN: VESMLV
4. **Макар, С. В.** Методологические аспекты современных исследований пространственного распределения благосостояния в России / С. В. Макар, А. В. Ярашева // Дискуссия. — 2024. — № 4(125). — С. 12–20. DOI: 10.46320 / 2077-7639-2024-4-125-12-20; EDN: QSFJSV
5. **Садовникова, Г. Д.** Конституционализация социально-экономической сферы и социальное благополучие человека / Г. Д. Садовникова // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 7. — С. 30–33. DOI: 10.18572 / 1812-3767-2022-7-30-33; EDN: ODNDFR

6. **Раздъяконова, Е. В.** Социальное благополучие как ценностный ориентир государственной социальной политики / Е. В. Раздъяконова // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 21. — Москва : Юрист, 2021. — С. 79–84. EDN: MHSATE
7. **Добровольская, Т. Ю.** Социальная активность как фактор долголетия и социального благополучия пожилых / Т. Ю. Добровольская, П. И. Ананченкова // Альманах устойчивого развития: методология, теория, практика. — 2023. — № 47(52). — С. 4–10. — EDN : IDPETL
8. **Сушко, П. Е.** Социальное благополучие и социальная успешность российской молодежи / П. Е. Сушко // Наука. Культура. Общество. — 2023. — Т. 29. — № 3. — С. 136–149. DOI: 10.19181 / nko.2023.29.3.8; EDN: ZNOMBC
9. **Белехова, Г. В.** Проблемы обеспечения благополучия старшего поколения в контексте региональной социальной политики / Г. В. Белехова, Ю. Е. Шматова, Л. Н. Нацун, Т. С. Соловьева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 180–192. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-180-192; EDN: CLVVPV
10. **Нацун, Л. Н.** Социальное благополучие инвалидов: оценка на примере Вологодской области / Л. Н. Нацун. — Вологда : Вологодский НЦ РАН, 2023. — 239 с. EDN: JZUEEH
11. **Середа, О. В.** Развитая социальная инфраструктура как основа социального благополучия и духовного развития современной молодежи / О. В. Середа // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. — 2022. — № 47(47). — Порядковый номер 11. EDN: UICFLB
12. **Макар, С. В.** Акценты развития макрорегионального пространства России: социальная инфраструктура / С. В. Макар, П. В. Строев, Д. Е. Морковкин // Экономика промышленности. — 2019. — Т. 12. — № 3. — С. 367–376. DOI: 10.17073 / 2072-1633-2019-3-367-376; EDN: WWQPTG
13. **Ярашева, А. В.** Современные здоровьесберегающие практики россиян / А. В. Ярашева, С. В. Макар, Н. В. Аликперова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 127–138. DOI: 10.19181 / population.2023.26.2.11; EDN: XOZVXW
14. **Leininger L. J., Tomaino M., Meara E.** Health-related quality of life in high-cost, high-need populations // The American Journal of Managed Care. — 2023. — Vol. 29. — Iss. 7. — P. 362–368. DOI: 10.37765 / ajmc.2023.89396; EDN: BJMHLU
15. **Курочицкая, М. Г.** Качество атмосферного воздуха как показатель экологических особенностей региона / М. Г. Курочицкая, Н. Э. Черников, С. В. Козлов // Естественные и гуманитарные науки в современном мире: материалы VII Международной научно-практической конференции (Орёл, 16–18 мая 2024 г.). — Орёл : Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2024. — С. 278–282. EDN: FVPIKI
16. **Пузанов, А. В.** Современные водохозяйственные и экологические проблемы бассейна Оби и прогноз состояния до 2030 года / А. В. Пузанов, Д. М. Безматерных, Н. И. Ермолаева [и др.] // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. — 2022. — № 6. — С. 45–58. — DOI : 10.35567 / 19994508_2022_6_3. EDN: WSTZRW
17. **Рюмина, Е. В.** Влияние экологических условий проживания на человеческий потенциал / Е. В. Рюмина // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2023. — № 9(155). — С. 96–103. DOI: 10.26726 / 1812-7096-2023-9-96-103; EDN: JRPQME
18. **Лебедева-Несевря, Н. А.** Методические подходы к оценке удовлетворенности населения качеством окружающей среды / Н. А. Лебедева-Несевря, А. О. Барг // Экология и общество: баланс интересов. — Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2024. — С. 144–149. EDN: BPNRBE
19. **Макар, С. В.** Применение методологии пространственного анализа к исследованию лесного потенциала России / С. В. Макар; Центр по исследованию проблем федерализма и местного самоуправления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. — Москва : Экономика, 2012. EDN: QVEFZD
20. **Сушко, В. А.** Экология как фактор формирования качества жизни: методология социологического анализа / В. А. Сушко, И. Н. Бухтиярова, О. Г. Зубова // Экология и промышленность России. — 2018. — Т. 22. — № 2. — С. 58–63. DOI: 10.18412 / 1816-0395-2018-2-58-63; EDN: YOSSBB

Сведения об авторах:

Мakar Светлана Владимировна, д.э.н., главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; РИНЦ SPIN-код: 4310-0893.

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktiriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ SPIN-код: 4700-6733.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-150-162

SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION: TERRITORIAL DIFFERENCES

Svetlana V. Makar^{1*}, Aziza V. Yarasheva²

¹*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)*

²*ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

**E-mail: svetwn@mail.ru*

For citation:

Makar S. V., Yarasheva A. V. Social well-being of the population: territorial differences. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 150-162. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-150-162 (in Russ.)

Abstract. *Achieving the social well-being of the population is one of the key national development goals of the Russian Federation until 2036. It is considered the basis for a long-term effective spatial development of the country. The article presents the authors' vision of the category «social well-being of the population», the specifics of its analysis and interpretation, factors, as well as objective and subjective indicators characterizing its essence. In view of the wide, and often controversial, range of aspects studied by scientists in the framework of the analysis of «social well-being», the authors focused their attention on individual components associated with the population's satisfaction with separate social benefits. The article shows the dynamics of the «National Anxiety Index» (2021–2024) with ranking of regions (top 7) by three groups (anxious, balanced and unperturbed), considered as one of the indicators of social well-being of Russian residents. A comparison of assessments (degree of satisfaction) by Russian households of the condition of the territories adjacent to the house was carried out — the equipment of apartment buildings with playgrounds, as well as sports grounds (for children and adults) based on measurements in 2018, 2020 and 2022. The assessment of the Russian population of healthcare services — the quality of primary pre-medical and medical care (by type of settlements) is demonstrated. The degree of satisfaction of residents of federal districts (macro-regions) with social infrastructure (work of polyclinics to which they are attached) was revealed. The characteristics of socio-ecological well-being in federal districts of Russia were analyzed. The author's matrix of rating federal districts according to the considered individual indicators of social well-being («infrastructure» and «socio-ecological well-being») was developed. The degree of satisfaction of residents of federal districts (macro-regions) with the work of polyclinics to which they are attached has been revealed. The characteristics of socio-ecological well-being in the federal districts of Russia are analyzed. The author's rating matrix of federal districts has been developed according to separate*

considered indicators of social well-being («infrastructural» and «socio-ecological well-being»).

Keywords: social well-being of population, macro-regions of Russia, spatial components, ranking of territories, spatial analysis methodology.

References and Internet sources

1. Epkhiev O. M., Moiseev A. V. Idei sotsial'nogo blagopoluchiya v sotsial'no-filosofskikh ucheniyakh [Ideas of social well-being in sociophilosophical teachings]. Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. 2023. No. 12. P. 93–98. (in Russ.)
2. Kapralova E. A. Transformatsiya fenomena sotsial'nogo blagopoluchiya v kontseptsii sotsial'nogo gosudarstva [Transformation of the phenomenon of social well-being in the concept of a welfare state] Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnyye issledovaniya [Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research]. 2022. No. 2. P. 48–52. (in Russ.)
3. Medvedeva E. I., Yarasheva A. V., Makar S. V. Schast'ye i blagopoluchiye: osnovnyye determinanty v sovremennom mire [Happiness and well-being: the main determinants in the modern world]. Diskussiya [Discussion]. 2023. No. 2(117). P. 14–26. DOI: 10.46320/2077-7639-2023-2-117-14-26 (in Russ.)
4. Makar S. V., Yarasheva A. V. Metodologicheskiye aspekty sovremennykh issledovaniy prostranstvennogo raspredeleniya blagosostoyaniya v Rossii [Methodological aspects of modern research on the spatial distribution of wealth in Russia]. Diskussiya [Discussion]. 2024. No. 4 (125). P. 12–20. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-4-125-12-20 (in Russ.)
5. Sadovnikova G. D. Konstitutsionalizatsiya sotsial'no-ekonomicheskoy sfery i sotsial'noye blagopoluchiye cheloveka [Constitutionalization of the socio-economic area and social welfare of a person]. Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo [Constitutional and Municipal Law]. 2022. No. 7. P. 30–33. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-7-30-33 (in Russ.)
6. Razdyakonova E. V. Sotsial'noye blagopoluchiye kak tsennostnyy oriyentir gosudarstvennoy sotsial'noy politiki [Social well-being as a value guideline for state social policy]. Nauchnyye trudy. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk [Scientific Works. Russian Academy of Law Sciences]. Vypusk 21 [Vol. 21]. Moscow. Yurist [Lawyer]. 2021. P. 79–84. (in Russ.)
7. Dobrovolskaya T. Yu., Ananchenkova P. I. Sotsial'naya aktivnost' kak faktor dolgoletiya i sotsial'nogo blagopoluchiya pozhilykh [Social activity as a factor in longevity and social well-being of the elderly]. Al'manakh ustoychivogo razvitiya: metodologiya, teoriya, praktika [Almanac of Sustainable Development: Methodology, Theory, Practice]. 2023. No. 47 (52). P. 4–10. (in Russ.)
8. Sushko P. E. Sotsial'noye blagopoluchiye i sotsial'naya uspechnost' rossiyskoy molodezhi [Social well-being and social success of Russian youth]. Nauka. Kul'tura. Obshchestvo [Science. Culture. Society]. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 136–149. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.8 (in Russ.)
9. Belekova G. V., Shmatova Yu. E., Natsun L. N., Solovyeva T. S. Problemy obespecheniya blagopoluchiya starshego pokoleniya v kontekste regional'noy sotsial'noy politiki [Well-being of the older generation in the context of regional social policy]. Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 180–192. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-180-192 (in Russ.)
10. Natsun L. N. Sotsial'noye blagopoluchiye invalidov: otsenka na primere Vologodskoy oblasti [Social Well-Being of Disabled People: Assessment Using the Example of Vologda Oblast]. Vologda. Vologodskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk [Vologda Research Center RAS]. 2023. 239 p. (in Russ.)
11. Sereda O. V. Razvitiya sotsial'naya infrastruktura kak osnova sotsial'nogo blagopoluchiya i dukhovnogo razvitiya sovremennoy molodezhi [Developed social infrastructure as the basis of social well-being and spiritual development of modern youth]. Vestnik Vostochno-Sibirskoy Otkrytoy Akademii [Bulletin of the East Siberian Open Academy]. 2022. No. 47. Serial number 11. (in Russ.)
12. Makar S. V., Stroeve P. V., Morkovkin D. E. Aktsenty razvitiya makroregional'nogo prostranstva Rossii: sotsial'naya infrastruktura [Accents of the development of the macro-regional space of Russia: social infrastructure]. Ekonomika promyshlennosti [Russian Journal of Industrial Economics]. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 367–376. DOI: 10.17073/2072-1633-2019-3-367-376 (in Russ.)

13. Yarasheva A. V., Makar S. V., Alikperova N. V. Sovremennyye zdorov'yesberegayushchiye praktiki rossiyan [Modern health-saving practices of Russians]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 127–138. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.11 (in Russ.)
14. Leininger L. J., Tomaino M., Meara E. Health-related quality of life in high-cost, high-need populations. *The American Journal of Managed Care*. 2023. July. Vol. 29. Iss. 7. P. 362–368. DOI: 10.37765/ajmc.2023.89396
15. Kurochitskaya M. G., Chernikov N. E., Kozlov S. V. Kachestvo atmosfornogo vozdukha kak pokazatel' ekologicheskikh osobennostey regiona [Atmospheric air quality as an indicator of the ecological features of the region]. *Yestestvennyye i gumanitarnyye nauki v sovremennom mire. Materialy 7 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. [Natural Sciences and Humanities in the Modern World. Proceedings of VII International scientific and practical conference]* (Oryol, 16–18 May 2024). Oryol. Orlovskiy gosudarstvennyy universitet [Orel State University]. 2024. P. 278–282. (in Russ.)
16. Puzanov A. V., Bezmaternykh D. M., Yermolaeva N. I., et al. Sovremennyye vodokhozyaystvennyye i ekologicheskiye problemy basseyna Obi i prognoz sostoyaniya do 2030 goda [Water management and environmental problems of the Ob basin: current state and forecast until 2030]. *Vodnoye khozyaystvo Rossii: problemy, tekhnologii, upravleniye [Water Sector of Russia: Problems, Technologies, Management]*. 2022. No. 6. P. 45–58. DOI: 10.35567/19994508_2022_6_3 (in Russ.)
17. Ryumina E. V. Vliyaniye ekologicheskikh usloviy prozhivaniya na chelovecheskiy potentsial [The impact of environmental living conditions on human potential]. *Regional'nyye faktory preobrazovaniya ekonomiki [Regional Issues of Economic Transformation]*. 2023. No. 9(155). P. 96–103. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-9-96-103 (in Russ.)
18. Lebedeva-Nesevria N. A., Barg A. O. Metodicheskiye podkhody k otsenke udovletvorennosti naseleniya kachestvom okruzhayushchey sredy [Methodical approaches to the public environmental satisfaction estimation]. *Ekologiya i obshchestvo: balans interesov. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Ecology and Society: Balance of Interests. Proceedings of the international scientific and practical conference]*. Vologodskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk. Vologda. [Vologda Research Center RAS]. 2024. P. 144–149. (in Russ.)
19. Makar S. V. Primeneniye metodologii prostranstvennogo analiza k issledovaniyu lesnogo potentsiala Rossii [Application of the Methodology of Spatial Analysis to Study of the Forest Potential of Russia]. *Moscow. Ekonomika [Economics]*. 2012. (in Russ.)
20. Sushko V. A., Bukhtiyarova I. N., Zubova O. G. Ekologiya kak faktor formirovaniya kachestva zhizni: metodologiya sotsiologicheskogo analiza [Ecology as a factor in the formation of the quality of life: the methodology of sociological analysis]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii. [Ecology and Industry of Russia]*. 2018. Vol. 22. No. 2. P. 58–63. DOI: 10.18412/1816-0395-2018-2-58-63 (in Russ.)

Information about the authors:

Makar Svetlana Vladimirovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation;

Contact Information: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; Elibrary SPIN-code: 4310–0893.

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Full Professor, Head of laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary SPIN-code: 4700–6733.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-163-174
EDN: SJBDU

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ К ИЗМЕНЕНИЮ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ

Камнева Е. В.*, Полевая М. В., Шуракова Н. Н.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

*E-mail: ekamneva@fa.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24–28–00414. – URL : <https://rscf.ru/project/24-28-00414/>.

Для цитирования:

Камнева Е. В., Полевая М. В., Шуракова Н. Н. Отношение молодёжи к изменению пенсионного возраста в России // Народонаселение. – 2025. – Т. – № 3. – С. 163-174. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-163-174; EDN: SJBDU

Аннотация. Изменение пенсионного законодательства, увеличение пенсионного возраста – мировой тренд современного общества. Он обусловлен неуклонным повышением доли пожилых людей. Данная тенденция приводит к уменьшению количества рабочей силы и, соответственно, к проблемам на рынке труда. Многие западные страны уже провели пенсионные реформы, направленные на увеличение пенсионного возраста, уменьшение размера пенсионных отчислений или изменение структуры пенсионных накоплений. Не все они были приняты благосклонно. Протесты, сопротивление сопровождают данный процесс и поныне. Пенсионная реформа в РФ связана не только со сложившейся в стране демографической ситуацией, но и с проблемой обеспечить независимость бюджета Пенсионного фонда РФ от трансфертов из федерального бюджета. Однако исследования показывают, что значительное количество опрошенного российского населения не позитивно относится к повышению минимального возраста выхода на пенсию. Основными причинами при этом отмечаются низкая продолжительность и качество жизни, недостаточность рабочих мест, ухудшение здоровья, сложность трудоустроиться на работу молодым людям, только что выходящим на рынок труда. Учитывая значимость молодёжи для рынка труда, необходимо исследовать факторы отношения молодёжи к пенсионной реформе. В ходе исследования изучены вопросы, касающиеся демографической информации, экономических факторов, и определяющие восприятие респондентами пенсионной реформы. Выявлено в целом не совсем позитивное отношение молодёжи к повышению пенсионного возраста. Определены факторы, не влияющие на данное отношение, а также значимый фактор, которым является материальное положение и уровень дохода опрошенных.

Ключевые слова: пенсионная реформа, пенсионный возраст, молодёжь, пенсионеры, рынок труда.

В связи с демографическими изменениями и стоящими перед страной экономическими проблемами в 2019–2024 гг. была проведена пенсионная реформа. Её целью стало обеспечение дополнительного прироста рабочей силы на рынке труда посредством повышения пенсионного возраста мужчин и женщин. В то же время увеличились риски роста безработицы граждан предпенсионного возраста, а также обострились социально-экономические и социально-психологические проблемы. Для минимизации неблагоприятных последствий этой реформы был принят комплекс мер по поддержке граждан предпенсионного возраста. Несмотря на неоспоримость их благоприятного воздействия, эффективность и справедливость пенсионной реформы до настоящего времени остаются предметом споров ввиду отсутствия необходимых аналитических средств оценки отношения граждан к последствиям реформы. На основании данных противоречий проблема исследования состоит в отсутствии представления о факторах отношения населения к пенсионной реформе (с учётом ошибок прежних реформ) и осторожного отношения населения к новым идеям по реформированию пенсионной системы.

Международный опыт проведения пенсионных реформ, направленных на увеличение пенсионного возраста

Старение населения и связанный с этим рост доли пожилых людей стали одним из наиболее широко обсуждаемых вопросов в Европе как среди учёных, так и среди широкой общественности. Во всём мире пенсионные системы и их реформы находятся в постоянном состоянии оптимизации, вызванной корректировкой целей, трансформацией потребностей в реформах и изменением благоприятной среды [1].

Во многих странах существует необходимость в долгосрочной реформе в связи с сокращением населения, низкой рождаемостью, меняющимися экономическими условиями и особенно с учётом постоян-

ного повышения долголетия¹. За последнее двадцатилетие нетрудоспособных европейцев в пожилом возрасте стало значительно больше, что делает пенсионные системы неустойчивыми. Если в 2000 г. доля иждивенцев по старости составляла 21,8%, то к 1 января 2050 г. прогнозируется 56,7%. На одного пожилого европейца (65+ лет) будет приходиться менее двух трудоспособных людей² (в 2000 г. приходилось около пяти трудоспособных (15–64 года)³. По прогнозам в подавляющем большинстве регионов Евросоюза доля пожилых иждивенцев возрастёт по меньшей мере до 50% к 2050 году⁴. Многие страны уже провели пенсионные реформы, направленные на увеличение пенсионного возраста, уменьшение размера пенсионных отчислений или изменение структуры пенсионных накоплений. В европейских странах очевидна общая тенденция на повышение пенсионного возраста до 65–67 лет и обеспечение гендерного равенства. Подобные реформы часто вызывают дисбаланс интересов различных групп населения, выражаемый через протесты со стороны граждан. Рассмотрим примеры некоторых стран, инициировавших изменения в социальной политике.

В Швеции введена система NDC — условно-накопительная пенсионная система, согласно которой трудоспособное население оплачивает пособия для нынешних пенсионеров. В 2022 г. для этой системы был повышен пенсионный возраст с 62 до 63 лет. При этом возраст для гарантированной пенсии и пособий, среди которых жилищное пособие, поддержка по старости, надбавка к пенсии, изменился с 65 до 66 лет. Изменился и возраст, с достижением кото-

¹ OECD, Education at a Glance 2017: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris. — URL : <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2017-en>. (дата обращения: 10.10.2024).

² Old-age dependency ratio increases across EU regions. — URL : <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/edn-20210930-1> (дата обращения: 11.10.2024).

³ World Population Prospects 2022. — URL : <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 11.10.2024).

⁴ Old-age dependency ratio increases across EU regions. — URL : <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/edn-20210930-1> (дата обращения: 11.10.2024).

рого работник не может оставаться на работе с 68 до 69 лет. Максимальный возраст выхода на пенсию не установлен⁵. В 2022 г. в Швейцарии было принято решение постепенно повысить и уравнивать пенсионный возраст женщин до мужского — с 64 до 65 лет. Повышение будет происходить с 2025 по 2028 г., на три месяца ежегодно. Также для рождённых в период с 1961 по 1969 гг. женщин были введены специальные правила досрочного выхода на пенсию: они смогут претендовать на досрочную пенсию с 62 лет, штрафы за досрочный выход на пенсию будут меньше⁶.

Хорватия и Ирландия разработали положения, стимулирующие отложенный выход на пенсию. Размер пенсии в Хорватии будет корректироваться на 0,45% за каждый месяц отсрочки по сравнению с предыдущими 0,34% и будет максимально увеличен на 27%⁷. Страна также предложила финансовый стимул по отложенному выходу на пенсию для лиц, имеющих право на досрочную пенсию за выслугу лет: надбавка в 0,15% за каждый месяц отсрочки, но не более чем на 9%. В Ирландии, где стандартный возраст выхода на пенсию 66 лет, для той же категории граждан был предложен следующий финансовый стимул: за каждый год отсрочки с 66 лет до достижения 70-летнего возраста размер пенсии увеличивается до максимальной суммы. В 2021 г. была внедрена инициатива по пособию для вышедших на пенсию в 65 лет, отвечающих определённым требованиям по взносам, которое похоже на пособие по безработице (пособие по поиску работы), однако требует прекращения трудовой деятельности или самозанятости⁸.

Политические системы Австрии и Бельгии препятствовали раннему выходу на пенсию. В 2022 г. Австрия ввела штраф за досрочное получение пенсии по социальному страхованию, при этом размер пенсии сократился на 4,2% за каждый год до достижения 65 лет — стандартного возраста выхода на пенсию⁹. Также ввели бонус для пенсионеров, которые начали осуществлять взносы в раннем возрасте (Frühstarterbonus). Бельгия планирует восстановить пенсионную надбавку-вознаграждение за работу после достижения раннего пенсионного возраста согласно соглашению о пенсионной реформе 2023 года.

Стандартный возраст выхода на пенсию в Дании 67 лет. С января 2024 г. при расчёте государственной пенсии Дания не учитывает доход пенсионеров, их супругов и сожителей, а также снимает ограничение на размер заработка этих пенсионеров при получении пенсионных пособий в целях стимулирования занятости. Досрочные пенсии предусмотрены для работников низкоквалифицированных и тяжёлых физических работ с длительным трудовым стажем, исходя из трудового стажа работника в возрасте 16–61 год. С 2022 г. работники с трудовым стажем 42–44 года могут претендовать на пенсионные выплаты за два, три или четыре года, соответственно, до достижения пенсионного возраста¹⁰.

Пенсионная реформа в Словакии, начатая в 2023 г., предполагает право на досрочную пенсию по социальному страхованию независимо от возраста, если страховой стаж более или равен 40 годам и ежемесячное пособие как минимум в 1,6 раз выше месячного прожиточного минимума¹¹.

⁵ Pensions at a glance 2023: country profiles – Sweden. / OECD. – URL : https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/10/pensions-at-a-glance-2023-country-notes_2e11a061/sweden_6b95f735/fde8cb58-en.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

⁶ Без повышения возраста, но с 13-й пенсией: что показал референдум в Швейцарии / ТАСС. – URL : <https://tass.ru/opinions/20182599> (дата обращения: 11.10.2024).

⁷ Pension insurance system. – URL : <https://gov.hr/en/pension-insurance-system/846#:~:text=The%20pension%20insurance%20system%20in,the%20third%20one%20is%20voluntary> (дата обращения: 12.10.2024).

⁸ Pensions at a glance 2023: country profiles – Ireland. / OECD. – URL : <https://www.oecd.org/content/dam/>

https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/10/pensions-at-a-glance-2023-country-notes_2e11a061/ireland_18657101/6b69b4c3-en.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

⁹ Pensions at a glance 2023: country profiles – Austria. / OECD. – URL : https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/10/pensions-at-a-glance-2023-country-notes_2e11a061/austria_1ef2ecce/abe61e55-en.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁰ Pensions at a glance 2023: country profiles – Denmark. / OECD. – URL : https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/10/pensions-at-a-glance-2023-country-notes_2e11a061/denmark_3a2242da/c6cac6ed-en.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

¹¹ National Reform Programme of the Slovak Republic 2023.

В 2021 г. Испания при реализации национального Плана восстановления, трансформации и устойчивости испанской экономики (Plan de Recuperación, Transformación y Resiliencia) начала проведение пенсионной реформы. В 2022 г. государственные расходы по выплате пенсий для 9 млн человек приблизились к 11 млрд евро, что на 4,8% превысило аналогичные затраты 2021 года. Число активно трудящегося населения — 20,2 млн человек; при этом только 7,6% трудящихся пенсионного возраста в возрасте 65–69 лет¹². Давно отмечается катастрофический дефицит средств, необходимых для будущего пенсионного обеспечения, что говорит о несостоятельности национальной системы [2]. С 2022 г. в Испании вступил в силу первый этап пенсионной реформы, который предполагает повышение пенсионного возраста с 65 до 67 лет к 2027 г. и страхового стажа для получения полного пенсионного пособия, а также ограничения для преждевременного выхода на пенсию. Пенсии по старости индексируются в соответствии с изменениями индекса потребительских цен. Сегодня выйти на пенсию может любой испанец в возрасте 66 лет и двух месяцев, если он выплачивал страховой взнос не менее 37,5 лет. Ранний добровольный выход на пенсию (за 3 года до пенсионного возраста) уменьшает ежегодное пособие на 17%. «Штраф» за добровольный выход на пенсию (менее чем за год до пенсионного возраста) составляет 2,96%. Для стимулирования продолжительной трудовой активности за каждый дополнительный год работы после достижения официального пенсионного возраста предусмотрено ежегодное повышение пенсии не менее чем на 4%. Также внедряется механизм межпоколенческой справедливости (Intergenerational Equity Mechanism): за счёт повышения страховых взносов с заработной платы на 0,6% в течение 10 лет

до 2032 г. накапливается адекватный фонд для выплаты пенсий поколению людей, родившихся в период 1957–1977 гг. [3].

Действия властей сопровождаются социальной напряжённостью — в 2023 г. сенат Франции принял пенсионную реформу, против которой выступает 2/3 французского населения: акция протеста против пенсионной реформы, собралась на улицах до 3 млн человек. Президент страны объясняет реформу увеличившейся продолжительностью жизни, а также необходимостью сокращения выплат для финансирования других реформ: к 2030 г. ожидается увеличение численности пенсионеров с 17 до 20 млн человек при дефиците пенсионного бюджета в 20 млрд евро. В настоящее время на одного француза старше 65 лет приходится 2,6 человека в возрасте 20–64 лет, к 2030 г. ожидается 2,5 человека, а к 2040 г. — только 2 человека¹³. Это, в свою очередь, ставит под угрозу французскую пенсионную модель, при которой взносы работающих граждан покрывают пенсии. Во-первых, пенсионный возраст для мужчин и женщин изменён с 62 до 64 лет при актуальной средней продолжительности жизни граждан Франции 82,32 года¹⁴. Уровень занятости при таком повышении должен увеличиться к 2030 г. Увеличение пенсионного возраста предполагается на 1 год каждые три календарных года. Французы, родившиеся позднее сентября 1961 г., столкнутся с постепенным увеличением, а именно на три месяца ежегодно. Во-вторых, гарантированный минимальный пенсионный доход будет составлять не менее 85% минимальной зарплаты, в пересчёте около 1200 евро, что на 10% превышает аналогичный дореформенный показатель. При этом полная пенсия предусмотрена для лиц со стажем и отчислениями на социальное страхование в 43 года, а не в 42 года. В случае его отсутствия получение полной пенсии возможно

/ Ministry of Finance of the Slovak Republic. — URL : https://commission.europa.eu/document/download/756838b4-1707-4ff5-8532-f003f1cc25a2_en?filename=National%20Reform%20Programme%202023.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

¹² Las pensiones en España, en datos (2022) / Ministerio de inclusión, seguridad social y migraciones. 2022. — URL : <https://www.inclusion.gob.es/> (дата обращения: 12.10.2024).

¹³ La France annonce sa réforme des retraites, manifestations en vue. — URL : <https://www.ledevoir.com/monde/europe/777352/la-france-annonce-sa-reforme-des-retraites-prelude-a-d-intenses-manifestations?> (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁴ OECD Better Life Index. — URL : <https://www.oecdbetterlifeindex.org/countries/france/> (дата обращения: 13.10.2024).

лишь по достижении 67 лет. В-третьих, право на досрочный выход на пенсию в 52 года сохраняют служащие, выполняющие тяжёлую работу (полицейские, авиадиспетчеры и другие). В-четвертых, в зависимости от длительности стажа скорректирован ранний пенсионный возраст. Так, на ранние пенсионные выплаты смогут претендовать работники 58, 60, 62 или 63 лет. Ранние нормы пенсионного обеспечения касались 58-летних работников, которые приступили к труду до достижения 16-летнего возраста, или 60-летних до достижения 20-летнего возраста. Кроме того, предполагается сопутствующая отмена некоторых специальных пенсионных режимов для новых сотрудников в таких отраслях как железнодорожный транспорт, электроэнергетика, газовая промышленность, финансовый сектор, в частности, для сотрудников центрального банка. Профсоюзы считают пенсионную реформу несправедливой: согласно опросу, проведённому французским институтом общественного мнения, 68% граждан Франции высказались против реформы и за возвращение пенсионного возраста на уровень 62-х лет¹⁵. Таким образом, трансформирующиеся демографические и социально-экономические реалии требуют от стран Европы активной реформы системы социального обеспечения.

Проведённые эмпирические исследования показывают, что предпочтения в отношении пенсионной реформы сильно зависят как от индивидуальных переменных, так и от институциональных особенностей национальной пенсионной системы [4]. Исследования общественных предпочтений в отношении различных вариантов пенсионной реформы выявили различия в отношениях среди социальных групп. Чем моложе и образованнее человек, тем меньше вероятность, что он будет выступать против реформ пенсионной системы. Кроме того, более состоятельные люди с большей вероятностью согласятся на более низкие пенсии в обмен на более низкий пенсионный

возраст [5]. Легитимность пенсионной системы или программ социального обеспечения зависит от их надёжности и воспринимаемой справедливости [5]. Результаты исследований показывают, что предоставление полной информации о реформе оказывает значительное влияние на её субъективную оценку, повышает уровень принятия реформы.

Повышение пенсионного возраста в России

Повышение пенсионного возраста в России с 2019 г. объяснялось не только сложившейся в стране демографической ситуацией, но и целью совершенствования пенсионной системы, которое должно было обеспечить «независимость бюджета Пенсионного фонда РФ от трансфертов из федерального бюджета» [6]. Основные проблемы в пенсионной системе России, по мнению отдельных авторов, связаны не столько с демографической ситуацией, сколько «с возникновением дисбаланса бюджета Пенсионного фонда в результате бесконечных реформ тарифов отчислений на пенсионное страхование и реализации социальных программ повышения доходов пенсионеров советского периода» [7].

Среди последствий проведения пенсионной реформы в России Е.Б.Бедрина отмечает «усиление возрастной поляризации в сферах экономической деятельности» [8]. В исследовании автора отмечается «рост доли лиц старших возрастов в наименее престижных и низкооплачиваемых видах деятельности и сокращение в наиболее престижных и высокооплачиваемых», что свидетельствует о низкой конкурентоспособности на российском рынке труда работников старшего поколения и наличии дискриминационных практик по отношению к ним [8; 9]. По мнению А.В.Кашепова, «в результате проведения в РФ реформы пенсионного возраста возросла численность населения трудоспособного возраста, при этом численность трудовых ресурсов не увеличилась, а численность рабочей силы увеличилась в меньшей степени, чем население трудо-

¹⁵ IFOP. LE REGARD DES FRANÇAIS SUR LA RÉFORME DES RETRAITES. – URL : <https://www.ifop.com/publication/le-regard-des-francais-sur-la-reforme-des-retraites/> (дата обращения: 12.10.2024).

способного возраста» [10]; «размер пенсии в реальном исчислении после 2018 г. преодолел тенденцию сокращения, но по сравнению с прожиточным минимумом пенсионера и со средней заработной платой этот рост был незначительным» [10].

Результаты исследований А.Л.Сафонова и Ю.В.Долженковой показывают, что немногим больше пятой части пенсионеров по старости продолжают трудовую деятельность, которая может предоставить им возможность улучшения материального положения [7]. Учёные отмечают, что повышение минимального возраста выхода на пенсию «не даст в перспективе ожидаемого эффекта, что обусловлено особенностями российского рынка труда, ориентированного на работников в наиболее трудоспособном возрасте, демографическими, экономическими и финансовыми факторами» [11]. В результате изменений повышения пенсионного возраста, внесённых с 2019 г., возникла негативная тенденция, когда в связи с выходом на пенсию не освобождаются рабочие места и возникает дефицит вакансий. Уязвимой категорией населения стала молодёжь, которой трудоустроиться значительно сложнее ввиду отсутствия опыта.

Проведённые опросы [8] показывают, что значительное количество российского населения отрицательно относится к повышению минимального возраста выхода на пенсию: у 55% опрошенных отношение «резко отрицательное», а 41% — «скорее отрицательное». Среди главных причин негативного отношения отмечают «низкая продолжительность и качество жизни» (41%), «недостаточность рабочих мест» (31%), «ухудшение здоровья» (9%) [8]. Высокий уровень негативного отношения присущ лицам предпенсионного возраста, у которых в связи с их намерением выхода на пенсию уже были определены планы на будущее. Среди сторонников изменения пенсионного возраста большинство составляют лица, уже вышедшие на пенсию [8].

Последствия политики «позднего выхода» для пожилых работников достаточно изучены [12; 13], однако мало что известно о том, как её воспринимают будущие пенсионе-

ры. Тем не менее, это имеет высокую научную и общественную значимость по двум основным причинам: во-первых, большинство реформ носят отсроченный по времени эффект. Следовательно, будущие пенсионеры должны учитывать меняющуюся институциональную структуру при планировании своего выхода на пенсию. Во-вторых, этап молодости, характеризующийся приобретением и завершением социализации, результатом которой становится усвоение профессиональных, семейных, культурных функций, обычно рассматривается в психологии в границах от 17–18 лет до 23–25 лет. Формирующаяся взрослость как новый переходный период развития индивида (18–25 лет) «отличается рядом демографических и психологических характеристик, культурно и социально-экономически обусловленных» [14]. В результате прохождения этого периода жизни формируется социальная зрелость личности. Поэтому при изучении долгосрочной эффективности реформ пенсионной системы представляется полезным сосредоточиться на молодёжи.

На основе данных противоречий можно сформулировать проблему исследования — несоответствие между значимостью научного знания о факторах отношения молодёжи к изменению пенсионного возраста и дефицитом данной информации в современной науке и практике. Сложность задачи заключается в необходимости учитывать как ошибки прежних реформ и настороженное отношение к новым идеям по реформированию пенсионной сферы, так и факторы, комплексно влияющих на отношение к изменению пенсионного возраста.

Результаты исследования факторов отношения молодёжи к изменению пенсионного возраста

Разработанная для эмпирического исследования факторов отношения молодёжи к изменению пенсионного возраста (2024 г.) социологическая анкета включает вопросы, касающиеся демографической информации, экономических факторов и определяющие восприятие респондентом уровня

своего дохода и его изменения. Оценка отношения молодёжи к изменению пенсионного возраста проведена с применением авторской методики по выявлению типов и уровней отношения населения к пенсионной реформе. Опросник разрабатывался на основе семантического дифференциала как инструмента построения семантического пространства относительно оценки проводимой реформы. Отношение оценивалось по 12 характеристикам по шкале Лайкерта. Применение опросника позволяет выявить три вида отношения: положительное, безразличное и негативное. Каждый вид отношения имеет три уровня выраженности: высокий, средний и низкий. Разработанный нами вариант опросника по выявлению типов и уровней отношения населения к пенсионной реформе был подвергнут проверке методом экспертных оценок. Выборка представлена 336 респондентами в возрасте от 17 до 24 лет, из которых 54% женщины, 46% — мужчины. Исследование проводилось с применением Google form. Участие респондентов — добровольное. Исследование гарантировало конфиденциальность ответов.

В результате обработки данных опросника по выявлению типов и уровней отношения населения к пенсионной реформе получены три типа отношения молодых людей к изменению пенсионного возраста: отрицательное (39% респондентов), безразличное (31% респондентов) и положительное (30% респондентов). Многие молодые люди не считают выход на пенсию неотложной проблемой, которую следует рассмотреть немедленно. Проверка различий отношения молодых людей к изменению пенсионного возраста с применением t-критерия показала, что пол респондента не влияет на тип отношения (t-стат. = 0,38205115 при t крит. = 1,994945).

Анализируя финансовый статус респондентов, следует отметить, что большая часть в настоящее время не работает (67%) и финансово зависит от родителей, из них 36% — рассматривают стипендию в качестве источника финансового обеспечения, а 4% — пенсию по потере кормильца. У большинства финансово свободных респондентов (76%) уровень доходов находится в границах

от 10 до 40 тысяч рублей. Достоверных различий в отношении к изменению пенсионного возраста у финансово свободных и финансово зависимых респондентов не выявлено (t-стат. = 2,067117989 при t крит. = 1,989686323). Молодые люди, проживающие в родительской семье, имеют более высокий уровень негативного отношения к изменению пенсионного возраста, чем те, кто живут отдельно от родителей (t-стат. = 2,236864431 при t крит. = 2,17881283). Отношения к пенсионной реформе родителей, семейные уставки могут влиять на взгляды молодых людей, проживающих в родительской семье и способствовать формированию отношения к изменению пенсионного возраста.

Молодёжь, определяющая своё материальное положение как очень хорошее и хорошее, отличается более высоким уровнем позитивного отношения к повышению возраста выхода на пенсию, чем те, которые считают своё материальное положение плохим и очень плохим (t-стат. = 2,236864431 при t крит. = 2,17881283). Также выявлено, что те молодые люди, которые считают, что их материальное положение изменилось к лучшему, более позитивно относятся к пенсионной реформе, чем те, которые отмечают ухудшение материального положения (t-стат. = 2,178065941 при t крит. = 2,131449546). Поведение и отношение человека во многом определяется именно субъективными представлениями. Соответственно, восприятие реальности, нередко ошибочное, вынуждает делать тот или иной выбор и формирует отношение к инновациям. Восприятие социальной реальности во многом обусловлено уровнем личного благополучия, которое определяется и как объективный показатель удовлетворённости жизнью, и как субъективный показатель [15]. Те, кто считает, что живёт благополучно, склонны к позитивной оценке ситуации.

Заключение

Опыт проведения пенсионных реформ в зарубежных странах показывает наличие социальной напряжённости и несогласия значительной доли населения с дан-

ными действиями. Для локализации такого сопротивления необходимо проводить комплекс мероприятий, в первую очередь, разъяснительного плана, которые обуславливают необходимость и неизбежность подобной реформы. Необходима системная постановка задач пенсионной реформы, которые должны включать: институциональные изменения, затрагивающие рынок труда и его адаптацию к старению населения; завершение реформ в «образовании через всю жизнь», при расширении возможностей доступа старшего поколения к системам повышения квалификации и обновлению навыков, необходимых для нового технологического уклада. Важное значение имеет не столько снижение соотношения работающих и иждивенцев, сколько замена устаревших основных фондов предприятий и организаций новыми технологическими системами, с учетом роботизации производств. Особое внимание должно уделяться повышению благосостояния различных групп населения и сглаживанию неравенства.

В нашей стране отношение к пенсионной реформе в целом не позитивное (что показывают социальные опросы и исследования специалистов). Основными причинами такого отношения являются низкая продолжительность и качество жизни, недостаточность рабочих мест, дискриминация лиц пенсионного возраста, состояние здоровья населения. Также отмечается наличие негативной тенденции, возникшей в результате повышения пенсионного возраста, когда в связи с выходом на пенсию не освобождаются рабочие места и возникает дефицит

вакансий. При этом уязвимой категорией населения становится молодёжь, которой бывает сложно трудоустроиться из-за отсутствия опыта. Данная тенденция в совокупности с вышеперечисленными обуславливает актуальность проблемы исследования отношения молодёжи к изменению пенсионного возраста: ведь, молодые люди являются не только будущими пенсионерами, завтра они составят основную часть трудовых ресурсов нашей страны.

В ходе изучения факторов отношения молодёжи к изменению пенсионного возраста исследовались вопросы, касающиеся демографической информации, экономических факторов, а также вопросы, определяющие уровень дохода респондента и тенденции его изменения. При этом выявилось три вида отношения: положительное, безразличное и негативное, имеющие каждый три уровня выраженности: высокий, средний и низкий. В результате проведённого авторами исследования определено, что подавляющее большинство респондентов имеет негативное или безразличное (по типу «меня это сейчас не касается») отношение к повышению пенсионного возраста». Причём на это не влияют ни гендерные особенности, ни финансовая зависимость от родителей. Значимым фактором является материальное положение и уровень дохода опрошенных. Более благополучные в экономическом и социальном плане молодые люди склонны оценивать изменения пенсионного возраста в России более позитивно, чем те, которые считают своё материальное положение плохим и очень плохим.

Литература и Интернет-источники

1. **Holzmann, R.** Global pension systems and their reform: Worldwide drivers, trends, and challenges / R. Holzmann // IZA Discussion Papers. — 2012. — No. 6800. — 25 p.
2. **Ermólieva, E. G.** En búsqueda de un modelo adecuado de pensiones: el caso de España / E. G. Ermólieva, E. E. Shestakova // Iberoamérica. — 2020. — No. 2. — P. 140–160. DOI: 10.37656 / s20768400-2020-2-07
3. **Ермольева, Э. Г.** Трансформации пенсионных систем в европейских и латиноамериканских странах / Э. Г. Ермольева, Е. Е. Шестакова // Актуальные проблемы Европы. — 2022. — № 3. — С. 87–115. DOI: 10.312249 / ape / 2022.03.04 EDN: VSUTHK
4. **Kangas, O.** Information and legitimacy: results from an experimental survey on attitudes to the 2017 pension reform in Finland / O. Kangas, I. Airio, K. Koskenvuo, S. Kuivalainen, S. Tenhunen // Journal

- of Pension Economics and Finance. — 2021. — Vol. 21. — Iss. 3. — P. 359–374. DOI: 10.1017 / S1474747220000396
5. **Naumann, E.** Raising the retirement age: Retrenchment, feedback and attitudes / E. Naumann // *How Welfare States Shape the Democratic Public*. — 2014. — P. 223–243. DOI: 10.4337 / 9781782545491.00020
 6. **Гринберг, Р. С.** Повышение пенсионного возраста в России, или как бюджетная мифология усугубляет социальное неблагополучие страны / Р. С. Гринберг, А. Л. Сафонов // *Журнал Новой экономической ассоциации*. — 2019. — № 2(42). — С. 167–176. DOI: 10.31737 / 2221-22642019-42-2-8; EDN: ZYCHBR
 7. **Сафонов, А. Л.** Факторы финансовой несбалансированности обязательной системы пенсионного страхования: анализ российской практики / А. Л. Сафонов, Ю. В. Долженкова // *Финансы: теория и практика*. — 2020. — Т. 24– № 6. — С. 108–122. EDN: RCHPFH
 8. **Бедрина, Е. Б.** Пенсионная реформа в России: проблемы реализации и тенденции / Е. Б. Бедрина // *Human Progress*. — 2022. — Т. 8. — Вып. 3. — С. 2. DOI: 10.34709 / IM.183.2; EDN: TEMEGY
 9. **Жигун, Л. А.** Становление сегмента предпенсионеров на рынке труда: финансовый и управленческий аспекты / Л. А. Жигун, Е. В. Камнева, М. В. Полевая, С. Дзаппала // *Финансы: теория и практика*. — 2022. — Т. 26– № 6. — С. 253–270. DOI: 10.26794 / 2587-5671-2022-26-6-253-270; EDN: IGVSVH
 10. **Кашепов, А. В.** Повышение пенсионного возраста в странах мира и России: причины и последствия / А. В. Кашепов // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. — 2023. — № 5–1. — С. 82–91. DOI: 10.17513 / vaael.2810; EDN: ROWKWY
 11. **Сафонов, А. Л.** Динамика доходов пенсионеров: анализ, проблемы и пути решения / А. Л. Сафонов, Ю. В. Долженкова // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 133–147. DOI: 10.19181 / population.2023.26.4.12; EDN: XTLVMM
 12. **Кашепов, А. В.** Пенсионная реформа: предварительные результаты и оценка их влияния на экономическое положение старших возрастных групп населения / А. В. Кашепов // *Социально-трудовые исследования*. — 2023. — № 52(3). — С. 56–67. DOI: 10.34022 / 2658-3712-2023-52-3-56-67
 13. **Костылева, Е. Г.** Последствия повышения пенсионного возраста для рынка труда / Е. Г. Костылева, А. А. Гимранов // *Евразийский юридический журнал*. — 2023. — № 4(179). — С. 449–450. EDN: LZEBWQ
 14. **Клементьева, М. В.** Российская версия шкалы оценки формирующейся взрослости (IDEA-R): особенности развития студентов / М. В. Клементьева // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. — 2023. — Т. 13. — № 2. — С. 164–182. EDN: YKOJVK
 15. **Исаева, О. М.** Факторы психологического благополучия российской молодёжи / О. М. Исаева, А. Ю. Акимов, Е. Н. Волкова // *Психологическая наука и образование*. — 2022. — Т. 27. — № 4. — С. 24–35. DOI: 10.17759 / pse.2022270403; EDN: BHMCXZ

Сведения об авторах:

Камнева Елена Владимировна, к.психол.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ekamneva@fa.ru; ORCID: 0000-0002-6165-1339; РИНЦ SPIN-код: 6759-7850.

Полевая Марина Владимировна, д.э.н., зав. кафедрой, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: mvpolevaya@fa.ru; ORCID: 0000-0002-6161-3703; РИНЦ SPIN-код: 6864-4704.

Шуракова Наталья Николаевна, к.э.н., старший преподаватель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nnshurakova@fa.ru; ORCID: 0000-0001-7425-5362; РИНЦ SPIN-код: 2638-1526.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-163-174

YOUNG PEOPLE'S ATTITUDE TO THE ADJUSTMENT IN RETIREMENT AGE IN RUSSIA

Elena V. Kamneva*, Marina V. Polevaya, Natalia N. Shurakova

Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

*E-mail: ekamneva@fa.ru

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 24–28–00414). URL: <https://rscf.ru/project/24–28–00414/>.

For citation:

Kamneva E. V., Polevaya M. V., Shurakova N. N. Young people's attitude to the adjustment in retirement age in Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 163–174. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-163-174 (in Russ.)

Abstract: *Changes in pension legislation and increasing retirement age are a global trend in modern society, caused by the steady raising in the proportion of older people. This trend leads to a decrease in the number of workers and, accordingly, to problems in labor market. Many Western countries have already implemented pension reforms aimed at increasing the retirement age, reducing pension contributions or changing the structure of pension savings. Russian Federation pension reform is related not only to the present demographic situation in the country, but also to the problem of ensuring the independence of the RF Pension Fund budget from the Federal budget transfers. However, studies show that a significant number of the surveyed Russian population is not positive about the raising the minimum retirement age. This is due to low life expectancy and quality of life, insufficient jobs, deteriorating health, and difficulty of finding jobs for young people entering the labor market for the first time. Therefore, taking into account the importance of young people for the labor market, it is necessary to investigate the factors of youth attitudes to the pension reform. To do this, the study examined issues related to demographic information, economic factors and determining respondents' perception of the pension reform. The attitude of young people towards the raising the retirement age is not entirely positive, as the study has showed. There are identified the factors that impact this attitude, and among them significant factors — financial situation and income levels of the surveyed.*

Keywords: *pension reform, retirement age, young people, retired people, labor market.*

References and Internet sources

1. Holzmann R. *Global pension systems and their reform: Worldwide drivers, trends, and challenges*. IZA Discussion Papers. — 2012. — No. 6800. — 25 p.
2. Ermólieva E. G., Shestakova E. E. En búsqueda de un modelo adecuado de pensiones: el caso de España. [In search of appropriate pension model (Spanish case study)]. *Iberoamerica*. 2020. No. 2. P. 140–160. DOI: 10.37656/s20768400-2020-2-07 (in Spanish)
3. Ermolieva E. G., Shestakova E. E. Transformatsii pensionnykh sistem v yevropeyskikh i latinoamerikanskikh stranakh [Current transformations of pension systems in European and Latin American countries]. *Aktualnyye problemy Yevropy [Current Problems of Europe]*. 2022. No. 3. P. 87–115. DOI: 10.312249/ape/2022.03.04 (in Russ.)

4. Kangas O., Airio I., Koskenvuo K., Kuivalainen S., Tenhunen S. Information and legitimacy: results from an experimental survey on attitudes to the 2017 pension reform in Finland. *Journal of Pension Economics and Finance*. 2021. Vol. 21. No. 3. P. 359–374. DOI: 10.1017/S1474747220000396
5. Naumann E. Raising the retirement age: Retrenchment, feedback and attitudes. *How Welfare States Shape the Democratic Public*. 2014. P. 223–243. DOI: 10.4337/9781782545491.00020
6. Grinberg R. S., Safonov A. L. Povysheniye pensionnogo vozrasta v Rossii, ili kak byudzhethnaya mifologiya usugublyayet sotsial'noye neblagopoluchiye strany [Raising the retirement age in Russia, or how budget mythology exacerbates the social disadvantages of the country]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*. 2019. No. 2(42). P. 167–176. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-42-2-8 (in Russ.)
7. Safonov A. L., Dolzhenkova Yu. V. Faktory finansovoy nesbalansirovannosti obyazatel'noy sistemy pensionnogo strakhovaniya: analiz rossiyskoy praktiki [Factors of financial imbalance in the compulsory pension insurance system: the case of Russia]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. 2020. Vol. 24. No. 6. P. 108–122. (in Russ.)
8. Bedrina E. B. Pensionnaya reforma v Rossii: problemy realizatsii i tendentsii [Pension reform in Russia: implementation problems and trends]. *Human Progress*. 2022. Vol. 8. No. 3. P. 2. DOI: 10.34709/IM.183.2 (in Russ.)
9. Zhigun L. A., Kamneva E. V., Polevaya M. V., Zappala S. Stanovleniye segmenta predpensionerov na rynke truda: finansovyy i upravlencheskiy aspekty [Formation of the Pre-Pensioner segment in the labor market: financial and management aspects]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. 2022. Vol. 26. No. 6. P. 253–270. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-6-253-270 (in Russ.)
10. Kashepov A. V. Povysheniye pensionnogo vozrasta v stranakh mira i Rossii: prichiny i posledstviya [Raising the retirement age in countries of the world and Russia: causes and consequences]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]*. 2023. No. 5. Part. 1. P. 82–91. DOI: 10.17513/vaael.2810 (in Russ.)
11. Safonov A. L., Dolzhenkova Yu. V. Dinamika dokhodov pensionerov: analiz, problemy i puti resheniya [Dynamics of income of pensioners: analysis, problems and solutions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 133–147. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.12 (in Russ.)
12. Kashepov A. V. Pensionnaya reforma: predvaritelnyye rezultaty i otsenka ikh vliyaniya na ekonomicheskoye polozheniye starshikh vozrastnykh grupp naseleniya [Pension reform: preliminary results and assessment of their impact on the economic situation of older age groups of the population]. *Sotsialno-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]*. 2023. Vol. 52. No. 3. P. 56–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67 (in Russ.)
13. Kostyleva E. G., Gimranov A. A. Posledstviya povysheniya pensionnogo vozrasta dlya rynka truda [Consequences of raising the retirement age for the labor market]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2023. No. 4 (179). P. 449–450. (in Russ.)
14. Klementyeva M. V. Rossiyskaya versiya shkaly otsenki formiruyushchey vrozlosti (IDEA-R): osobennosti razvitiya studentov [The Russian version of inventory of the dimensions of emerging adulthood (the IDEA-R): developmental features of university students]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology]*. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 164–182. (in Russ.)
15. Isaeva O. M., Akimova A. Yu., Volkova E. N. Faktory psikhologicheskogo blagopoluchiya rossiyskoy molodezhi [Factors of psychological well-being of Russian youth]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye [Psychological Science and Education]*. 2022. Vol. 27. No. 4. P. 24–35. DOI: 10.17759/pse.2022270403 (in Russ.)

Information about the authors:

Kamneva Elena Vladimirovna, Candidate of Psychology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ekamneva@fa.ru; ORCID: 0000-0002-6165-1339; Elibrary SPIN-code: 6759-7850.

Plevaya Marina Vladimirovna, Doctor of Economics, Head of Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: mvpolevaya@fa.ru; ORCID: 0000-0002-6161-3703; Elibrary SPIN-code: 6864–4704.

Shurakova Natalia Nikolaevna, Candidate of Economics, Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nnshurakova@fa.ru; ORCID: 0000-0001-7425-5362; Elibrary SPIN-code: 2638–1526.

Статья поступила в редакцию 25.11.2024, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-175-185
EDN: DOEQQH

ВЛИЯНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ростовцев А. И.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: manager1@rambler.ru

Для цитирования:

Ростовцев А. И. Влияние показателей цифровизации на качество жизни населения: региональный аспект // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 175-185. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-175-185; EDN: DOEQQH

Аннотация. Цифровизация является ключевым фактором социально-экономического развития, оказывающим влияние на благосостояние, уровень и качество жизни населения. В статье рассмотрено влияние цифровизации на качество жизни населения России с акцентом на региональные аспекты. Проводится анализ взаимосвязей между показателями цифровизации, такими как доступ к интернету, использование цифровых технологий в организациях и агрегированными индикаторами качества жизни, включая уровень доходов, занятость, жилищные условия и другие социально-экономические параметры. Приоритетом программ цифровизации является улучшение государственного управления, его эффективности и прозрачности путём анализа накопленных данных. Использование типовых решений на федеральном уровне будет способствовать снижению затрат на цифровизацию и повышению качества её процесса. Результаты проведённого анализа, особенно в отношении мобильного широкополосного интернета, демонстрируют значительную положительную связь между развитием цифровой инфраструктуры и качеством жизни: цифровизация способствует снижению территориального неравенства, улучшая доступ к образованию, здравоохранению и возможностям трудоустройства в удалённых регионах. Мобильный широкополосный доступ к сети Интернет позволяет использовать электронные государственные услуги, образовательные ресурсы, работать удалённо, является элементом цифровой экономики и выступает катализатором социально-экономического развития. Подчёркивается необходимость совершенствования статистической базы и разработки новых метрик для оценки цифровизации. Её успешная реализация требует решения системных проблем, включая интеграцию источников данных и развитие цифровых компетенций. Результаты исследования создают основу для корректировки стратегий регионального развития с учётом дифференцированного воздействия цифровых технологий на различные аспекты благополучия населения.

Ключевые слова: качество жизни, цифровизация, региональная экономика, корреляционный анализ, социальная политика, цифровая трансформация, интернет-доступ.

Постановка проблемы

Качество жизни и цифровизация являются взаимосвязанными аспектами современной экономики. Цифровизация влияет на качество жизни через улучшение доступа к услугам, повышение эффективности процессов и создание новых возможностей. Признаками цифровизации являются: внедрение цифровых технологий для изменения бизнес-процессов, использование глобальных и сетевых технологий, изменение стратегии и культуры бизнеса. Целью данного исследования является оценка взаимосвязи между показателями цифровизации и качеством жизни населения в регионах России, а также выявление ключевых факторов, способствующих сокращению территориального неравенства за счёт развития цифровой инфраструктуры. Гипотеза исследования в том, что развитие цифровой инфраструктуры, в частности мобильного широкополосного интернета, оказывает значительное положительное влияние на качество жизни населения, улучшая доступ к образованию, здравоохранению и возможностям трудоустройства. Цифровизация способствует снижению межрегионального неравенства. Государственные программы цифровизации, такие как «Цифровая экономика» и «Экономика данных и цифровая трансформация государства», играют ключевую роль в повышении социально-экономического благополучия регионов. Цифровая экономика — это не отдельная отрасль, по сути — это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества. Формирование цифровой экономики — это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкуренции отечественных компаний¹.

Труд и капитал были центральными переменными в индустриальном обществе, а информация и знания становятся решающими переменными постиндустриального общества [1]. Качество жизни современ-

ного человека всё в большей мере зависит от уровня потребления им информационных продуктов и услуг, а также от их доступности и качества [2]. Сбор потоков информации в гигантских центрах обработки данных с мощными аналитическими функциями будет преобразовывать экономику и общество на всех уровнях, создавая невиданные ранее возможности во всех отраслях человеческой деятельности — от медицины и образования до сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг. Социальные и политические системы, которые полвека направляли нашу государственную и глобальную политику, теперь работают против нас: экономические выгоды, которые дают наука и производство, становятся менее доступными, растёт неравенство, а негативные последствия нашей глобальной экономики вредят окружающей среде и беднейшим категориям населения [3].

Повышение качества жизни населения является одной из важнейших задач стратегии социально-экономического развития страны и обеспечения ее национальной безопасности. С каждым годом цифровизация усиливает влияние на большинство жизненных инфраструктур, создавая новые области экономики и модернизируя существующие [4]. Базы эмпирических данных выросли за последние десятилетия на порядки и приобрели параметры Big Data с соответствующим программным обеспечением. Такой количественный, тематический рост статистической, эмпирической информации, её цифровизация позволяют на новой основе анализировать тенденции изменения массового сознания, проводить агенториентированное моделирование общественных процессов [5]. С.Ю. Глазьев отмечает, со времён промышленной революции, открывшей индустриальную эпоху в развитии человечества в конце XVIII в., сменилось пять технологических укладов [6]. Точку бифуркации, связанную со сменой технологических и мирохозяйственных укладов, передовые страны уже прошли: комплекс, формирующий ядро нового технологического уклада (нано-, биоинженерные, информационно-коммуникационные,

¹ Путин: формирование цифровой экономики — вопрос нацбезопасности РФ // ИТАР-ТАСС. — URL : <https://tass.ru/ekonomika/4389411> (дата обращения: 05.05.2025).

цифровые и аддитивные технологии), вышел на устойчивый рост. [7].

В настоящее время Россия находится в числе лидеров по межрегиональному неравенству [8]. Цифровизация в России развивается крайне неравномерно. Москва и несколько городов-миллионников получают максимальные преимущества, в то время как малые города и сельские территории отстают. Это создаёт новый тип неравенства — цифровой². Изменение факторов производства вследствие цифровизации, развития искусственного интеллекта меняет пропорции данных факторов, их ценность и значение в самом производстве и в стоимости готовых продуктов, в том числе пропорции труда — то есть трудозатрат, тем самым оказывая влияние на рынок труда, влияя на занятость населения, что в долгосрочной перспективе ведёт к дифференциации доходов населения, расслоению общества, созданию социально-экономических предпосылок для развития бедности и изменение качества жизни населения. В современной динамике развития цифровизации в части ее понятий, терминологии, сути и направлений развития, проведение аналогий в сравнении результатов настоящего исследования и исследований проведенных в диапазонах двух-трёх лет и более не представляется целесообразным, поскольку материальная и технологическая, а следом и социально-экономическая составляющие данного вопроса развиваются непредсказуемо и опережающими темпами, что резко меняет отношение к происходящим явлениям и результатам предыдущих исследований. Тем не менее, фундаментальные аспекты цифровизации неизменны.

Методология исследования

Основу исследования составляют данные Росстата, Минфина и других официальных источников за период с 2020 по 2023 гг. по 86 субъектам РФ. Использование стати-

стических методов для измерения силы и направления взаимосвязи между двумя или более экономическими переменными внутри региона, в том числе, методов корреляционного анализа, формально помогает понять, как изменения одной переменной связаны с изменениями другой переменной, однако корреляция сама не предполагает причинно-следственной связи, для установления таких связей следует учитывать другие факторы, например особенности формирования региональных бюджетов, связи, заключающиеся в отраслевой, территориальной, социальной и прочей специфики развития. Для анализа состояния цифровизации использованы показатели сборника Росстат «Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 17. Информационные и коммуникационные технологии»³. В процессе подготовки исходных данных настоящего исследования выполнен корреляционный анализ указанных показателей с агрегированными показателями качества жизни по 86 регионам России за период с 2020 по 2023 годы. Агрегированная оценка и рейтинг российских регионов по качеству жизни составлен по данным Росстата, Минфина, Казначейства, Центробанка и МВД России на агрегировании различных параметров, характеризующих качество жизни в регионах: уровень доходов населения, занятость и рынок труда, жилищные условия, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры⁴.

Средняя корреляционная зависимость показателей информационных и коммуникационных технологий с показателем качества жизни населения рассчитана как сред-

² Сильнее всех ощутит кризис Россия городов-миллионников. Наталья Зубаревич в интервью «Коммерсантъ FM» // Коммерсантъ FM. — URL : <https://www.kommersant.ru/doc/2659427> (дата обращения: 05.05.2025).

³ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. — URL : <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 09.04.2025).

⁴ Рейтинг регионов по качеству жизни // РИА Новости. — URL : <https://ria.ru/20250217/rejting-1999152726.html> (дата обращения: 09.04.2025).

нее арифметическое значение корреляционных зависимостей показателей информационных и коммуникационных технологий Росстат с показателями качества жизни населения по 86 регионам за период с 2020 по 2023 гг., что отражено в табл. 1. Хотя корреляционный анализ по Пирсону между цифровизацией и качеством жизни носит ограниченный характер, такая взаимосвязь возможна при определённых обстоятельствах. Их идентификация требует комплексного изучения статистических данных, значимых факторов и особенностей территориального развития. Современное положительное влияние цифровизации на качество жизни в России является следствием проводимой государственной политики. С 2018 по 2024 гг. на федеральном уровне был реализован национальный проект «Цифровая экономика».

В 2025 г. Правительством РФ объявлено о начале нового проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», включающего в себя федеральные проекты цифровизации: 1) инфраструктура доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; 2) цифровые платформы в отраслях социальной сферы; 3) искусственный интеллект; 4) цифровое государственное управление; 5) отечественные решения; 6) прикладные исследования и перспективные разработки; 7) инфраструктура кибербезопасности; 8) кадры для цифровой трансформации; 9) государственная статистика⁵.

Данные направления образуют структуру современной цифровизации. Приоритетом программ цифровизации является улучшение государственного управления, его эффективности и прозрачности путём анализа накопленных данных, кроме того, использование типовых решений на федеральном уровне будет способствовать снижению затрат на цифровизацию и повышению качества её процесса. С точки зрения государственной статистики, цифровая трансформация затронет и саму статистику,

однако в приведённом выше перечне государственного проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» Государственная статистика указана на последнем месте среди федеральных проектов цифровизации, что обусловлено, в том числе, сложностью и отсутствию единого мнения в решении данного вопроса: несовершенством статистической базы и методов исследования, отсутствием необходимых источников получения информации, а также непосредственно самими темпами цифровизации, подразумевающими необходимость внедрения новых показателей.

Результаты исследования

В современных российских условиях положительная роль цифровизации в повышении качества жизни во многом связана с мерами государственного регулирования и поддержки. Применение коэффициента Пирсона для анализа взаимосвязи между уровнем цифровизации и качеством жизни населения может проявляться при соблюдении ряда условий. Их определение требует тщательного анализа статистических данных, влияющих факторов и региональных особенностей развития. Наибольшая взаимосвязь установлена между показателями численности активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет и качества жизни (табл. 1). Мобильный широкополосный доступ к сети Интернет позволяет использовать электронные государственные услуги, образовательные ресурсы, работать удалённо, является элементом цифровой экономики, важным инфраструктурным фактором для развития предпринимательства, выступает катализатором социально-экономического развития, напрямую влияя на доступ к знаниям, возможностям трудоустройства, здоровье и коммуникациям. В 2021 г. доступ к высокоскоростному интернету был у 80% населения, но в половине регионов его качество оставляло желать лучшего. Цифровизация госуслуг работает там, где есть инфраструктура, а там, где её нет, люди оказываются в проигрыше [9]. Регионы с высоким уровнем мо-

⁵ Экономика данных: технологический суверенитет и цифровизация // Минцифры. – URL : <https://digital.gov.ru/news/ekonomika-dannyh-tehnologicheskij-suverenitet-i-cifrovizaciya> (дата обращения: 05.05.2025).

Таблица 1

**Средняя корреляционная зависимость показателей
информационных и коммуникационных технологий с показателем
качества жизни населения за 2020–2023 годы**

Table 1

Average correlation between information and communication technology indicators
and the quality of life indicator for the population for 2020–2023

Показатели цифровизации: информационные и коммуникационные технологии	Корреляционная зависимость с показателем качества жизни населения
17.9.2. Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет	0,760
17.7.1. Население, использовавшее сеть Интернет	0,697
17.7.2. Население, использовавшее сеть Интернет каждый день или почти каждый день	0,674
17.6.3. Удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет	0,655
17.6.2. Удельный вес домашних хозяйств, имевших доступ к сети Интернет	0,623
17.9.1. Численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет	0,564
17.3. Использование широкополосного доступа к сети интернет в организациях	0,489
17.4. Организации, имевшие веб-сайт	0,348
17.1.5. Организации, использовавшие «облачные» сервисы	0,241
17.2. Использование организациями мобильного и фиксированного интернета	0,232
17.5.2. Организации, использовавшие электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами, по форматам обмена	0,213
17.1.9. Организации, использовавшие цифровые платформы	0,088
17.8. Число подключённых абонентских устройств мобильной связи на 1000 человек населения	0,049
17.1.8. Организации, использовавшие технологии искусственного интеллекта	0,001
17.2. Использование организациями мобильного и фиксированного интернета	-0,070
17.6.1. Удельный вес домашних хозяйств, имевших персональный компьютер	-0,135
17.1.3. Организации, использовавшие локальные вычислительные сети	-0,205
17.1.1. Организации, использовавшие персональные компьютеры	-0,235
17.1.6. Организации, использовавшие технологии сбора, обработки и анализа больших данных	-0,284
17.1.7. Организации, использовавшие Интернет вещей	-0,445
17.1.2. Организации, использовавшие серверы	-0,586

Источник: расчёты автора по данным Росстата.

бильного широкополосного доступа к сети Интернет обычно имеют и лучшую инфраструктуру, поэтому нельзя сказать, что первично, развитие широкополосного доступа к сети Интернет или общее развитие региона — широкополосный доступ к сети Интернет является лишь одним из благоприятных факторов развития инфраструктуры региона, само его наличие является косвенным признаком, среди прочих, определяющим качество и уровень жизни населения.

Широкополосный интернет (коэффициент корреляции Пирсона 0,76) демонстрирует более выраженную положительную связь с социально-экономическим благополучием по сравнению с фиксированным доступом (коэффициент корреляции 0,56). Данные результаты свидетельствуют о том, что мобильный интернет играет ключевую роль в современной цифровой инфраструктуре, оказывая значимое воздействие на качество жизни населения. Это можно

объяснить несколькими факторами: доступностью (мобильный интернет охватывает больше пользователей, включая удалённые территории), гибкостью использования (возможность подключения в любом месте и в любое время), более высокой адаптивностью к потребностям населения по сравнению с фиксированным доступом.

Наличие отрицательных значений корреляций, а также, в целом, значений коэффициентов корреляций в диапазоне от $-0,5$ до $0,5$, в соответствии со шкалой Чеддока [10], указывает на умеренные и слабые корреляционные взаимосвязи между показателями

качества жизни и части исследуемых показателей информационных и коммуникационных технологий в соответствии с проведенными автором расчетами и на основании данных Росстат. Рассмотрена взаимосвязь между показателем качества жизни и показателем численности активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет, показателем качества жизни и показателем численности активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет по регионам России с 1998 по 2023 гг. (рис. 1).

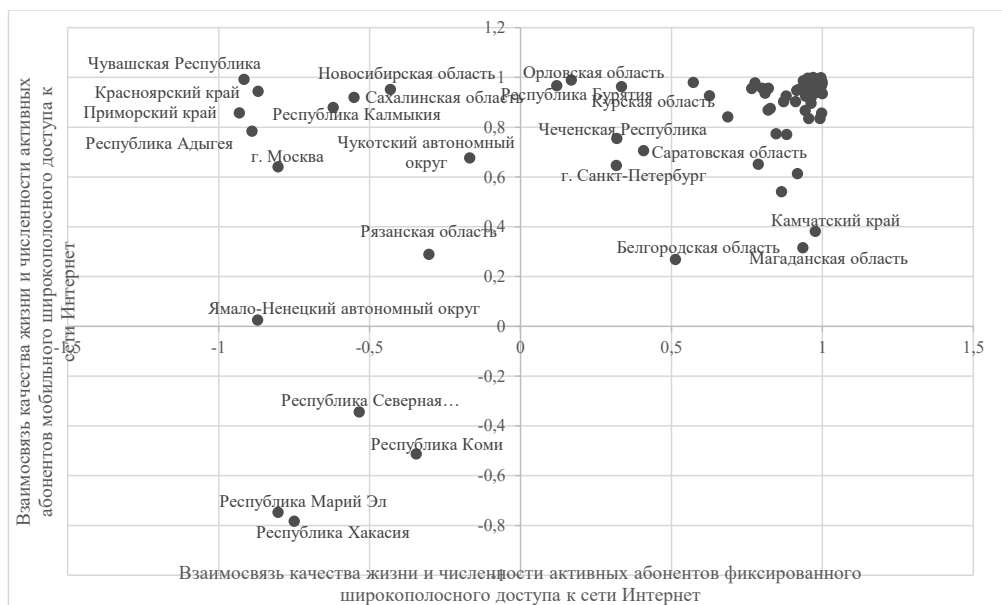

Рис. 1. Взаимосвязь качества жизни с показателями численности активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет и численности активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет в 2020–2023 годах по регионам РФ

Fig. 1. Relationship between the quality of life and the number of active mobile broadband Internet subscribers and the number of active fixed broadband Internet subscribers in 2020–2023 by regions of Russian Federation

Источник: расчёты автора по данным Росстата.

Согласно рисунку, большая часть корреляций по регионам, как по вертикальной оси, так и по горизонтальной превышают $0,5$ и близки к 1 , то есть имеют высокую корреляцию. Подавляющее большинство исследуемых субъектов РФ: 56 из 86 (65%), име-

ют высокую связь между качеством жизни и показателями мобильного и стационарного доступа к сети Интернет. Большая часть регионов России имеют высокие показатели цифрового развития, что в динамике изменения соответствует улучшению

качества жизни населения. Прочие регионы по данным показателям имеют признаки неравномерного роста и признаки отставания, что подчёркивает проблему цифрового неравенства, особенно в малых городах и сельских территориях. Разница между регионами отражает дифференцированное воздействие цифровизации на регионы, что требует проведения дополнительного анализа и адресных мер государственной политики для сокращения разрывов.

Проблема территориального неравенства находит своё решение в аспектах развития мобильного широкополосного доступа к сети Интернет: улучшение информационной инфраструктуры способствует выравниванию в развитии экономик регионов, снижает социальное неравенство, позволяя людям из удалённых районов оставаться на связи, участвовать в общественной жизни и получать те же возможности, что и жителям более развитых регионов и крупных городов, повышая уровень и качество жизни, что косвенно влияет на общие показатели благополучия. Прочие региональные показатели развития сети Интернет: население, использовавшее сеть; население, использовавшее сеть каждый день или почти каждый день; удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети; удельный вес домашних хозяйств, имевших доступ к сети; численность активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети; использование широкополосного доступа к сети интернет в организациях (согласно табл. 1), также имеют высокие корреляционные зависимости с показателем качества жизни населения. Их также возможно использовать как показатели уровня цифровизации в части развития инфраструктуры доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет с учётом её особенностей. Углубляясь в реализацию проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», отметим, что на сегодняшний день структура данного проекта соответствует подходу к цифровизации на государственном уровне. Проект состоит из нескольких этапов и выполняется ите-

ративно. В проекте много новых направлений, развитие которых пока трудно оценить в связи с отсутствием методик их оценки и показателей официальной статистики. Первый этап реализации проекта — инфраструктура доступа к сети Интернет может характеризоваться, в том числе, динамикой изменения известных показателей, таких как численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети. В табл. 2 приведён анализ выявленных показателей цифровизации по регионам в соответствии с направлениями реализации проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» и рассчитана их связь с показателем качества жизни населения.

Для оценки цифрового государственного управления использованы данные рейтинга регионов России по цифровой трансформации⁶. В табл. 2 указана связь этих показателей с учётом имеющихся данных рейтинга за 2024 г., анализ проведен по 38 регионам. Однако информацию рейтинга нельзя назвать достаточной. Важным вопросом является объективность региональных рейтингов, они могут использоваться федеральным центром как инструмент давления. Критика, вызванная низкими позициями в рейтинге, вынуждает региональные власти оперативно реагировать, что нередко приводит к формальным решениям и искажению реального положения дел. При этом многие субъекты РФ изначально находятся в неравных условиях, а их зависимость от федеральных дотаций лишь усиливает дисбаланс. В результате регионы сосредотачиваются не на устранении ключевых проблем, а на улучшении формальных показателей ради соответствия внешним требованиям.

Именно по этой причине для выявления закономерностей между показателями качества жизни и прочими направлениями реализации проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства»

⁶ Почти половина российских регионов вошла в топ рейтинга региональной цифровой трансформации за 2024 год. — URL : <https://d-russia.ru/pochti-pоловина-rossijskih-regionov-voshla-v-top-rejtinga-rct-za-2024-god.html> (дата обращения: 05.05.2025).

необходимо развитие системы показателей цифровизации, разработка новых методов сбора исходных данных, в том числе, возвращаясь к указанному выше федеральному проекту цифровизации «Государственная статистика», его полномасштабная итеративная реализация, учитывающая изменения развития информационных технологий. Похожие вопросы возникают и при рассмотрении других направлений цифро-

визации: цифровые платформы в отраслях социальной сферы, отечественные решения, прикладные исследования и перспективные разработки, инфраструктура кибербезопасности, кадры для цифровой трансформации — современные направления цифровизации, статистическая база региональных исследований по которым не сформирована.

Таблица 2

Корреляционная зависимость показателей цифровизации соответствующих направлениям реализации проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» с показателем качества жизни населения в 2020–2023 годах

Table 2

The identified correlation relationship between the digitalization indicators corresponding to the areas of implementation of the project «Data Economy and Digital Transformation of the State» and the indicator of the quality of life of population for 2020–2023

Направления реализации проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства»	Показатели цифровизации	Корреляционная зависимость с показателем качества жизни населения
Инфраструктура доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».	17.9.2. Численность активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет	0,760
	17.4. Организации, имевшие веб-сайт	0,348
	17.1.5. Организации, использовавшие «облачные» сервисы	0,241
Искусственный интеллект.	17.1.8. Организации, использовавшие технологии искусственного интеллекта	0,001
Цифровое государственное управление.	Рейтинг регионов России по цифровой трансформации	0,606

Источник: расчёты автора по данным Росстата.

Актуальным вопросом на сегодняшний день является установление численных критериев и параметров цифровизации для определения её влияния на экономику, качество жизни и социальное благополучие населения. Это связано, прежде всего, с отсутствием статистических данных или сложностью их обработки [11]. Традиционные методы сбора и обработки статистических данных не учитывают современные реалии цифровизации. В эпоху цифровизации критически важны альтернативные источники данных (большие данные, данные с госплатформ, бизнес-аналитика), но их интеграция в официальную статистику происходит медленно. Внедрение новых технологий (искусственного интеллекта, машинного обучения, блокчейна для вери-

фикации данных) требуют новые метрики, характеризующие уровень цифровизации госуслуг, долю цифровых компаний в экономике, объём данных, обрабатываемых государством, индексы цифровой готовности регионов и другие показатели.

Работа подтверждает значительное влияние цифровизации на качество жизни населения, в том числе, важность высокоскоростного доступа в интернет. Такие показатели, как доступ к мобильному и фиксированному интернету, активное использование цифровых технологий населением и организациями, имеют устойчивую положительную корреляцию с уровнем жиз-

ни. Кроме того, на основе корреляционного анализа данных по 86 субъектам РФ за период с 2020 по 2023 гг. выявлена иерархия значимости показателей цифровизации для качества жизни. Установлено, что мобильный широкополосный интернет (коэффициент корреляции — 0,76) оказывает более сильное влияние, чем фиксированный доступ (коэффициент корреляции — 0,56). Данная взаимосвязь подчёркивает роль мобильного широкополосного доступа в интернет как ключевого инфраструктурного фактора социально-экономического благополучия, что подтверждает необходимость приоритета его развития в отдалённых регионах.

Реализация государственных программ цифровизации способствует сокращению межрегионального неравенства, улучшая доступ к образованию, здравоохранению и цифровым услугам. Однако отсутствие единой системы статистических показателей цифровизации и медленная интеграция альтернативных источников данных

затрудняют оценку её комплексного воздействия. Цифровизация выступает катализатором повышения качества жизни, но её потенциал может быть раскрыт только при условии системного подхода, объединяющего технологические, инфраструктурные и социальные аспекты. Технологии цифровизации открывают новые возможности для организации информационного обмена и управления ресурсами. Их внедрение способно ускорить развитие отстающих территорий. Необходимо приоритизировать развитие мобильного интернета в малых городах и сельских территориях, разработать единую систему показателей цифровизации для мониторинга ее влияния на социально-экономическое развитие, учитывать региональную специфику при реализации госпрограмм, чтобы минимизировать цифровое неравенство. Для сокращения цифрового неравенства требуется адресное финансирование инфраструктуры в малых городах, а также разработка метрик для оценки цифровых платформ.

Литература и Интернет-источники

1. **Белл, Д.** Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. — Москва : Прогресс. 1986. — С. 330–342.
2. **Тоффлер, Э.** Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. — Москва : АСТ, 2008. — 569 с.
3. **Шваб, К.** Технологии четвёртой промышленной революции / К. Шваб, Н. Дэвис. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.
4. **Алексеева, О. А.** Информационное общество: цифровое неравенство российских регионов / О. А. Алексеева // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2024. — № 11(169). — С. 7–13. DOI: 10.26726/rppe2024v11listdi; EDN: LHNVRV
5. **Локоsov, В. В.** Социология в современной России: пять ключевых аспектов / В. В. Локоsov // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. — 2023. — № 1(6). — С. 132–139. DOI: 10.20948/future-2023-7; EDN: ZTAKPX
6. **Глазьев, С. Ю.** Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов / С. Ю. Глазьев // AlterEconomics. — 2022. — Т. 19. — № 1. — С. 93–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6; EDN: MULEYG
7. **Глазьев, С. Ю.** Евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада / С. Ю. Глазьев // Экономическое возрождение России. — 2024. — № 2(80). — С. 34–45. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-34-45; EDN: EQMYQN
8. **Зубаревич, Н. В.** Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафронов // Региональные исследования. — 2024. — № 1(83). — С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1; EDN: DPUWWT

9. **Зубаревич, Н. В.** Цифровое неравенство как новый вызов региональной политике. Доклад на форуме «Открытые инновации» (Сколково, 15.10.2021). / Н. В. Зубаревич // Сборник материалов форума. — Москва : Фонд «Сколково», 2021. — С. 45–52.
10. **Chaddock, R. E.** Principles and Methods of Statistics / R. E. Chaddock. — Boston : Houghton Mifflin Company, 1925. — 471 p. DOI: 10.1177 / 000271622612300150
11. **Моргунов, Е. В.** Анализ экономического взаимовлияния образования и валового регионального продукта как параметров человеческого развития в регионах России / Е. В. Моргунов, А. И. Ростовцев // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2023. — № 7(153). — С. 72–81. DOI: 10.26726 / 1812-7096-2023-7-72-81; EDN: VIZULU

Информация об авторе:

Ростовцев Андрей Игоревич, к.э.н., старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: manager1@rambler.ru; РИНЦ SPIN-код: 3836–3150.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-175-185

IMPACT OF THE DIGITALIZATION INDICATORS ON THE QUALITY OF LIFE OF POPULATION: REGIONAL ASPECT

Andrey I. Rostovtsev

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

E-mail: manager1@rambler.ru

For citation:

Rostovtsev A. I. Impact of the digitalization indicators on the quality of life of population: regional aspect. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 175-185. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-175-185 (in Russ.)

Abstract. *This article examines the impact of digitalization on the quality of life of population, with an emphasis on regional aspects in Russia. It provides an analysis of the relationship between digitalization indicators, such as Internet access, use of digital technologies in organizations, and aggregated indicators of the quality of life, including income level, employment, housing conditions and other socio-economic parameters. The priority of digitalization programs is to improve public administration, its efficiency and transparency through analysis of the accumulated data. In addition, the use of standard solutions at the federal level will help to reduce the costs of digitalization and improve the quality of its process. The results of the analysis, especially with regard to mobile broadband Internet, demonstrate a significant positive relationship between the development of digital infrastructure and the quality of life, digitalization helps to reduce territorial inequality, improving access to education, healthcare and employment opportunities in remote regions. Mobile broadband Internet access allows us to use electronic government services, educational resources, to work remotely, it is an element of the digital economy and acts as a catalyst for socio-economic development. The need to improve the statistical base and develop new metrics for assessing digitalization is emphasized. Digitalization is a key factor in socio-economic development, having a significant impact on the well-being, standard and quality of life of the population, but its successful implementation requires solving systemic problems, including integration of alternative data sources and development of digital competencies. The results of the study create a basis for revising regional development strategies, taking into account the differentiated*

impact of digital technologies on various aspects of the well-being of the population.

Keywords: *quality of life, digitalization, regional economy, correlation analysis, social policy, digital transformation, Internet access.*

References and Internet sources

1. Bell D. Sotsial'nyye ramki informatsionnogo obshchestva [Social framework of the information society]. Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New Technocratic Wave in the West]. Moscow. Progress [Progress]. 1986. P. 330–342. (in Russ.)
2. Toffler A., Toffler H. Revolyutsionnoye bogatstvo. Kak ono budet sozdano i kak ono izmenit nashu zhizn' [Revolutionary Wealth. How it Will Be Created and How It Will Change the World]. Transl. from English. Moscow. AST [AST]. 2008. 569 p. (in Russ.)
3. Schwab K., Davis N. Tekhnologii chetvortoy promyshlennoy revolyutsii [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Transl. from English. Moscow. Eksmo [Eksmo]. 2018. 320 p. (in Russ.)
4. Alekseeva O. A. Informatsionnoye obshchestvo: tsifrovoye neravenstvo rossiyskikh regionov [Information society: The digital inequality of Russian regions]. Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Transforming the Economy]. 2024. No. 11(169). P. 7–13. DOI: 10.26726/rppe2024v11istdi (in Russ.)
5. Lokosov V. V. Sotsiologiya v sovremennoy Rossii: pyat' klyuchevykh aspektov [Sociology in contemporary Russia: Five keynote aspects]. Proyektirovaniye budushchego. Problemy tsifrovoy real'nosti [Designing the Future. Problems of Digital Reality]. 2023. No. 1(6). P. 132–139. DOI: 10.20948/future-2023-7 (in Russ.)
6. Glazyev S. Yu. Global'naya transformatsiya cherez prizmu smeny tekhnologicheskikh i mirokhozyaystvennykh ukladov [Global transformations from the perspective of technological and economic world order change]. AlterEconomics. 2022. Vol. 19. No. 1. P. 93–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6 (in Russ.)
7. Glazyev S. Yu. Yevraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya v kontekste stanovleniya novogo mirokhozyaystvennogo uklada [Eurasian economic integration in the context of the emergence of a new world economic structure]. Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii [Economic Revival of Russia]. 2024. No. 2(80). P. 34–45. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-34-45 (in Russ.)
8. Zubarevich N. V., Safronov S. G. Mezhregional'noye neravenstvo v Rossii i postsovetsskikh stranakh v 21 veke [Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the 21st century]. Regional'nyye issledovaniya [Regional Research]. 2024. No. 1(83). P. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1 (in Russ.)
9. Zubarevich N. V. Tsifrovoye neravenstvo kak novyy vyzov regional'noy politike. Doklad na forume «Otkrytyye innovatsii» Sbornik materialov foruma [Digital inequality as a new challenge to regional policy. Proceedings of the Open Innovations Forum]. Skolkovo, 15 October 2021. Moscow. Fond «Skolkovo» [Skolkovo Foundation]. 2021. P. 45–52 (in Russ.)
10. Chaddock R. E. Principles and Methods of Statistics. Boston. Houghton Mifflin Company. 1925. 471 p. DOI: 10.1177/000271622612300150
11. Morgunov E. V., Rostovtsev A. I. Analiz ekonomicheskogo vzaimovliyaniya obrazovaniya i valovogo regional'nogo produkta kak parametrov chelovecheskogo razvitiya v regionakh Rossii [Analysis of the economic interaction of education and gross regional product as parameters of human development in the regions of Russia]. Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Transforming the Economy]. 2023. No. 7(153). P. 72–81. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-7-72-81 (in Russ.)

Information about the author:

Rostovtsev Andrey Igorevich, Candidate of Economics, Senior Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: manager1@rambler.ru; Elibrary SPIN-code: 3836–3150.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-186-200
EDN: GGORYA

РЕПЕТИТОРСТВО КАК ВИД НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

Леонидова Г. В.^{1,2*}, Баймурзина Г. Р.^{1,3}, Кабашова Е. В.¹

¹Уфимский университет науки и технологий
(450076, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32)

²Вологодский научный центр РАН
(160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56А)

³ИС ФНИСЦ РАН
(109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, 5)

*E-mail: galinaleonidova@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ (проект № 23-18-00775). — URL : <https://rscf.ru/project/23-18-00775/>.

Для цитирования:

Леонидова Г. В., Баймурзина Г. Р., Кабашова Е. В. Репетиторство как вид неформальной занятости на цифровых платформах // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 186-200
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-186-200; EDN: GGORYA

Аннотация. В статье рассматривается репетиторство как вид неформальной занятости, значительная часть которого переместилась в цифровое пространство и продолжает расширяться. Цель исследования — анализ репетиторства в контексте основных форм его проявления, оценка распространённости явления в регионах. Эмпирической базой исследования послужил банк резюме репетиторов цифровой платформы труда (Profi.ru), полученных с помощью парсинга. В рамках исследования проанализирован рынок репетиторских услуг в разрезе наиболее распространённых и востребованных дисциплин — математика, литература, английский и русский языки. Основное внимание сосредоточено на оценке численности репетиторов и её взаимосвязи с уровнем социально-экономического развития регионов; выделении общих и особенных черт данного явления. Исследование показало: 1) значительные масштабы рынка репетиторских услуг; 2) сопоставимость социально-демографического профиля репетиторов с результатами других исследований, реализованных разными социологическими методами; 3) связь между уровнем социально-экономического развития региона и распространённостью репетиторства; 4) неравномерное представительство репетиторов в разных регионах России. Установлены общие для исследуемых регионов России закономерности: 1) концентрация репетиторов в столичных городах России и близлежащих областях; 2) стабильность состава регионов-лидеров по численности репетиторов по всем предметам преподавания (на 6 из 14 обследованных территорий приходится около 70% репетиторов); 3) примерно равномерное распределение респондентов по анализируемым предметам во всех регионах, отобранных для анализа; 4) меньшее представительство репетиторов по русскому языку и литературе, чем по математике и английскому языку.

Ключевые слова: репетиторство, неформальный сектор, платформенная занятость, стоимость репетиторских услуг, дисциплины, репетиторские услуги, парсинг данных, регион.

Всё большее развитие в сфере образования получает такой вид услуг как репетиторство. Дополнительное распространение этот вид деятельности получил при развитии интернет-технологий, открывших большие возможности не только для обмена информацией, в т.ч. и в образовательном поле, но и для заработка [1]. Сегодня эта форма занятости активно функционирует более чем на 20 платформах и продолжает расти. На каждой платформе заявлено от 50 до 200 тыс. предложений от преподавателей. При этом, согласно аналитикам цифровых платформ «Авито услуги» (2022–2023)¹, «Работа.ру» и «Подработка» (2023–2024)², отмечается резкое расширение спроса на услуги репетиторов — более чем на 60% за год. По оценкам экспертов, объём рынка репетиторских услуг для российских школьников составляет около 38 млрд рублей в месяц³. Количество занятых в неформальном секторе экономики репетиторов оценить почти невозможно. Вместе с тем, по данным Росстата за 2024 г., общая численность занятых в неформальном секторе экономики по виду деятельности, относящемуся к образованию, составляла 242 тыс. человек (3,3% от общего числа неформально занятых), 50 тыс. из которых мужчины, 192 тыс. — женщины. При этом большая часть финансового оборота находится в тени, поскольку репетиторы зачастую не оформляют трудовые отношения в правовом поле, то есть относятся к неформальному сектору экономики. Приведённые факты и оценки свидетельствуют об актуальности проблемы репетиторства в России, необходимости анализа основных форм его проявления и оценки распространённости явления в регионах.

Методы, методология и информационная база исследования

Определение «репетиторства» в источниках подаётся как «вспомогательная форма обучения»; как «средство усвоения сверхпрограммных знаний для успешной сдачи экзаменов в высшее образовательное учреждение» [2]; как индивидуальное обучение, обеспечивающее дополнительную подготовку учащихся по отдельным предметам. У зарубежных авторов оно выражается термином «shadow education» (теневое образование) [3], либо «private tutoring» (частное репетиторство) [4]. В международной практике выработаны чёткие критерии репетиторских образовательных услуг: 1) выполняются за материальное денежное вознаграждение; 2) услуга дополняет (а не заменяет) текущую основную программу обучения; 3) преподаются академические предметы (школьные дисциплины) [5]. Это очерчивает границы исследования и позволяет проводить сопоставления с результатами других авторов. Феномен репетиторства зарубежные исследователи называют «одним из поразительных глобальных сдвигов с начала века» [6], так как в ряде стран/регионов доля детей, получающих частные уроки хотя бы по одной дисциплине, превышает 80%. Российские учёные также определяют его как «наиболее распространённый вид неформальных образовательных практик в стране и в мире» [7].

В литературе выделяются социально-педагогический (образовательный), правовой и социально-экономический подходы. Наиболее распространённым является социально-педагогический, в котором представлены взгляды на этот феномен с точки зрения образовательной системы [8] как особый вид педагогической деятельности [9]; фактор повышения успеваемости детей и «нейтрализатор проблем школьного образования» [10]. Правовой подход к изучению репетиторства проявляется во внимании к его официальному статусу [11]; представлении его как одного из видов мошенничества [11] или «латентного взяточничества» [12]. В отечественной литературе нередко

¹ Результаты исследования: в России спрос на репетиторов по литературе вырос в 2023 году более чем на 70%. — URL : <https://vogazeta.ru/articles/2023/8/16/analitics/> (дата обращения: 25.09.2024).

² Стало известно, сколько россияне тратят на репетиторов. — URL : <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/09/17/23935189.shtml> (дата обращения: 18.09.2024).

³ Объём рынка репетиторства превысил 38 миллиардов рублей в месяц. — URL : <https://forpost-sz.ru/a/2024-04-17/> (дата обращения: 13.09.2024).

репетиторство трактуется как фрагмент теневого рынка и вид неформальной занятости, неформальная надстройка к формальной системе образования. Хотя, очевидно, что оно существует и в формальной среде. В контексте исследования интерес представляет социально-экономический подход, раскрывающий ракурсы: теневого сектора экономики [13–16]; негативных последствий репетиторства, например, углубление социального и образовательного неравенства [17].

Экономическая мотивация репетиторства, по мнению учёных НИУ ВШЭ, заключается в нём, как наиболее доступном способе улучшения материального положения учителя [18, с. 10, 26]. С.С.Донецкая и В.А.Третьякова на основе опроса репетиторов онлайн-платформ сделали вывод о репетиторстве как вынужденной стратегии (так ответили 46% респондентов), возможности повысить свои доходы (64%) [19, с. 89, 91]. Несмотря на стихийную целевую выборку, в работе дано представление о социально-демографическом составе группы, подавляющую долю которой составляют женщины (77%); имеющие высшее образование (более 80%); представляющие старшие возрастные группы (почти половина опрошенных — старше 44 лет) [19, с. 88].

Исследований репетиторства как формы занятости и, в особенности, рассматривающих её через призму занятости в неформальном секторе экономики, реализуемую посредством цифровых платформ, единицы. В аналогичных исследованиях П.А.Макеева, С.С.Донецкой и В.А.Третьяковой отмечается превращение репетиторства в самодостаточную сферу услуг, растущую впечатляющими темпами [10; 19, с. 86, 35]. По оценкам П.А.Макеева, учителя школ «составляют до 25% корпуса репетиторов, представленных на сайтах» [5], преимущественно работающих в теневом секторе. Автор обращает внимание на дефицит актуальных эмпирических знаний об их деятельности, мотивации, каналов поиска клиентов и так далее. Практически не освещёнными в сфере репетиторства остаются вопросы пространственной дифферен-

циации этого вида неформальной занятости. Данная статья призвана сократить пробел, оценить распространённость этого явления в регионах России, а также выявить её зависимость от уровня социально-экономического развития территории. Мы также ставим задачу проверки и уточнения полученных другими исследователями выводов на основе использования альтернативных методов социологического анализа — анализе данных цифровой платформы труда.

В исследовании мы рассматриваем репетиторство как форму занятости, распространённую в неформальном секторе экономики и быстро расширяющуюся в цифровой среде. В связи с этим нами проанализированы данные с сайта Profi.ru — одной из наиболее популярных и распространённых в регионах России цифровых платформ занятости, на которой представлены самые разные сферы деятельности и виды услуг, в том числе репетиторских. Сбор информации осуществлялся в течение 2023 г. с помощью парсинга, т.е. скачивания данных с профилей исполнителей, зарегистрированных на платформе. В полученной базе данных из 935312 российских исполнителей⁴, число репетиторов составило 182579 человек (19,5%). Это крупнейшая группа занятых на платформе профессионалов после лиц, предоставляющих услуги по ремонту.

Предметом исследования является представленность репетиторских услуг в цифровом пространстве регионов России. Резюме исполнителей, не указавших диапазон цен на свои услуги, были исключены из анализа. В результате в сплошном массиве репетиторов осталось 546063 предложения и 127302 исполнителей⁵. Полученная совокупность обладает следующими характеристиками: 1) по полу — 78% женщин, 20% мужчин,

⁴ База была очищена от исполнителей из Казахстана, Беларуси и Украины, а также от предметов подготовки для школьников из этих стран.

⁵ Количество предложений и число исполнителей — не одно и то же. Один исполнитель может оказывать разные услуги в рамках близких предметов (например, по подготовке к ВПР (Всероссийской проверочной работе), олимпиадам, ОГЭ или ЕГЭ, по закреплению или углублению школьной программы). Каждое предложение имеет свою цену.

2% — без указания пола; 2) по уровню образования — 63% с высшим образованием, 2% со средним профессиональным, 32% — без указания, прохождение курсов (чаще всего языковых, в том числе за рубежом) отметили около 3%.

В качестве объекта анализа были взяты наиболее востребованные среди репетиторских услуг академические (школьные) дисциплины — математика, русский язык и литература, английский язык. По итогам отбора в массиве осталось 309184 предложений и 96160 человек (исполнителей), из которых 79% — женщины, 18% — мужчины (3% — без указания пола). По уровню образования репетиторы распределились также, как и в совокупности исполнителей по всем школьным предметам. В базе данных присутствуют репетиторы почти из всех субъектов РФ. Доля работающих по договору на оказание образовательных услуг или оформивших самозанятость составила менее 1%, т.е. 99% репетиторов на сайте Profi.ru относятся к занятым в неформальном секторе экономики.

Совокупность численности репетиторов по регионам России крайне неоднородна, она варьируется от 1 (Чукотский АО) до 86184 человек (Москва). Поэтому, при исследовании региональной дифференциации цен учитывались только те субъекты РФ, в которых общее количество репетиторов по рассматриваемым предметам превышало 100 человек. Так, были исключены из анализа 28 регионов: Чукотский и Ненецкий АО, Еврейская автономная и Магаданская области, Республика Тыва (менее 10 репетиторов); республики Калмыкия, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Якутия (Саха), Чеченская, Алтай и область Сахалинская (от 10 до 49 репетиторов); Камчатский край, Ямало-Ненецкий АО, республики Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания, Марий Эл, Хакасия, Адыгея, Дагестан, Коми, Бурятия, Забайкальский край, области Амурская, Курганская, Костромская, Новгородская и Псковская (от 50 до 99 репетиторов). Для оценки влияния уровня социально-экономического развития региона на цены и распространённость репе-

тисторства учитывался тип региона по классификации Н.В.Зубаревич⁶. Таким образом, исходную генеральную совокупность составили репетиторы, зарегистрированные на сайте Profi.ru, отобранные сплошным образом. Вместе с тем, анализируемая совокупность была очищена и подготовлена для анализа так, чтобы в ней были заполнены все необходимые данные. Особенность базы состоит в том, что она не является специально спроектированной выборкой, репрезентирующей генеральную совокупность репетиторов России в целом или в конкретном регионе. Это, скорее, набор данных большого объёма, доверие к которым вызывает однородность социальной группы и количество повторений характеризующих её признаков.

Результаты анализа репетиторских услуг на данных сайта Profi.ru

В цифровом пространстве представлены разнообразные формы оказания репетиторских услуг (онлайн-школы с максимальным представительством дисциплин, и моно-платформы по одному из предметов, чаще по иностранному языку и др.). В качестве примера приведём платформы «Ваш репетитор» (более 300 тыс. зарегистрированных репетиторов), Profi.ru (более 180 тыс.), «Ассоциация репетиторов в России» (около 150 тыс.), «5 легко» (более 50 тыс.) и так далее. Чаще всего на платформах, что отмечают и другие исследователи [5, с. 113], предлагаются репетиторские услуги по математике, английскому и русскому языкам. Эти предметы были взяты нами для анализа как некий универсальный набор услуг, обеспечивающих наибольшую их сопоставимость. Отметим, что разнообразие репетиторских услуг велико и оно растёт. Например, большим спросом в последние годы пользуются услуги по подготовке к ОГЭ и ЕГЭ по общественному знанию в связи с востребованностью этого предмета при поступлении в вуз. До-

⁶ Григорьев Л.М., Ю.В.Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / ред. Л.М.Григорьев, Н.В.Зубаревич, Г.Р.Хасаев. — Москва : ТЕИС, 2011. — С. 37.

статочно развит рынок репетиторства в области музыкального и художественного искусства (вокал, игра на гитаре, фортепиано,

музыкальная композиция и подобное). Разнообразие услуг отмечается и внутри дисциплин (табл. 1).

Таблица 1

Направления репетиторства по дисциплинам с сайта Profi.ru

Table 1

Directions of tutoring by disciplines from the website Profi.ru

Дисциплина	Варианты обозначения своих услуг репетиторами	Группы репетиторов, сформированные авторами
Математика	Математика (дисциплина), алгебра, геометрия, ВПР по математике, ОГЭ по математике, ЕГЭ по математике (базовый уровень, профильный уровень), ГВЭ* (государственный выпускной экзамен) по математике, ДВИ** (дополнительное вступительное испытание) по математике, олимпиады по математике, математический анализ, математика для дошкольников.	<ul style="list-style-type: none"> • ЕГЭ по математике • ОГЭ по математике • математика, кроме ОГЭ/ЕГЭ
Русский язык и литература	Русский язык (дисциплина), литература (дисциплина), начальный русский язык, пунктуация, ВПР по русскому языку, ЕГЭ по литературе, ОГЭ по литературе, русская литература, ЕГЭ по русскому языку, ОГЭ по русскому языку, олимпиады по русскому языку.	<ul style="list-style-type: none"> • ЕГЭ по литературе • ОГЭ по русскому языку • ЕГЭ по русскому языку • ОГЭ по русскому языку • русский язык и литература, кроме ОГЭ/ЕГЭ
Английский язык	Британский английский язык, общий английский, английский для путешествий, английский язык (дисциплина), разговорный английский язык, академический английский, ЕГЭ по английскому языку, ОГЭ по английскому языку, ВПР по английскому языку, олимпиады по английскому языку, английский для дошкольников, ДВИ по английскому языку.	<ul style="list-style-type: none"> • ЕГЭ по английскому языку • ОГЭ по английскому языку • английский, кроме ОГЭ/ЕГЭ

* ГВЭ предназначен для: 1) детей-инвалидов, учеников с ограниченными возможностями здоровья; 2) школьников, отбывающих наказание в исправительных колониях; 3) воспитанников специализированных интернатов закрытого типа.

** Специальные вступительные испытания для абитуриентов отдельных вузов (например, МГУ).

Источник: исследование массива данных с сайта Profi.ru (только российские предметы и исполнители).

В ходе анализа выявлен ряд тенденций: 1) продолжительность занятий в диапазоне: от 30–45 мин. (для дошкольников) до 1,5 часов, продолжительность занятия зависит от возраста учеников и уровня их подготовки; 2) оплата занятий: общее проявляется в стоимости занятия продолжительностью 60 минут (указывается в большинстве случаев); различие — в ценовом маркетинге репетиторских предложений (бесплатность первого занятия, зависимость цены от уровня подготовленности ученика, его возраста и местонахождения (удалённости), формата проведения занятия (онлайн, оффлайн), места проведения

(на дому у репетитора, с выездом к клиенту (что дороже по стоимости в среднем на 50 рублей за 1 час), либо в образовательных центрах — местах основной работы репетитора), цели обучения, сроков подготовки и т.д., предоставление скидок (например, за регулярное посещение 10-ти занятий в месяц, за внесение аванса, проведение более трёх занятий в неделю и так далее); 3) формат проведения занятий: индивидуальные (основной вид) и групповые (от 5-ти человек); как правило, цена группового занятия выше (примерно в два раза — но в расчёте на одного ученика получается дешевле).

Изучение средних цен на репетиторские услуги на сайте Profi.ru позволило дифференцировать их в разрезе школьных предметов. Для сравнения выбраны однородные услуги — подготовка к ЕГЭ и ОГЭ по школьным предметам, входящим в постоянный

список дисциплин государственных экзаменов после 9 и 11 классов. Ранжирование услуг по ценам подготовки к ЕГЭ (рис. 1) показало, что самые высокие цены отмечены по физике, математике и французскому языку.

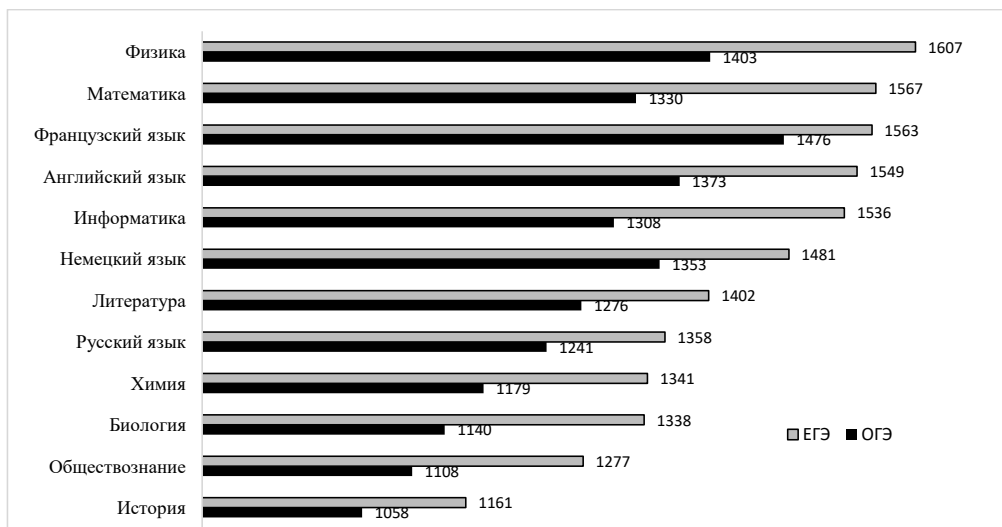

Рис. 1. Средние цены на услуги репетиторов по подготовке к ЕГЭ и ОГЭ по некоторым школьным предметам, рублей за 1 час

Fig. 1. Average prices for tutoring services in preparation for the unified state exam (USE) and the mandatory state exam (MSE) in some school subjects, rubles for 1 hour

Примечание: ранжировано по стоимости подготовки к ЕГЭ.

Источник: исследование массива данных с сайта Profi.ru.

Выбранные предметы (кроме математики) занимают срединное положение в рейтинге: английский язык по стоимости подготовки к ЕГЭ находится на 4-м, литература — на 7-м, а русский язык — на 8-м месте. Дешевле обходится подготовка к ЕГЭ по химии, биологии, обществознанию и истории. Стоимость подготовки к ЕГЭ всегда выше чем к ОГЭ в среднем на 10%. Самые высокие цены по подготовке к ОГЭ отмечаются по физике, французскому и английскому языкам. Математика, русский язык и литература находятся в середине рейтинга, а самые низкие цены — у химии, биологии, обществознания и истории. Распределение предложений репетиторов по минимальным указанным в профиле ценам

(нами отобраны наиболее часто встречающиеся стоимостные группы) показывает, что основная часть предложений (80%) по всем предметам находится в диапазоне от 1000 до 2500 рублей в час. При этом медианный уровень цены по математике смещен в более высокий диапазон, чем по литературе, английскому и русскому языкам. В ходе исследования подтвердилась общеэкономическая закономерность, в соответствии с которой наибольшая численность репетиторов и более высокий уровень цен на их услуги наблюдается в регионах с высоким уровнем развития⁷ (табл. 2).

⁷ В качестве типологии регионов по уровню развития взята классификация Н.В.Зубаревич, которая строит её на основе двух компонентов: уровня экономического развития региона и экономического положения домохозяйств.

Таблица 2

Зависимость средних и медианных цен от уровня развития регионов России

Table 2

Dependence of average and median prices on the level of development of Russian regions

Дисциплина	Статистический показатель цены услуги за 1 час, руб.	Уровень развития регионов			
		менее развитые	средне- развитые	развитые	высоко- развитые
Английский язык	Средняя	851	950	965	1440
	Медианная	750	800	850	1300
Математика	Средняя	884	994	1016	1551
	Медианная	800	850	900	1400
Русский язык и ли- тература	Средняя	850	910	916	1410
	Медианная	730	800	800	1250
Все предметы	Средняя	862	955	974	1479
	Медианная	750	800	850	1330
	Модальная	500	1000	1000	1000

Источник: исследование массива данных с сайта Profi.ru.

Здесь отчётливо прослеживается связь величины средних и медианных цен с уровнем развития регионов как в целом по всем предметам, так и в разрезе анализируемых нами. Отметим, что во всех регионах максимальные цены установлены по математике, минимальные — по русскому языку и литературе. Однако, если расположить регионы по какому-либо одному индикатору уровня социально-экономического развития (например, ВРП), то средние и медианные цены не показывают строгую линейную зависимость⁸, но линии тренда соответствуют общей гипотезе. Это обусловлено тем, что уровень развития региона является интегральной характеристикой, которая может отображать множество факторов, в том числе численность школьников в целом и, в особенности, настроенных на поступление в вузы, наличие высококвалифицированных рабочих мест, покупательную способность населения, общую численность населения, ценностные установки населения и другое. Ввиду сильной вариации численности репетиторов по регионам России для более глубокого исследования выбраны 14 регионов, в которых общее число репетиторов по выбранным дисциплинам превышает 1000 человек (табл. 3). Мо-

сква и Московская область, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область концентрируют в себе 62% репетиторов по математике из представленных 14 регионов. Это объяснимо столичным статусом, численностью населения, уровнем социально-экономического развития, платёжеспособностью населения, а также ценностными установками семей.

Исходя из полученных данных, количество репетиторов по английскому языку в 1,4 раза (на 14518 человек) больше, чем по математике, в основном за счёт «других» целей изучения (не ОГЭ и ЕГЭ). В отличие от структуры услуг репетиторства по математике, доля преподавателей по английскому языку, готовящих к ОГЭ / ЕГЭ, не превышает 31% (табл. 4). При этом, превышение числа репетиторов по английскому языку над числом репетиторов-математиков отмечается почти во всех анализируемых регионах кроме Республики Башкортостан. Численность репетиторов, готовящих к выпускным экзаменам по английскому языку, сопоставимо с количеством репетиторов по математике. Скорее всего, это связано с тем, что английский язык, не являясь обязательным выпускным экзаменом, представляется как надпрофессиональный навык, в который инвестируют независимо от необходимости для поступления в вуз.

⁸ Авторами проведен такой анализ, однако в связи с ограничением объема публикации, результаты представлены здесь в обобщенном виде.

Таблица 3

Численность и структура репетиторов по математике, человек/%

Table 3

The number and structure of tutors in mathematics, people/%

Регион	ЕГЭ	ОГЭ	Математика, кроме ОГЭ и ЕГЭ	Итого по математике
Москва и Московская область	7783 (44,8%)	8606 (49,5%)	16857 (97,0%)	17370 (100%)
Санкт-Петербург и Ленинградская область	1728 (39,1%)	2053 (47,7%)	4300 (97,3%)	4418 (100%)
Краснодарский край	402 (38,8%)	473 (46,6%)	1015 (98,0%)	1036 (100%)
Свердловская область	321 (37,6%)	407 (49,3%)	825 (96,6%)	854 (100%)
Республика Татарстан	328 (42,9%)	377 (51,2%)	737 (96,5%)	764 (100%)
Новосибирская область	303 (41,5%)	341 (48,1%)	709 (97,0%)	731 (100%)
Нижегородская область	286 (41,8%)	337 (50,4%)	668 (97,7%)	684 (100%)
Самарская область	221 (37,5%)	293 (50,9%)	576 (97,6%)	590 (100%)
Ростовская область	239 (42,5%)	275 (50,0%)	550 (97,7%)	563 (100%)
Республика Башкортостан	20 (43,1%)	243 (51,2%)	475 (97,9%)	485 (100%)
Красноярский край	192 (42,8%)	209 (48,9%)	427 (95,1%)	449 (100%)
Челябинская область	155 (37,3%)	198 (49,1%)	403 (96,9%)	416 (100%)
Воронежская область	178 (43,1%)	229 (57,7%)	397 (96,1%)	413 (100%)
Волгоградская область	144 (44,3%)	174 (55,6%)	313 (96,3%)	325 (100%)

Источник: исследование массива данных с сайта Profi.ru.

Таблица 4

Численность и структура репетиторов по английскому языку, человек/%

Table 4

The number and structure of tutors in English language, people/%

Регион	ЕГЭ	ОГЭ	Английский язык, кроме ОГЭ и ЕГЭ	Итого по английскому языку
Москва и Московская область	6912 (27,2%)	7354 (28,9%)	25167 (99,1%)	25406 (100%)
Санкт-Петербург и Ленинградская область	1329 (22,0%)	1484 (24,6%)	6002 (99,3%)	6044 (100%)
Краснодарский край	399 (26,3%)	433 (28,5%)	1509 (99,3%)	1519 (100%)
Республика Татарстан	255 (22,5%)	312 (27,6%)	1117 (98,7%)	1132 (100%)
Свердловская область	279 (25,6%)	316 (29,0%)	1077 (98,9%)	1089 (100%)
Нижегородская область	280 (28,5%)	303 (30,9%)	975 (99,4%)	981 (100%)
Ростовская область	242 (26,7%)	242 (26,7%)	900 (99,1%)	908 (100%)
Новосибирская область	229 (26,4%)	263 (30,4%)	861 (99,4%)	866 (100%)
Самарская область	206 (26,8%)	231 (30,1%)	763 (99,3%)	768 (100%)
Воронежская область	129 (21,4%)	164 (27,2%)	599 (99,3%)	603 (100%)
Челябинская область	128 (23,3%)	152 (27,7%)	546 (99,5%)	549 (100%)
Красноярский край	154 (29,4%)	162 (30,9%)	521 (99,4%)	524 (100%)
Республика Башкортостан	126 (26,8%)	133 (28,3%)	468 (99,6%)	470 (100%)
Волгоградская область	99 (23,3%)	123 (28,9%)	425 (100,0%)	425 (100%)

Источник: исследование массива данных с сайта Profi.ru.

Численность репетиторов по русскому языку и литературе во всех 14 анализируемых регионах меньше, чем по математике и английскому языку несмотря на то, что эти дисциплины относятся к обязательным выпускным экзаменам (табл. 5). Причём репетиторов по подготовке к русскому языку почти во всех рассматриваемых регионах как минимум вдвое больше, чем по литературе, что, скорее всего, обусловлено сложностью предмета

и структурой выпускных государственных экзаменов.

Состав регионов-лидеров по численности репетиторов стабилен по всем предметам — Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Республика Татарстан, Свердловская и Новосибирская области. На них приходится около 70% репетиторов по всем предметам из рассматриваемых регионов. Предполагаем, что не все репетиторы, ко-

Таблица 5

Численность и структура репетиторов по русскому языку и литературе, человек/%

Table 5

The number and structure of tutors in Russian language and literature, people (%)

Регион	Русский язык		Литература		Русский язык и литература, кроме ОГЭ и ЕГЭ	Всего исполнителей по русскому языку и литературе
	ЕГЭ	ОГЭ	ЕГЭ	ОГЭ		
Москва и Московская область	4044	4143	1633	1532	10444	10877
	37,2%	38,1%	15,0%	14,1%	96,0%	(100%)
Санкт-Петербург и Ленинградская область	995	1009	428	400	2714	2814
	35,4%	35,9%	15,2%	14,2%	96,4%	(100%)
Краснодарский край	313	358	133	130	836	860
	36,4%	41,6%	15,5%	15,1%	97,2%	100%
Свердловская область	209	240	79	77	535	547
	38,2%	43,9%	14,4%	14,1%	97,8%	(100%)
Новосибирская область	193	195	72	72	474	499
	38,7%	39,1%	14,4%	14,4%	95,0%	(100%)
Нижегородская область	192	195	83	74	477	490
	39,2%	39,8%	16,9%	15,1%	97,3%	(100%)
Ростовская область	162	174	65	62	408	426
	38,0%	40,8%	15,3%	14,6%	95,8%	(100%)
Самарская область	161	169	54	55	413	425
	37,9%	39,8%	12,7%	12,9%	97,2%	(100%)
Республика Татарстан	141	154	44	41	406	417
	33,8%	36,9%	10,6%	9,8%	97,4%	(100%)
Воронежская область	161	190	57	51	325	339
	47,5%	56,0%	16,8%	15,0%	95,9%	(100%)
Челябинская область	111	123	38	44	288	293
	37,9%	42,0%	13,0%	15,0%	98,3%	(100%)
Красноярский край	110	114	41	41	282	291
	37,8%	39,2%	14,1%	14,1%	96,9%	(100%)
Республика Башкортостан	99	104	32	29	271	276
	35,9%	37,7%	11,6%	10,5%	98,2%	(100%)
Волгоградская область	101	105	40	39	242	250
	40,4%	42,0%	16,0%	15,6%	96,8%	(100%)

Источник: исследование массива данных с сайта Profi.ru.

торые указывают свой регион как Москва или Московская область и предоставляют возможность проведения занятий онлайн (по математике, английскому языку и русскому языку и литературе), действительно проживают в этих регионах. К ним могут относиться до 13% репетиторов, указавших Москву и Московскую область как регион предоставления услуг, и до 10% — Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Одна-

ко, эта гипотеза остаётся открытой и требует дальнейшего изучения и оценки. Практически во всех 14 регионах число репетиторов по рассматриваемым предметам распределяется примерно одинаково. Около трети из них преподают математику, 20–25% — русский язык и литературу, 45% — английский язык, и ещё около 10% совмещают несколько дисциплин (скорее всего, математику и русский язык в начальной школе).

Таблица 6

Средние цены на репетиторские услуги по математике, английскому языку, русскому языку и литературе в регионах России, тыс. рублей за 1 час

Table 6

Average prices for tutoring services in mathematics, English language, Russian language and literature in the regions of Russia, thousand rubles per 1 hour

Регионы	Математика				Английский язык				Русский Язык		Литература		Русский язык и литература, кроме ОГЭ и ЕГЭ	средняя по предмету в целом
	ЕГЭ	ОГЭ	Матем., кроме ОГЭ и ЕГЭ	средняя по предмету в целом	ЕГЭ	ОГЭ	Англ. яз., кроме ОГЭ и ЕГЭ	средняя по предмету в целом	ЕГЭ	ОГЭ	ЕГЭ	ОГЭ		
Москва и Московская область	1,85	1,58	1,57	1,65	1,9	1,6	1,43	1,50	1,60	1,52	1,71	1,56	1,41	1,46
Санкт-Петербург и Ленинградская область	1,50	1,31	1,26	1,33	1,52	1,37	1,22	1,27	1,37	1,27	1,38	1,28	1,17	1,22
Республика Татарстан	1,28	1,12	1,06	1,13	1,25	1,10	0,98	1,03	1,10	1,09	1,11	1,09	0,94	0,99
Новосибирская область	1,19	1,05	0,99	1,06	1,13	1,03	0,98	1,00	1,03	1,00	1,06	0,99	0,92	0,96
Свердловская область	1,19	1,05	1,01	1,06	1,15	1,08	0,97	1,00	1,08	1,03	1,14	1,03	0,95	0,99
Нижегородская область	1,17	1,03	0,97	1,03	1,17	1,07	0,93	0,98	1,06	0,96	1,08	1,03	0,86	0,92
Красноярский край	1,14	1,01	0,97	1,02	1,13	0,99	0,94	0,97	0,99	0,99	1,06	0,95	0,87	0,92
Ростовская область	1,14	1,01	0,96	1,02	1,23	1,10	0,94	0,97	1,10	0,95	1,19	0,99	0,87	0,92
Республика Башкортостан	1,14	0,98	0,97	1,01	1,23	1,13	0,97	1,02	1,13	0,94	1,13	1,02	0,88	0,93
Воронежская область	1,15	1,01	0,94	1,01	1,15	1,04	0,90	0,94	1,04	0,95	1,03	0,99	0,85	0,91
Волгоградская область	1,11	0,95	0,94	0,99	1,10	0,98	0,84	0,88	0,98	0,89	0,89	0,84	0,80	0,84
Самарская область	1,13	1,00	0,92	0,98	1,15	1,04	0,94	0,98	1,04	0,89	0,99	0,90	0,83	0,87
Челябинская область	1,06	0,95	0,90	0,95	1,30	1,01	0,89	0,93	1,01	0,89	0,96	0,87	0,82	0,85

Примечание: регионы ранжированы по уменьшению средних цен по математике.

Источник: исследование массива данных с сайта Profi.ru.

Анализ средних цен на репетиторские услуги в регионах России выявил общие тенденции по рассматриваемым предметам (табл. 6). Эти тенденции заключаются в том, что, во-первых, уровень цен на услуги по подготовке к ЕГЭ выше во всех регионах, чем по подготовке к ОГЭ. Во-вторых, почти во всех регионах сохраняется иерархия средних цен по дисциплинам: самые высокие цены всегда по математике, средние по английскому языку, самые низкие — по русскому языку и литературе. В-третьих, средние цены на услуги репетиторов выше в высокоразвитых и развитых регионах, за исключением Краснодарского края, который, по нашей классификации, относится к среднеразвитым.

Заключение

Таким образом, в рамках исследования, проведённого на основе парсинга данных о предлагаемых репетиторами услугах (546 тыс.) и самих репетиторах (127,3 тыс.), продвигающих свои услуги через онлайн-платформу Profi.ru, проанализирован рынок репетиторских услуг в разрезе четырёх школьных предметов (математика, английский и русский языки, литература). Практически все репетиторы анализируемой платформы (99%) относятся к занятым в неформальном секторе экономики. Характеристики социально-демографического профиля репетиторов на сайте в целом сопоставимы с данными других исследований [20] — преобладание женщин (80%), лиц с высшим профессиональным образованием (63%), концентрация в экономически развитых территориях.

По данным платформ, около 70% репетиторов заняты и предлагают свои услуги в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Краснодарском крае, Свердловской и Новосибирской областях, Республике Татарстан.

Учитывая возможность дистанционного формата предоставления услуг, мы предполагаем, что не все репетиторы, указывающие свой регион как Москва, и предоставляющие услуги по проведению занятий онлайн, действительно проживают в этих регионах. К ним могут относиться до 13% репетиторов, указавших Москву и Московскую область как регион предоставления услуг, и до 10% — Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Подтверждена связь между уровнем развития региона, уровнем цен и распространённостью репетиторства: наибольшая численность репетиторов и более высокий уровень цен на их услуги наблюдается в развитых регионах.

Таким образом, репетиторство является «самодостаточной» сферой услуг и одной из наиболее распространённых практик в структуре неформального сектора экономики в образовательной сфере. Репетиторство остаётся востребованным в современном обществе как со стороны преподавателей, так и со стороны населения. В этом проявляется его сущность как адаптационного механизма к трансформациям в современной системе образования. Продолжая расширяться, репетиторство как платформенная занятость, имеет свои преимущества (автономность, свобода в выборе графика и объёма работы; низкие барьеры входа; неограниченная география) и недостатки (нестабильный заработок, высокая конкуренция, нерегулярный и ненормированный график, переработки, отсутствие постоянного режима труда и отдыха, отсутствие механизма защиты трудовых прав и социальных гарантий). Результаты исследования, которое носило в большей мере разведывательный характер, показали, что анализ большого объёма данных цифровых платформ даёт возможность изучения репетиторства при отсутствии каких-либо статистических данных в официальных источниках.

Литература и Интернет-источники

1. **Поначугин, А. В.** Организация репетиторства в условиях цифровизации / А. В. Поначугин, В. А. Соколов // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2023. — Т. 2. — № 1. — С. 157–162. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2023.01.02.021; EDN: WXKJQV
2. **Вишнякова, С. М.** Профессиональное образование: Словарь: Ключевые понятия, актуал. лексика / С. М. Вишнякова. — Москва : Новь, 1999. — 535 с.
3. **Hajar, A.** Primary School Students' Experiences of English Private Tutoring in Uzbekistan Using Participatory Methods / A. Hajar, A. Tabaeva // Asia-Pacific Edu Res. — 2024. — Vol. 33. — P. 1501–1514. DOI: 10.1007/s40299-024-00830-9
4. **Gupta, A.** Exposing the «shadow»: an empirical scrutiny of the «shadowing process» of private tutoring in India / A. Gupta // Educational Review. — 2021. — Vol. 75. — No. 3. — P. 394–410. DOI: 10.1080/00131911.2021.1931038
5. **Макеев, П. А.** Репетиторство в России: описание явления на основе онлайн-платформ / П. А. Макеев // Журнал институциональных исследований. — 2019. — Т. 11. — № 4. — С. 106–120. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.106-120; EDN: IBZAOF
6. **Zhang, W.** Taming the Wild Horse of Shadow Education: The Global Expansion of Private Tutoring and Regulatory Responses / W. Zhang. — 2023. — 170 p. DOI: 10.4324/9781003318453
7. **Смирнова, Ю. А.** Школьные учителя-полупрекарии: типология на примере педагогов-лингвистов / Ю. А. Смирнова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2022. — № 1(846). — С. 136–143. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_1_846_136; EDN: FHXOZP
8. **Чеснокова, Л. В.** Репетиторство как социально-образовательный феномен / Л. В. Чеснокова, О. С. Барсукова // Инновационное образование и экономика. — 2021. — № 25. — С. 16–21. DOI: 10.55224/26203_2021_25_16; EDN: NBXVFO
9. **Санников, Д. А.** Репетиторство как вид педагогической деятельности / Д. А. Санников // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2021. — № 199. — С. 189–195. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-199-189-195; EDN: LBYQMS
10. **Макеев, П. А.** Репетиторство в России: нельзя увидеть, но можно услышать / П. А. Макеев // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 100–121. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.5; EDN: EQQRGY
11. **Чертакова, Е. М.** Правовое регулирование репетиторской деятельности в целях предупреждения мошенничества / Е. М. Чертакова, М. А. Завадская // Молодой ученый. — 2022. — № 19(414). — С. 342–347. EDN: WWZGEY
12. **Фурсова, В. В.** Социальное неравенство в системе образования: отечественные и зарубежные теории и исследования / В. В. Фурсова, Д. Х. Ханнанова. — Москва : Директмедиа Пабблишинг, 2013. — 324 с. EDN: SULTDX
13. **Злоказова, Ю. В.** Теневая экономика в высшем образовании: теоретические и методологические подходы к исследованию / Ю. В. Злоказова // Муниципалитет: экономика и управление. — 2020. — № 4(33). — С. 65–74. EDN: LINKHG
14. **Зотова, Т. А.** Теневое экономическое поведение в российском образовании: роль институциональных изменений / Т. А. Зотова // Ректор ВУЗа. — 2016. — № 7. — С. 14–17. EDN: YOGVAL
15. **Petsiotis, K.** Thirty-one and counting in the shadow: A teacher's autoethnography / K. Petsiotis // Studies in Technology Enhanced Learning. — 2022. — Vol. 2(3). — URL : <https://stel.pubpub.org/pub/02-03-petsiotis-2022> (дата обращения: 10.08.2024). DOI: 10.21428/8c225f6e.94efbb46
16. **Жуковска, А. А.** Репетитор и/или индивидуальный преподаватель / А. А. Жуковска // Проблемы современного образования. — 2021. — № 4. — С. 164–170. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-4-164-170; EDN: QPZZIX
17. **Гордейчик, Е. А.** Проблема образовательного неравенства: опыт современной России / Е. А. Гордейчик // Сибирь гуманитарная. — 2023. — № 3(3). — С. 54–63. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-54-63; EDN: FKEKCK
18. **Абанкина, И. В.** Есть ли у педагогов альтернатива репетиторству для увеличения доходов? / И. В. Абанкина, Ю. Ю. Белова, К. В. Зинковский [и др.] // Вопросы образования. — 2022. — № 4. — С. 8–32. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-4-8-32; EDN: NOOQET

19. **Донецкая, С. С.** Предпринимательство или стратегия выживания? Профессиональные характеристики и устремления современного российского репетитора / С. С. Донецкая, В. А. Третьякова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2023. — № 3(71). — С. 86–93. DOI: 10.52452/18115942_2023_3_86; EDN: PKVQAE
20. **Донецкая, С. С.** Современный российский репетитор: профессиональный портрет, стимулы и стратегии деятельности / С. С. Донецкая, В. А. Третьякова, В. В. Тарутина // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 88–109. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.2.5; EDN: TKPPDQ

Сведения об авторах:

Леонидова Галина Валентиновна, к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Уфимский университет науки и технологий; Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: galinaleonidova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0361-2099; РИНЦ SPIN-код: 4472–8830

Баймурзина Гузель Римовна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Уфимский университет науки и технологий; ведущий научный сотрудник, ИС ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: guzrim@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1844-2689; РИНЦ SPIN-код: 3325–3020.

Кабашова Елена Владимировна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

Контактная информация: e-mail: e_kabashova@bk.ru; ORCID: 0000-0002-0948-3518; РИНЦ SPIN-код: 8300–7547.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-186-200

TUTORING AS A TYPE OF INFORMAL EMPLOYMENT ON DIGITAL PLATFORMS

Galina V. Leonidova^{1,2*}, Guzel R. Baimurzina^{1,3}, Elena V. Kabashova¹

¹Ufa University of Science and Technology

(32 Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076)

²Vologda Research Center RAS

(56A Gorky Street, Vologda, 160014, Russia)

³IS FCTAS RAS

(5, k. 1 Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russia)

*E-mail: galinaleonidova@mail.ru

Funding:

The study was funded by RSF grant, project No. 23–18–00775. URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00775/>.

For citation:

Leonidova G. V., Baimurzina G. R., Kabashova E. V. Tutoring as a type of informal employment on digital platforms. *Narodonaselenie. [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 186–200. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-186-200 (in Russ).

Abstract. The article considers tutoring as a type of informal employment, a significant part of which has moved into the digital space and is gaining momentum. The aim of the study is to analyze tutoring in terms of its main forms and assess its prevalence in different regions. The research was based on a sample of tutor profiles from the digital platform Profi.ru, which were obtained by parsing. The study examines the market for tutoring services, focusing on the most popular subjects such as mathematics, English, Russian, and literature. Attention is paid to estimating the number of tutors and their relationship with the socio-economic development of regions, as well as identifying common

and specific features of this phenomenon. The study found: 1) a significant scale of the tutoring market; 2) comparability of the socio-demographic profile of tutors with other studies conducted using different sociological methods; 3) relationship between the level of socio-economic development and the prevalence of tutoring in different regions; and 4) an uneven representation of tutors across Russia's regions. Common patterns were identified among the studied regions: 1) tutors are concentrated in Russia's capital cities and nearby areas; 2) there is stability in the composition of leading regions in terms of number of tutors for all subjects (6 out of 14 regions account for approximately 70% of all tutors); and 3) respondents are approximately evenly distributed across the three subjects analyzed in all selected regions.; 4) a smaller representation of teachers in Russian language and literature as compared to their colleagues in mathematics and English.

Keywords: tutoring, informal sector, platform employment, cost of tutoring services, disciplines, tutoring services, data parsing, region.

References and Internet sources

1. Ponachugin A. V., Sokolov V. A. Organizatsiya repetitorstva v usloviyakh tsifrovizatsii [Organization of tutoring in the context of digitalization]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems. Solutions]. 2023. Vol. 2. No. 1. P. 157–162. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.01.02.021 (in Russ.)
2. Vishnyakova S. M. Professional'noye obrazovaniye: Slovar': Klyuchevyye ponyatiya, aktual'naya leksika [Vocational Education: Dictionary: Key Concepts, Relevant Vocabulary]. Moscow. 1999. 535 p. (in Russ.)
3. Hajar A., Tabaeva A. Primary school students' experiences of English private tutoring in Uzbekistan using participatory methods. *The Asia-Pacific Education Researcher*. 2024. Vol. 33. P. 1501–1514. DOI: 10.1007/s40299-024-00830-9
4. Gupta A. Exposing the «shadow»: an empirical scrutiny of the «shadowing process» of private tutoring in India. *Educational Review*. 2021. Vol. 75(3). P. 394–410. DOI: 10.1080/00131911.2021.1931038
5. Makeev P. A. Repetitorstvo v Rossii: opisaniye yavleniya na osnove onlajn-platform [Private tutoring in Russia: description of the phenomenon based on online platforms]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies]. 2019. Vol. 11. No. 4. P. 106–120. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.106-120 (in Russ.)
6. Zhang W. *Taming the Wild Horse of Shadow Education: The Global Expansion of Private Tutoring and Regulatory Responses*. 2023. 171 p. DOI: 10.4324/978100318453
7. Smirnova Yu. A. Shkol'nyye uchitelya-poluprekarii: tipologiya na primere pedagogov-lingvistov [School teachers semiprecariat: typology on the example of linguist teachers]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta Obshchestvennyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. 2022. No. 1(846). P. 136–143. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_1_846_136 (in Russ.)
8. Chesnokova L. V., Barsukova O. S. Repetitorstvo kak sotsial'no-obrazovatel'nyy fenomen [Tutoring as a socio-educational phenomenon]. *Innovatsionnoye obrazovaniye i ekonomika* [Innovative Education and Economics]. 2021. No. 25. P. 16–21. DOI: 10.55224/26203_2021_25_16 (in Russ.)
9. Sannikov D. A. Repetitorstvo kak vid pedagogicheskoy deyatel'nosti [Tutoring as a type of teaching activity]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Izvestia of Herzen University Journal of Humanities and Sciences]. 2021. No. 199. P. 189–195. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-199-189-195 (in Russ.)
10. Makeev P. A. Repetitorstvo v Rossii: nel'zya uvidet', no mozžno uslyshat' [Tutoring in Russia: you can't see, but you can hear]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 100–121. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.5.5 (in Russ.)
11. Chertakova E. M., Zavadskeya M. A. Pravovoye regulirovaniye repetitorskoj deyatel'nosti v tselyakh preduprezhdeniya moshennichestva [Legal regulation of tutoring activities in order to prevent fraud]. *Molodoj uchenyy* [Young Scientist]. 2022. No. 19(414). P. 342–347. (in Russ.)

12. Fursova V. V., Khannanova D. Kh. Sotsial'noye neravenstvo v sisteme obrazovaniya: otechestvennyye i zarubezhnyye teorii i issledovaniya [Social Inequality in the Education System: Domestic and Foreign Theories and Studies]. Moscow. Direct-Media Publishing. 2013. 324 p. (in Russ.)
13. Zlokazova Yu. V. Tenevaya ekonomika v vysshem obrazovanii: teoreticheskiye i metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu [Shadow economy in higher education: theoretical and methodological approaches to research]. Munitsipalitet: ekonomika i upravleniye [Municipality: Economics and Management]. 2020. No. 4(33). P. 65–74. (in Russ.)
14. Zotova T. A. Tenevoye ekonomicheskoye povedeniye v rossijskom obrazovanii: rol' institutsional'nykh izmenenij [Shadow economic behavior in Russian education: the role of institutional change]. Rektor VUZa [Rector of University]. 2016. No. 7. P. 14–17. (in Russ.)
15. Petsiotis K. Thirty-one and counting in the shadow: A teacher's autoethnography. *Studies in Technology Enhanced Learning*. 2022. Vol. 2(3). Available at: <https://stel.pubpub.org/pub/02-03-petsiotis-2022> (Accessed: 10 August 2024). DOI: 10.21428/8c225f6e.94efbb46
16. Zhukovska A. A. Repetitor i/ili individual'nyj prepodavatel' [Tutor and/or individual teacher]. Problemy sovremennoy obrazovaniya [Problems of Modern Education]. 2021. No. 4. P. 164–170. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-4-164-170 (in Russ.)
17. Gordeychik E. A. Problema obrazovatel'nogo neravenstva: opyt sovremennoj Rossii [The problem of educational inequality: experience of modern Russia]. Sibir' gumanitarnaya [Siberia Humanitarian]. 2023. No. 3(3). P. 54–63. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-54-63 (in Russ.)
18. Abankina I. V., Belova Yu. Yu., Zinkovsky K. V., et.al. Yest' li u pedagogov al'ternativa repetitorstvu dlya uvelicheniya dokhodov? [Do educators have an alternative to tutoring to increase their income?]. Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]. 2022. No. 4. P. 8–32. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-4-8-322022 (in Russ.)
19. Donetskaya S. S., Tretyakova V. A. Predprinimatel'stvo ili strategiya vyzhivaniya? Professional'nyye kharakteristiki i ustremleniya sovremennoy rossijskoy repetitora [Entrepreneurship or survival strategy? Professional characteristics and aspirations of a modern Russian tutor]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences]. 2023. No. 3(71). P. 86–93. DOI: 10.52452/18115942_2023_3_86 (in Russ.)
20. Donetskaya S. S., Tretyakova V. A., Tarutina V. V. Sovremennyy rossijskiy repetitor: professional'nyj portret, stimuly i strategii deyatelnosti [Modern Russian Tutor: Professional Portrait, incentives and activity strategies]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 88–109. (in Russ.)

Information about the authors:

Leonidova Galina Valentinovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Ufa University of Science and Technology; Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: galinaleonidova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0361-2099; Elibrary SPIN-code: 4472–8830.

Baimurzina Guzel Rimovna, Candidate of Economics, Chief Specialist, Leading Researcher, Ufa University of Science and Technology; Leading Researcher, IS FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: guzrim@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1844-2689; Elibrary SPIN-code: 3325–3020.

Kabashova Elena Vladimirovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Contact information: e-mail: e_kabashova@bk.ru; ORCID: 0000-0002-0948-3518; Elibrary SPIN-code: 8300–7547.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-201-211
EDN: BKXPNG

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ В ЭКОНОМИКУ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Борковская Е. И.^{1*}, Александрова О. А.^{1,2}

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru

Для цитирования:

Борковская Е. И., Александрова О. А. Перспективы вовлечения москвичей в экономику совместного потребления // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 3. – С. 201-211. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-201-211; EDN: BKXPNG

Аннотация. Как и жители других столичных мегаполисов, москвичи сталкиваются с рядом проблем: перегруженными дорогами, платными парковками, дорогим жильём. В современном мире в этих вопросах на помощь приходит экономика современного потребления (ЭСП). В Москве имеются объективные факторы для её развития, однако готовы ли москвичи к тому, чтобы отказаться от собственной квартиры и автомобиля в пользу арендных форм жилья и транспорта, а также к тому, чтобы сохранять и приумножать накопления, необходимые для решения, в том числе, и этих проблем с помощью крауд-финансов? На основе концептуальной модели социологического анализа перспектив развития ЭСП было проведено эмпирическое исследование, включавшее анкетный опрос и серию экспертных интервью. Готовность москвичей к взаимодействиям в формате ЭСП тестировалась на трех сферах: жильё, транспорт и финансы (соответственно, изучалось отношение к долгосрочной аренде и коливингу, каршерингу и сервису «автомобиль по подписке», а также к краудлендингу), для чего были разработаны три тематические анкеты и опрашивались три отдельные аудитории (в каждой N=300). Выявлено, что, несмотря на наличие у москвичей потребностей, которые, в принципе, могут быть удовлетворены в рамках ЭСП, а также имеющихся для этого в столице объективных условий, рост секторов ЭСП происходит неравномерно, а в ряде сегментов почти не наблюдается, при этом ключевыми ограничителями выступают факторы социокультурного характера (стереотипы, уровень доверия, способность к кооперации и другие).

Ключевые слова: экономика совместного потребления, Москва, жильё, транспорт, финансы, аренда, коливинг, каршеринг, автомобиль по подписке, краудлендинг.

Введение

Будучи в силу ёмкости рынка труда и иных преимуществ жизни в столице центром притяжения для многих жителей России и мигрантов из-за рубежа, столичный мегаполис одновременно демонстрирует и ряд проблем: перегруженные дороги с огромными «пробками», проблемы с парковкой личного автотранспорта, дороговизна жилья. В современном мире в этих вопросах на помощь всё чаще приходит так называемая экономика совместного потребления (ЭСП) (sharing economy), получившая развитие, благодаря, с одной стороны, распространению цифровых технологий, а, с другой, меняющимся ценностям — приоритету мобильности перед обременительным владением собственностью, заботе об экологии и так далее.

В Москве имеются объективные факторы для развития ЭСП: это, с одной стороны, потребности населения города в жилье и транспорте и при этом заметный рост стоимости жилой недвижимости и содержания собственного автомобиля; с другой — высокий уровень развития цифровых технологий, возможности городского бюджета, образованное и динамичное население. Однако готовы ли москвичи к тому, чтобы отказаться от собственной квартиры и автомобиля в пользу арендных форм жилья и транспорта, а также к тому, чтобы сохранять и приумножать свои накопления, необходимые для решения проблем, включая упомянутые, с помощью т.н. крауд-финансов? Поиск ответов на эти вопросы, позволяющие оценить перспективы и условия развития ЭСП в столице, и стал целью исследования, результаты которого представлены в статье.

Степень разработанности проблемы

Обзор научных публикаций по тематике ЭСП позволяет систематизировать их содержание следующим образом. Во-первых, описываются стимулирующие развитие ЭСП факторы: технологические (появление каналов коммуникаций за счёт ком-

пьютерных технологий [1]), экономические (рост социально-экономического неравенства на фоне избытка товаров, выгода временного доступа к благам по сравнению с их приобретением [2; 3]), экологические (необходимость снижения вредного воздействия товарного производства на окружающую среду [4]), социокультурные (развитие «осознанного» потребления, сопрягающего процесс выбор товара/услуги с этикой, идеалами, ценностями [5; 6]). Некоторые авторы полагают, что ЭСП получила широкое распространение потому, что образовавшийся вследствие «провалов» рынка «социальный вакуум» требует заполнения, а ЭСП помимо экономической выгоды предлагает социальные взаимодействия [7; 8]. Отсюда — её двойственный или гибридный характер (сочетание рыночных и нерыночных отношений) [9] и имеющий место парадокс: ЭСП — продукт капиталистической экономики, но одновременно — своеобразная альтернатива чисто капиталистическим отношениям [10].

Во-вторых, раскрывается суть феномена ЭСП (например, «совместное пользование ресурсом, его обмен или аренда без передачи права его владения» [11] или, сложнее, «система, обеспечивающая больший доступ к ресурсам и эффективность их использования за счёт активизации недоиспользованной стоимости всех активов на основании функционирования цифровых моделей» [12]), в статьях российских авторов представлен ещё и перевод «sharing economy» на русский язык, при этом «зонтичный» характер понятия [13; 14] приводит к многочисленным терминологическим вариациям («экономика совместного пользования / потребления / повторного использования»; «распределительная / одноранговая / коллаборативная экономика», «экономика по требованию» и другое), стремящимся отразить ключевую характеристику явления — «совместность» использования товаров или услуг и широкий спектр связанных с этим взаимодействий.

В-третьих, описываются две модели ЭСП: базирующаяся на получении доступа к некоему ресурсу (the accessed-based

consumption) и собственно совместного потребления (the collaborative consumption): в первом случае фокус внимания исследователей — на ломающем логику развития многих рынков переходе от модели продажи товара/услуги к продаже функции по их использованию, во втором — на объединении людей в сообщества, координирующие приобретение и распределение благ (мотивации объединения, механизмах координации, способах рекрутирования) [15].

В-четвёртых, исследуется эволюция развития ЭСП, например, вычленяются следующие этапы: базовый (именуемый также «secondhand sharing») — совместное (вторичное) потребление, основанное на социальном обмене без использования цифровых технологий [16]; технологический («torrent sharing») — уже цифровой, когда продуктом «шеринга» становится аудио- и видео-контент; платформенный («Uber sharing») — открывший возможность для развития отраслей и крупных игроков ЭСП; и, наконец, «социальный» — характеризующийся иным отношением к собственности и владению благами: идея приобретения собственности уступает идее использования арендных форм, что повышает доступность дорогостоящих благ и комфорта для невысокодоходных групп. При этом оговаривается, что речь — не о всеобщем отказе от стремления к собственности, но о ценностном сдвиге. По мнению большинства исследователей, основная часть стран сейчас находится на данном этапе, но некоторые более развитые страны движутся к пятому этапу — продвинутому или осознанному «шерингу», характеризующегося укоренением моделей ЭСП и их многообразием на фоне ценностных изменений, в том числе связанных с «экологическим сознанием».

Факторы, имеющие социальную природу, выступают в качестве не только стимулов, но и условий развития ЭСП. К числу последних, в первую очередь, относится доверие [17] и тесно связанный с ним институт репутации. В этой связи подчёркивается наличие третьего участника взаимодействия — выступающей посредником цифровой платформы [18], призван-

ной обеспечивать надёжную и комфортную среду для коммуникаций и проведения транзакций, гарантировать условия, отражающие интересы всех сторон в части доверия, простоты и надёжности, перераспределения издержек и рисков [14]. Отсутствие доверия — серьёзный барьер для развития sharing-сервисов [19], отсюда — вопрос страхования моральной ответственности потребителя услуг ЭСП [20]. Исследователи подчёркивают: в случае реализации успешного сценария развития механизмов ЭСП в социуме будет культивироваться доверие, альтруистические мотивы и взаимопомощь в рамках взаимодействия, реализация же противоположного сценария будет приводить к обострению социальных проблем и усугублению социальных и экономических противоречий [15].

Методология исследования

Исследование осуществлялось в несколько этапов. В 2019 г. с помощью массового опроса и фокусированных групповых интервью исследовалось отношение к арендным формам жилья и транспорта московской молодёжи; в 2021 г., во-первых, методом контент-анализа изучалось освещение тематики ЭСП в СМИ и, во-вторых, с помощью фокусированных групповых интервью выяснялась готовность москвичей разных поколений к использованию формата ЭСП для решения проблем в сфере жилья, транспорта, а также личных финансов. Анализ данных, полученных в ходе этих исследований, наряду с изучением научных публикаций, позволил разработать концептуальную модель социологического анализа перспектив развития ЭСП в столичном мегаполисе (рис. 1).

Внешний контур модели — предпосылки развития ЭСП экономического, технологического и социокультурного характера (подробнее — рис. 2); следующий контур — имеющие место в зарубежном опыте практики ЭСП, касающиеся в данном случае тех трёх сфер (жильё, транспорт, финансы), в рамках которых предполагалось тестировать готовность москвичей к участию в ЭСП.

Рис. 1. Концептуальная модель социологического анализа перспектив развития ЭСП в столичном мегаполисе

Fig. 1. Conceptual model of sociological analysis of the prospects for development of sharing economy in the capital megapolis

Источник: разработано авторами.

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЭСП В МИРЕ

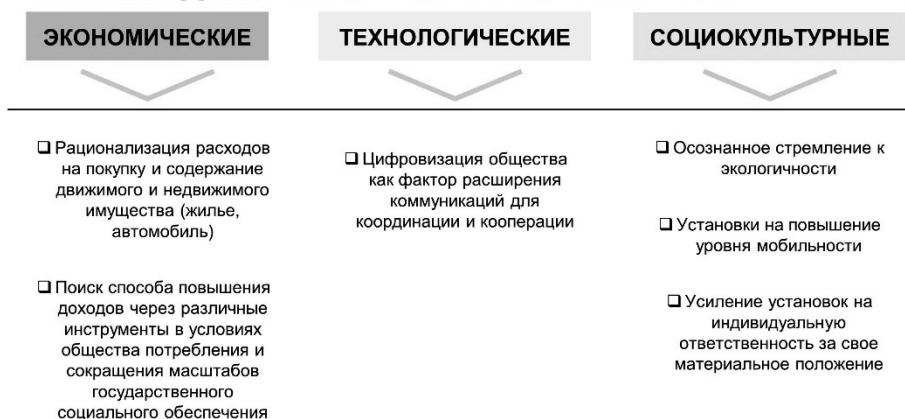

Рис. 2. Предпосылки развития ЭСП в современном мире

Fig. 2. Prerequisites for development of sharing economy in the modern world

Источник: разработано авторами.

Центральная часть модели посвящена перспективам развития ЭСП, которые складываются, с одной стороны, из того, что способно служить драйверами развития, а именно, из существующих у москвичей

потребностей, удовлетворение которых может лежать в плоскости ЭСП, и имеющихся в столице объективных возможностей для развития ЭСП, а, с другой стороны, неких ограничений, барьеров (рис. 3).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭСП В МОСКВЕ

Рис. 3. Слагаемые перспектив развития ЭСП в Москве

Fig. 3. Components of the prospects for development of sharing economy in Moscow

Источник: разработано авторами.

Исходя из этой логики, в ходе массового опроса москвичей в 2024 г. у респондентов сначала выяснялось наличие той или иной потребности, основных способов её удовлетворения и их доступности, а затем — насколько они осведомлены о форматах ЭСП в данной сфере и как к ним относятся (в случае жилья — к долгосрочной аренде, а также коlivingу; в случае транспорта — к каршерингу и сервису «автомобиль по подписке» и в случае финансов — к краудлендингу), готовы ли их использовать.

В связи с тем, что сферы, в рамках которых предполагалось тестировать готовность москвичей к участию в ЭСП, очень разные и при этом требовалось изучить отношение москвичей к формату ЭСП в каждой из них, были разработаны 3 специальные анкеты, содержавшие по 30 преимущественно полузакрытых вопросов, и опрашивались 3 отдельные аудитории численностью по 300 человек с контролем по полу и возрасту (согласно данным Росстата). Анкеты, касающиеся сферы транспорта и личных финансов включали в себя фильтры, призванные отсеять респондентов, которые в силу отсутствия необходимых ресурсов рассуждали бы сугубо абстрактно: в первом

случае опрос проходили москвичи, имеющие водительские права, во втором — использовавшие на момент опроса какие-либо финансовые инструменты, предназначенные для сохранения и/или приумножения имеющихся накоплений.

Завершала полевую часть исследования серия экспертных интервью (весна 2025 г.) с учёными и практиками — специалистами в каждой из трёх исследованных сфер (опрошено 12 экспертов). Гипотеза исследования состояла в том, что, несмотря на наличие у москвичей потребностей, которые, в принципе, могут быть удовлетворены в рамках ЭСП, а также имеющихся для этого в столице объективных условий, рост секторов ЭСП происходит неравномерно, при этом ключевыми ограничителями выступают факторы социокультурного характера (стереотипы, уровень доверия, способность к кооперации и так далее).

Результаты

Готовность москвичей к использованию форматов ЭСП в сфере жилья. Подавляющее большинство москвичей проживает в собственном жилье, однако полностью удовле-

творена им только треть опрошенных. Чаще всего жителей столицы не устраивает метраж (61%), качество строительства или отделки (31 и 37%), количество проживающих на одной жилплощади людей (25%). Переехать в другое помещение в срок до 5-ти лет планируют чуть более половины опрошенных, в то же время, четверть жителей столицы вообще не видит для себя такой возможности. Уровень притязаний москвичей в отношении жилищных условий является умеренным (почти 60% устроила бы 2-х или 3-х комнатная квартира), однако лишь менее пятой части могут приобрести жильё без обращения к заёмным средствам. В условиях чрезмерной стоимости столичного жилья, долговая нагрузка оказывается весьма существенной. Тем не менее, переориентация москвичей на формы жилья с элементами ЭСП пока идёт медленно: твёрдо готовы рассмотреть стратегию долгосрочной аренды порядка 14%, скорее готовы — 26%. Среди основных плюсов аренды жилья — отсутствие необходимости в большом первоначальном взносе, который требуется для ипотеки (30%); возможность не быть привязанными к конкретному жилью (22%) и относительно легко менять его на более комфортабельное или большое (14%). К ключевым недостаткам отнесены: необходимость регулярно направлять деньги «в чужой карман» (более трети опрошенных), риск ценовых перепадов (25%); отсутствие возможности обустройства жилья «под себя» (22%), риск резкого расторжения договора арендодателем (18%).

Формат коливинга жителям столицы практически неизвестен (хорошо знают лишь 8%, что-то слышали — 25%), и после ознакомления с его сутью твёрдую готовность жить в коливинге выразили только 7% опрошенных; ещё 18% «скорее готовы». Более половины респондентов пугает наличие общих кухонь и санузлов; 40% отталкивает ситуация частого взаимодействия с социумом; треть не уверены, что коливинг действительно будет местом проживания единомышленников.

Таким образом, большинство москвичей считают необходимым иметь жильё, нахо-

дящееся в их собственности, видя в нём гарантию стабильности, ценный актив, а также необходимое условие для создания семьи. По мнению экспертов, подобные установки могут объясняться, во-первых, тем, что россияне лишь недавно получили возможность стать собственниками жилья, и жилая недвижимость для абсолютного большинства остаётся единственным активом; во-вторых, советским опытом вынужденного «коммунального» проживания, негативные ассоциации с которым передаются новым поколениям; в-третьих, тем, что в условиях практически перманентной финансовой нестабильности россияне видят в недвижимости один из немногих надёжных инструментов сохранения накоплений, а также источник рентных доходов, особенно, в старости.

Готовность москвичей к использованию форматов ЭСП в сфере автотранспорта. Уровень осведомлённости москвичей о разных «шеринговых» формах использования легкового автотранспорта, заметно разнится: очень высокий относительно каршеринга (81% хорошо знают и 17% что-то слышали) и пока что очень низкий об «автомобиле по подписке» (9% хорошо знают и 27% что-то слышали), что, однако, не помешало высоко оценить перспективы последнего после получения информации о нём и свидетельствует об открытости москвичей к применению новых форматов ЭСП в сфере транспорта.

Москвичами реалистично оцениваются недостатки владения личным автомобилем, связанные с расходами на его содержание и обслуживание, тем более в условиях серьёзной загруженности дорог. Отсутствие этих обременений при использовании автотранспорта в форматах ЭСП выступает их преимуществом. Значим и сдвиг в представлениях о символическом значении собственного автомобиля: существенная доля москвичей не считает это символом успеха, у части респондентов такая установка имеется, но лишь в отношении обладания автомобилем высокого класса. В ситуации, когда удовлетворить посредством автомобиля стремление к демонстративному по-

треблению становится сложнее, готовность использовать «шеринговые» формы, имеющие ряд экономических, экологических и временных преимуществ, может расти. И действительно: почти две трети опрошенных склонны считать, что каршеринг — достойная альтернатива личному автомобилю (твёрдо уверены 18% и 46% — скорее уверены; категорически не согласны менее 10%).

Основные барьеры развития моделей ЭСП в сфере транспорта связаны не со стереотипами (как в жилищной сфере) и не с «входными» барьерами (наличием свободных средств и финансовой грамотности — как в крауд-финансах), а с конкретными недоработками каршеринговых сервисов (ограниченностью автопарка, зон пользования, завершения аренды и т.д.), которые со временем могут быть устранены, а также с дефицитом межличностного доверия (опасениях относительно уровня ответственности и порядочности других пользователей). Опрошенные эксперты в основном разделяют оптимизм в отношении развития «шеринговых» форм использования автотранспорта, обосновывая это, с одной стороны, растущей ценой на автомобили при резком ограничении выбора компаний-автопроизводителей, а, с другой — улучшением работы общественного транспорта (расширением московского метро, обновлением автобусного парка). В меньшей степени склонность к использованию «шеринга» могут проявлять, в силу привычки, водители со стажем, в том числе, не готовые «разделять» транспортное средство с неведомыми им водителями.

Готовность москвичей к использованию форматов ЭСП в сфере финансов. Уровень осведомлённости жителей столичного мегаполиса об инвестиционных инструментах, имеющих отношение к ЭСП, остаётся очень низким (о краудлендинге хорошо знают 10% и 22% — что-то слышали). В то же время, заметная часть считающих накоплениями москвичей считает имеющиеся сегодня возможности для их сохранения и преумножения недостаточными (уверены, что таких способов достаточно только 21%). При этом у существенной части име-

ющих сбережения жителей столицы есть опыт предоставления денег в долг, в трёх четвертях случаев не сопровождавшийся сколько-нибудь значимыми проблемами с должниками. Опыт безвозмездного кредитования других индивидов имеется только у четверти опрошенных москвичей.

В отношении возможности участия в краудлендинге в будущем опрошенная аудитория разделилась пополам, однако твёрдо заявили об отказе рассматривать даже в будущем такой вариант только чуть менее трети респондентов. Жителей столицы, готовых к рассмотрению такого варианта, привлекают самостоятельность выбора инвестиционных проектов, технологические новшества, расчёт на более высокую доходность инновационных финансовых инструментов и, что особенно важно с точки зрения перспектив развития ЭСП, желание делать общее для всех дело, быть причастными к развитию других людей и проектов. Неготовность к участию в краудлендинге респонденты объясняют предпочтением более знакомых и понятных финансовых инструментов (на момент опроса 92% имели банковский депозит, 38% — индивидуальный инвестиционный счёт, от 15% до 22% хранили деньги в иностранной валюте, ценных бумагах и т.п.), отсутствием компетенций для самостоятельного выбора инвестиционных проектов, а также неуверенностью в качестве проверки потенциальных заёмщиков краудлендинговой платформой и страхом потери своих средств в случае возникновения проблем с заёмщиком. В представлениях москвичей ключевые причины заметного отставания России по уровню развития краудлендинга в сравнении с другими странами связаны с недоверием людей друг к другу, к компаниям и правоохранительным органам, то есть, с низким уровнем межличностного и институционального доверия. Ещё один важный фактор — недостаточность доходов, которые могли бы быть направлены в сферу инвестиций. В рамках интервью эксперты подтвердили выявленные в ходе опроса тенденции, а также солидаризировались с москвичами в части видения при-

чин, тормозящих развитие «шеринговых» форм в сфере финансов.

* * *

Тестирование готовности москвичей к удовлетворению своих потребностей в форматах «шеринга» подтвердило гипотезу о неравномерном развитии разных сегментов ЭСП и ограничивающих его социокультурных факторах. Так, в силу исторически сложившихся стереотипов и установок, сформированных уже в наши дни, институт собственности в жилищной сфере вряд ли в ближайшее время будет серьезно потеснен арендой жилья и коливингом. Новизна ин-

струмента и представления о высоких рисках на фоне низкого уровня межличностного и институционального доверия не позволяют ожидать и быстрого развития краудлендинга. Наиболее понятными и приемлемыми для населения являются форматы ЭСП в сфере транспорта, хотя и здесь есть ограничения, связанные с доверием к другим участникам «шеринговых» взаимодействий. Как показали опрос и экспертные интервью, основной целевой аудиторией и двигателем развития разных сегментов ЭСП в большей мере может выступать молодёжь — как более продвинутая в области цифровой компетентности и более подвижная в части ценностных установок.

Литература и Интернет-источники

1. **Lawrence, L.** Remix: Making Art and Commerce Thrive in the Hybrid Economy / L. Lawrence. — New York : Penguin Press, 2008. — 352 p.
2. **Авдокушин, Е. Ф.** Модель шеринга как определяющий фактор функционирования современного бизнеса / Е. Ф. Авдокушин, Е. Г. Кузнецова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. — 2022. — Т. 7. — № 2(24). — С. 201–211. DOI: 10.21603 / 2500-3372-2022-7-2-201-211; EDN: MQXGLC
3. **Gold, L.** Small enterprises at the service of the poor: The economy of sharing network / L. Gold // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. — 2003. — Vol. 9. — Iss. 5. — P. 166–184. DOI: 10.1108 / 13552550310488910
4. **Kriston, A.** The marriage of car sharing and hydrogen economy: A possible solution to the main problems of urban living / A. Kriston, T. Szabo, G. Inzelt // International Journal of Hydrogen Energy. — 2010. — Vol. 35. — Iss. 23. — P. 12697–12708. DOI: 10.1016 / j.ijhydene.2010.08.110
5. **Аликперова, Н. В.** Поведение потребителей: современные реалии и глобальные тренды / Н. В. Аликперова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2019. — Т. 9. — № 4. — С. 46–51. DOI: 10.26794 / 2226-7867-2019-9-4-46-51; EDN: DZKTWB
6. **Беляева, Ю. В.** Трансформация потребительского поведения в России под воздействием развития информационных технологий и цифровизации общества / Ю. В. Беляева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — № 3. — С. 2016–218. DOI: 10.23672 / SAE.2020.2020.58107; EDN: VMKALN
7. **Платонова, Е. Д.** Исследование генезиса и эволюции концепции шеринговой экономики в зарубежных публикациях (по материалам базы данных Scopus) / Е. Д. Платонова // Вестник евразийской науки. — 2019. — № 1. — С. 34. EDN: YBYLNE
8. **Белоконев, С. Ю.** Социальные эффекты совместного потребления (sharing economy): сетевые экономические и политические сообщества / С. Ю. Белоконев, А. А. Хоконов, М. З. Шогенов // Власть. — 2019. — № 6. — С. 115–123. DOI: 10.31171 / vlast.v27i6.6837; EDN: JADFZD
9. **Scaraboto, D.** Selling, Sharing, and Everything in Between: The Hybrid Economies of Collaborative Networks / D. Scaraboto // Journal of Consumer Research. — 2015. — Vol. 42. — Iss. 1 (June). — P. 152–176. DOI: 10.1093 / jcr / ucv004
10. **Richardson, L.** Performing the sharing economy / L. Richardson // Geoforum. — 2015. — Vol. 67. — Iss. 4. — P. 121–129. DOI: 10.1016 / j.geoforum.2015.11.004
11. **Puschmann, T.** Sharing economy / T. Puschmann, R. Alt // Business & Information Systems Engineering. — 2016. — Vol. 58. — Iss. 1. — P. 93–99. DOI: 10.1007 / s12599-015-0420-2

12. **Botsman, R.** What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption / R. Botsman, R. Rogers. — Harper Business, 2010. — 304 p.
13. **Anglada, Q. M.** Research on sharing economy: why are some articles more cited than others? / Q. M. Anglada, A. B. Lara // *Economic Research — Ekonomika I Istraživanja*. — 2019. — Vol. 33. — Iss. 1. — P. 2787–2805. DOI: 10.1080 / 1331677X.2019.1694427
14. **Семячков, К. А.** Тренды развития экономики совместного пользования: анализ индексов / К. А. Семячков, А. Ю. Веретенникова // *Экономика и управление*. — 2022. — № 11. — С. 1089–1099. DOI: 10.35854 / 1998-1627-2022-11-1088-1099; EDN: FLJYGP
15. **Маркеева, А. В.** Экономика участия: расцвет «социальной» экономики или развитие «рентного» капитализма? / А. В. Маркеева // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X Санкт-петербургские социологические чтения: сборник материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2018 г.). — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого, 2018. — С. 80–84.
16. **Norum, P.** Factors affecting consumer acquisition of secondhand clothing in the USA / P. Norum, M. Norton // *Journal of Fashion Marketing and Management*. — 2017. — Vol. 21. — Iss. 2. — P. 206–218. DOI: 10.1108 / JFMM-10-2016-0090
17. **Botsman, R.** Who Can You Trust? How Technology Brought Us Together and Why It Might Drive Us Apart / R. Botsman. — Public Affairs, 2017. — 336 p.
18. **Wang, X.** Research on information sharing platform of supply chain under regional economies environment / X. Wang // *Proceedings 3rd International Conference on Information Management, Innovation Management and Industrial Engineering*. — 2010. — P. 366–369. DOI: 10.1109 / ICHI.2010.408
19. **Chica, M.** An evolutionary trust game for the sharing economy / M. Chica, R. Chiong, M. T. P. Adam, S. Damas, T. Teubner // *Proceedings of IEEE Congress on Evolutionary Computation*. — 2017. — P. 2510–2517. DOI: 10.1109 / CEC.2017.7969610
20. **Weber, T. A.** Intermediation in a Sharing Economy: Insurance, Moral Hazard, and Rent Extraction / T. A. Weber // *Journal of Management Information Systems*. — 2014. — Vol. 31 — Iss. 3. — P. 35–71. DOI: 10.1080 / 07421222.2014.995520

Сведения об авторах:

Борковская Екатерина Игоревна, аспирант факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru, РИНЦ SPIN-код: 2484–1850.

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., зам. директора по научной работе, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; проф. Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; РИНЦ SPIN-код: 4419–6003.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-201-211

PROSPECTS FOR INVOLVING MUSCOVITES IN THE SHARING ECONOMY

Ekaterina I. Borkovskaya^{1*}, Olga A. Aleksandrova^{1,2}

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

²ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru

For citation:

Borkovskaya E. I., Aleksandrova O. A. Prospects for involving Muscovites in the sharing economy Narodonaselenie [*Population*]. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 201-211. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-201-211 (in Russ.)

Abstract. Like residents of other metropolitan cities, Muscovites face a number of problems: congested roads, paid parking, expensive housing. In the modern world, the sharing economy comes to the rescue in these matters. Moscow has objective factors for its development, but are Muscovites ready to give up their own apartment and car in favor of rented housing and transport, as well as to save and increase savings needed to solve, among other things, these problems, with the help of crowd finance? Based on the conceptual model of sociological analysis of the prospects for development of the sharing economy, an empirical study was conducted, including a questionnaire survey and a series of expert interviews. Muscovites' readiness for interactions in the sharing economy format was tested in three areas: housing, transport and finance (respectively, the attitude towards long-term rent and co-living, car sharing and the «car by subscription» service, as well as crowdlending was studied), for which three thematic questionnaires were developed and three separate audiences were surveyed (N=300 in each). It was found that, despite the presence of needs among Muscovites that, in principle, can be satisfied within the sharing economy, as well as the objective conditions available for this in the capital, the growth of the sharing economy sectors is uneven, and in some segments it is practically not observed, while the key constraints are socio-cultural factors (stereotypes, level of trust, ability to cooperate, etc.).

Keywords: sharing economy, Moscow, housing, transport, finance, rent, co-living, car sharing, car by subscription, crowdlending.

References and Internet sources

1. Lawrence L. *Remix: Making Art and Commerce Thrive in the Hybrid Economy*. New York. Penguin Press. 2008. 352 p.
2. Avdokushin E. F., Kuznetsova E. G. Model' sheringa kak opredelyayushchij faktor funktsionirovaniya sovremennogo biznesa [Sharing model as a determining factor of modern business] Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. [*Bulletin of Kemerovo State University*]. 2022. Vol. 24. No. 2. P. 201–211. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-2-201-211 (in Russ.)
3. Gold L. Small enterprises at the service of the poor: The economy of sharing network. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2003. Vol. 9. No. 5. P. 166–184. DOI: 10.1108/13552550310488910
4. Kriston A., Szabo T., Inzelt G. The marriage of car sharing and hydrogen economy: A possible solution to the main problems of urban living. *International Journal of Hydrogen Energy*. 2010. Vol. 35. Iss. 23. P. 12697–12708. DOI: 10.1016/j.ijhydene.2010.08.110
5. Alikperova N. V. Povedeniye potrebitel'ev: sovremennyye realii i global'nyye trendy [Consumer behavior: current realities and global trends] Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [*Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*]. 2019. Vol. 9. No. 4. P. 46–51. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-46-51 (in Russ.)
6. Beliaeva Yu. V. Transformatsiya potrebitel'skogo povedeniya v Rossii pod vozdeystviem razvitiya informatsionnykh tekhnologiy i tsifrovizatsii obshchestva [Transformation of consumer behavior in Russia under the influence of development of information technologies and digitalization of society]. Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskije i obshchestvennyye nauki [*Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*]. 2020. No. 3. P. 2016–218. DOI: 10.23672/SAE.2020.2020.58107 (in Russ.)
7. Platonova E. D. Issledovaniye genezisa i evolyutsii kontseptsii sheringovoj ekonomiki v zarubezhnykh publikatsiyakh (po materialam bazy dannyykh Scopus) [Research of the genesis and evolution of the concept of sharing economy in foreign publications (based on the Scopus database)] Vestnik yevrazijskoj nauki [*Bulletin of Eurasian Science*]. 2019. No. 1. P. 34. (in Russ.)

8. Belokonev S. Yu., Khokonov A. A., Shogenov M. Z. Sotsial'nyje efekty sovmestnogo potrebleniya (sharing economy): setevye ekonomicheskije i politicheskije soobshchestva [Social effects of joint consumption (sharing economy): network economic and political communities]. *Vlast'* [Authority]. 2019. No. 6. P. 115–123. DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6837 (in Russ.)
9. Scaraboto D. Selling, Sharing, and Everything in Between: The Hybrid Economies of Collaborative Networks. *Journal of Consumer Research*. 2015. Vol. 42. Iss. 1 (June). P. 152–176. DOI: 10.1093/jcr/ucv004
10. Richardson L. Performing the sharing economy. *Geoforum*. 2015. Vol. 67. No. 4. P. 121–129. DOI: 10.1016/j.geoforum.2015.11.004
11. Puschmann T., Alt R. Sharing economy. *Business & Information Systems Engineering*. 2016. Vol. 58. No. 1. P. 93–99. DOI: 10.1007/s12599-015-0420-2
12. Botsman R., Rogers R. *What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption*. 2010. Harper Business. 304 p.
13. Anglada Q. M., Lara A. B. Research on sharing economy: why are some articles more cited than others? *Economic Research — Ekonomika Istrazivanja*. 2019. Vol. 33. No. 1. P. 2787–2805. DOI: 10.1080/1331677X.2019.1694427
14. Semyachkov K. A., Veretennikova A. Yu. Trendy razvitiya ekonomiki sovmestnogo pol'zovaniya: analiz indeksov [Trends in the development of the sharing economy: analysis of indices] *Ekonomika i upravleniye [Economy and Management]*. 2022. No. 11. P. 1089–1099. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-11-1088-1099 (in Russ.)
15. Markeeva A. V. Ekonomika uchastiya: rastsvet «sotsial'noj» ekonomiki ili razvitije «rentnogo» kapitalizma? [Sharing economy: the rise of the «social» economy or the development of «rent» capitalism] Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: realii i sovremennye vyzovy. 10 Sankt-peterburgskije sotsiologicheskiye chteniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Sankt-Peterburg, 13–14 aprelya 2018 g.) [*The Fourth Industrial Revolution: Realities and Modern Challenges*. X St. Petersburg Sociological Readings: the International Scientific Conference (St. Petersburg, April 13–14, 2018)]. Sankt Peterburgskij politekhnicheskij universitet Petra Velikogo [Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University]. St. Petersburg. 2018. P. 80–84. (in Russ.)
16. Norum P., Norton M. Factors affecting consumer acquisition of secondhand clothing in the USA. *Journal of Fashion Marketing and Management*. 2017. Vol. 21. No. 2. P. 206–218. DOI: 10.1108/JFMM-10-2016-0090
17. Botsman R. *Who Can You Trust? How Technology Brought Us Together and Why It Might Drive Us Apart*. 2017. Public Affairs. 336 p.
18. Wang X. Research on information sharing platform of supply chain under regional economies environment. *Proceedings of the 3rd International Conference on Information Management, Innovation Management and Industrial Engineering*. 2010. P. 366–369. DOI: 10.1109/ICIII.2010.408
19. Chica M., Chiong R., Adam M. T. P., Damas S., Teubner T. An evolutionary trust game for the sharing economy. *Proceedings of IEEE Congress on Evolutionary Computation*. 2017. P. 2510–2517. DOI: 10.1109/CEC.2017.7969610.
20. Weber T. A. Intermediation in a Sharing Economy: Insurance, Moral Hazard, and Rent Extraction. *Journal of Management Information Systems*. 2014. Vol. 31. No. 3. P. 35–71. DOI: 10.1080/07421222.2014.995520

Information about the authors:

Borkovskaya Ekaterina Igorevna, Postgraduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Contact Information: e-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru; Elibrary SPIN-code: 2484–1850.

Aleksandrova Olga Arkadyevna, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, ISESP FCTAS RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; Elibrary SPIN-code: 4419–6003.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-212-222
EDN: BCSGYM

ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА РАБОТЫ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Коленникова О. А. *, Токсанбаева М. С.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: kolennikova@mail.ru

Для цитирования:

Коленникова О. А., Токсанбаева М. С. Значение опыта работы для квалификации медицинских специалистов // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 212-222. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-212-222; EDN: BCSGYM

Аннотация. Значение анализа опыта работы в разрезе повышения квалификации медицинских специалистов обусловлено тем, что его накопление — сравнительно долгий процесс, который слабее, чем освоение знаний, поддаётся динамизации. При этом он весомо воздействует на рост квалификации, образуя в том числе два уязвимых контингента — малоопытных и самых опытных кадров. Влияние опыта работы на квалификационные характеристики и потребности в дополнительной профессиональной подготовке у медицинских специалистов с разным трудовым стажем исследованы на примере врачебного персонала. Эмпирической базой исследования послужил проведённый в 2023 г. выборочный анкетный опрос специалистов, занятых в медицинских организациях Москвы. Опрос показал, что к малоопытным относятся врачи со стажем работы по специальности до 5 лет (преимущественно до года), а к самым опытным — со стажем от не менее 15 лет (преимущественно более 25 лет). Установлено, что уязвимыми по квалификации являются только малоопытные врачи. Уязвимость самых опытных врачей относится не столько к их квалификационному потенциалу, сколько к его реализации, осложнённой в силу возраста. Эти их особенности важно учитывать в дополнительной профессиональной подготовке, в организации и режимах труда. Учёт возрастной специфики врачей с большим стажем работы способствует продуктивной занятости этого квалифицированного и очень опытного контингента, а также передаче в тех или иных формах (включая наставничество) накопленных им знаний и умений менее опытным коллегам.

Ключевые слова: медицинский специалист, врач, опыт работы, квалификация, профессиональное развитие, жёсткие и мягкие навыки.

Введение

Повышение качества трудового потенциала и прежде всего квалификации работников относится к важнейшим задачам социально-экономического развития страны. Это нашло отражение в стратегических программных документах Российской Федерации, в которых отмечено, что дефицит квалификации и отчасти её снижение наблюдаются даже в ключевых сферах народного хозяйства, поэтому улучшение квалификационных характеристик рабочей силы в данных сферах принадлежит к числу стратегических приоритетов¹. В их состав входит и здравоохранение, реализующее, как и ряд других отраслей (образование, наука), инвестиции в человеческий капитал.

В исследованиях вопросов повышения квалификации акцент обычно делается на базовом и дополнительном обучении, необходимом для поддержания и обновления профессиональных компетенций [1]. Уровень этих компетенций в основном согласуется с понятием квалификации, закреплённом в Трудовом кодексе РФ. Но в него помимо уровня знаний, умений, профессиональных навыков, приобретённых в ходе образовательной подготовки, входит также опыт работы, который не всегда рассматривается как важная квалификационная характеристика². Так, одним из индикаторов опыта работы является трудовой стаж, и в современных исследованиях преобладающее внимание уделяется его роли не столько в наращивании квалификации, сколько в социальном обеспечении населения (доплаты к пенсии и другое) [2]. Однако стаж работы, а значит, и накопление опыта в трудовой деятельности также способствует росту квалификации.

¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Минэкономразвития РФ. – URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>; Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 12.05.2025).

² Трудовой кодекс РФ (ред. 2025 г.) // Консультант. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=mb8asu05xk786656489 (дата обращения: 12.05.2025).

Изучение значимости практической работы для повышения квалификации сталкивается с проблемой её объективных оценок, которые периодически пересматриваются. В здравоохранении это можно проследить на примере измерительных инструментов, разработанных для институтов оценки квалификации медицинских специалистов (аккредитация, аттестация на категорию и на звание «Московский врач/медицинская сестра»). Прежде всего для института аттестации на категорию происходит пересмотр стажа работы, необходимого для её получения. Выявился также тренд отхода от формальных и относительно устойчивых критериев оценки (образование, квалификационная категория, учёная степень и звание) в пользу характеристик текущих компетенций и результативности работы специалиста³. К оценке привлекаются также мнения о профессионализме лечащего врача не только экспертов и руководства, но и пациентов.

Что касается стажа работы, то вопрос о его связи с уровнем квалификации медицинских специалистов является дискуссионным. С одной стороны, врачи с большим опытом работы принадлежат преимущественно к старшим возрастным группам, а потому их квалификационные характеристики должны быть выше, чем у специалистов молодого и среднего возраста, что до недавнего времени в немалой степени подтверждалось [3]. С другой стороны, в современных условиях у возрастных врачей в большей мере происходит обесценение знаний и навыков, полученных при обучении профессии. Это приводит к их отставанию от более молодых кадров, подготовленных по современным образовательным программам. Кроме того, большой стаж нередко сопровождается врачебными ошибками из-за эмоционального выгорания и когнитивных расстройств. Частота этих симптомов, по ряду исследований, начинает нарастать при стаже 15–24 года [4]. А у молодых специалистов (стаж до 7 лет)

³ Организационно-кадровые механизмы повышения эффективности работы медицинских организаций / ред. Е.И.Аксенова, О.А.Александрова. – Москва: НИИОЗММ ДЗМ, 2022. – 205 с.

и возрастных (стаж более 25 лет) объективная нехватка знаний, как правило, стала нивелироваться после обучения в рамках непрерывного медицинского образования, что привело к минимизации соответствующих различий между врачами с разным стажем [5]. К тому же у медицинских специалистов по мере роста стажа меняются требования к формам дополнительного медицинского образования [6] и растут претензии к качеству программ образования [7]. Вопрос о квалификационных различиях врачей с разным стажем требует дальнейшего изучения, так как в условиях ограниченности кадров в ключевых сферах деятельности, к которым принадлежит здравоохранение, следует полнее задействовать имеющийся кадровый потенциал, включая малоопытных и возрастных специалистов.

Цель исследования — анализ влияния опыта работы на квалификационные характеристики медицинских специалистов и выявление направлений их дополнительной подготовки в разрезе групп с разным трудовым стажем (на примере врачебного персонала в медицинских учреждениях системы Департамента здравоохранения города Москвы (ДЗМ)).

Материалы и методы

Основным источником информации послужил выборочный анкетный опрос врачей и среднего медицинского персонала, проведённый под эгидой НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента (НИИОЗММ) в 2023 г. при участии авторов. В опросе с использованием технологии CAWI на цифровой платформе сайта НИИОЗММ ДЗМ участвовали медицинские специалисты из подведомственных ДЗМ медицинских организаций (амбулаторного, стационарного и прочего типа; взрослые и детские учреждения). Влияние опыта работы на накопление квалификационного потенциала рассмотрено по врачебному персоналу, для которого данные вопросы стоят острее в связи с большей сложностью труда по сравнению со средним медицинским персоналом. Поэтому из общей базы

данных сформирована подвыборка из 844 респондентов-врачей, которая взвешена на основе данных официальной статистики о структуре врачебного персонала учреждений системы ДЗМ за 2023 г. (с учётом типа подразделения, возраста и наличия квалификационной категории). Ошибка подвыборки при расчёте относительных величин с вероятностью 0,954 не превышает 3,4%. Выводы о наличии различий и статистической связи делались на основе статистики хи-квадрат, нулевая гипотеза об их отсутствии при $p < 0,05$ отвергалась.

Для анализа выделены группы респондентов на основе сведений о стаже работы по специальности, по которой они работали на момент опроса. В отечественных и зарубежных научных публикациях границы менее и более опытных работников сильно варьируются, то есть их идентификация не регламентирована. В методологии Росстата используются пятилетние интервалы с выделением двух крайних групп со стажем работы в пределах одного года и более 30 лет. В данном исследовании интервалы стажа укрупнены с учётом специфики профессии врача и предварительного анализа материалов опроса. В составе опрошенных выделены 5 категорий со стажем работы: до года (8,1% респондентов), от 1 до 5 лет (21,6%), от 5 до 15 лет (36,0%), от 15 до 25 лет (17,7%) и более 25 лет (16,6%).

Результаты

Достижению полноценного врачебного профессионализма способствуют разные факторы, и качественное базовое медицинское образование — лишь один из них. В ходе анкетного опроса у респондентов выяснялось, каким образом формируется надлежащий уровень квалификации по специальности, по которой они работают. Ответы, представленные на рис. 1, позволяют соизмерить отдельные компоненты этого механизма, и среди них — важность накопления практического опыта. Самыми важными источниками, отмеченными абсолютным большинством опрошенных, являются получение базовых профессиональных зна-

ний в образовательной организации и накопление практического опыта на текущем рабочем месте. Вторыми по важности респонденты сочли самообразование и участие в дополнительном профессиональном образовании, а третьим — помощь коллег в различных формах, включая наставничество. Одну из приоритетных ролей в этом процессе играет опыт работы, значение ко-

торого респондентами оценено даже выше базовой профессиональной подготовки.

Для определения уровня квалификации использовались самооценки респондентов, касающиеся соотношения этого уровня с требованиями к нему на занимаемых ими должностях (табл. 1). По данным таблицы, проблемы недостаточной квалификации выявляются в начале профессиональной карьеры

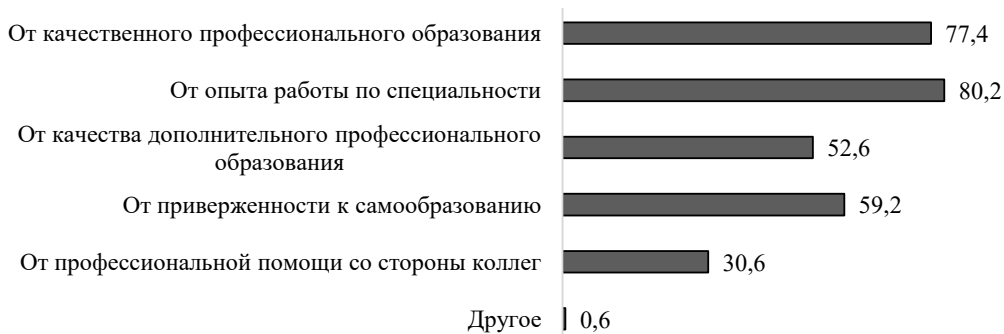

Рис. 1. Распределение респондентов по ответам на вопрос «От каких факторов, на Ваш взгляд, зависит надлежащий уровень квалификации по Вашей специальности?», %

Fig. 1. Distribution of respondents by answers to the question «What factors do you believe influence the appropriate level of qualification in your field?» (%)

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

(стаж до 5 лет). Хотя открыто о её нехватке сообщила незначительная часть опрошенных с данным стажем, однако косвенным показателем куда большего их числа служит значительное число затруднившихся ответить.

Требуют пояснения и ответы респондентов, указавших на наличие сверхквалификации. Выяснено, что среди них подавляющее большинство имеет высокий уровень профессионального образования (ординатура, интернатура, учёная степень), каждый третий — большой общий стаж медицинской работы, чем по текущей специальности, свидетельствующий, что часть из них прошла переподготовку по новой специальности. В данном случае небольшой опыт работы может служить ограничением допуска к более сложным видам работ, несмотря на высокий уровень формального образования и/или наличия багажа практического опыта по другой специальности. В целом первые пять лет являются периодом интенсивного наращивания профессиональных

компетенций. Его завершение соотносится с установленными требованиями для получения первой квалификационной категории и профессионального статуса «Московский врач».

Судя по самооценкам респондентов, выход на пик квалификации происходит при стаже 5–15 лет, когда у подавляющего большинства персонала с данным стажем (89%) квалификация соответствует выполняемой работе или превышает требования к ней. При стаже 15–25 лет число таких респондентов сохраняется на высоком уровне, но с небольшим снижением (85%). Отчасти это связано с тем, что для указанного периода характерно продвижение врачей на должности с более широким кругом обязанностей и ответственности, включая руководящие посты. Наивысшего значения (91%) число респондентов с надлежащим квалификационным потенциалом или сверхквалификацией достигается при стаже более 25 лет, что подтверждает важность опыта работы.

Таблица 1

Распределение респондентов с разным стажем работы по ответам на вопрос «Соответствует ли выполняемая работа в организации Вашей квалификации?», %

Table 1

Distribution of respondents with varying work experience by answers to the question «Does your work in this organization correspond to your qualifications?», %

Стаж работы	Вариант ответа				Итого
	Квалификация выше	Примерно соответствует	Квалификация ниже	Затрудняетесь ответить	
До 1 года	9,0	61,2	1,5	28,3	100
От 1 до 5 лет	11,7	67,2	2,8	18,3	100
От 5 до 15 лет	20,7	68,2	0,7	10,4	100
От 15 до 25 лет	15,0	70,1	1,4	13,5	100
Более 25 лет	18,2	73,0	1,5	7,3	100
В среднем	16,1	68,8	1,5	13,6	100

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

У респондентов также выяснялось, какие факторы влияют на качество работы. В состав факторов негативного влияния включены недостаточная обеспеченность оборудованием, препаратами и материалами; регламентированность работы; высокие нормы обслуживания пациентов; психологическая напряжённость в коллективе и прочее. Судя по ответам, 35% респондентов с более чем 25-летним опытом работы не испытывают проблем с качественным выполнением своих должностных обязанностей, хотя среди опрошенных со стажем менее 25 лет — только каждый пятый, то есть значительно меньше. Сложности из-за нехватки профессиональных знаний в основном испытывают те, кто начинает работать по специальности и активно наращивает квалификацию: 16% со стажем не более года и 6% проработавших от года до 5 лет.

Таким образом, траектория изменения квалификационного уровня под влиянием практического опыта характеризуется форсированным наращиванием компетенций в течение первых пяти лет с последующим медленным процессом совершенствования. Важен и другой аспект изучения влияния стажа работы на квалификацию — по каким направлениям образуется дефицит профессиональных компетенций на различных

сроках профессиональной карьеры. Чтобы прояснить эти моменты, сопоставлялись ответы респондентов с разным опытом работы на вопрос о том, в каких областях знаний они испытывают потребность в дополнительной профессиональной подготовке (табл. 2). По данным таблицы, испытывают потребность в дополнительном обучении почти все опрошенные врачи независимо от стажа. Главный интерес представляют так называемые жёсткие навыки (*hard skills*), то есть специализированные знания и умения, которые относятся к специфическому человеческому капиталу, накапливаемому и востребованному на конкретном предприятии [8]. В медицинских организациях по мере нарастания опыта практической работы потребность в дополнительной подготовке снижается. Так, среди опытных врачей (более 25 лет стажа) число заинтересованных пройти дополнительное обучение по текущей специальности на четверть меньше, чем среди «новичков» (работают не более года). Тем не менее даже у самых опытных врачей она остаётся на достаточно высоком уровне.

Наибольший интерес к другим, прежде всего, смежным специальностям проявляют менее опытные респонденты (стаж в пределах 5 лет), а наименьший, наоборот, с более чем 25-летним стажем. По-

Таблица 2

Распределение респондентов с разным стажем работы по специальности по ответам на вопрос «В какой сфере знаний Вы испытываете потребность в дополнительной подготовке?», %

Table 2

Distribution of respondents with varying work experience by answers to the question «In which area of knowledge do you feel the need for additional training?» (%)

Вариант ответа	Стаж работы по специальности, лет:					В среднем
	до 1 года	1-5	5-15	15-25	более 25	
Сфера Вашей специальности	79,1	64,8	62,5	59,2	59,4	63,3
Сфера других медицинских специальностей	45,6	32,2	27,4	27,9	18,1	28,5
Широкий круг медицинских вопросов	38,8	28,9	32,4	29,3	26,8	30,7
Отработка практических навыков (умений)	28,4	30,0	29,1	23,1	18,8	26,5
Работа с медицинским оборудованием, приборами	11,8	15,1	21	19,7	14,5	17,7
Сфера IT, освоение компьютерных программ	19,1	15,6	23,7	26,4	36,2	24,1
Законодательная и правоприменительная практика в здравоохранении	38,8	41,1	41,8	26,5	26,8	36,2
Управление и работа с персоналом	17,9	16,1	20,7	12,8	8,7	16,1
Иностранные языки	58,2	36,3	27,1	17,7	10,9	27,3
Взаимодействие в команде специалистов	22,1	6,1	9,7	10,2	14,5	10,8
Коммуникации с пациентами	26,5	12,8	19,7	13,6	16,1	17,1
Потребности не испытываете	1,5	1,7	4,7	3,4	4,4	3,5

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

требность быть в курсе новаций по широкому кругу медицинских вопросов, включая «новичков», у которых она самая высокая, во всех стажевых группах оказалась схожей. Нехватка компетенций в части практических навыков больше у опрошенных со стажем работы до 15 лет (указали 28–30%), а среди более опытных врачей она существенно меньше. Обучение работе с медицинским оборудованием зависит не столько от опыта работы, сколько от специфики труда и переоборудования медицинских учреждений современной техникой (которое, как правило, сопровождается специализированным обучением персонала). Обобщая, можно сказать, что потребность в наращивании hard skills наиболее остро стоит у респондентов первого года в профессии. Затем острота этой потребности несколько снижается, но остаётся

достаточно большой до накопления 5-летнего стажа, а по отдельным компонентам и до 15 лет практической работы.

Квалификационный уровень современного медицинского специалиста включает также компетенции в сферах, тесно связанных с медициной. В их числе прежде всего важны законодательная и правоприменительная практика (относящаяся к здравоохранению), управление персоналом, владение цифровыми технологиями и иностранными языками. Желание помочь пациенту нередко сталкивается с риском нарушения установленных нормативно-правовых положений, знание которых позволяет избежать правового конфликта. Поэтому необходимость быть осведомлённым в перманентно меняющихся правилах и нормах в названном перечне компетенций заняла у респондентов второе ме-

сто после врачебной специальности. Сильнее востребовано владение законодательно-правовой базой у опрошенных со стажем до 15 лет, слабее — у более опытных коллег (более 15 лет стажа).

Компетенции в области управления персоналом важны на руководящих должностях, и на их нехватку указало небольшое число опрошенных (16%). Наибольший интерес к ним у опрошенных со стажем до 15 лет, то есть тех, кто ориентирован на карьерное продвижение. Потребность пройти дополнительное обучение по этому направлению у респондентов, отработавших более 25 лет крайне невысокая. К изучению иностранного языка очень высокий интерес проявляют врачи (58%), только начавшие работать по специальности, с ростом стажа работы он угасает, и среди врачей, проработавших более 25 лет, он остаётся лишь у 11%. Совершенно иное дело компетенции в IT-сфере. В этом случае наибольшую заинтересованность в дополнительном обучении высказали самые опытные врачи со стажем не менее 25 лет (36%), более того, данная проблема у них стоит на втором месте после потребности в знаниях по врачебной специальности. В меньшей мере нехватка необходимых для работы знаний и навыков в IT-сфере присуща молодым врачам со стажем до 5 лет.

В ходе исследования выяснялась также потребность врачей с разным опытом работы в прохождении дополнительного обучения по двум важнейшим для врачебной работы направлениям в части гибких навыков (soft skills), относящихся к общему человеческому капиталу и охватывающему универсальные (надпрофессиональные) компетенции, не связанные с конкретной профессией и специальностью. Это умение наладить коммуникацию с пациентом и навыки взаимодействия в команде. Выявилось, что данными навыками опрошенные врачи вполне владеют, и в большей мере проблемы испытывают «новички», то есть те, кто работает не более года. При этом взаимоотношения с пациентами их, как, впрочем, и других специалистов, беспокоят больше, чем командная работа.

Обсуждение

С точки зрения опыта работы в здравоохранении, как и во многих других отраслях, традиционно выделяют такие уязвимые группы специалистов, как малоопытные и самые опытные кадры, в значительной мере представленные молодёжью и лицами старшего возраста. Если в предыдущие годы спрос на них был сравнительно ограниченным, то в условиях современного дефицита кадров их востребованность повышается, поскольку опытных специалистов наиболее активного трудового возраста стало заметно не хватать. В этой связи актуализируются исследования по вопросам уровня квалификации кадров с разным опытом работы, а также её поддержания и повышения в уязвимых группах. В особенности это важно для сферы здравоохранения и её врачебного персонала, поскольку ввиду сложности и ответственности оказания медицинской помощи населению его трудовой опыт, накапливаемый годами, играет крайне важную роль.

В исследовании, проведённом на основе анкетного опроса медицинских специалистов, индикатором опыта работы послужил трудовой стаж по специальности. Данные опроса подтвердили, что необходимый уровень квалификации врачебного персонала прежде всего зависит от опыта работы, несколько опережая по значимости даже фактор качественного профессионального образования. Согласно опросу, наибольшую нехватку квалификации ощущают врачи со стажем работы до года, и эта нехватка во многом обусловлена проблемами образовательного процесса в подготовке врачей [9]. Она заметно снижается, когда стаж приближается к 5 годам (хотя и в этом случае дефицит квалификации ещё не достигает средних по совокупности врачей значений).

В остальных стажевых группах квалификационные характеристики превышают средний уровень. Поэтому, согласно данным опроса, к уязвимым группам целесообразно отнести только кадры, чей стаж ограничен 5 годами и в особенности од-

ним годом. Из этого не следует, что у более опытных специалистов нет проблем с накопленным квалификационным потенциалом. Кроме того, их наличие сглаживается тем, что численность врачебного персонала старших возрастных групп имеет в системе ДЗМ тенденцию к сокращению [10], в том числе из-за роста интенсификации труда. Так, например, в амбулаторных подразделениях жёстко ограничили время приёма пациентов, что, с одной стороны, повышает напряжённость работы, а с другой — ухудшает её качество, что более нетерпимо для возрастных и опытных врачей. Подобная практика способствует оттоку старшего поколения, но вместе с тем и утрате ценной части совокупного трудового потенциала организаций, которая накоплена этим поколением опытным путём.

Полученная в опросе информация о потребности врачей в дополнительной профессиональной подготовке позволила выявить, в каких аспектах и при каком опыте работы их квалификация нуждается в улучшении. В группе со стажем до года квалификационная уязвимость обнаруживается почти по всем аспектам, кроме владения компьютерными технологиями. По цифровым технологиям явно уязвима группа со стажем более 25 лет, зато по отработке практических навыков она, напротив, является явным лидером. В ней наряду с группой со стажем в 15–25 лет также лучше освоена правоприменительная практика и работа с пер-

соналом. Что касается врачей со стажем от 5 до 15 лет, то их потребности в дополнительной подготовке близки к средним.

* * *

Задача повышения квалификации медицинских специалистов наиболее остро стоит для малоопытных кадров, для которых актуально усилить работу с наставниками из групп опытных врачей с большим стажем. Для кадров, работающих по специальности более 25 лет, необходимо улучшить подготовку в области ИТ-технологий. Что касается врачебного персонала со стажем от 5 до 15 лет, ему целесообразно совершенствовать практические навыки, владение законодательно-правовой базой и умение работать с персоналом. Разумеется, необходимо учитывать возрастную специфику врачей с большим стажем работы, чтобы занятость этого квалифицированного и очень опытного контингента способствовала снижению дефицита кадров и трансляции в тех или иных формах накопленных им знаний и умений на трудовой коллектив. Более того, важно принимать меры для удержания и привлечения на работу возрастных специалистов, без чего при их ограниченности трудно обеспечить сбалансированную по квалификации и слаженную работу трудового коллектива.

Литература и Интернет-источники

1. **Григорьева, И. В.** Формы и способы повышения квалификации в контексте реализации профессиональных стандартов / И. В. Григорьева // Вестник Российского университета кооперации. — 2019. — № 1(35). — С. 29–34. EDN: YMBTTN
2. **Токарева, Е. А.** Вопросы использования термина «стаж» в трудовом праве и праве социального обеспечения / Е. А. Токарева // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2015. — № 4. — С. 67–70. EDN: VBXBVN
3. **Ганцева, Х. Х.** Профессиональный статус врачей хирургических специальностей в процессе трудовой деятельности / Х. Х. Ганцева, И. Р. Рахматуллина, Т. В. Ахметова, Н. Г. Валиева // Креативная хирургия и онкология. — 2010. — № 3. — С. 18–21. EDN: MTCJMZ
4. **Александровский, А. А.** Еще раз о непрерывном медицинском образовании и ошибках врачей / А. А. Александровский, Н. Ю. Лещанкина, В. В. Столярова [и др.] // Московская медицина. — 2016. — № S1(12). — С. 71–72. EDN: CASBMF

5. **Васильева, И. В.** Особенности эмоционального выгорания врачей в зависимости от стажа работы / И. В. Васильева, П. Е. Григорьев // Таврический журнал психиатрии. — 2017. — Т. 21. — № 1(78). — С. 21–27. EDN: ZWJTYF
6. **Волнухин, А. В.** Влияние пола, возраста и стажа на образовательные предпочтения российских врачей общей практики / А. В. Волнухин, Т. Е. Морозова, Г. П. Сквирская [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2023. — Т. 31. — № 4. — С. 639–644. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-4-639-644; EDN: QGIYJR
7. **Забиоров, Р. В.** Повышение квалификации медицинских кадров: проблемы и перспективы решения / Р. В. Забиоров, О. В. Иванчук // ЦИТИСЭ. — 2019. — № 4(21). — С. 146–154. DOI: 10.15350/24097616.2019.4.16; EDN: WGMZAV
8. **Дорошенко, Е. В.** Пожизненная занятость и накопление человеческого капитала в современной экономике / Е. В. Дорошенко // Экономическая наука в современной России. — 2011. — № 2(53). — С. 101–113. EDN: NXWVRD
9. **Александрова, О. А.** Профессиональная подготовка врачей: эксперты о проблемах образовательного процесса (часть вторая) / О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Ю. С. Ненахова // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 54–65. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.6; EDN: SZJACQ
10. **Коленникова, О. А.** Обновление кадров в столичном здравоохранении: социально-демографические аспекты / О. А. Коленникова, М. С. Токсанбаева // Здоровье мегаполиса. — 2025. — Т. 6. — № 2. — С. 8–17. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i2;8–17; EDN: SCPWJS

Сведения об авторах:

Коленникова Ольга Александровна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6115; РИНЦ SPIN-код: 8352-5335.

Токсанбаева Майраш Сейткадыевна, д.э.н., главный научный сотрудник, зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: matoksan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3570-592X; РИНЦ SPIN-код: 7200-6511.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-212-222

THE IMPORTANCE OF WORK EXPERIENCE FOR THE QUALIFICATION OF MEDICAL SPECIALISTS

Olga A. Kolennikova*, Mairash S. Toksanbaeva

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

**E-mail: kolennikova@mail.ru*

For citation:

Kolennikova O. A., Toksanbaeva M. S. The importance of work experience for the qualification of medical specialists. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 212-222. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-212-222 (in Russ.)

Abstract. *The significance of analyzing work experience in the context of the professional development of medical specialists is determined by the fact that the accumulation of experience is a relatively long process that is less amenable to dynamization than the acquisition of knowledge. Nevertheless, it significantly impacts the enhancement of qualifications, creating, among other things, two vulnerable groups: inexperienced and highly experienced personnel, predominantly comprising younger and*

older employees. The influence of work experience on the qualification characteristics and the need for additional professional training among medical specialists with varying lengths of service has been investigated using a sample of doctors. The empirical basis for this study was a survey conducted in 2023 among medical professionals working in healthcare organizations in Moscow. The survey showed that inexperienced doctors are those with less than five years of experience in their specialty (mainly less than one year), while highly experienced doctors are those with at least 15 years of experience (primarily over 25 years). It was found that only inexperienced doctors are vulnerable in terms of qualifications. The vulnerability of highly experienced doctors relates not so much to their qualification potential as to its realization, which is complicated by age-related factors. These characteristics are crucial to consider in additional professional training, as well as in the organization of work and working conditions. Considering the age-specific needs of doctors with extensive work experience contributes to the productive work of this qualified and experienced group, as well as to the transfer of their accumulated knowledge and skills to less experienced colleagues through various forms including mentorship.

Keywords: medical specialist; doctor; work experience; qualifications; professional development; hard and soft skills.

References and Internet sources

1. Grigoryeva I. V. Formy i sposoby povysheniya kvalifikatsii v kontekste realizatsii professionalnykh standartov [Forms and methods of improving qualifications in the context of realization of professional standards]. Vestnik Rossijskogo universiteta kooperatsii [Vestnik of the Russian University of Cooperation]. 2019. No. 1(35). P. 29–34. (in Russ.)
2. Tokareva Ye. A. Voprosy ispol'zovaniya termina «stazh» v trudovom prave i prave sotsial'nogo obespecheniya [The aspects of «length of work» term usage in Labor Law and Social Security Law]. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia]. 2015. No. 4. P. 67–70. (in Russ.)
3. Gantseva H. H., Rakhmatullina I. R., Akhmetova T. V., Valieva N. G. Professional'nyj status vrachej khirurgicheskikh spetsial'nostej v protsesse trudovoj deyatel'nosti [Surgical physicians occupational status during their labor activity]. Kreativnaya khirurgiya i onkologiya [Creative Surgery and Oncology]. 2010. No. 3. P. 18–21. (in Russ.)
4. Aleksandrovsky A. A., Leshchankina N. Yu., Stolyarova V. V., et al. Yeshcho raz o nepreryvnom meditsinskom obrazovanii i oshibkakh vrachej [Revisiting continuous medical education and physician errors]. Moskovskaya meditsina [Moscow Medicine]. 2016. No. S1(12). P. 71–72. (in Russ.)
5. Vasilieva I. V., Grigoriev P. E. Osobennosti emotsional'nogo vygoraniya vrachej v zavisimosti ot stazha raboty [Features of emotional burnout of physicians depending on work experience]. Tavricheskij zhurnal psikiatrii [Acta Psychiatrica. Psychologica. Psychotherapeutica et Ethologica Tavrica]. 2017. Vol. 21. No. 1(78). P. 21–27. (in Russ.)
6. Volnukhin A. V., Morozova T. E., Skvirskaya G. P., et al. Vliyanije pola, vozrasta i stazha na obrazovatel'nyje predpochteniya rossijskikh vrachej obshchej praktiki. [The influence of gender, age and length of service on educational preferences of general practitioners in Russia]. Problemy sotsial'noj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]. 2023. Vol. 31. No. 4. P. 639–644. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-4-639-644 (in Russ.)
7. Zabirow R. V., Ivanchuk O. V. Povysheniye kvalifikatsii medicinskih kadrov: problemy i perspektivy resheniya [Qualification of medical personnel: problems and prospects for solution]. CITISE. 2019. No. 4(21). P. 146–154. DOI: 10.15350/24097616.2019.4.16 (in Russ.)
8. Doroshenko E. V. Pozhiznennaya zanyatost' i nakopleniye chelovecheskogo kapitala v sovremennoj ekonomike [Life-time employment and accumulation of human capital in present-day economy]. Ekonomicheskaya nauka v sovremennoj Rossii [Economics of Contemporary Russia]. 2011. No. 2(53). P. 101–113. (in Russ.)

9. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Nenakhova Yu. S. Professional'naya podgotovka vrachej: eksperty o problemakh obrazovatel'nogo protsessa (chast' vtoraya) [Professional training of doctors: opinions of experts on problems of the educational process (Part 2)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 54–65. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.6 (in Russ.)
10. Kolennikova O. A., Toksanbaeva M. S. Obnovleniye kadrov v stolichnom zdravookhranении: sotsial'no-demograficheskiye aspekty [Personnel renewal in Moscow healthcare system: socio-demographic aspects]. *Zdorov'ye megapolisa [City Healthcare]*. 2025. Vol. 6. No. 2. P. 8–17. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i2;8–17 (in Russ.)

Information about the authors:

Kolennikova Olga Aleksandrovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6115; Elibrary SPIN-code: 8352–5335.

Toksanbaeva Mairash Seitkazyevna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: matoksan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3570-592X; Elibrary SPIN-code: 7200–6511.

Статья поступила в редакцию 04.05.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-223-234
EDN: IXOMHC

РОЛЬ СТОЛИЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПАЦИЕНТОВ

Александрова О. А.^{1,2,3*}, Махрова О. Н.^{1,2}

¹НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ)
(115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: a762rab@mail.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках НИР «Научно-методическое обеспечение организационных аспектов повышения доступности и качества медицинской помощи в государственной системе здравоохранения города Москвы» (№ по ЕГИСУ 123032100063–3).

Для цитирования:

Александрова О. А., Махрова О. Н. Роль столичных медицинских работников в формировании самосохранительного поведения пациентов // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 223–234.
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-223-234; EDN: IXOMHC

Аннотация. В статье рассмотрена роль российской системы здравоохранения в формировании у населения самосохранительного поведения, в первую очередь, приверженности здоровому образу жизни (ЗОЖ); выделены способы, которыми это может осуществляться; определены факторы эффективности этой деятельности. Выявлены основные методы формирования у населения самосохранительного поведения, реализуемые медицинскими организациями, подведомственными Департаменту здравоохранения Москвы (ДЗМ), выделены наиболее эффективные виды информационно-просветительской деятельности, применяемые для пропаганды основ ЗОЖ, определена степень осведомлённости врачей и среднего медицинского персонала о мероприятиях, направленных на сбережение здоровья москвичей (с учётом половозрастных различий медицинских специалистов и наличия у них опыта работы, а также в зависимости от типа медицинской организации). В связи с тем, что значимую роль в формировании у населения основ самосохранительного поведения играет личный пример медицинского специалиста, изучены: а) распространённость ЗОЖ среди медицинских работников (в зависимости от возраста и материального положения) столичных медицинских организаций (МО); б) объективные и субъективные причины, которыми медицинские работники объясняют свою неготовность полноценно реализовывать здоровые привычки. Показано, что заметное влияние на формирование здоровых привычек оказывает материальное положение медицинских работников: по мере роста уровня доходов наблюдается нарастание доли ведущих ЗОЖ. На основе результатов авторских социологических исследований 2023–2024 гг. выделен один из важных факторов (профессиональное выгорание и его причины), препятствующий медицинским работникам выступать в роли проводников здоровых привычек для населения, а также мешающий самим работникам придерживаться тактики сбережения здоровья.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, медицинские работники, население, здоровый образ жизни, пациенты, медицинская организация, здоровые привычки.

© Александрова О. А., Махрова О. Н., 2025

Постановка проблемы

В теоретических исследованиях и в современной медицинской практике выделяется проблема не только важности самосохранительного подведения для сбережения физического и психологического здоровья человека, но и той роли, которую в формировании соответствующих моделей поведения населения призвана играть система здравоохранения. Не случайно ВОЗ относит реализацию рекомендаций по соблюдению ЗОЖ к предоставлению базовых услуг здравоохранения и уже разработала для этого ряд необходимых принципов и рекомендаций, а за рубежом, и в последние годы в России [1] в качестве одного из разделов профилактического здравоохранения активно развивается медицина образа жизни, делающая акцент на укрепляющей здоровье силе привычек и практик. Одновременно личный пример медицинского специалиста, в первую очередь работника амбулаторно-поликлинического звена, стал предметом обсуждения в плане изучения его роли, значимости и возможности активного воздействия на пациентов при формировании здоровых повседневных привычек.

Для достижения цели исследования осуществлён анализ научной литературы, касающейся самосохранительного поведения человека, принципов ЗОЖ, роли медицинских работников в формировании у населения соответствующих моделей поведения; анализ социологической информации, собранной сотрудниками отдела лидерства в здравоохранении НИИОЗММ ДЗМ в ходе массового опроса (2023 г.) медицинских специалистов (n=1449), работающих в медицинских организациях (МО), подведомственных Департаменту здравоохранения Москвы (ДЗМ), а также глубинных структурированных интервью (2024 г.) с 23-мя экспертами — врачами и представителями управленческого звена (главные врачи, главные медицинские сёстры, заведующие отделениями стационаров и поликлиник Москвы); вторичный анализ результатов социологических исследований, реализованных другими исследователями.

Поведение индивида, направленное на сбережение и/или разрушение здоровья, рассматривается учёными, как в целом [2], так и в отношении разных возрастных групп населения, в частности, столичной молодёжи [3]; в разрезе регионов России [4]. По результатам социологических исследований [5; 6] и систематизации научных изысканий выделяют модели поведения населения в отношении своего здоровья [7] и конкретные практики сбережения здоровья [8]. Отдельное внимание уделяется роли самосохранительной активности для повышения показателя ожидаемой продолжительности жизни [9–11], а также барьеров, возникающих на пути реализации ЗОЖ [12; 13]. Гораздо меньше в научной литературе затрагивается вопрос мотивации врачей на ведение здорового образа жизни [14; 15], а также на готовность (в современных условиях и обязанность) транслировать пациентам мысль о необходимости поведения для сбережения здоровья и профилактики заболеваний [16; 17].

Результаты исследования

По мнению российских исследователей, наиболее эффективным способом формирования сберегающих здоровье привычек является индивидуальная беседа с пациентом [16, с. 191], и связано это с тем, что именно медработников основная часть населения считает главным источником достоверной медицинской информации¹. Среди видов информационно-просветительской деятельности выделяют: «а) выступления медицинских специалистов в СМИ; б) проведение в учреждениях немедицинского профиля просветительских лекций; в) участие в массовых мероприятиях (акциях по борьбе с вредными привычками, профилактики неинфекционных заболеваний); г) передача знаний в области формирования приверженности ЗОЖ медицинским работникам или специалистам смежных отраслей (социальным работникам и т.п.);

¹ Индекс здоровья будущего. Отчёт по России. — URL: <https://www.philips.ru/a-w/about-philips/future-health-index/reports/2017/how-can-global-health-systems-use-digital-technology.html> (дата обращения: 20.03.2025).

д) разоблачение недостоверной информации (мифов), касающейся ЗОЖ» [16, с. 194].

Сочетание личных усилий (и собственного позитивного примера) медицинского работника с организацией необходимых мероприятий учреждениями здравоохранения может способствовать эффективному формированию принципов здорового образа жизни у пациентов, врачей и среднего медперсонала² [14] как трансляторов правильных привычек населению. Проведённое в 2018 г. социологическое исследование среди работников медицинских организаций (МО), подведомственных ДЗМ, позволило оценить степень вовлечённости московских специалистов здравоохранения в процесс формирования ЗОЖ у населения [16]. Согласно данным опроса³, «регулярно участвовали» в деятельности по профилактике неинфекционных заболеваний путём формирования у москвичей установок на реализацию ЗОЖ более трети медработников, и ещё около четверти «участвовали время от времени». Основными направлениями работы были: формирование установок на правильное питание, борьбу с избыточной массой тела, реже — на борьбу с вредными привычками.

В рамках проведённого с участием авторов массового опроса медицинских работников, занятых в МО, подведомственных ДЗМ, в 2023 г. респондентам был задан сначала закрытый вопрос о том, проводятся ли в их МО мероприятия по формированию у населения самосохранительного поведения, а затем, в рамках открытого вопроса, их просили указать используемые формы этой работы. Результаты оказались неожиданными: в целом по выборке на вопрос, проводятся ли подобные мероприятия в их МО, утвердительно ответили лишь чуть более трети медработников (35%), отрицательно — 22%, а «затруднились ответить» —

43% (!) респондентов. При этом мужчины чаще, нежели женщины считают, что такие мероприятия проводятся: 44% против 34%; доля же полагающих, что их нет, от пола не зависит. Возможно, большая доля полагающих, что такая работа ведётся, среди мужчин связана с тем, что они чаще работают узкими специалистами (а не участковыми терапевтами) и потому чаще имеют дело с серьёзными заболеваниями, эффективность лечения которых требует соблюдения принципов ЗОЖ, что своим пациентам и рекомендуют соответствующие узкие специалисты.

Обнаруживается и явная корреляция осведомлённости и возраста: чем моложе респонденты, тем меньше среди них полагающих, что такая работа ведётся (одна треть). Увеличение доли уверенных в проведении соответствующих мероприятий наблюдается в группе респондентов в возрасте от 50 до 65 лет: 44%; но затем, в группе самых пожилых медработников доля уверенных снижается до 33%. Доля затруднившихся с ответом наиболее высока среди самых молодых медработников — 52%.

Самая большая доля затруднившихся с ответом — среди только начавших свой трудовой путь (стаж до 1 года) — 54%, но и среди тех, кто давно связан с медициной, например, в группе медработников со стажем 11–15 лет, доля затруднившихся — 48%. Влияние такого фактора, как стаж работы в данной МО, имеет похожую тенденцию, хотя и не столь однозначную: вновь очень высока доля затруднившихся с ответом — максимальная у работающих менее года или 2–3 лет (49 и 50%) и минимальная, хотя также большая, у работающих в данной МО более 16 лет (39%); в остальных, разделённых по стажу работы группах, доля затруднившихся с ответом колеблется на уровне 41–44%. Доля уверенных, что такая работа ведётся, в среднем составляет треть и чуть более (максимум в 39% — в группе со стажем работы в данной МО 11–14 лет).

Заметный разброс мнений наблюдается в зависимости от типа МО, в которой работают респонденты. Больше всего (половина

² Поведённое в Институте социологии Республики Беларусь исследование базировалось на оценке деятельности системы здравоохранения по сохранению и улучшению здоровья врачей и оценке усилий самих врачей по сохранению и укреплению своего здоровья.

³ В рамках анкетирования было опрошено 603 медработника, занятых в 2 стационарах и 8 детских и взрослых поликлиниках, а также проведены две фокус-группы — отдельно с врачами и с заведующими отделениями.

группы и более) считающих, что такая работа ведётся, было среди работников скорой медицинской помощи (50%), специализированных медицинских центров (52%), родильных домов (67%) и санаториев (50%); несколько меньше — среди работников госпиталей (46%) и диспансеров (41%). Отметим, что среди работников поликлиник, консультативно-диагностических центров (КДЦ) и больниц (то есть тех МО, где население бывает чаще всего) доля утверждающих, что такая работа проводится, заметно меньше — на уровне 35–36%, и в этих же типах МО особенно высока доля затруднившихся с ответом: в поликлиниках — 45%, КДЦ — 42%, больницах — 47%. Скорее всего, обозначившиеся тенденции связаны с тем, что чаще наставления (в части влияющего на течение заболевания образа жизни, приверженности лечению, регулярного обращения в МО для контроля над заболеванием) даются медработниками, сталкивающимися с уже серьёзно больными людьми или в момент острой фазы болезни (диспансер, скорая помощь, специализированный медицинский центр, госпиталь), либо в тех МО, где это является неотъемлемой частью деятельности (санаторий). Возможно, полученные данные объясняются одной из следующих версий: а) не все медицинские специалисты понимают, какую деятельность следует квалифицировать, как направленную на формирование самосохранительного поведения населения, и потому не назвали то, что, на самом деле, делается; б) медработники понимают, что под этим подразумевается, и непосредственно сами проводят такую работу, но не знают, что за деятельность может быть, когда речь идёт о МО в целом. В то же время, тот факт, что столь большая доля медработников, занятых в МО, которые призваны заниматься профилактикой, а не только лечением (поликлиники и КДЦ, а также в какой-то мере стационары), не осведомлена о такой работе или отрицает её наличие либо даже просто не понимает, что в неё входит (и потому затрудняется с ответом) говорит о серьёзных системных недоработках.

Классификация полученных от немногочисленной части респондентов ответов

на открытый вопрос, какие именно мероприятия реализуются в их МО с целью формирования у населения самосохранительного поведения, выглядит следующим образом (табл. 1).

Исследование позволило выделить объективные и субъективные факторы, препятствующие медицинским специалистам эффективно формировать приверженность пациентов здоровым привычкам (табл. 2).

В задачи исследования входило и выявление поведения самих медицинских работников — как потенциальных и наиболее значимых проводников здоровых привычек — в отношении сбережения собственного здоровья. Вторичный анализ данных социологического опроса 2022 г., когда сравнивались поведенческие паттерны врачей и преподавателей медицинских вузов⁴, показал, что «четверть респондентов вела недостаточно здоровый образ жизни» (25%); «плохо» соблюдали принципы ЗОЖ 4% врачей и 1% преподавателей. Основной проблемой была «низкая физическая активность», выявленная у 79% опрошенных лиц (96% врачей, 68% преподавателей), низкая ответственность за здоровье (10%) и нерациональное питание у преподавателей (4%), низкие навыки управления стрессом у врачей (5%)» [15].

Наше авторское исследование 2023 г. позволило составить представление о том, насколько привержены самосохранительному поведению представители персонала МО, подведомственных ДЗМ, и, если нет, то почему. Более четверти опрошенных московских медицинских работников признались, что «скорее не следуют здоровым привычкам». К ним, по-видимому, можно добавить и 7% затруднившихся с ответом (всё-таки, речь идёт о специалистах в области медицины, которые, в отличие от непрофессионалов, не могут не иметь представлений о ЗОЖ и о том, как с ним соотносится их собственный образ жизни). При этом заметим, что и вариант утвердительного ответа был сформулирован не слишком жёстко

⁴ В опросе приняли участие 176 человек (75 врачей, 101 преподаватель высших медицинских учебных заведений), сотрудников государственных бюджетных учреждений Москвы в возрасте от 23 до 78 лет, (91 женщина, 85 мужчин).

Таблица 1

Ответы медицинских работников на вопрос «Что представляют собой реализуемые в Вашей МО мероприятия по формированию у населения самосохранительного поведения?»

Table 1

Distribution of responses of medical workers to the question «What are the measures implemented in your Ministry of Defense to form self-preservation behavior among the population?»

Меры формирования у населения самосохранительного поведения	%
Школы здоровья (например, школа диабета, глаукомы, родителей и т.п.)/центры здоровья/кабинет отказа от курения	5
Диспансеризация пациентов/приглашение на диспансеризацию или вакцинацию	3
Лекции, в т.ч. выездные (по темам, связанным с профилактикой заболеваний, ЗОЖ и т.д.)	8
Профилактические беседы/Беседы с пациентами/информирование/консультации (по различным темам, в т.ч. связанным с профилактикой, ЗОЖ и т.п.)	7
Пропаганда ЗОЖ/Санпросвет работа	5
День донора/день отказа от курения и т.п.	0
Программа активного/московского долголетия, направление пациентов на эти программы	1
Дни открытых дверей/дни пациентов, встречи с пациентами	2
Обучение пациентов гигиене (специальные мероприятия)	0
Просветительские публикации в Интернете, социальных сетях, на сайте	3
Конференции/круглые столы/ форумы	1
Информационные (агитационные) стенды/брошюры/буклеты/реклама в местах ожидания приёма	2

Источник: результаты авторского исследования.

Таблица 2

Факторы, мешающие медработникам формировать приверженность населения привычкам, сберегающим здоровье

Table 2

Factors preventing health workers from forming public commitment to health-preserving habits

Фактор	Содержание
Профессиональная подготовка	Отсутствие у медицинских специалистов необходимой профессиональной подготовки в части профилактической медицины/медицины образа жизни
Навыки коммуникации	Отсутствие у медицинских специалистов коммуникационной компетентности для эффективного формирования установки пациентов на сберегающее здоровье поведение
Интервал времени, отведённого на приём пациента	Отсутствие дополнительного времени на проведение консультаций пациентов по вопросам ЗОЖ
Материальные стимулы	Отсутствие материального стимулирования деятельности по формированию у пациентов приверженности ЗОЖ
Профессиональное выгорание	Физическая и эмоциональная усталость врачей и среднего медперсонала
Личный пример	Неспособность/нежелание медработников служить образцом для пациентов в области сбережения собственного здоровья

Источник: составлено авторами.

(«скорее, да»), что позволяло выбрать его и тем респондентам, кто точно знает, что не во всём следует ЗОЖ. Таким образом, можно сделать вывод: существенная часть врачей и среднего медперсонала, занятых

в государственных МО Москвы, не следует принципам ЗОЖ.

Зависимость приверженности ЗОЖ от пола и стажа работы респондентов не обнаружена, а возраст медицинских работ-

ников, как оказалось, имеет определённое значение: среди более молодых и в самой старшей возрастной группе меньше тех, кто ведёт ЗОЖ, нежели в иных возрастных группах (57% в той и другой группе против 66–67% в остальных группах). То же касается и тех, кто признался, что не ведёт ЗОЖ: 36% среди самых молодых и 33% среди самых старших против 23–26% среди остальных возрастных групп. Возможно, молодёжь, действительно, ведёт образ жизни, отличный от здорового, а самые старшие респонденты — слишком требовательны, чтобы отнестись свой образ жизни к полностью соответствующему ЗОЖ (на эту версию работает и тот факт, что среди самых возрастных респондентов в 2 раза больше затруднившихся с ответом — 10% против 5%).

Заметное влияние оказывает материальное положение: по мере роста уровня доходов респондентов наблюдается нарастание доли ведущих ЗОЖ: так, если среди тех, кому денег в основном хватает только на еду⁵, ЗОЖ ведут 58% респондентов, то уже на следующей ступеньке доходной лестницы — 66% и так далее — до 75–76% среди тех, кто может позволить себе купить автомобиль и даже квартиру. В этой ситуации логично, что доля выбравших вариант ответа «скорее, нет» выше среди малообеспеченных и почти вдвое ниже среди высокодоходных респондентов. Врачи заметно чаще, чем медицинские сёстры, берегут здоровье — 73% против 60%. И наоборот: если среди врачей только 23% полагают, что скорее не ведут ЗОЖ, то среди медицинских сестёр — 31%, среди последних также больше затруднившихся с ответом (9%). Эти результаты говорят о необходимости уделять дополнительное внимание формированию приверженности здоровым привычкам у среднего медперсонала, поскольку, кроме прочего, на него перекладывается всё больше функций, в том числе, связанных с общением с пациентами, страдающими хроническими заболеваниями, для которых следование принципам ЗОЖ нередко имеет критически важное значение. Что касается связи следования здоро-

вым привычкам с типом МО, в которой работает респондент, то вариант «скорее, нет» чаще других выбирали работники хосписов (43%) и роддомов (33%); среди работающих в других типах МО доля таких респондентов составила от 18% до 30%.

Выявленные причины, препятствующие следованию принципам ЗОЖ, показали, что московские медицинские работники, в первую очередь, ссылаются на отсутствие времени и недостаток самодисциплины, далее идёт ссылка на нехватку сил ввиду большой нагрузки на работе и дома (табл. 3). С существенным отрывом следуют причины материального характера, касающиеся нехватки средств на организованные занятия спортом, качественную еду, медицинские услуги (в т.ч., профилактические). Почти каждый пятый назвал причиной, нивелирующий эффект от ЗОЖ, высокий уровень стресса.

В ходе осуществлённого исследования определён важный фактор, препятствующий, даже при наличии желания врачей и медицинских сестёр беречь своё здоровье, достижению целей самосохранения — профессиональное (эмоциональное) выгорание [18; 19]. Результаты, полученные авторами после систематизации глубинных интервью (2024 г.) с руководителями медицинских организаций, подведомственных ДЗМ, подтверждают высокую степень распространённости данного негативного явления среди медицинских работников: по мнению опрошенных экспертов, симптомы выгорания наблюдаются во всех типах МО и затрагивают от 20% до 90% медперсонала [20, с. 222], независимо от пола и возраста. Сложно представить, чтобы врач, не будучи сам в состоянии справиться с собственным физическим и психологическим нездоровьем и хроническим стрессом, был бы готов своим примером демонстрировать навыки сбережения здоровья.

Выводы

Итак, как показало исследование, существенная часть медицинских специалистов, занятых в МО, подведомственных ДЗМ, либо не осведомлена о реализуемых в их МО ме-

⁵ Самооценка респондентами своего материального положения производилась по шкале, которую традиционно использует ВЦИОМ.

Таблица 3

**Распределение ответов столичных медицинских работников
на вопрос, что им мешает вести здоровый образ жизни, %**

Table 3

Distribution of responses of the capital's medical workers to the question
about what prevents them from leading a healthy lifestyle, %

Барьеры ведения ЗОЖ	%
Недостаточная самодисциплина (не можете заставить себя действовать согласно правилам ЗОЖ)	45,8
Работа и домашние дела не оставляют времени на ЗОЖ (на регулярные прогулки, занятия физкультурой, достаточный сон, приготовление здоровой пищи и так далее)	50,2
Работа и домашние дела не оставляют сил на ЗОЖ (на регулярные прогулки, занятия физкультурой, приготовление здоровой пищи и т.д.)	29,7
Нет денег на качественные продукты питания	13,6
Нет денег для занятия фитнесом, посещения бассейна и тому подобное	19,2
Нет денег на оплату медицинских услуг, которые было бы полезно получить (в том числе, профилактических, санационных услуг)	13,7
Не чувствуете поддержки окружающих (семьи, коллег), а в одиночку ЗОЖ не получается	3,6
При такой нервной жизни никакой ЗОЖ не поможет	18,0
Не уверены в серьёзном влиянии ЗОЖ на здоровье и продолжительность жизни	3,9

Источник: результаты авторского исследования.

роприятиях по формированию у пациентов модели самосохранительного поведения, либо, что вероятнее, не вполне понимают, какого рода деятельность относится к подобным мероприятиям, и потому отрицает их проведение либо затрудняется с ответом.

Основными реализуемыми в МО мероприятиями по формированию у населения самосохранительной модели поведения являются: школы здоровья, проведение диспансеризации и вакцинации, профилактические беседы с пациентами, направление пациентов на связанные с ЗОЖ программы (активного долголетия и т.п.), просветительская деятельность в виде публикаций в масс-медиа, публичных лекций, проведения соответствующих «дней» (донора, отказа от курения), наглядная агитация. Медицинские специалисты МО, подведомственных ДЗМ, сами недостаточно практикуют здоровые привычки, что неблагоприятно влияет на их здоровье, а также снижает эффективность их воздействия на пациентов в части формирования приверженности ЗОЖ. Свою неготовность вести правильный образ жизни медицинские работники объясняют, прежде всего, отсутствием времени,

самоконтроля и сил; заметная часть медицинских специалистов, особенно молодёжи, указывает на недостаточность средств для организованных занятий спортом и покупки качественных продуктов питания. Важно также отметить, что среди барьеров следования здоровым привычкам, согласно проведённым интервью, медицинские специалисты выделяют крайнюю загруженность («интенсивность труда»), наличие симптомов эмоционального выгорания, в первую очередь, по причине постоянного стресса, испытываемого на рабочем месте.

Полученные результаты говорят о необходимости, во-первых, повышать уровень знаний медицинских специалистов в области профилактической медицины, расширять их представления о роли медицинских организаций и специалистов в формировании у населения модели сбережения здоровья, и, во-вторых, усилить работу по пропаганде ЗОЖ среди самих медицинских работников, принимать меры организационного и стимулирующего характера для создания условий, благоприятствующих привитию здоровых привычек, снижать уровень интенсивности труда, обучать навыкам борьбы со стрессом.

Литература и Интернет-источники

1. **Аксенова, Е. И.** Медицина образа жизни и рекомендации, направленные на формирование мотивации медицинских работников к здоровому образу жизни за рубежом / Е. И. Аксенова, Н. Н. Камынина, П. С. Турзин // *Здоровье мегаполиса*. — 2023. — Т. 4. — № 3. — С. 120–129. DOI: 10.47619 / 2713-2617.zm.2023.v.4i3;120–129; EDN: SMDEFY
2. **Локосов, В. В.** Факторы формирования основ самосохранительного поведения населения / В. В. Локосов, А. В. Ярашева, О. А. Александрова // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 192–205. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-192-205; EDN: IYJIMH
3. **Александрова, О. А.** Самосохранительное поведение молодых москвичей: установки, практики, проблемы реализации / О. А. Александрова, Е. И. Медведева, С. В. Крошилин, Д. И. Марков // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. — 2022. — Т. 30. — № S. — С. 949–955. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2022-30-s1-949-955; EDN: VGMXZV
4. **Локосов, В. В.** Специфика самосохранительного поведения населения столичного региона / В. В. Локосов, И. Б. Назарова, В. М. Карпова, С. В. Ляликова // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. — 2024. — Т. 32. — № S2. — С. 1130–1136. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2024-32-s2-1130-1136; EDN: DQISLN
5. **Вяткина, Н. Ю.** Особенности приверженности жителей г. Москвы здоровому образу жизни: результаты анкетного опроса / Н. Ю. Вяткина, И. В. Рожков // *Социология медицины*. — 2022. — Т. 21. — № 1. — С. 71–82. DOI: 10.17816 / socm109425; EDN: CZTMMN
6. **Александрова, О. А.** Научные подходы к развитию кадрового потенциала столичного здравоохранения: опыт 5 лет исследований / О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Е. И. Медведева, С. В. Крошилин // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 140–152. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-4-140-152; EDN: PNJSPY
7. **Аксенова, Е. И.** Модели поведения населения в отношении своего здоровья / Е. И. Аксенова, О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Н. В. Аликперова // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. — 2023. — Т. 31. — № S2. — С. 1081–1086. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2023-31-s2-1081-1086; EDN: LHPNNK
8. **Ярашева, А. В.** Современные здоровьесберегающие практики россиян / А. В. Ярашева, С. В. Макара, Н. В. Аликперова // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 127–138. DOI: 10.19181 / population.2023.26.2.11; EDN: XOZVXW
9. **Аликперова, Н. В.** Ожидаемая продолжительность жизни населения: роль самосохранительного поведения / Н. В. Аликперова, О. Н. Махрова // *Самоуправление*. — 2022. — № 4 (132). — С. 170–174. EDN: XRWLUI
10. **Кураева, В. М.** Хорошее здоровье и благополучие в интересах устойчивого развития Москвы: состояние и перспективы / В. М. Кураева // *Здоровье мегаполиса*. — 2022. — Т. 3. — № 3. — С. 17–29. DOI: 10.47619 / 2713-2617.zm.2022.v.3i3;17–29; EDN: ZUCDFV
11. **Александрова, О. А.** Семинар «Экономика для человека: образование, здравоохранение, культура» на VIII Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе / О. А. Александрова, А. В. Ярашева // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 189–194. DOI: 10.19181 / population.2023.26.2.16; EDN: GJMLFR
12. **Ярашева, А. В.** Воспроизводство трудовых ресурсов в организациях столичного здравоохранения / А. В. Ярашева // *Уровень жизни населения регионов России*. — 2021. — Т. 17. — № 2. — С. 243–251. DOI: 10.19181 / lspr.2021.17.2.8; EDN: BOVKRE
13. **Александрова, О. А.** Профессиональное выгорание медицинских работников: подходы к выявлению и профилактике / О. А. Александрова, А. В. Ярашева, К. Н. Царанов [и др.] // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. — 2024. — Т. 32. — № S2. — С. 1047–1052. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2024-32-s2-1047-1052; EDN: MHERTO
14. **Щавелева, М. В.** К вопросу о мотивации врачей на здоровый образ жизни / М. В. Щавелева // *Здоровье и окружающая среда*. — 2015. — № 25–2. — С. 243–246. EDN: ZAUIMT
15. **Алленов, А. М.** Готовность участников здоровьесбережения к мотивации населения к ведению здорового образа жизни / А. М. Алленов, Е. В. Макарова, О. А. Бенеславская [и др.] // *Общественное здоровье*. — 2022. — Т. 2. — № 4. — С. 4–14. DOI: 10.21045 / 2782-1676-2022-2-4-4-

- 14; EDN: NUSYDG
16. **Богдан, И. В.** Методы распространения здорового образа жизни медицинскими работниками: опыт медико-социологического анализа / И. В. Богдан, М. В. Гурылина, Д. П. Чистякова // Вестник НГУЭУ. — 2018. — № 4. — С. 188–198. EDN: YURZFF
 17. **Ярашева, А. В.** Развитие корпоративной культуры сотрудников медицинских организаций / А. В. Ярашева, Д. И. Марков // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 1. — С. 155–166. DOI: 10.19181 / population.2022.25.1.13; EDN: OTZEEV
 18. **Вяткина, Н. Ю.** Социально-экономические аспекты профессионального выгорания врачей / Н. Ю. Вяткина, Е. Д. Сарнакова // Терапевт. — 2023. — № 6. — С. 28–36. DOI: 10.33920 / MED-12-2306-04; EDN: CAWKGV
 19. **Абросимов, И. Н.** Современный взгляд на феномен профессионального выгорания в медицинской среде: обзор литературы / И. Н. Абросимов, З. О. Зоева, К. Н. Царанов, А. Г. Тарбастаев // Менеджер здравоохранения. 2024. — № 2. — С. 83–92. DOI: 10.21045 / 1811-0185-2024-3-83-92; EDN: AYTUVB
 20. **Ярашева, А. В.** Эксперты о проблеме профессионального выгорания медицинских работников / А. В. Ярашева, Д. И. Марков, С. В. Макап, О. А. Комолова // Дискуссия. — 2024. — № 9(130). — С. 220–230. DOI: 10.46320 / 2077-7639-2024-9-130-220-230; EDN: HDDVOO

Сведения об авторах:

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., зам. директора по научной работе, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ; проф. Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; РИНЦ SPIN-код: 4419-6003.

Махрова Ольга Николаевна, к.э.н., научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ; ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: olni27@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3929-9615; РИНЦ SPIN-код: 5191-6664.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-223-234

THE ROLE OF THE CAPITAL'S MEDICAL WORKERS IN SHAPING PATIENTS' SELF-PRESERVATION BEHAVIOR

Olga A. Aleksandrova^{1,2,3*}, Olga N. Makhrova^{1,2}

¹Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management
of the Moscow Department of Healthcare
(9, Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)

²ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)

³Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

*E-mail: a762rab@mail.ru

Funding:

The article was prepared as a part of the research project «Scientific and methodological support of the organizational aspects of improving the accessibility and quality of medical care in the state healthcare system of the city of Moscow» (No. 123032100063–3 in EGIS).

For citation:

Aleksandrova O. A., Makhrova O. N. The role of the capital's medical workers in shaping patients' self-preservation behavior. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 223–234. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-223-234 (in Russ.)

Abstract. *The article examines the role of the Russian healthcare system in the formation of self-preserving behavior among the population, primarily adherence to a healthy lifestyle; highlights the ways in which this can be done; identifies factors that increase or decrease the effectiveness of this activity. The main methods of forming self-preserving behavior among the population, implemented by medical organizations subordinate to the Moscow Department of Health (MDH), have been identified, as well as the most effective types of information and educational activities used to promote a healthy lifestyle. and the degree of awareness of doctors and nursing staff about measures aimed at preserving the health of Muscovites (taking into account the gender and age differences of medical professionals and their work experience, and also the type of medical organization). Due to the fact that the personal example of a medical specialist plays a significant role in shaping the foundations of self-preservation behavior among the population, we have studied: a) prevalence of healthy lifestyle among medical workers (depending on age and financial status) of metropolitan medical organizations (MO); b) objective and subjective reasons by which medical workers explain their unwillingness to fully implement healthy habits. It has been shown that the financial situation of medical workers has a significant impact on the formation of healthy habits: as income levels increase, the proportion of people leading a healthy lifestyle also increases. Based on the results of the author's sociological studies in 2023 and 2024, one of the important factors is identified — professional burnout and its causes — which prevents medical professionals from acting as guides of healthy habits for the population, as well as preventing healthcare professionals themselves from adhering to health-saving tactics.*

Keywords: *self-preservation behavior, medical workers, population, healthy lifestyle, patients, medical organization, healthy habits.*

References and Internet sources

1. Aksenova E. I., Kamynina N. N., Turzin P. S. Meditsina obraza zhizni i rekomendatsii, napravlennyye na formirovaniye motivatsii medicinskih rabotnikov k zdorovomu obrazu zhizni za rubezhom [Lifestyle medicine and foreign recommendations aimed at motivating medical staff to lead a healthy lifestyle]. *Zdorov'ye megapolisa [City Healthcare]*. 2023. Vol. 4. No. 3. P. 120–129. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2023.v.4i3;120–129 (in Russ.)
2. Lokosov V. V., Yarasheva A. V., Aleksandrova O. A. Faktory formirovaniya osnov samosokhranitel'nogo povedeniya naseleniya [Factors of formation of the foundations of self-preservation behavior of the population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 192–205. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-192-205 (in Russ.)
3. Aleksandrova O. A., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V., Markov D. I. Samosokhranitel'noye povedeniye molodykh moskvichey: ustanovki, praktiki, problemy realizatsii [Self-preservation behavior of young Muscovites: attitudes, practices, and problems of implementation]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2022. Vol. 30. Special Issue. P. 949–955. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-s1-949-955 (in Russ.)
4. Lokosov V. V., Nazarova I. B., Karpov V. M., Lyalikova S. V. Specifika samosokhranitel'nogo povedeniya naseleniya stolichnogo regiona [Specificity of self-preservation behavior of the population of the capital region]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2024. Vol. 32. Special Issue 2. P. 1130–1136. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-s2-1130-1136 (in Russ.).
5. Vyatkina N. Yu., Rozhkov I. V. Osobennosti priverzhennosti zhitelej g. Moskvy zdorovomu obrazu zhizni: rezul'taty anketnogo oprosa [Peculiarities of commitment of Muscovites to a healthy lifestyle: results of a questionnaire survey]. *Sotsiologiya meditsiny [Sociology of Medicine]*. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 71–82. DOI: 10.17816/socm109425 (in Russ.)

6. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Nauchnye podkhody k razvitiyu kadrovogo potentsiala stolichnogo zdravookhraneniya: opyt 5 let issledovaniy [Scientific approaches to development of human resources in the capital's healthcare: 5 years of research experience]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 140–152. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-140-152 (in Russ.)
7. Aksenova E. I., Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Alikperova N. V. Modeli povedeniya naseleniya v otnoshenii svoego zdorov'ya [Models of population behavior in relation to their health]. *Problemy sotsialnoj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. [Problems of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine]*. 2023. Vol. 31. Special Issue 2. P. 1081–1086. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1081-1086 (in Russ.)
8. Yarasheva A. V., Makar S. V., Alikperova N. V. Sovremennyye zdorov'jesberegayushchiye praktiki rossiyan [Modern health-saving practices of Russians]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 127–138. DOI 10.19181/population.2023.26.2.11 (in Russ.)
9. Alikperova N. V., Makhrova O. N. Ozhidaemaya prodolzhitel'nost' zhizni naseleniya: rol' samosokhranitel'nogo povedeniya [Life expectancy of the population: the role of self-preservation behavior]. *Samoupravleniye [Self-Management]*. 2022. No. 4 (132). P. 170–174. (in Russ.)
10. Kuraeva V. M. Khorosheje zdorov'je i blagopoluchije v interesakh ustojchivogo razvitiya Moskvy: sostoyaniye i perspektivy [Good health and well-being in the interests of sustainable development of Moscow: state and prospects]. *Zdorov'je megapolisa [City Healthcare]*. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 17–29. (in Russ.)
11. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V. Seminar «Ekonomika dlya cheloveka: obrazovaniye, zdravookhraneniye, kul'tura» na 8 Sankt-Peterburgskom mezhdunarodnom ekonomicheskom kongresse [Seminar «Economy for a person: education, healthcare, culture» at the VIII St. Petersburg International Economic Congress (SPEC-2023)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 189–194. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.16 (in Russ.)
12. Yarasheva A. V. Vosproizvodstvo trudovykh resursov v organizatsiyakh stolichnogo zdravookhraneniya [Reproduction of labor resources in the Moscow health organizations]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standard of the Population in the Regions of Russia]*. 2021. Vol. 17. No. 2. P. 243–251. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.2.8 (in Russ.)
13. Alexandrova O. A., Yarasheva A. V., Tsaranov K. N. [et al.]. Professional'noye vygoraniye meditsinskikh rabotnikov: podkhody k vyyavleniyu i profilaktike [Professional burnout of medical workers: approaches to detection and prevention]. *Problemy sotsialnoj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. [Problems of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine]*. 2024. Vol. 32. Special Issue 2. P. 1047–1052. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-s2-1047-1052 (in Russ.)
14. Shchavaleva M. V. K voprosu o motivatsii vrachej na zdorovyj obraz zhizni [To the issue of motivating doctors for healthy way of life]. *Zdorov'je i okruzhayushchaya sreda [Health and Environment]*. 2015. No. 25–2. P. 243–246. (in Russ.)
15. Allenov A. M., Makarova E. V., Beneslavskaya O. A. [et al.]. Gotovnost' uchastnikov zdorov'jesberezheniya k motivatsii naseleniya k vedeniyu zdorovogo obraza zhizni [Preparedness of health care providers for motivation of the population for leading a healthy lifestyle]. *Obshchestvennoye zdorov'je [Public Health]*. 2022. Vol. 2. No. 4. P. 4–14. DOI: 10.21045/2782-1676-2022-2-4-4-14 (in Russ.)
16. Bogdan I. V., Gurylina M. V., Chistyakova D. P. Metody rasprostraneniya zdorovogo obraza zhizni meditsinskimi rabotnikami: opyt mediko-sotsiologicheskogo analiza [Methods of healthy lifestyle promotion by medical staff based on medical sociological analysis]. *Vestnik NGUEU [Vestnik NSUEM]*. 2018. No. 4. P. 188–198. (in Russ.)
17. Yarasheva A. V., Markov D. I. Razvitiye korporativnoj kul'tury sotrudnikov meditsinskikh organizatsij [Development of corporate culture of medical employees]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 155–166. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.13 (in Russ.)
18. Vyatkina N. Yu., Sarnakova E. D. Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty professional'nogo vygoraniya vrachej [Socio-economic aspects of professional burnout among doctors] *Terapevt [Therapist]*. 2023. No. 6. P. 28–36. DOI: 10.33920/MED-12-2306-04 (in Russ.)

19. Abrosimov I. N., Zaoeva Z. O., Tsaranov K. N., Tarbastaev A. G. Sovremennyy vzglyad na fenomen professional'nogo vygoraniya v meditsinskoy srede: obzor literatury [A modern view on the burnout in the medical environment: a literature review]. *Menedzher zdavookhraneniya [Manager Zdravookhraneniya]*. 2024. No. 2. P. 83–92. DOI: 10.21045/1811-0185-2024-3-83-92 (in Russ.)
20. Yarasheva A. V., Markov D. I., Makar S. V., Komolova O. A. Eksperty o probleme professional'nogo vygoraniya meditsinskikh rabotnikov [Experts on the problem of professional burnout of medical workers]. *Diskussiia [Discussion]*. 2024. No. 9(130). P. 220–230. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-9-130-220-230 (in Russ.)

Information about the authors:

Aleksandrova Olga Arkadyevna, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, ISESP FCTAS RAS; Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: a762rab@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9243-9242; Elibrary SPIN-code: 4419–6003.

Makhrova Olga Nikolaevna, Candidate of Economics, Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management; Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: olni27@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3929-9615; Elibrary SPIN-code: 5191–6664.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-235-248
EDN: IAAECE

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ НЕРАВЕНСТВ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

Галкин К. А.

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
(190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25)

E-mail: Kgalkin1989@mail.ru

Для цитирования:

Галкин К. А. Индивидуальное восприятие неравенств в здравоохранении пожилыми людьми // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 235-248. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-235-248; EDN: IAAECE

Аннотация. Исследование основано на многоуровневом подходе к изучению неравенств с акцентом на анализ особенностей их повседневного восприятия в сфере медицинской помощи среди городских и сельских пожилых людей. Методология исследования включает проведение полуструктурированных интервью с пожилыми людьми, проживающими в городе Санкт-Петербурге и сельской местности Республики Карелия. На основе тематического анализа были выделены индивидуальные стратегии отношения к существующим неравенствам, а также обозначены различия в способах их принятия/непринятия в рамках каждой стратегии. Результаты исследования демонстрируют, что наибольшие различия между пожилыми людьми в городе и на селе связаны с доступностью и качеством медицинской помощи. Именно эти аспекты формируют основные неравенства и обуславливают различия в жизни пожилых людей в городской и сельской среде. Выделенные стратегии показывают, что для сельских жителей наиболее характерно принятие или нейтральное отношение к возникающим неравенствам. В то же время городские жители чаще выражают несогласие с качеством медицинской помощи, а также стремятся искать альтернативные способы решения возникающих проблем, в том числе с точки зрения их правового регулирования. Исследование показало, что при разработке мер по совершенствованию системы здравоохранения и минимизации медицинских неравенств важно учитывать индивидуальные особенности и личное отношение граждан старшего возраста к получению медицинской помощи. Особенно необходима выработка критериев для оценки и устранения неравенств, применимых как в городах, так и на сельских территориях.

Ключевые слова: пожилые люди; здравоохранение; здоровье; неравенства; сельско-городские различия.

Введение

Согласно официальному определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), главными причинами неравенств в области здоровья являются условия, в которых люди рождаются, живут и стареют [1], формирующиеся под воздействием социальной политики, которая задаёт условия оказания медицинской помощи и доступности здравоохранения для всех групп населения. Влияние социальной политики различается в зависимости от региона, уровня экономического развития и структуры медицинской системы, что приводит к разным уровням неравенства в доступе к здравоохранению [2]. В рамках данного направления неравенства в здравоохранении институционально обусловлены и зависят от развития медицины и экономики конкретного региона. Такой подход был популярен во второй половине XX в. [3]. В последние годы исследователи дополняют его изучением индивидуального поведения и отношения людей к собственному здоровью. Специалисты в области общественного здравоохранения обсуждают вопросы справедливого распределения медицинской помощи и критерии её предоставления, а также влияние общественных норм на восприятие медицинского обслуживания [4–6].

В рамках этой дискуссии подчёркивается значимость индивидуального выбора стратегий сохранения здоровья [7; 8]. Представители данного подхода рассматривают здоровье как достигаемый статус, который зависит от образа жизни, уровня образования и благосостояния индивида, а также доступности качественной медицинской информации и профилактических мер [9; 10]. Однако, неравенства обусловлены не только индивидуальными факторами, но и структурными условиями, такими как уровень жизни, доступность ресурсов, социальное окружение и экономические факторы [11]. В этом контексте важным становится не только отношение индивидов к своему здоровью, но и социально-экономические условия, в которых они живут, а также наличие поддержки со стороны государства

и общественных организаций [12]. В условиях недостаточного финансирования медицины и нехватки специалистов важно учитывать региональные различия и специфические потребности различных групп населения.

Одной из наиболее уязвимых групп в здравоохранении являются пожилые люди. С одной стороны, они нуждаются в медицинском уходе и профилактике возрастных заболеваний, с другой — системы здравоохранения часто ориентированы на минимизацию последствий возрастных изменений, а не на их лечение [13]. Такая ориентация может приводить к тому, что пожилые люди оказываются в менее приоритетной группе для медицинского обслуживания. Ограниченная мобильность, снижение когнитивных функций и зависимость от социальной поддержки также создают дополнительные барьеры для получения качественной медицинской помощи.

Настоящее исследование направлено на изучение индивидуального восприятия неравенств в здравоохранении пожилыми людьми и анализ стратегий их взаимодействия с медицинской системой. Особое внимание уделяется их восприятию собственного здоровья и отношениям к системе медицинской помощи в различных территориях. Рассматриваются также возможности улучшения доступности медицинских услуг и возможные механизмы снижения неравенств в здравоохранении через внедрение новых моделей оказания помощи, развитие социальных инициатив и совершенствование государственного регулирования в сфере здравоохранения.

Теоретические подходы

Впервые изучение влияния культурных детерминант на состояние здоровья было предложено М.Вебером, который полагал, что поведение людей определяется не только индивидуальным выбором, но и нормами, ценностями и убеждениями конкретной социальной группы, к которой принадлежит индивид [14]. Важным аспектом, как отмечал учёный, является положение

индивида в социальном пространстве, его статус и существующие отношения в различных социальных сферах. Эти факторы оказывают влияние на заботу о здоровье и формирование стратегий здоровьесбережения. Основная идея заключается в том, что различия положения в социальном пространстве и различия в доступе к ресурсам определяют специфику поведения индивидов, формирование различных стилей заботы о своём здоровье. На основе этой идеи позднее был развит подход культурно-поведенческих механизмов формирования неравенств в здоровье, который объясняет различное отношение к своему здоровью у представителей разных классов, субкультур и возрастных групп [15].

Во второй половине XX в. с формированием идеи жизненного пути как структурной рамки, объединяющей различные теории, стало активно развиваться представление о здоровье как структурообразующем факторе в обществе [16]. Исследователи обратили внимание на социальные механизмы здоровьесбережения, влияющие на жизнь пожилых людей, и процесс формирования возрастного статуса (age status), связанного с социальными и культурными нормами, которые воздействуют на человека через социальный контроль, обеспечивая преемственность паттернов социального взаимодействия между поколениями [17]. В странах существуют разные нормы поддержки здоровья пожилых людей, что сказывается на их благополучии [18].

Существует подход, учитывающий как влияние социальной среды, так и индивидуальные психологические особенности восприятия здоровья и неравенств. Одним из ключевых теоретиков этого направления был Т. Парсонс, который утверждал, что объективные и субъективные факторы всегда взаимодействуют. Он доказывал, что в ситуации болезни, когда собственных ресурсов недостаточно, особое значение приобретает взаимодействие с другими людьми, социальное окружение и система здравоохранения. Также он подчёркивал важность социальных связей и накопления социально-психологических ресурсов

[19]. Эти идеи нашли продолжение в теории жизненного пути, которая рассматривает социально-психологические факторы неравенств в здоровье и анализирует особенности поведения индивидов в процессе болезни. Внимание стало уделяться как культурным характеристикам, так и индивидуальным поведенческим особенностям в контексте отношения к здоровью.

Следующим этапом в развитии данной темы стала теория аккумулирования благоприятствующих и неблагоприятствующих обстоятельств (cumulative advantage/disadvantage theory — CAD) [20], согласно которой индивидуальные траектории заботы о здоровье зависят не только от личных усилий, но и от накопленных ресурсов. Материальные блага, социальный капитал и ранние преимущества в жизни определяют возможности в лечении заболеваний и снижении негативных последствий для здоровья. Теория аккумулирования утверждает, что возраст становится фактором, нивелирующим статусные различия, а биологические детерминанты возраста приобретают ключевое значение. Таким образом, социальный статус не всегда оказывает решающее влияние на неравенства в здоровье пожилых людей. Более того, согласно концепции селективной смертности, выживают те, кто смог адаптироваться к неблагоприятным условиям, в то время как люди с высоким социальным статусом, обладающие большим социальным капиталом, могут подвергаться преждевременной смерти [21].

Дебаты касаются перехода к изучению индивидуальных и психологических факторов, которые формируют отношение к здоровью и влияют на восприятие неравенств [22]. Важным аспектом остаётся изучение ресурсов, вовлечённых в адаптационные механизмы индивидов. Например, доступность медицинской помощи, особенно в городской и сельской местности, оказывает влияние как на индивидуальное восприятие здоровья, так и на особенности неравенств в здравоохранении [23]. Современные исследования сосредоточены в основном на психологических ресурсах адаптации индивидов к неравенствам, но не учи-

тывают особенности повседневной жизни и развития конкретных регионов. Актуальными остаются вопросы стратегий совладания с неравенствами в оказании медицинской помощи [24].

Одним из новых направлений является теория кумулятивного неравенства, объединяющая исследования стресса и теорию аккумуляирования [25–27]. В рамках данной концепции изучается динамика неравенств в здравоохранении на протяжении жизни одного или нескольких поколений. Неравенства в этом подходе рассматриваются как результат взаимодействия социальных систем, влияющих на статусные перемещения, а также индивидуальных жизненных траекторий, которые формируют восприятие ресурсов и возможностей [28].

Современные исследования, посвящённые неравенствам в здравоохранении, в основном сосредоточены на оценке медицинских неравенств в контексте Целей устойчивого развития ООН, в рамках которых акцент делается на достижении всеобщего охвата населения медицинскими услугами [29]. Например, в США отмечается, что молодые люди до 26 лет с хроническими заболеваниями имеют более высокий уровень доступа к медицинской помощи, в то время как афроамериканское население чаще сталкивается с ограничениями в системе здравоохранения [30; 31]. В этой группе также рассматриваются политические и экономические трансформации, включая влияние неоллиберальной политики на доступность медицинских услуг. В исследованиях, использующих качественные или смешанные методы анализа, акцент делается на субъективном восприятии неравенств в доступе к медицинской помощи. Эти работы фокусируются на индивидуальных траекториях обращения за медицинскими услугами, оценках личного здоровья, а также отношении к реформам и общему уровню доверия к системе здравоохранения [32; 33].

Российские исследования в области медицинских неравенств преимущественно сосредоточены на изучении реформ, уязвимых групп и региональных различий, особенно между городом и сельской местно-

стью [34; 35]. Некоторые российские исследователи также анализируют влияние оптимизации системы здравоохранения, в том числе сокращения медицинских кадров и ухудшения инфраструктуры в сельских территориях [36]. В отечественных исследованиях чаще применяется количественная методология, а сами работы нередко имеют фрагментарный характер и охватывают только отдельные аспекты проблемы. В российской литературе крайне редко встречаются работы, использующие качественные методы и исследующие индивидуальные представления и восприятие неравенств в сфере медицины.

В настоящем исследовании рассматриваются стратегии принятия и преодоления неравенств в здравоохранении среди пожилых людей. Мы анализируем неравенства как зависящие от социальной структуры, доступности медицинской помощи, квалификации медицинского персонала и развития инфраструктуры. Также учитываются индивидуальные ресурсы, включая личное восприятие здоровья, культурные установки и готовность к преодолению сложностей. Такой подход позволяет комплексно изучить неравенства в здравоохранении и определить эффективные стратегии их преодоления.

Результаты

Исследование проводилось в городе Санкт-Петербурге (СПб) и сёлах Республики Карелия (РК). Метод исследования включал проведение полуструктурированных интервью с пожилыми людьми: возрастной диапазон — от 65 до 83 лет. Все участники исследования имели образование не ниже среднего и не были трудоустроены в период его проведения. В рамках исследования было проведено 40 полуструктурированных интервью: в городской выборке были опрошены 20 информантов (13 женщин и 7 мужчин), в сельской — также 20 информантов (15 женщин и 5 мужчин). Критериями отбора информантов являлись их самостоятельное проживание и наличие проблем со здоровьем, которые респонденты иден-

тифицировали самостоятельно. Большинство интервью были проведены очно, за исключением двух, когда интервьюирование проводилось с использованием системы «Skype». Основным методом анализа данных выступал тематический анализ. Этот метод позволил выявить ключевые темы, в рамках которых пожилые люди описывали проблемы со здоровьем, а также определить стратегии принятия и преодоления социальных неравенств, возникающих у пожилых людей при обращении за медицинской помощью в двух регионах. Подробные характеристики каждой стратегии указаны в табл. 1.

Стратегия принятия. Среди представителей этой стратегии неравенств было больше всего у пожилых людей, имеющих проблемы со здоровьем и хронические заболевания различной степени тяжести. Основной характеристикой данной стратегии выступает положительная оценка здравоохранения и системы оказания медицинской помощи, а также удовлетворённость оказанными услугами: «Не могу ничего сказать плохого в принципе. Я диабетик и уже восьмой год как различные лекарства принимаю и постоянно под наблюдением врачей нахожусь, но в принципе отмечу, что в целом если надо, то врачи помогут, это уж конечно. Да, безусловно, бывают и такие ситуации, когда срочно нужна экстренная помощь, и тогда приходится, конечно, задействовать все свои возможности и знакомым врачам звонить, но в целом, если говорить о таком рутинном лечении заболеваний, то конечно всё в целом есть, и я не скажу, что оказываемые услуги какого-то плохого или посредственного качества» (мужчина, 76 лет, СПб).

Представители стратегии принятия не всегда доверяли государству и считали медицинскую помощь качественной, однако они отмечали, что для них не было других альтернатив. Они рассматривали государственную медицинскую помощь как недостаточно развитую, подчёркивая, что проблемы в системе здравоохранения сложно решить. Единственным возможным выходом они видели принятие существую-

щей системы здравоохранения и поиск дополнительных альтернатив, таких как обращение в платные клиники и сочетание бесплатных консультаций с платными услугами. Представители стратегии принятия медицинской помощи, выявленные в ходе исследования, редко обращались в платные медицинские учреждения и, как правило, считали платные услуги, предоставляемые в рамках государственных учреждений здравоохранения, неприемлемыми. Эти установки находят подтверждение в данных всероссийского мониторинга ВЦИОМ (2023 г.), согласно которому, 44% россиян выразили убеждение, что медицинская помощь по системе ОМС должна предоставляться исключительно бесплатно, и поэтому расценивали любые платные услуги в государственных клиниках как недопустимые¹.

Структуру организации здравоохранения представители данной стратегии, как правило, не поддерживали и отмечали её несостоятельность, указывая на многочисленные проблемы. Тем не менее, они подчёркивали, что важным ресурсом является социальный капитал, особенно в контексте получения медицинской помощи в экстренных ситуациях. Многие представители этой стратегии прибегали к помощи родственников и соседей для получения советов относительно медицинских обращений и старались собирать информацию о возможностях лечения, выбирая наиболее проверенные варианты: «Что говорить, у нас медицина, а точнее её качество, оно всегда и везде практически одинаковое, и конечно многое зависит от тебя самой, я так вам скажу. Тут многие говорят, что вот, мол, фельдшер некудышный вообще, да и вообще медицина здесь, в селе, не о чём, и нужно там далеко ехать, чтобы какую-то там помощь получить, но ведь всё равно всё от человека зависит и от его желания. Если есть желание и самое главное — желание сохранить своё здоровье, то найдёшь возможности и помощи у других людей попросишь, и сам выбе-

¹ Медицина для всех: мониторинг // ВЦИОМ, 2023. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/medicina-dlja-vsekh-monitoring> (дата обращения: 01.01.2024).

Таблица 1
Table 1
Сводная таблица основных характеристик выделенных стратегий
Summary table of the main characteristics of the selected strategies

Название стратегии	Критерии отнесения	Отличительные характеристики стратегии	Состояние здоровья	Количество респондентов	Пол	Возраст
Стратегия принятия	Отсутствие стремления к поиску альтернативных методов лечения; положительная оценка системы здравоохранения; доверие к медицине и, в сельской местности, к помощи со стороны соседей.	Доверие к системе здравоохранения в целом; отказ от поиска альтернатив; негативное отношение к платным медицинским услугам; финансовые затруднения и невозможность оплачивать дорогостоящее лечение; плохое материальное положение.	Наличие хронических заболеваний и проблем со здоровьем.	8 респондентов (2 – город, 6 – село)	5 мужчин, 3 женщины	75–80 лет
Стратегия автономии	Недоверие к официальной системе здравоохранения; стремление к самостоятельному лечению; осознание недостаточной развитости медицинской инфраструктуры; критическое отношение к работе отдельных медицинских специалистов.	Отказ от доверия к системе здравоохранения; поиск альтернатив, включая обращение в платные учреждения; активное самолечение; использование онлайн-источников и телемедицины; финансовые трудности.	Наличие хронических и серьёзных заболеваний.	15 респондентов (9 – город, 6 – село)	7 мужчин, 8 женщин	69–73 года
Нейтральная стратегия	Принятие текущего состояния системы здравоохранения; отсутствие критики; доверие к медицине; в городе – регулярное обращение к платным услугам; отсутствие попыток искать альтернативы в рамках бесплатной медицины.	Доверие к медицинской системе; обращение к платной медицине при необходимости; участие соседей и родственников в оказании помощи; частые обращения за медпомощью; отсутствие интереса к альтернативным способам лечения.	Отсутствие хронических и серьёзных заболеваний.	17 респондентов (7 – город, 10 – село)	8 мужчин, 9 женщин	69–80 лет

Источник: составлено автором.

решь наиболее приемлемый вариант в плане лечения» (женщина, 78 лет, село, РК).

Среди представителей данной стратегии было много людей, которые доверяли официальной статистике, а также тех, кто в большей мере надеялся на помощь соседей, чем на врачей. Они объясняли такое поведение тем, что медицинскую помощь приходилось ждать довольно долго, и именно обращение за поддержкой к соседям позволяло оперативно получить необходимые советы.

Стратегия автономии. Среди представителей этой стратегии было больше всего людей, абсолютно недовольных медицинской помощью и системой оказания медицинской помощи пожилым людям. Как правило, в эту стратегию входили те, кто имел различные хронические заболевания и серьёзные проблемы со здоровьем. Среди представителей данной стратегии фиксировалось постоянное ухудшение самочувствия в результате длительных проблем со здоровьем, что усугублялось недостаточной доступностью качественного лечения. «В моем случае, наверное, уже понятно, что я в принципе не могу и не хочу относиться хорошо к врачам и к лечению. С моей онкологией понятно, что лечение будет практически никаким, если сказать проще. Вот поэтому я стараюсь получать минимально необходимое лечение от врачей и затем забывать о серьёзном лечении в целом. Для меня важно именно получение лечения и вызов скорой помощи, а в остальном я больше информации найду в Интернете, чем получу качественные советы от врачей, которые часто бывают сомнительного качества» (мужчина, 70 лет, СПб).

Представители данной стратегии в целом негативно отзывались о медицинской помощи и её организации. Они также отмечали, что тяжелее переносят возникающие неравенства, связанные с оказанием медицинской помощи. Respondенты сообщали, что сталкивались с наибольшими трудностями при обращении за неотложной, особенно скорой, медицинской помощью. Основными причинами недовольства были продолжительное ожидание медицинской

бригады, низкая квалификация специалистов и отсутствие качественной экстренной помощи в сельской местности. Жители села, как правило, демонстрировали более высокую степень одобрения медицины. Такая разница может быть обусловлена особой ролью врача в сельской местности, где он зачастую является единственным специалистом, способным оказать медицинскую помощь, особенно в экстренных ситуациях и при ухудшении состояния здоровья. Эти выводы согласуются с результатами опроса ВЦИОМ «Россияне стали меньше доверять врачам»².

Пожилые люди, проживающие в отдалённых сельских поселениях, подчёркивали, что в случае ухудшения самочувствия их единственной надеждой оставалась скорая помощь, которая не всегда оказывалась вовремя или была низкого качества: «Здесь всё не так, как в городе. В городе есть возможность обратиться в платную скорую помощь, да и просто скорая приезжает быстрее из-за хороших дорог и меньших расстояний. А здесь скорая помощь — это, порой, единственная надежда. Мы часто остаёмся без помощи, потому что либо не можем дожидаться её приезда, либо приезжают врачи, чья квалификация оставляет желать лучшего. И тогда смысл в такой помощи вообще пропадает. Это самая большая проблема в селе — отсутствие качественной экстренной медицинской помощи, что значительно снижает шансы на получение нормального лечения» (женщина, 69 лет, село, РК).

Сельские жители, принадлежащие к данной стратегии, отмечали нехватку хорошо оснащённых больниц и поликлиник в сельской местности. Они часто не могли получить квалифицированную помощь и вынуждены были искать альтернативные способы лечения, в том числе обращаться в частные клиники, приезжать в более крупные города или просить родственников и соседей помочь найти подходящее медицинское учреждение. Кроме того, многие ре-

² Врачи: доверие, престиж, доходность профессии // ВЦИОМ, 2022. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-doverie-prestizh-dokhodnost-professii> (дата обращения: 01.01.2024).

спонденты подчёркивали, что транспортная доступность медицинских учреждений является важным фактором, который также создаёт барьеры для своевременного получения помощи.

Среди пожилых людей, проживающих в сельской местности, было больше всего представителей стратегии автономии, выражавших беспокойство по поводу неравенств, связанных с медицинской помощью в селе. Они также обращали внимание на нехватку оснащённых ФАПов и амбулаторий, а также на нехватку специалистов узкого профиля. Городские жители, придерживающиеся данной стратегии, акцентировали внимание на проблемах, связанных с правовым обеспечением медицинской помощи и недостатком юридической поддержки пациентов. В городах наблюдалось больше случаев обращения пациентов с жалобами на халатность медицинского персонала или на отказ в предоставлении определенных услуг по ОМС. Таким образом, поиск альтернативных решений воспринимался как единственный способ преодоления или минимизации неравенств в оказании медицинской помощи.

Нейтральная стратегия. Представители нейтральной стратегии по наличию различных диагнозов и опыту перенесённых заболеваний наиболее близки к стратегии принятия. Для представителей данной стратегии характерным было относительное принятие существующих неравенств в рамках оказания медицинской помощи и обращения к врачам. В отличие от представителей стратегии принятия, респонденты, демонстрирующие нейтральную стратегию, как правило, воздерживались от критики всей системы здравоохранения. Они отмечали лишь частные недостатки, преимущественно касающиеся нехватки квалифицированных специалистов.

При этом представители данной стратегии не старались искать альтернатив в лечении, а наоборот, стремились принять возможные проблемы, связанные с качеством обслуживания. Преимущественно такая позиция встречалась у представителей данной стратегии из сельской местности, где

доступ к медицинской помощи был ограничен, а осознание альтернативных возможностей лечения находилось на низком уровне. «В общем и целом, получается, что куда бы ты ни делась, медицина-то везде одна. И если плохо почувствуешь себя, то, конечно, где будешь лечиться? Именно там, где лечат — тут уж по-другому никак. Вот поэтому я так скажу, конечно, приходится как-то мне уж что называется и терпеть, и смиряться с этим, что есть, потому что я говорю, что альтернатив-то других и нет, а здесь, в сельской местности, у нас не все и знают, что есть такая платная медицина» (женщина, 69 лет, село, РК).

В отличие от представителей «автономии», представители нейтральной стратегии воспринимали ситуацию в здравоохранении как безальтернативную, что вынуждало их полагаться на возможности государственной системы здравоохранения. Различия среди сельских и городских представителей нейтральной стратегии свидетельствуют о том, что жители городов предъявляли более высокие требования к качеству медицинских услуг при общем принятии оказываемой медицинской помощи в городе. Тем не менее, некоторые респонденты отмечали, что даже в городе качество медицинской помощи оставляет желать лучшего, однако доступность частных клиник делает ситуацию менее критичной.

Для сельских жителей — представителей данной стратегии, как и для сторонников стратегии автономии, остро стояла проблема неравенства в оказании медицинской помощи, особенно в части её доступности. Они отмечали нехватку квалифицированных специалистов, долгие ожидания приёма, устаревшее оборудование в местных медицинских учреждениях и сложности с транспортной доступностью больниц. «Наверное, самое сложное и самое плохое во всём этом — это, как ни крути, качество медицинской помощи. И если со многим смириться в принципе можно, например, с тем, что фельдшер здесь, в селе, в принципе ничего не знает, с этим, конечно, очень трудно свыкнуться. Да ещё и понимаешь, что где-то там, в условном городе, тебе намного лучше

могли бы помощь оказать, но выбора у тебя нет, и ты обращаешься к сельской медицине всё равно. Это, пожалуй, самое сложное, что может быть — вот эта безальтернативность в оказании медицинской помощи» (женщина, 71 год, село, РК).

Жители городов, придерживающиеся нейтральной стратегии, также сталкивались с проблемами в сфере медицинского обслуживания, но их отношение было несколько иным. Они больше выражали недовольство очередями, сложностью записи на приём к специалисту и необходимостью дополнительных финансовых затрат на лечение. Однако, в отличие от сельских жителей, у них оставался доступ к частным медицинским услугам. В целом, городские респонденты были более информированы о возможностях альтернативного лечения, но не всегда могли его себе позволить из-за высокой стоимости. Таким образом, главным лейтмотивом рассмотрения неравенств в здравоохранении у представителей данной стратегии было понимание того, что неравенства в целом невозможно преодолеть, и наиболее рациональным способом становится принятие существующего состояния медицины и её качества. Этот подход также рассматривался как один из возможных механизмов преодоления различных сложностей со здоровьем. Представители данной стратегии, как правило, не искали дополнительных возможностей помощи в лечении заболеваний, а принимали доступную медицинскую помощь, в том числе ограниченную, так как не видели других альтернатив.

Кроме того, респонденты отмечали важность поддержки со стороны родственников и соседей в вопросах медицинского обслуживания. Для сельских жителей это было особенно важно, поскольку доступ к врачебной помощи был сложнее, и часто приходилось полагаться на советы знакомых или фармацевтов. В городах ситуация отличалась, но и там многие пожилые люди пользовались рекомендациями друзей и семьи, выбирая проверенные больницы или врачей. Таким образом, нейтральная стратегия характеризуется пассивным

отношением к медицинским неравенствам и склонностью к принятию текущего положения дел. Различия между горожанами и селянами показывают, что в условиях ограниченного доступа к медицинской помощи уровень недовольства возрастает, но поиск альтернатив снижается. Это показывает важность не только институциональных изменений в здравоохранении, но и повышения информированности населения о доступных возможностях медицинского обслуживания.

Одной из ключевых проблем, выявленных в ходе исследования, является неравенство в оказании медицинской помощи между городом и селом. В исследовании также отмечается, что сельские жители в меньшей мере требовательны к качеству медицинских услуг по сравнению с городскими. Они чаще демонстрируют принятие имеющихся неравенств, что особенно выражено в стратегиях принятия и нейтральной стратегии, наиболее характерных для сельской местности. Однако, несмотря на меньшую требовательность, сельское население обеспечено качеством оказываемой медицинской помощи и сталкивается с различными сложностями, связанными с доступностью медицинских услуг.

В целом, проведённое исследование подчёркивает важность изучения индивидуального отношения к неравенствам в здравоохранении. Оно также акцентирует необходимость комплексного подхода к рассмотрению неравенств, учитывающего различные факторы, такие как социально-экономическое положение, регион проживания и повседневная среда, в которой формируются эти неравенства. Комплексное понимание данных процессов позволит разработать эффективные стратегии для снижения медицинских неравенств и повышения уровня доступности и качества медицинской помощи как в городской, так и в сельской местности.

Литература и Интернет-источники

1. **Whitehead, M.** Европейские стратегии по преодолению социального неравенства в отношении здоровья / M. Whitehead, G. Dahlgren . – Копенгаген : Европейское региональное бюро ВОЗ, 2008. – С. 117.
2. **Шкаратан, О. И.** Социальная политика в контексте постсоветской экономики (федеральный и региональный срезы) / О. И. Шкаратан // Мир России. Социология. Этнология. – 1998. – Т. 7. – № 1–2. – С. 5–30.
3. **Anderson, E.** Openness and inequality in developing countries: A review of theory and recent evidence / E. Anderson // World development. – 2005. – Vol. 33. – No. 7. – P. 1045–1063.
4. **Le Grand, J.** Individual responsibility, health, and health care / J. Le Grand // Inequalities in health: Concepts, measures, and ethics. – 2013. – С. 299–306.
5. **Mailly, P.** Fine wine and ideal theory: the questionable denial of liver transplantation in alcoholics / P. Mailly // Windsor Yearbook of Access to Justice. – 2005. – Vol. 23. – P. 95.
6. **Marchand, S.** Health inequalities and justice / S. Marchand, D. Wikler // Cross-Cultural Perspectives on the (Im) Possibility of Global Bioethics. – Dordrecht : Springer Netherlands, 2002. – P. 209–221.
7. **Albertsen, A.** Fresh starts for poor health choices: Should we provide them and who should pay? / A. Albertsen // Public Health Ethics. – 2016. – Vol. 9. – No. 1. – P. 55–64.
8. **Dietrich, F.** Causal responsibility and rationing in medicine / F. Dietrich // Ethical theory and moral practice. – 2002. – Vol. 5. No. 1. – P. 113–131. EDN: AUWBF
9. **Brown, R. C. H.** Moral responsibility for (un) healthy behaviour / R. C. H. Brown // Journal of Medical Ethics. – 2013. – Vol. 39. – No. 11. – P. 695–698.
10. **Persson, K.** The right perspective on responsibility for ill health / K. Persson // Medicine, Health Care and Philosophy. – 2013. – Vol. 16. – No. 3. – P. 429–441. DOI: 10.1007/s11019-012-9432-6; EDN: RQLQHK
11. **Marmot, M.** The health gap: the challenge of an unequal world / M. Marmot // The Lancet. – 2015. – Vol. 386. – No. 10011. – P. 2442–2444.
12. **Sen, G.** A methodology to analyse the intersections of social inequalities in health / G. Sen, A. Iyer, C. Mukherjee // Journal of Human Development and Capabilities. – 2009. – No. 3. – P. 397–415.
13. **Видясова, Л. А.** Россия в международных индексах качества жизни пожилых / Л. А. Видясова, И. А. Григорьева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. 19. – № 1. – С. 181–193. EDN: VVCCDP
14. **Вебер, М.** Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / М. Вебер // Экономическая социология. – 2016. – Т. 17. – № 5. – С. 13–29. EDN: XENIVZ
15. **Cockerham, W. C.** Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber / W. C. Cockerham, A. Rütten, T. Abel // The Sociological Quarterly. – 1997. – Vol. 38. – No. 2. – P. 321–342. EDN: HKMABJ
16. **Prohaska, T. R.** Health behavior and the human life cycle / T. R. Prohaska, M. A. Clark // Handbook of Health Behavior Research III: Demography, Development, and Diversity. – Boston : Springer US, 1997. – P. 29–48.
17. **Social dynamics of the life course: Transitions, institutions, and interrelations** / W. R. Heinz, V. W. Marshall (ed.). – Transaction Publishers, 2003. – 306 p.
18. **Surkalim, D. L.** The prevalence of loneliness across 113 countries: systematic review and meta-analysis / D. L. Surkalim // British Medical Journal. – 2022. – Vol. 376. – P. e067068
19. **Parsons, T.** Illness and the role of the physician: a sociological perspective / T. Parsons // American Journal of orthopsychiatry. – 1951. – Vol. 21. – No. 3. – P. 452.
20. **Dannefer, D.** Cumulative advantage / disadvantage and the life course: Cross-fertilizing age and social science theory / D. Dannefer // The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. – 2003. – Vol. 58. – No. 6. – P. S327–S337.
21. **Dupre, M. E.** Educational differences in age-related patterns of disease: reconsidering the cumulative disadvantage and age-as-leveler hypotheses / M. E. Dupre // Journal of health and social behavior. – 2007. – Vol. 48. – No. 1. – P. 1–15.

22. **Lindström, B.** A salutogenic approach to tackling health inequalities / B. Lindström, M. Eriksson // Health assets in a global context: Theory, methods, action. — 2010. — P. 17–39.
23. **Eriksson, M.** Bringing it all together: The salutogenic response to some of the most pertinent public health dilemmas / M. Eriksson, B. Lindström // Health assets in a global context: Theory, methods, action. — 2010. — P. 339–351.
24. **Русинова, Н. Л.** Роль социального неравенства и психологических ресурсов личности в заболеваемости социально значимыми болезнями в России и странах Европы / Н. Л. Русинова, С. И. Бояркина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2019. — № 5. — С. 64–73. DOI: 10.33491 / telescope2019.5-604; EDN: LTPCZE
25. **Ferraro, K. F.** Aging and cumulative inequality: How does inequality get under the skin? / K. F. Ferraro, T. P. Shippee // The Gerontologist. — 2009. — Vol. 49. — No. 3. — P. 333–343.
26. **Theobald, H.** Care for the elderly: Welfare system, professionalisation and the question of inequality / H. Theobald // International Journal of Sociology and Social Policy. — 2003. — Vol. 23. — No. 4 / 5. — P. 159–185.
27. **Pearlin, L. I.** The stress process revisited: Reflections on concepts and their interrelationships / L. I. Pearlin // Handbook of the sociology of mental health. — Boston : Springer US, 1999. — P. 395–415.
28. **McLeod, J. D.** Invisible disabilities and inequality / J. D. McLeod // Social psychology quarterly. — 2023. — Vol. 86. — No. 1. — P. 6–29. DOI: 10.1177 / 01902725231153307; EDN: ULLROE
29. **Щавелева, М. В.** Цели устойчивого развития как индикатор прогресса в здравоохранении / М. В. Щавелева, Н. П. Жукова, Т. Н. Глинская // Здравоохранение. — 2019. — № 8. — С. 11–16. EDN: TOMWVL
30. **Sommers, B. D.** The Affordable Care Act has led to significant gains in health insurance and access to care for young adults / B. D. Sommers // Health affairs. — 2013. — Vol. 32. — No. 1. — P. 165–174.
31. **Sabety, A.** Reducing frictions in health care access: the ActionHealthNYC experiment for undocumented immigrants / A. Sabety, J. Gruber, J. Yu. Bae, R. Sood // American Economic Review: Insights. — 2023. — Vol. 5. — No. 3. — P. 327–346. DOI: 10.1257 / aeri.20220126; EDN: QBSZYJ
32. **Azar, A.** Income, egalitarianism and attitudes towards healthcare policy: A study on public attitudes in 29 countries / A. Azar // Public Health. — 2018. — Vol. 154. — P. 59–69.
33. **Stegeman, I.** Individual responsibility, solidarity and differentiation in healthcare / I. Stegeman // Journal of Medical Ethics. — 2014. — Vol. 40. — No. 11. — P. 770–773.
34. **Вялых, Н. А.** Социальное доверие российского общества к системе здравоохранения: новые смыслы и теоретические основания в период пандемии COVID-19 / Н. А. Вялых // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2022. — № 2(66). — С. 104–111. DOI: 10.52452 / 18115942_2022_2_104; EDN: ONGDUS
35. **Покида, А. Н.** Здоровье в восприятии россиян и реальные медицинские практики / А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская // Здоровье населения и среда обитания. — 2021. — № 7. — С. 19–27. DOI: 10.35627 / 2219-5238 / 2021-29-7-19-27; EDN: CPFUZY
36. **Шарабчиев, Ю. Т.** Оптимизация систем здравоохранения в зеркале философии, экономики и общественного здравоохранения. / Ю. Т. Шарабчиев // Медицинские новости. — 2023. — № 11 (350). — С. 17–24. EDN: IDPQYS

Сведения об авторах:

Галкин Константин Александрович, к.соц.н., старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: kgalkin1989@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6403-6083; РИНЦ SPIN-код: 5000-5986.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-235-248

INDIVIDUAL PERCEPTIONS OF HEALTHCARE INEQUALITIES AMONG OLDER PEOPLE

Konstatin A. Galkin

Sociological Institute of the FCTAS RAS
(25 Krasnoarmeyskaya str., Saint-Petersburg, Russia, 190005)

E-mail: Kgalkin1989@mail.ru

For citation:

Galkin K.A. Individual perceptions of healthcare inequalities among older people. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 235-248. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-235-248 (in Russ.)

Abstract. *The article discusses strategies for perception of inequalities in the healthcare among older residents of large cities and rural areas. The study is based on a multi-level approach to investigation of inequalities, with an emphasis on analyzing the features of everyday perception of inequalities in medical care among urban and rural older people. The research methodology includes conducting semi-structured interviews with older people living in St. Petersburg and rural areas of the Republic of Karelia. Based on the thematic analysis, individual strategies for dealing with the existing inequalities were identified, as well as differences in the ways they are accepted and not accepted within each strategy. The results of the study demonstrate that the greatest differences between urban and rural older people are related to the availability and quality of medical care. It is these aspects that form the main inequalities and cause differences in the lives of older people in urban and rural environments. The highlighted strategies show that rural residents are most characterized by acceptance or a neutral attitude towards the emerging inequalities. At the same time, urban residents are more likely to express disagreement with the quality of medical care, and also seek alternative ways to solve the emerging problems, including those related to their legal regulation. The conducted research shows that when developing measures to improve the healthcare system and minimize medical inequalities, it is important to take into account the individual characteristics and personal attitude of older citizens to the medical care. Of particular importance is the need to develop various criteria for assessing and eliminating inequalities applicable in both urban and rural areas.*

Keywords: older people; healthcare; health; inequalities; rural-urban differences.

References and Internet sources

1. Whitehead M., Dahlgren G. Yevropejskije strategii po preodoleniyu sotsial'nogo neravenstva v otnoshenii zdorov'ya [European strategies for overcoming social inequalities in health]. Kopenhagen: Evropejskoe regional'noe byuro VOZ [Copenhagen. WHO Regional Office for Europe]. 2008. 117 p. (in Russ.)
2. Shkaratan O. I. Sotsial'naya politika v kontekste postsovetsoj ekonomiki (federal'nyj i regional'nyj srezy) [Social policy in the context of the post-Soviet economy (federal and regional sections)]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. 1998. Vol. 7. No.1–2. P. 5–30. (in Russ.)
3. Anderson E. Openness and inequality in developing countries: A review of theory and recent evidence. *World Development*. 2005. Vol. 33. No. 7. P. 1045–1063.
4. Le Grand J. Individual responsibility, health, and health care. *Inequalities in health: Concepts, Measures, and Ethics*. 2013. P. 299–306.
5. Mailly P. Fine wine and ideal theory: the questionable denial of liver transplantation in alcoholics. *Windsor Yearbook of Access to Justice*. 2005. Vol. 23. P. 95.

6. Marchand S., Wikler D. Health inequalities and justice. *Cross-Cultural Perspectives on the (Im) Possibility of Global Bioethics*. Dordrecht. Springer Netherlands. 2002. P. 209–221.
7. Albertsen A. Fresh starts for poor health choices: Should we provide them and who should pay? *Public Health Ethics*. 2016. Vol. 9. No. 1. P. 55–64.
8. Dietrich F. Causal responsibility and rationing in medicine. *Ethical Theory and Moral Practice*. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 113–131.
9. Brown R.C.H. Moral responsibility for (un) healthy behavior. *Journal of Medical Ethics*. 2013. Vol. 39. No. 11. P. 695–698.
10. Persson K. The right perspective on responsibility for ill health. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2013. Vol. 16. No. 3. P. 429–441. DOI: 10.1007/s11019-012-9432-6
11. Marmot M. The health gap: the challenge of an unequal world. *The Lancet*. 2015. Vol. 386. No. 10011. P. 2442–2444.
12. Sen G., Iyer A., Mukherjee C. A methodology to analyse the intersections of social inequalities in health. *Journal of Human Development and Capabilities*. 2009. Vol. 10. No. 3. P. 397–415.
13. Vidasova L.A., Grigoryeva I. A. Rossiya v mezhdunarodnykh indeksakh kachestva zhizni pozhiykh [Russia in the international quality of ageing indexes]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*. [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2016. Vol. 19. No. 1. P. 181–193. (in Russ.)
14. Veber M. Khozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sotsiologii [Economy and society: Essays on interpreting sociology]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. 2016. Vol. 17. No. 5. P. 13–29. (in Russ.)
15. Cockerham W.C., Rütten A., Abel T. Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber. *The Sociological Quarterly*. 1997. Vol. 38. No. 2. P. 321–342.
16. Prohaska T. R., Clark M. A. Health behavior and the human life cycle. *Handbook of Health Behavior Research III: Demography, Development, and Diversity*. Boston, MA. Springer US. 1997. P. 29–48.
17. *Social dynamics of the life course: Transitions, institutions, and interrelations*. Eds. W.R. Heinz, V.W. Marshall. Transaction Publishers. 2003. 306 p.
18. Surkalim D.L. The prevalence of loneliness across 113 countries: systematic review and meta-analysis. *British Medical Journal*. 2022. Vol. 376. P. e067068.
19. Parsons T. Illness and the role of the physician: a sociological perspective. *American Journal of Orthopsychiatry*. 1951. Vol. 21. No. 3. P. 452.
20. Dannefer D. Cumulative advantage/disadvantage and the life course: Cross-fertilizing age and social science theory. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2003. Vol. 58. No. 6. P. S327–S337.
21. Dupre M. E. Educational differences in age-related patterns of disease: reconsidering the cumulative disadvantage and age-as-leveler hypotheses. *Journal of Health and Social Behavior*. 2007. Vol. 48. No. 1. P. 1–15.
22. Lindström B., Eriksson M. A salutogenic approach to tackling health inequalities. *Health Assets in a Global Context: Theory, Methods, Action*. 2010. P. 17–39.
23. Eriksson M., Lindström B. Bringing it all together: The salutogenic response to some of the most pertinent public health dilemmas. *Health Assets in a Global Context: Theory, Methods, Action*. 2010. P. 339–351.
24. Rusinova N. L., Boyarkina S. I. Rol' sotsial'nogo neravenstva i psikhologicheskikh resursov lichnosti v zabolevaemosti sotsial'no znachimymi boleznyami v Rossii i stranakh Yevropy [The role of social inequality and individual psychological resources in the incidence of socially significant diseases in Russia and Europe]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. 2019. No. 5. P. 64–73. DOI: 10.33491/telescope2019.5-604 (in Russ.)
25. Ferraro K. F., Shippee T. P. Aging and cumulative inequality: How does inequality get under the skin? *The Gerontologist*. 2009. Vol. 49. No. 3. P. 333–343.

26. Theobald H. Care for the elderly: Welfare system, professionalisation and the question of inequality. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2003. Vol. 23. No. 4/5. P. 159–185.
27. Pearlin L. I. The stress process revisited: Reflections on concepts and their interrelationships. *Handbook of the Sociology of Mental Health*. Boston, MA. Springer US. 1999. P. 395–415.
28. McLeod J. D. Invisible disabilities and inequality. *Social Psychology Quarterly*. 2023. Vol. 86. No. 1. P. 6–29. DOI: 10.1177/01902725231153307
29. Shchaveleva M. V., Zhukova N. P., Glinskaya T. N. Tseli ustojchivogo razvitiya kak indikator progressa v zdravookhraneni [Sustainable Development Goals progress indicator]. *Zdravookhraneniye (Minsk) [Healthcare (Minsk)]*. 2019. No. 8. P. 11–16. (in Russ.)
30. Sommers B. D., et al. The Affordable Care Act has led to significant gains in health insurance and access to care for young adults. *Health Affairs*. 2013. Vol. 32. No. 1. P. 165–174.
31. Sabety A., Gruber J., Bae J. Yu., Sood P. Reducing frictions in health care access: the ActionHealthNYC experiment for undocumented immigrants. *American Economic Review: Insights*. 2023. Vol. 5. No. 3. P. 327–346. DOI: 10.1257/aeri.20220126
32. Azar A., et al. Income, egalitarianism and attitudes towards healthcare policy: A study on public attitudes in 29 countries. *Public Health*. 2018. Vol. 154. P. 59–69.
33. Stegeman I. Individual responsibility, solidarity and differentiation in healthcare. *Journal of Medical Ethics*. 2014. Vol. 40. No. 11. P. 770–773.
34. Vyalykh N. A. Sotsial'noye doveriye rossijskogo obshchestva k sisteme zdravookhraneniya: novyye smysly i teoreticheskiye osnovaniya v period pandemii COVID-19 [Russian society's social trust toward the healthcare system during the COVID-19 pandemic: new meanings and theoretical foundations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences]*. 2022. No. 2 (66). P. 104–111. (in Russ.)
35. Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. Zdorov'ye v vospriyatii rossiyan i real'nyye meditsinskije praktiki [Health in the perception of Russians and real medical practices]. *Zdorov'ye naseleniya i sreda obitaniya [Public Health and Life Environment]*. 2021. No. 7. P. 19–27. DOI: 10.35627/2219-5238/2021-29-7-19-27 (in Russ.)
36. Sharabchiev Yu. T. Optimizatsiya sistem zdravookhraneniya v zerkale filosofii, ekonomiki i obshchestvennogo zdravookhraneniya. Soobshcheniye 1 [Optimization of healthcare systems in the mirror of philosophy, economics and public health. Message 1]. *Meditsinskije Novosti [Medicine News]*. 2023. No. 11(350). P. 17–24. (in Russ.)

Information about authors:

Galkin Konstantin Aleksandrovitch, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

Contact information: e-mail: kgalkin1989@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6403-6083; Elibrary SPIN-код: 5000–5986.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-249-254

EDN: IROWHX

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»

Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М.Римашевской ФНИСЦ РАН 26–27 июня 2025 г. провёл VII Международную научно-практическую конференцию «Социальная динамика населения и человеческий потенциал». Мероприятие было организовано при поддержке Отделения общественных наук РАН, Центрального экономико-математического института РАН, социологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, Финансового университета при Правительстве РФ, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы, журнала «Региональные проблемы преобразования экономики». В конференции приняли участие учёные и исследователи из 45 субъектов РФ, наиболее представленными были участники из Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Башкортостан, Свердловской области, а также Республики Татарстан, Вологодской, Ростовской и Московской областей. Также в конференции приняли участие учёные из стран СНГ, Италии, Китая и Японии.

Открыл пленарное заседание директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН В.В.Локосов, выступив с докладом «Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски», в котором была проанализирована текущая демографическая ситуация в России, с акцентом на негативных трендах — снижении рождаемости, старении населения, разнонаправленности миграционных потоков. Особое внимание было уделено демографи-

ческим факторам, которые способны усиливать социально-экономические риски, и необходимости расширения адресной социальной поддержки и семейноцентричности демографической политики.

Член-корр. РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН А.Р.Бахтизин в докладе «Агент-ориентированное моделирование для оценки достижимости целей демографической политики» представил методологический подход к моделированию демографических процессов с помощью агент-ориентированных моделей. Эти методики позволяют оценивать последствия различных сценариев демографической политики и адаптировать меры поддержки с учётом поведения разных групп населения. Были представлены данные об оценке мер повышения рождаемости для достижения целевых показателей суммарного коэффициента рождаемости (СКР) 1,6 и 1,8. Подобное потребует существенных бюджетных затрат, которые составят около 2,2% ВВП (4,4 трлн рублей в год). Примерно половина из них пойдёт на прямые выплаты населению, в частности на материнский капитал, требующий увеличения на 75–100% и возрастающий в прогрессии в зависимости от числа детей в семье, а также на стабильные ежемесячные пособия, индексированные с учётом роста цен на базовый потребительский набор. Вторым по значимости направлением обозначены программы льготной ипотеки для молодых семей (бюджетные затраты должны составить примерно 0,9 трлн руб./год), включающие в себя предоставление многодетным семьям жилья в бессрочное пользова-

ние с возможностью последующего льготного выкупа. По 0,6 трлн руб./год потребуется на строительство новых детских садов и яслей, а также на расширение льготы для многодетных семей, в том числе снижение налогов и бесплатное образование. Предусмотрены программы поддержки работающих матерей, расширение программ репродуктивной медицины, а также особое внимание уделяется пропаганде семейных ценностей, требующих от государства дополнительных затрат в объёме не менее 0,5 трлн руб./год. Подобная поддержка хоть и кажется весомой для бюджета страны, но оценивается как необходимая и «подъёмная сумма для инвестиций в будущее». Отмечено, что при стремлении к достижению значения СКР до 1,8 к 2036 г. необходимо не только закрепить данные меры, но и усилить их, чтобы избежать эффекта насыщения, чтобы со временем не снизить их отдачу. Важно, чтобы обозначенные выплаты были не единовременными, а носили регулярный характер.

Академик РАН А.Г. Аганбегян в докладе «О всеобъемлющем оздоровлении населения России: с учётом советского опыта» рассказал о необходимости комплексного оздоровления нации и развитии системы профилактики, медицины и оздоровительных практик. В докладе прозвучал призыв опереться на проверенные механизмы, действовавшие в СССР, включая массовое санитарное просвещение, профилактику, развитие доступной медицины. Среди ключевых трендов развития системы здравоохранения были названы: развитие высокотехнологичной медицины, в частности ядерной медицины, основанной на достижениях атомной науки и генетики; переход от традиционной участковой модели оказания первичной медико-санитарной помощи к персонифицированному, а в перспективе — преимущественно семейному медицинскому обслуживанию; коренное улучшение качества диагностики; активное внедрение цифровых решений и информационных технологий в медицину; создание специализированных медицинских систем для пожилого населения. Та-

ким образом, мировая медицина уверенно движется к новой парадигме, в которой сочетаются технологические прорывы, персонализация подхода к пациенту и системные изменения в организации медицинской помощи, что требует кратного увеличения доли расходов на здравоохранение в структуре ВВП (в странах с передовыми системами здравоохранения этот показатель уже превышает 10%).

Д.физ.-мат.н. Г.Г. Малинецкий выступил с докладом на тему «От имитации к подлинности», в котором представил философский взгляд на необходимость переосмысления подходов к моделированию социальных и демографических процессов. Он предлагал более содержательные модели, приближенные к реальности и ориентированные на результат. Чтобы избежать инерционного сценария развития, стране необходимо опереться на долгосрочную стратегию, основанную на смыслах, ценностях, научном проекте будущего и современных технологиях. Ключевую роль в этом процессе играет образование. Сегодня как никогда важно вернуть науке общественную значимость и привлекательность. Популяризация научных знаний должна начинаться с раннего возраста — уже в школе дети должны не просто изучать научные факты, но и понимать, как работает современная наука, где она применяется и какую роль играет в развитии государства. Это требует пересмотра системы образования: обновления программ, поддержки учителей, развития образовательной инфраструктуры, расширения доступа к современному оборудованию и проектной деятельности и др. Если Россия хочет сохранить целостность, укрепить социальный капитал и выйти на траекторию устойчивого развития, необходима ставка на просвещение, образование и науку — не как формальность, а как стратегическую ценность и основу будущего.

Д.соц.н., президент исследовательского холдинга РОМИР А.В. Милёхин представил доклад «Человекометрия», в котором проанализировал данные эмпирических исследований о поведенческих и ценност-

ных установках россиян, связанных с семьей, потреблением и здоровьем. Сегодня, когда человекоцентричный подход становится доминирующим трендом в управлении, образовании, дизайне и культурной политике, перед научным сообществом встает принципиально новый вызов: как измерять человеческое присутствие? Недостаточно просто провозглашать человека ценностью — нужны инструменты, позволяющие учитывать не только его функции, но и глубинные характеристики: ритм, сопричастность, укорененность, смысловую ёмкость. Ответом на этот вызов может стать концепция «человекометрии» — новая междисциплинарная дисциплина, ориентированная на качественное измерение человека и среды, которая фокусирует своё внимание «на способах описания и картографирования человеческого присутствия в различных типах среды: физической, социальной, творческой». Она формируется на стыке философии, культурной антропологии, визуального анализа и стратегического дизайна. В отличие от традиционных KPI и стандартных индексов, человекометрия предлагает язык, способный отразить уникальный и многослойный человеческий опыт. Это не отказ от метрик, а их переосмысление: от статистики к смыслу, от внешних индикаторов к внутренней соразмерности. В этом контексте, человекометрия — это и диагностика, и навигация, и проектирование. Практически данный подход может быть использован в образовании — для проектирования индивидуальных траекторий; в культурной политике — для выявления скрытых потенциалов территорий; в социальном проектировании — для изучения степени включенности и устойчивости идентичности в сообществах и других сферах и областях. Таким образом, человекометрия становится не просто новой методологией, а гуманитарным ответом на вызовы времени — попыткой вернуть человеку голос, меру и смысл в сложном и быстро меняющемся мире.

Д.филос.н., проф. А.И. Антонов, один из ведущих российских специалистов по социологии семьи и демографии, пред-

ставлял доклад «Тенденции и перспективы демографических процессов и знаний о них». Он дал обзор ключевых изменений в репродуктивном поведении, институциональных формах семьи и демографической науке, подчеркнул, что современные демографические процессы требуют глубокого переосмысления прежних теоретических подходов. В частности, учёный подверг критике классическую теорию демографического перехода, доказав её несостоятельность как универсальной модели линейного развития от «плохого» к «хорошему». Сегодня становится очевидным, что снижение рождаемости в разных странах не всегда связано с улучшением условий жизни и не поддаётся простым интерпретациям. Докладчик отметил, что современная индустриальная экономика не нуждается в рождении детей — ей требуется готовая рабочая сила. В результате функции семьи как производителя человеческого капитала оказались обесценены, а система социальной поддержки сфокусирована лишь на уже рожденных детях. Это создаёт парадокс: от семьи требуется всё больше, но взамен она получает всё меньше. При этом многодетные семьи фактически вынуждены «самозагружаться», жертвуя собственным потреблением ради будущего страны. Один из ключевых выводов: современная социально-экономическая политика в России остаётся депопуляционной, поскольку не решает задачу восстановления мотивации к рождению трёх и более детей. Причём кроется в том числе в отсутствии системной демографической подготовки у лиц, принимающих решения, и в нехватке демографического образования как такового. Необходимо по-новому взглянуть на семью и демографическую политику, отказаться от устаревших моделей и сосредоточиться на разработке семейноцентричной парадигмы, в которой семья будет рассматриваться не как объект регулирования, а как основной субъект воспроизводства общества и его будущего.

Участники конференции смогли принять участие в ряде секций и круглых столов: 1) Репродуктивное поведение и се-

мейно-детный образ жизни (руководитель: А.И. Антонов; соруководитель: С.В. Ляликова). Секция была посвящена вопросам изучения и оценке репродуктивного потенциала российского населения, отслеживанию динамики демографических показателей, анализу трансформации структуры ценностных ориентаций и установок населения, а также выделению наиболее перспективных направлений современной социально-демографической политики; 2) Здоровье населения и его обеспечение (руководитель: И.Б. Назарова; соруководитель: Т.А. Игнатова) — соорганизатор: НИИОЗММ ДЗМ. На данной секции были представлены исследования, посвященные изучению ценности здоровья, оценке факторов, влияющих на здоровье. Была дана оценка мероприятиям и существующим мерам по защите здоровья, а также обсуждались вопросы кадрового обеспечения в системе здравоохранения; 3) Формирование и воспроизводство демографического потенциала (руководитель: Н.Е. Русанова; соруководитель: А.Е. Иванова). Секция была посвящена исследованиям потенциала воспроизводства населения регионов России, была дана оценка возможности снижения смертности и повышения рождаемости, были проанализированы ключевые тенденции миграции населения в соответствии с новыми вызовами; 4) Жилищная политика и рынок жилья: социально-экономические проблемы (руководитель: И.В. Пилипенко; соруководители: С.Г. Стерник, С.Ю. Шаров). На данной секции были рассмотрены перспективные направления повышения жилищной обеспеченности населения и доступности жилья в городской и сельской местности. Были представлены исследования, посвященные изучению актуальных проблем жилищного строительства: возведению многоквартирных домов и индивидуального жилищного строительства, рынку арендного жилья, проблеме аварийного и ветхого жилья, вопросам жилищно-коммунального обслуживания и оплаты населением жилищно-коммунальных услуг; 5) Человеческое развитие, уровень и качество жизни (руково-

дители: С.В. Дохолян, Е.В. Моргунов; соруководители: А.И. Ростовцев, М.А. Вершинина). В рамках секции были представлены результаты исследований социально-экономических проблем человеческого развития; проблем социального и экономического неравенства, обусловленного разными уровнями и качеством жизни; проблем управление уровнем и качеством жизни населения; проблем формирования благосостояния населения в условиях нестабильности; 6) Человеческий потенциал и вызовы современной сферы труда (сомодераторы: О.А. Александрова, А.Г. Тюриков, А.В. Ярашева, Д.А. Кунижева) Соорганизатор: кафедра социологии Финансового университета при Правительстве РФ. В рамках секции обсуждались противоречия современной сферы труда. Лейтмотивом дискуссии стал анализ адаптации россиян разных возрастов и профессий к нынешним и грядущим изменениям в сфере труда, а также изучение трансформации профессиональной ориентации и идентификации россиян, их трудовой этики и моделей трудового поведения; 7) Интеграция искусственного интеллекта в управление человеческими ресурсами (руководитель: Ж.В. Пузанова; соруководители: А.Г. Тертышникова, А.С. Селезнева). Соорганизатор: Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Секция была посвящена обсуждению границ и возможностей интеграции искусственного интеллекта (AI) в управление человеческими ресурсами в условиях рыночной экономики, а также исследованию основных современных тенденций развития и трансформации систем управления человеческими ресурсами под влиянием искусственного интеллекта; 8) Молодёжь в науке: тренды и перспективы решений социально-экономических проблем (руководитель: Е.И. Медведева; соруководители: Ю.И. Алеевская, С.В. Крошили), соорганизатор: НИИОЗММ ДЗМ. Данный круглый стол был организован как площадка для презентации результатов исследований молодых учёных и обучающихся ВУЗов; 9) Круглый стол: «Лучшие практики взаимодействия корпораций с семьями на территориях

присутствия» (сомодераторы: Е. Журавлёва, О. Ручьёва, А. Ковалева), соорганизаторы: экспертный клуб «Семья и корпоративная среда», созданный в 2024 г. по инициативе хаба семейных проектов и программ «Семья 3.0», ESG-клуба «Сколково» и образовательно-консалтингового центра Smart Country («Умная страна»). Данный круглый стол стал площадкой для консолидированного обмена знаниями и опытом представителей научного сообщества, бизнеса и практиков, занимающихся социальными проектами, направленными на развитие семейноцентричных подходов в корпоративной практике.

Подробнее остановимся на описании круглого стола: «На пути к социальной норме многодетности: многообразие семейных стратегий и практик» (модератор: В. М. Карпова; сомодератор: С. В. Ляликова), работу которого открыл д. филос. н. профессор А. И. Антонов. В рамках заседания было представлено уникальное социологическое исследование супружеских пар ЖСС-2024, организованное научно-исследовательским коллективом МГУ имени М. В. Ломоносова и ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Методика предполагала анкетирование обоих супругов, что редко применяется в массовых опросах из-за высокой трудоёмкости. Однако такой подход позволяет выйти за рамки индивидуальных представлений и получить более точное понимание согласованности взглядов внутри семьи. Единица выборочной совокупности — супружеская пара, состоящая в зарегистрированном или не зарегистрированном браке, имеющая в текущем союзе общих детей. Дополнительным критерием отбора респондентов выступил возраст женщины — от 40 до 60 лет, что позволяло провести анализ жизненных стратегий семей, которые уже приблизились к завершению репродуктивного периода и могут провести ретроспективную оценку пережитого опыта. Методология исследования частично восходит к программам, реализованным под руководством А. И. Антонова в 1970-х гг., обеспечивая тем самым преемственность подходов и возможность выявления межпоколенческих изменений в си-

стеме ценностей. Исследование охватило около тысячи респондентов из 40 регионов России, включая Москву, Нижегородскую и Свердловскую области, Республику Башкортостан, Новосибирскую и Тюменскую области, Краснодарский край, Вологодскую область и другие. Авторы исследования выразили благодарность партнёрам, которые обеспечили полевой этап исследования: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Вологодский научный центр РАН, Уфимский университет науки и технологий (группа доцента А. З. Нагимовой), Агентство маркетинговых исследований 4N (ООО «ФОРЭН»), Исследовательская компания Ngray, Центр маркетинговых исследований «Амадеус». Отметим ряд интересных результатов.

При анализе сквозных мотивов к рождению ребёнка любой очередности была обнаружена высокая степень воздействия психологических мотивов по сравнению с социальными и экономическими. В то же время с рождением каждого последующего ребёнка влияние психологических мотивов начинает постепенно снижаться, так как фактически ряд психологических потребностей индивида (например, решение проблемы одиночества или заботы в старости и др.) может быть обеспечено рождением единственного ребёнка. Социальные мотивы остаются относительно стабильными между первым и вторым ребёнком (отличия не значимы), но теряют влияние при переходе к третьему ребёнку, что соответствует социальной норме двухдетности. В то же время экономические мотивы демонстрируют постепенный рост значимости от первого к третьему ребёнку, но даже тогда остаются в 1,5 раза менее значимыми, чем психологические. Интересным фактом стало то, что появление первого и третьего ребёнка чаще связано с менее жёстким внутрисемейным контролем. Первый рождается при наличии даже минимальных условий и выраженной потребности иметь детей. Вторым ребёнком чаще оказывается результатом рационального выбора, соответствующего модели «двое детей». А появление третьего,

как правило, свидетельствует об отсутствии ограничений на число детей в семье, открывая путь и к четвёртому ребёнку.

Оценивая различные препятствия на пути к рождению большого числа детей в семье, респонденты чаще всего ссылались на стремление обеспечить надлежащее воспитание и развитие уже имеющихся детей, возрастные ограничения, а также на нестабильность в жизни и негативную политическую ситуацию в стране. Респонденты с двумя детьми чаще называли отсутствие желания заводить ещё одного ребёнка по сравнению с многодетными семьями (в среднем 2,9 балла против 2,0 у родителей с тремя и более детьми). Кроме того, женщины демонстрировали более высокую чувствительность к этому фактору по сравнению с мужчинами (2,8 против 2,5 балла соответственно). Одним из значимых барьеров для женщин было отсутствие человека, которому можно доверить маленького ребёнка (2,7 балла у женщин против 2,4 у мужчин). Родители с тремя и более детьми чаще подчёркивали важность таких факторов, как ухудшение финансового положения, жилищные трудности, постоянную усталость из-за большой нагрузки домашними делами и нехватку свободного времени. Эти обстоятельства становились для них серьёзным ограничением на пути к возможному увеличению числа детей в семье. Женщины также чаще, чем мужчины, указывали на проблемы с собственным здоровьем

как на весомое препятствие для последующих рождений. Кроме того, был зафиксирован контраст в восприятии рисков между сельскими и городскими жителями, например, опасения по поводу рождения ребёнка с врождёнными патологиями значимо чаще высказывались жителями мегаполисов. Подробнее с результатами исследования ЖСС-2024 можно ознакомиться на портале «Истина МГУ».

Конференция в целом стала масштабной научной площадкой, объединившей специалистов в области демографии, экономики, социологии и медицины. Участники обсудили ключевые вызовы современности: снижение рождаемости, старение населения, изменение семейных моделей, рост числа разводов и трансформацию миграционных потоков. Полученные данные и прозвучавшие аналитические выводы способны лечь в основу новых решений в сфере семейной и демографической политики.

Материал подготовили:

Карпова В. М.,
к.соц.н., ведущий
научный сотрудник
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;

Ляликова С. В.,
научный сотрудник
ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно представляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объем материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилию автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИNC AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnoveniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangelsk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косоного креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °C, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решения редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»»: 79183
ISSN 1561-7785